
АЛЕКСАНДР РЕКЕМЧУК

★

ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ И ШЕСТЬ

Роман

1

Ведерный чайник красной меди дышал паром. Его принесла официантка Валя, поставила на общий стол — пейте на здоровье — и удалилась, вечер, все.

А вечер пылал на этой надраенной меди сильным лучом незашедшего солнца, бившим косо в остекленный передний салон парохода «Тютчев».

— И не зайдет, — то ли пообещал, то ли объяснил Улитин, отхлебывая горячего из кружки. — Только спрячется до половины — и опять вверх. Белые ночи, друг мой, да, белые ночи...

— Я знаю, — ответил ему Алексей, задетый покровительственным тоном. — Я знаю, что такое белые ночи. Ведь я ленинградец.

— А говорил — из Москвы.

— Еду из Москвы, — подтвердил Алексей Рыжов. — Но сам я питерский, точнее — Кронштадт.

— Да? — удивился сосед.

Однако солнце тотчас скрылось, потому что пароход описал крутую дугу по излучине реки, оно ушло за корму, и теперь в ясных стеклах был лишь вычегодский плес, гладкий, как зеркало, без единой рябинки, к ночи унялся ветер. И небо было совсем чистым, оно при закате не розовело, а наливалось жемчужным светом.

Алексей зачарованно, не моргая смотрел на этот свет.

Ему и впрямь были не в диковину белые ночи на исходе июня, он их насмотрелся вдоволь. И не само дальнейшее путешествие, не эти неожиданные повороты речного русла, не открытия за ними волновали его.

Может быть, и странно и нелепо, но более всего остального изумлял его сам пароход «Тютчев», на котором он плыл сейчас. Свежо окрашенный белыми к началу навигации (краска еще не пожухла, не облупилась, не истерлась о причалы), с широкими цельными стеклами в рамах, со всею ухоженной чистотой палуб и кают — он явился как бы из прошлого, давно минувшего, из довоенных беспечных времен. Его колесный ход и «яти» на служебных табличках подсказывали даже, что «Тютчев» был спущен на воду еще до революции, где-нибудь на сормовских или балтийских верфях, проплавал, прошлепал три десятка лет, а будто новый: ведь они, пароходы, долговечны потому, что работают свою работу от паводка до ледостава, от и до, а тяжкие и суровые зимы коротают в укромных затонах. И вот так же, сомнений нет, он скоротал в покое четыре военных зимы, а четыре военных лета ходил по расписанию как ни в чем не бывало по здешним плавным рекам, по этим тихим местам, где не видали войны воо-

чию — не знали ни бомбежек, ни воздушных тревог, ни затемнений. Четыре военных лета — и еще два лета, уже мирных, после войны.

— Месяц назад, когда я в отпуск ехал, — заговорил снова Улитин, — тут черемуха цвела, оба берега — будто в пене. Там, в Крыму, в Ореанде, конечно, цветенье пороскошной, поярче, но и здесь красота.

— А у нас в Карлсхорсте весной сирени какие — боже мой! — отозвалась вздохом женщина с громоздким валиком волос над низким лбом. — Махровые, не задичали еще...

Муж ее, армейский капитан с планкой в пять орденских ленточек, сидевший рядом, оторвал от кружки рот и кольнул взглядом сбоку — она умолкла тотчас.

Но Улитин успел зацепиться за оброненное слово:

— Из Германии, значит? В родные места, домой?

— Никак нет, — ответил капитан. — Я курский, она пензенская. Едем по предписанию. Назначен в горвоенкомат. Капитан Илюхин.. Пойди, мать, взгляни, как там Ванька.

Мать послушно встала и направилась к двери, шагая по-козьи, враскоряк, на очень высоких и толстых пробковых каблуках.

— Но едем оттуда, — подтвердил он. — Ваньке нашему полтора годика, там и родился, в Берлине, в самом логове. — Покачал головой сокрушенно. — Ну будет человеку паспорт!

— Ничего, — утешил Улитин. — Ведь дата, дата — сорок пятый?

— Так точно, сорок пятый. Уже на сносях брали.

Дверь опять отворилась, и в салон вошел высокий, поджарых статей мужчина в залезанных сединах, которые отнюдь не старили его — потому и трудно было сразу примериться к возрасту, — подбородок его надменно вскинут, глаза безошибочно зорки: сел на свободный, никем еще не занятый стул, а не на тот, что согрела отлучившаяся капитанская жена.

— Добрый вечер, — кивнул всем.

Налил чаю, вытащил из кармана пиджака пеструю торбочку, растянул шнурок и вытряхнул на столешницу горстку медово-прозрачных скрученных жгутиков. Подумал, двинул от себя к середине:

— Угощайтесь, товарищи.

Товарищи медлили, созерцали.

— Что, невидаль? — Он усмехнулся лукаво и располагающе. — Это кавун-кок, сушеная дыня. Очень вкусно, очень сладко. В Средней Азии, можно сказать, тем всю войну и спасались — сушеной дыней... Да берите же, берите!

Улитин протянул руку, сильно волосатевшую от пальцев к запястью, взял, положил в рот.

— Да, вкусно, — согласился сразу.

Алексей пожевал сладкий вязкий жгутик и тоже нашел его вкусным, хотя припомнился ему в этой сладости уже подзабытый эвакуационный душок серой свекольной паренки, которой тоже спасались люди в других, не южных краях.

— Извините за прямоту вопроса, — сказал Улитин, — но чистый и здоровый интерес: к нам держите путь, надолго ль?

— Секрета нет. Я приглашен главным режиссером драматического театра. Да. А надолго ль...

Он усмехнулся вновь: мол, кто может знать в этом мире — надолго ль.

Улитин поднялся, протянул руку.

— Позвольте представиться: Улитин Семен Ильич, редактор газеты «Северная звезда»... Контакт нам не избежать: будем рецензировать, будем хвалить, покритикуем, если надо, ведь так?

— Вот за этим, уверен, дело не станет — покритиковать, — мягко отшутился владелец сушеной дыни, но тоже встал, пожал протянутую руку, назвал: — Станиславский.

Алексей с интересом вскинул взгляд.

Улитин поерзал на стуле, преодолевая жгучее любопытство, однако не превозмог:

— Извините еще... вы не родственник?

По лицу того скользнула гримаса усталого раздражения, дернулся кадык на шее, и от него взбежало к бровям, как извив молнии, но снизу вверх, и грома не последовало: можно было догадаться, что человек извелся за всю свою жизнь этим неизбежным и проклятым вопросом, задаваемым всеми, кто ни попадись ему на пути, извелся и поневоле притерпелся.

— Даже не однофамилец, — ответил холодно. — Все же он Алексеев, Алексеев, а не Станиславский! Станиславский — его театраль- ный псевдоним, всего лишь, в а м не мешало бы знать. А я — от рож- дения, настоящий, понимаете?

Притерпелся, да не совсем. Морщины на лбу продолжали ходить ходуном, брови нервно играли, и губы обиженно поджались куриной гузкой.

Он задернул шнурок своей торбочки, сунул в карман, встал, обро- нил на ходу:

— Спокойной ночи.

— Да, пора на боковую, — сказал Улитин в некоторой сконфу- женности, оглянулся на белую ночь. — Свет не свет, а спать надо. Доб- рой ночи, капитан. Пойдемте, Алеша.

Они занимали на «Тютчеве» каюту первого класса, два места.

Под окном, забранном деревянной решеткой, мерно шлепали по воде плиты пароходного колеса.

Семен Ильич скинул дырчатые курортные сандалии, потянул с ног носки — ноги его тоже были густо волосаты, будто валенки.

— Сколько вам лет, Алексей?

— Девятнадцать. В декабре будет двадцать.

— Значит, ленинградец. Блокадник?

Алексей поудобней устроил голову на подушке, подушка была тощей, пустой, затылок уперся в стенку, он взбил, подоткнул с углов.

— Нет, меня вывезли. Вернулся в сорок четвертом.

— Комсомолец?

— Да. — Усмехнулся про себя и добавил: — Не участвовал, не со- стоял, не привлекался.

Но сосед, не почуяв дерзости или намеренно оставив ее без вни- мания, сказал вполне серьезно:

— Это хорошо.

Грузно опрокинулся на постель, вздохнул. Но тотчас приподнял- ся на локте. Даже в сумраке были отчетливы его внимательные, тем- ные, как ягоды, близкие к переносице глаза.

— Значит, сказки?

— Не сказки, а сказы, — поправил Алексей, все больше тяготясь спросом.

— Думаете, есть?

Он промолчал: он не знал, есть ли, затем ведь и ехал, чтобы вы- яснить, чтобы знать.

— А вот и есть, — вдруг обрадовался сам Улитин, шлепнув себя ладошкой по лбу. — Мы в газете печатали: стишки такие — нараспев, народные. Про войну, «злые враги...». Да-да, вот это я точно помню, что там не «враги», а «вороги».

Иначе и быть не могло.

— На Печоре записано, я и это помню, а вот как звать старуш- ку, какая фамилия, сейчас не могу вспомнить, надо заглянуть в под- шивки... Нет, вспомнил! Матрена Сидорова, Троицкий Посад. А запись сделал Матвей Кузьмич Малафеев, директор Дома народного твор- чества, тебе не мешало бы с ним встретиться...

«Матрена Сидорова, — зарубил себе Алексей. — Малафеев Матвей Кузьмич». С ним не только не мешало, а было необходимо встретиться,

об этом предупредили в институте: всю летнюю практику следовало отбыть под присмотром местных домов народного творчества, там же надо было отметить дату прибытия и дату убытия. И еще в институте намекнули, что в этих местных домах народного творчества водятся изрядные и нетраченные денежки — не на что тратить, лежат лежмя, потом идут на списание,— и вот из этих нетраченных денег, намекнули в институте, можно ухватить толику, кому сколько удастся, на дорожные расходы, на круженье по весям, на хлеб с молоком, за постой и ночлеги, наконец, за сами фольклорные записи, ведь они очень сгодятся местным заботникам народного творчества в оправдание их забот,— короче говоря, из тех жирных касс надо было вымолить добавку к предельно тощим суммам, которыми сам институт снабдил практикантов.

Тем более что уже на первых порах своего путешествия Алексей понес непредвиденные и необдуманые издержки.

Взять хотя бы дорогую каюту первого класса, а перед тем мягкий вагон поезда — как вышло?

Он не запасся заранее билетом на поезд, а просто приехал на Ярославский вокзал за час до отправления, сунулся в кассу — билетов нет. «Берите на завтрашний поезд, тоже кончатся», — сказала тетка в окошке. Потерять целые сутки! Он до того закручинился, стоя около кассы, что сердобольная тетка в окошке пожалела его, посоветовала: «Езжайте до Александрова без места, всего сто километров, а там должна быть свободная броня». Он так и сделал, купил пригородный картонный билетик. В Александрове поезд стоял пятнадцать минут, он ринулся на станцию. Да, свободная броня была, билеты были — но только в мягкий вагон, исключительно в мягкий, цена страшная. Что ж, пришлось платить — не загорать же в Александрове, на сотом километре от Москвы!

В комфортабельном мягком вагоне пассажиров было раз-два — и обчелся. скука. В коридорчике у открытого окошка, куда залетал сладкий паровозный дым, Алексея разговорил одышливый и тучный человек в полосатой пижаме, едущий домой из отпуска: о себе поначалу не шибко распространялся, напуская тем самым значительность, а вот Алексея выпрашивал дотошно и не скупился на советы. «Печора? Туда есть три пути. От Котласа по Северной Двине пароходом до Архангельска, а там... Можно, разумеется, и поездом: в Котласе пересесть, доехать до Кожвы... Но лучше всего от Котласа вверх по Вычегде пароходом... Поверьте, мой друг, начинать всегда следует со столицы. Я еду именно туда».

«Хороша столица,— подумал Алексей,— к которой даже нет железной дороги».

А Котлас, где пересекались все реки и пути, где, как понял Алексей Рыжов, ему в любом случае надобилась пересадка, а уж там — во все стороны света, Котлас оказался серым и пыльным, но суматошным и бранчливым городишком, цыганским табором: на станции цыгане, на улицах цыгане, на базаре цыгане, гадают, воруют, поют и пляшут.

Однако с пристани открывался глазам торжественно-тихий и невозмутимый простор: синие реки утекали в зеленые леса, а по рекам плыли пароходы.

Выяснилось, что через два часа «Тютчев» уходит вверх по Вычегде, и Алексей, свободный в своем выборе, как витязь на распутье, решил: туда ему и дорога, быть посему.

У билетной кассы он вновь столкнулся нос к носу со своим недавним знакомцем, попутчиком, пассажиром мягкого вагона. «Будьте любезны, первый класс», — сказал тот кассирше, протягивая ворох денег. Алексея задел за живое этот барственный тон, в душе его закипело боренье самолюбия и вынужденной скарденности, пыла и рассудка, но самолюбие одолело, он выгреб из кармана половину

оставшихся денег и приказал громко, чтоб тот услышал: «Первый класс».

Улитин захрапел внезапно и яростно, без подхода.

Сказы, а не сказки.

В конце первого курса определилось, что летняя практика будет именно такова: сказы.

Ехать собирались группами и поодиночке, в вольный поиск. Он предпочел одиночество. Можно было самому выбирать направление, и он почти наобум избрал для себя удел исканий — Печора. С этим охотно согласились, утвердили.

Тогда же он решил испросить напутствия у профессора Шамшина.

Павел Петрович Шамшин преподавал на первом курсе Библиотечного института древнерусскую литературу. Он был известным фольклористом, учеником знаменитого Миллера и противником знаменитого Мюллера. Давным-давно, еще до революции, приват-доцентом, он прочел в императорском Московском университете нашумевший цикл лекций по народной словесности. За ним и теперь оставались часы в университете, но именно в Библиотечном институте Павел Петрович обрел тихую и, вероятно, последнюю пристань: он был очень стар, очень дряхл.

Во вступительной лекции он привел в веселое ликование даже робких первокурсников, объявив, что сейчас надиктует все необходимое — запишите в тетрадки, — что высказано по данному вопросу Марксом, Энгельсом и Луначарским, а уж потом, сказал профессор Шамшин, я буду излагать материал о б ы ч н о.

Как нередко случается с матерыми специалистами в своей научной области, Павел Петрович задержался надолго в круге устного народного творчества и медлил с обращением к письменным памятникам — при этом он то и дело срывался на полемику, на грозный спор с давно поверженными или просто отошедшими в мир иной оппонентами, сердясь, он чуть повышал свой немощный и надтреснутый голос, с губ летела нечаянная слюна, кисти рук в узлах и пятнышках вскидывались протестующе, — но вот он понемногу унимался, затухал, голос делался монотонным от слабости, от истощанности, бубнящим невнятно и глухо.

Поначалу студенты еще задирали его. Старик говорил: «...по сути, до сороковых годов научного познания народной словесности в России не было...» — его прерывали вопросом: «Извините, профессор, сороковых какого века?» Он моргал озадаченно, пояснял: «Не этого, конечно, а прошлого, сударь, девятнадцатого, да!» Он продолжал: «Чистым, без примеси русского славянофила считали быт допетровский и к петербургскому периоду относились враждебно...» — его спрашивали: «Павел Петрович, а почему допетровский, почему петербургский? Ведь вся эта пакость — и немцы и театры — началась с Алексея Михайловича, с Москвы...»

Потом и это надоело. Студенты откровенно скучали, рисовали чертиков, кидали записочки сомлевшим от тоски студенткам, которых в Библиотечном институте было подавляющее, устрашающее большинство, — Павел Петрович замечал, видел это, но не пытался или же не умел взорвать скуку никакими иными средствами, кроме смысла, кроме того, что он говорил.

Равным образом он замечал, наверное, внимательный и слушающий взгляд студента в третьем ряду — юноши отнюдь не смурного, не книжного бескровного червя, в глазах которого его слова явно находили отклик.

Однако Алексей Рыжов не из чрезмерного прилежания, не из по добострастия был так внимателен: им владело любопытство и его по-прежнему, как в детстве, тянуло к с к а з к е.

После успешного экзамена, расхрабравшись, он сказал профессо-

ру Шамшину, что хотел бы проконсультироваться по поводу предстоящей летней практики. Павел Петрович кивнул одобрительно и вроде бы даже польщенно.

В назначенный день и час Алексей отыскал незнакомый ему до-селе переулок — близ самого центра, а вот поищи его,— вошел в подъезд старинного шестизэтажного дома. Взбегая по мраморным ступенькам, он увидел: парадная лестница была отделена стеклянной, со множеством выбитых шибок стенкой от другой лестницы, черной, впрямь закоптелой до черноты, а за этой черной лестницей были окна в темный и мусорный двор; дневной свет проникал сюда, к мрамору и добротным перилам, сквозь черный ход, и все, обычно спрятанное от чужих глаз, здесь было наружу — так вздумалось, так захотелось безвестному зодчему, так его осенило.

Алексею открыла встрепанная женщина, оглядела быстро, определила, что студент — не ошиблась,— указала на ближнюю дверь.

Он постучал.

— Войдите! — послышался голос Павла Петровича.

Большая квадратная комната была сплошь в книгах. Книги плотными рядами стояли в шкафах, лежали поверх шкафов, громоздились на подоконниках, на стульях, стопы книг, перевязанных бечевками, заполнили углы и подступали от углов к середине. Но от этих книг, ощутил Алексей, веяло не покоем умудренности, не степенностью, а, наоборот, непокоем, всполошенной вокзальной сутолокой. Было заметно, что они, эти книги, потревожены, стронуты с места не столь давно, они еще не устоялись на новом месте, не притерлись друг к дружке, но и, заметил Алексей, что не вчера, не позавчера: слой непуганой пыли лежал на них.

Узкая тропочка меж этих книг вела к письменному столу и небурной тахте, к креслу, в котором сидел профессор Шамшин, и к креслу, которое он предложил гостю:

— Садитесь, милости прошу... — Он протянул испятнанную свою, легкую, как перышко, руку, обвел стены и книги сокрушенным взглядом, сказал извиняющимся тоном: — Вот.

Алексей не знал, как реагировать ему на хозяйское извинение и в чем, в чем оно, смущенно откашлялся.

— Вот,— повторил Павел Петрович.— А там жильцы. До войны вся квартира была моей. Моя и Софьи Ивановны, покойницы, все три комнаты. А в войну нас уплотнили, подселили жильцов, в них бомба попала — Песочный переулок. Сначала четверых, но одного взяли на фронт, не вернулся, а потом еще двое приселились, прописались, родственники из Тулы, я возражал, но мне сказали — крупный завод. Родили двойню, теперь их уже семеро, жильцов. А я остался один, Софья Ивановна, жена, царствие ей небесное... — Он перекрестился украдкой.— Ну, война, с нею не поспоришь, на то и война, чтоб не роптать. Но ведь война кончилась? — С надеждой заглянул в глаза Алексею, переспросил тихо: — Кончилась?

— Да, кончилась,— подтвердил он.— Два года как кончилась.

— Два года,— поспешил согласиться Павел Петрович.— А они все живут, все живут. Жильцы. Что с ними делать?

Смешавшись вовсе и не зная, что ответить, как утешить, чем помочь, Алексей снова кашлянул в кулак.

Будто бы он опять увидел с чинной парадной лестницы черную лестницу, которой положено быть сокрытой от глаз, а она тут, наружу.

— Стало быть, вы...

— Летняя практика, профессор,— на всякий случай подсказал Алексей.

— Так-так. И куда же вы собрались, коллега? В какие дальние края?

— На Печору.

— На Печору, на Печору...— призадумался профессор, оглаживая седые космочки, росшие над самыми ушами и на затылке обтянутой вялой кожей головы.— А это хорошо — на Печору! Там еще мало кто бывал. Подвинье, Обонежье, Кемь, Вологда — все это изъезжено, искожено, выслушано, записано, переписано, переврано, да-да...

Он заметно оживился.

— А на Печору вы Колумбом явитесь! Даже завидую: мечтал и я когда-то добраться до тех глухومانей, но в молодости так и не собрался, потом, после революций, там шально было, а потом... Что потом? — с некоторым удивлением переспросил сам себя Павел Петрович. Сам же и ответил: — Суета сует — вот что потом. Да-с, молодой человек, суета сует. А за нею — уж тут как тут — и старость. Вам не понять, как это близко... Теперь — никуда.

Алексею было очень трудно представить себе профессора Шамшина, кружащегося в суете сует,— он представлялся лишь таким, сидящим в ветхом кресле, загордившимся рядами и стопами пропыленных книг, он никак не представлялся молодым, а только старым, как сейчас.

Но глаза Павла Петровича все яснили, освежались нахлынувшей памятью:

— «...в поганьские человеки, еже зовут югра и печера, иде же живут чудь и самоедь...»,— процитировал наизусть с удовольствием, как стих.— Это из жития Дмитрия Прилуцкого, позднее, четырнадцатый век, а ведь было и раньше. Поганьские-то поганьские, а новгородцы оттуда, с Печоры, вместе с данью невест вывозили. Да и возвращались половинными ватагами: оседали на Печоре, женились, а как Иван Третий покорил Новгород — бежали туда, к воле...

Павел Петрович, зачем-то оглянувшись на дверь комнаты, склонился к Алексею, зашептал:

— А два века спустя побежали туда несметно со всей Руси: и раскольники, и стрельцы, и мужики крепостные, и казаки... Но вот заметьте: никониане преследовали раскол, старообрядцев, а наиболее гонимы были — кто? — певцы, скоморохи, поэты, батенька! Они уходили в леса, к морю, в скиты... Вы представляете, что там должно сохраниться, на Печоре? Старинные книги, притом рукописные, ранние списки, а может быть — и неизвестные вовсе. Грамоты, письма. Иконы бесценные, утварь, одежды... А песни?

Старик дышал надсадно, взволнованно.

— Ведь тех краев, слава богу, никто не достигал: ни татары, ни ляхи, ни немцы — никто! И ученый люд не больно-то совался, не нашкодил еще... Вы представляете?

— Да,— обрадовался Алексей, почуяв запах удачи.— Там должны быть и сказители, непременно.

— Что? Как вы сказали? — напрягся вдруг в мгновенном отчуждении Павел Петрович.— Вы сказали — искажители?

— Я сказал — сказители... сказительницы, ну, в общем...— растерянно пробормотал Алексей.

— Вот-вот! — Профессор Шамшин поднял остерегающий палец.— А ведь я предупредил, я говорил вам на лекциях: это неверная и даже вредная форма — сказители, сказители-искажители, хотя она и общеупотребительна. Нужно говорить: ска-за-тели, ска-за-тельницы. Этим подчеркивается неоднократность исполнения, даже — профессионализм. Сравните: спасатель и спаситель. Спасатель — на лодочной станции, матрос, он спасает тонущих людей, это его профессия. А спаситель — в этом слове совершенно отчетлива однократность. Христос-спаситель... Храм Христа Спасителя. Помните, на Волхонке? Его взорвали. Там что-то другое ладилось строить.

— Я не видел,— сказал Алексей.— Я не москвич, я из Ленинграда, точнее — Кронштадт.

— Не имеет значения. Я говорю о слове. Спаситель... смертью смерть поправ... Вы ощущаете разницу?

Алексей отвел взгляд.

В узком проеме окна чуть наискосок был виден дом причудливого облика, похожий на боярский, а то и царский терем: витые столбы, надбровья арок, крыльцо с шатром, зазорный шпиль, на котором разве что недоставало петуха — все это в камне, — а по фасаду надпись: «Российская ссудная казна».

Им овладело странное чувство, схожее с голодным обмороком: будто, изъятый из настоящего времени, он перенесся в прошлое, прошедшее, давно прошедшее время, в котором никогда не был. Где цари и бояре раздавали подавания из российской ссудной казны, где приват-доценты толковали о Христе-спасителе — будто бы его переместили во времени невероятно далеко, по крайней мере лет за тридцать назад, из которых на его собственную жизнь приходилось неполных двадцать. Кошмарное, пугающее чувство.

Он мотнул головой, избавляясь от этого морока.

— Вы ощущаете разницу? — продолжал издали Павел Петрович, вероятно не заметивший мига отсутствия своего собеседника. — Спаситель и спасатель, сказитель и сказатель...

В коридоре оглушительно рухнула на пол жесть, ведро или лопух, слышались бранчливые голоса.

Морок исчез.

— Жильцы. — Губы профессора Шамшина искривились страдальчески. — Жильцы...

Капризная настойчивость, с которой он повторял это слово, и мудреная словесная игра, которой они только что занимались, подсказали Алексею сходные пары: жильцы — не жильцы, жилец — не жилец... Он понял, что в уме старого хозяина большой квартиры такая связка еще не возникала или же он гнал ее и она маячила в отдаленье, но для всех остальных, для новых и шумных обитателей, она давно уже сделалась непреложной истиной, о которой просто помалкивают, дожидаясь.

— Ну ладно, давайте вашу зачетку, — вздохнув, сказал Павел Петрович.

— Нет, спасибо... спасибо, профессор. Ведь я уже сдал вам экзамен, на прошлой неделе. Мне достались Четьи-Минеи.

Он так и не успел объяснить, что задание летней практики было несколько иное: записывать надлежало не старины, а новины.

Тут были и свои трудности, о которых студентов предупредили заранее, был свой риск. В минувшем сезоне один практикант нашел на Мезени старушку-вопленицу, слагавшую сказы на старый лад, но на сегодняшние темы, очень актуально, — он хотел уж было записывать, как вдруг оказалось, что эта старушка в свое время окончила вологодскую гимназию и была сама настолько грамотна, что настрочила на него вдогон в институт пространную кляузу, будто он пытался лишить ее куска хлеба на склоне лет... И еще надо было строго и с разбором подходить к тематике новин: например, вопли двадцатых и тридцатых годов надлежало рассматривать не как новины, а как старины. В институте сказали прямо, что новое — это уже послевоенный период, хотя он только-только начался. Однако о самой войне пока еще тоже годилось — с Германией и с Японией, — и в том была надежда Алексея...

Простясь, он выпел тем же переулком на улицу Горького, к льям и пушкам Музея революции.

... Был июнь, самое начало июня. А именно было 5 июня 1947 года — Алексей запомнил это число, как запомнили, наверное, многие люди, бывшие в тот день в Москве, и вот почему.

Весна выдалась хорошей, дружной, яркой. К началу июня деревья

выгнали полный лист, и эта листва лишь юной свежестью и юной нежностью своей напоминала о ранней поре лета. Молодая травка махрилась под стенами зданий, била изо всех щелей асфальта, тщиалась приподнять чугунные решетки у подножий деревьев.

И вдруг полдненное горячее солнце кануло в хмарь. Метнулись белые мухи, которые Алексей сначала принял за тополиный пух, но этот пух, эти мухи зависли густым роем, холодом коснулись щек, все вокруг запуржило-запуржило, занавесилось кутерьмой метели. Снег остудил раскаленные крыши и гладко лег на них. Листья сникли под тяжелыми хлопьями. И черный Пушкин в зеленых потеках окисленной бронзы, стоявший в приподнятом устье Тверского бульвара, весь побелел, каждая складка его одеяния опушилась снегом, и снежная шапка укрыла понурую голову.

Дохнуло зимой.

Он опять испытал то странное и пугающее обморочное чувство, что и полчаса назад, — чувство возврата в прошлое, давно прошедшее, а сейчас в минувшую зиму, как в сон, где ты летаешь перепончатокрылым.

Но все это было недолго.

Солнце опять появилось в небе, омытое, еще более жгучее.

По крышам стремительно распозлались проталины. Под ногами зачавкала серая кашица и дальше побежала водой. Повеселел мокрый с головы до ног, блестящий Пушкин. Белая пена срывалась на землю с листьев, оставляя на них мокрый глянец, они распрямлялись, искрились, роняли капли — большие и прозрачные, как слезы счастья.

Алексей пригладил сырые волосы, отер платком лицо, хохотнул.

Теперь ему показалось, что снег был не из прошлого, не из минувшей зимы, а из будущего, из грядущей и скорой его встречи с Севером, — он счел это добрым знаком.

Вывело из сна ощущение неподвижности — стоим.

Еще не разомкнув век, успел подивиться: а с каких пор, давно ли человек приспособился безмятежно и сладко спать в движении, в пути, когда ход не свой, а казенный, не отзываясь пробуждением ни на рытвины дороги, ни на качку моря, ни на стукотень вагонных колес и крутые заносы, а как только движение кончилось — тут и сон долой.

Открыл глаза.

Пароход стоял, едва колеблемый волной, и солнечные зайчики, отраженные зыбью, проникали сквозь планки сгавня, скользили по потолку и углам.

Улитин тоже проснулся, вероятно минутой раньше, вглядывался в щелку: что там?

На палубах и крыше громыхали сапоги, с капитанского мостика доносился гневливый мат.

— Сели, — сокрушенно покачал головой Семен Ильич. — Сидим на мели... Хотя, — в заспанных его глазах мелькнуло рассуждение, — хотя какие же мели в июне? Вода в реке полая, фарватер широкий... Нет, вряд ли. Надо разузнать.

Он подобрал живот, влез в брюки, застегнул ремешки сандалий.

Алексей тоже оделся и вышел следом.

«Тютчев» приткнулся к правому низкому берегу, отороченному шелковистой молодой осокой, уже зачаленный к пню — тут и намек не было на пристань.

Поодаль от береговой кромки возвышались штабеля сосновых, осиновых и березовых стволов мерной длины, без сучьев, а за ними росли живые березы, прихотливо изогнутые, раскудрявые, веселые. Только березы, чистый березняк, из чего можно было заключить, что

лес тут изводили не у самой реки, а в некотором отдаленье, где были и сосна, и осина, и та же береза, и оттуда, из глубинки, подвозили к берегу.

У самого борта в узком, отливающим смолю челне сидел, суша весла, усатый старик с облупившимся носом, курил сигарку, безразлично внимая капитанской речи.

— Так вашу растак, злодеи, дезертиры труда! — орал капитан. — Ну-ка беги, зови кого ни есть, пускай мне на глаза покажутся!

— И не побегу, — отвечал старик. — И не дозовешься, сколь ни кричи. У них в селе престольный — Прокопия Устюжского. Разве ж докличешься людей в престольный праздник?

— Про-ко-пия? — багровел от ярости капитан. — И матери его Хныхны?

— Зачем ругаешься? Прокопий Устюжский, юродивый, хороший был святой. При чем тут мать?

— Так праздник, поди, на воскресенье попал? А нынче у нас что с утра — пятница, а? Пятница...

— И-и, — лишь отмахнулся старик в лодке, — кто же престольный праздник одним днем гуляет? К другому бы хоть воскресенью проморгались — и то добро. Будто сам не знаешь, будто сам не свой.

— Я-то свой. А пароходы чьи? Ведь пароходы идут вверх и вниз — навигация! А ты-то чей, разве не на службе? Гриб поганый, пьянь соловая, враг народа! — крайней мерой разразился капитан.

Но уж этого старик не вытерпел: кинул в воду сигарку, туда же плюнул, ухватился за весла и стал загребать одним, огибая борт парохода.

— Не смеешь попрекать, — сказал на прощанье. — Я сам и не прокопьевский даже, а никольский, из другого села. И службу свою как бакены соблюдаю — бакены у меня в порядке. Так что иди ты...

Лодка скрылась из виду.

Улитин и Алексей поднялись на верхнюю палубу, к капитанской рубке. Там уже был знакомый им сосед по первому классу, армейский капитан Илюхин, слушавший объяснения капитана парохода:

— ...должны были нарезать дрова, распилить на чурбаки, загрузить на судно. По договору, у пароходства договор с сельсоветом. И вот гляди — ни души, ни рожки. И лес не распилен. А у меня всего девять матросов, из них три бабы. Если сейчас начнут пилить и таскать — до вечера, до поздней ночи проваландаемся тут, никак не менее. Из расписания почти на сутки выбьемся... Понимаешь, капитан?

— Погоди, капитан. Это, конечно, не дело — сутки долой. — Илюхин нахмурился, сбил фуражку козырьком на нос, почесал в затылке. — Это, конечно, не дело... А пилы у тебя есть, капитан?

— Пилы-то есть, пилить некому.

— Хватит пил у тебя?

— Чего доброго, а пил хватит.

— Ну что ж, — коротко вздохнул Илюхин и посадил фуражку прямо, — пойду скомандную боевую тревогу: наверх вы, товарищи, все по местам... Иду.

— Не скомандуешь, — покачал головой капитан. — Времечко теперь другое, не война. То в войну бывало — наверх вы, товарищи... Так в войну и прокопьевские никаких престольных праздников не помнили! — Опять забагровел от гнева.

— Ладно, посмотрим, — сказал капитан Илюхин. — Кидай все сходни. Вели, чтоб тащили пилы... Иду.

— Интересно. — Семен Ильич подмигнул Алексею. — Интересно очень. Нет, ты погоди пока... Слушай, я вчера забыл тебя спросить: а как же ты будешь эти сказки записывать? Аппарата у тебя, вижу, нет...

— Я немного стенографирую.

— Ах вот оно что. **Курсы?**

— Нет, тетка в Москве, у которой живу, моя родная тетка — она стенографистка, очень хорошая — научила.

— Ах вот оно что, — повторил Улитин.

Между тем со всех палуб, из пассажирских трюмов, из всех трех классов парохода «Тютчев» потянулся к трапам народ. В большинстве солдаты, кто в погонах, а кто без погон, по чистой демобилизации: эти быстрее других скумекали, о чем их вежливо попросил, к чему призвал их капитан Илюхин, едущий, как и они, из Германии и других вызволенных стран.

Вышли и мужчины постарше, не сильно изувеченные с виду, ранее вернувшиеся с фронтов. Вышли женщины во вдовьих глухих платках и пасмурные, огрубевшие лицом, никого не дождавшиеся невесты. Вышли подростки тщедушного телосложения, молчаливые недокормыши военной поры, привыкшие не спрашивать, нужны ли, потому что знали, что нужны.

— Теперь пойдём. — Улитин тронул плечо Алексея. — Пойдём и мы.

Силком и криком никто никого, конечно, не гнал. Многие сошли на берег просто для радости: поразмять ноги, притоптать зеленую траву, надышаться досыта запахами листвы и хвои, насладиться глаза синевою небес.

Но радость радостью, а с парохода уже несли поперечные, крупного зуба, двуручные пилы — и стало ясно, что досужего прохладного гулянья не предвидится, запрягайся в работу, лень не лень, охота ль неохота, здоровье или нездоровье, смех или плач, а суй безропотно шею в хомут, запрягайся в работу всем миром, как научила война.

Еще минуту назад совсем незнакомые, безразлично и отчужденно глядевшие друг на друга люди вдруг делались знакомыми — тебе рукоять и мне рукоять, — и теперь уже в их глазах возникала обоюдность, согретая не только самой работой — врзали, пошли, давай ходче, — но и общностью воспоминаний.

Алексею и Семену Ильичу скатили со штабеля осиноый гладкий кряж. Они пристроили его на две опоры, на два комля, как на козлы, чтоб не зажимало в середине. Пила вошла в дерево как в масло, фонтанчиком брызнули розоватые сырые опилки. Чурбак отвалился вроде бы сам собой. Его тотчас же подхватили, передали с рук на руки, и дальше он пошел по рукам, по цепочке, к пароходу. А они уже допиливали другой, взялись за третий, близясь к концу.

Но следом им подбросили березовую лесину, жесткую, суковатую. Зубья пилы с трудом перегрызали кольца, спотыкались, будто напоротившись внутри на гвоздь, скрежетали вхолостую, опять выходили на плоть — вот это уже была взаправдашняя работенка, а не баловство с осиноой.

Семен Ильич, задохнувшись, придержал пилу и повел в сторону колючим неприязненным взглядом, пробормотал:

— Станиславский, видишь ли.

Алексей оглянулся.

Невдали от них берегом степенно шагал, заложив руки за спину, Настоящий Станиславский. Голова его была гордо вскинута. Но нельзя было даже упрекнуть, что он открыто и преднамеренно демонстрировал свое барство или что он вовсе не замечал работающих вокруг людей, их сноровистых хлопот и дружного их копошенья. Наоборот, отмерив несколько длинных шагов, он вдруг останавливался, круто поворачивался, подпирал кулаком задумчивый подбородок и вглядывался пристально, исподлобья в эту живую картину бескорыстного труда, как будто запечатлевал ее, эту сцену, во всем общем размахе и во всех частных деталях. Затем шел дальше.

— Станиславский, понимаешь ли, Немирович-Данченко... — продолжал ворчать Семен Ильич. — А там, в Средней Азии, где он раньше работал, скорей всего поперли в загривок. Уж поверь мне, да-да.

К нам сюда за так не приезжают.— Он быстрым языком обежал пересохшие губы, и в глазах его на мгновение мелькнула досада, что сболтнул лишнее. Однако повторил убежденно: — Поперли — факт.

— Постановление? — наемкнул Алексей, имея в виду недавнее постановление о репертуаре драматических театров, даже у них в институте его обсуждали на открытом партийном собрании, он был, слушал.

— Постановление? — воздел брови Улитин.— На такую фитиольку — постановление? Нет, брат, постановления — это по тузам, по личностям. Хотя, конечно, могло и откликнуться — в местном масштабе, по мелюзге. А скорей всего, я тебе скажу... — Он подумал, но передумал. — Нет, не скажу. Сейчас не скажу — через год скажу, запомни.

Но тут он опять и уже злее подосадовал на себя за неуместную болтливость, нахмурился, низко согнулся над безработной пилой. — Давай.

Они потащили ее опять взад-вперед.

Алексей усмехнулся в душе этому посулу: через год. Где и каким образом смогут они встретиться через год с Семеном Ильичом Улитиным, редактором провинциальной газеты, случайным соседом по каюте? Неужто он с той же провинциальной простотой в конце долгого пути вынет записную книжечку и попросит московский-ленинградский адресок, номер телефона?

За березовой лесинной им досталась сосна, толстая, мясистая, коры на три пальца, и они ее разделявали уже спокойней, без дерганья, постепенно и ровно углубляясь.

Вокруг кипел спорый труд. Звенели, пели, шли в азартный обгон пилы. Штабеля бревен оседали: взглянешь — ниже, а еще через пяток минут вскинешь взгляд — еще ниже, тает на глазах. Но еще достаточно, порядочно.

За спиною Алексея с легким уханьем перебрасывали поспевающие отовсюду чурбаки — с рук на руки, по цепочке. И в рабочей запарке казалось, что все слышней долетает сюда гуденье пароходной топки, все внятней ее нестерпимый жар, — дым столбом уходил в небо из трубы «Гютчева».

— Постой, не могу...

Семен Ильич устало выпрямился, расстегнул пуговицу на рубашке, морщась, начал растирать волосатую черную грудь слева, под вислой титькой.

— Порок сердца, не лечится ни черта... — объяснил грустно.— Из-за этого и не воевал, признали негодным. Всю войну тут в газете... Ну а твои — отец, мать? Где?

— Отец погиб в сорок первом. Был комиссаром на Балтфлоте.

— Так-так.

— Мать работает в Смольном.

— Так-так... в Смольном?

— Да. Инструктором в партучете.

— Вот, значит, как.

Семен Ильич смотрел на него с нескрываемым и жадным интересом.

Пила, врезанная до половины в бревно, была сейчас неподвижна, по ней сползали тоненькие сопельки живицы и, мутнея, застывали.

Алексей предположил, что напарник просто тянет время за этими ненужными расспросами, чтоб отдохнуть, побережь сердце, однако тот сказал:

— Знаешь, я ведь тоже ленинградский, но давно, очень давно.

Темные печальные глаза Улитина внезапно просияли, залучились. Он замахал рукой, глядя мимо него.

— Клара! Клара, девочка!.. — закричал. — Иди сюда, к нам! Да иди же, чего стесняешься?..

Алексей обернулся.

К ним приближалась, не слишком торопясь, ступая легко, но достойно, вынося носок перед другим носком, девушка лет девятнадцати — он прежде всего догадался, что они одногодки, — в ситцевом платье, цветом и пестротой досконально повторяющем, как маскхалат, цвета и пестроту прибрежного июньского травостоя. Она была изящна, тонка в талии, но плечи ситцевого платья, согласно моде щедро подложенные ватой, были широки и лихо вздернуты на манер чапаевской бурки, они ломали, скрадывали прелестную соразмерность ее тела — он и об этом сразу догадался, — но какая же дурочка восстанет против моды. Зато гибкая шея вырывалась стрелой из этих подложных плеч. Темно-русые ее волосы — как струны и будто на колки — были стянуты к затылку, сплетены там в тугую косу, а коса скручена плотным калачом. Эти волосы не затрагивали, оставляли на воле маленькие уши, и одно из них — это сразу заметил Алексей — было оттопырено чуть больше другого, как у взбалмошного щенка, услышавшего звук.

Они уже стояли близко друг против друга в неловком молчании, Алексей глянул на Семена Ильича — ну что же? — и увидел, что губы того расплылись в розовый кисель, а глаза заволоклись, замаслились: стало ясно, что бабник.

— Знакомьтесь, — сказал Улитин. — Это Клара Истомина, солистка народного хора, из нашей филармонии — о, какой у нее голос!

— Семен Ильич! — взмолилась девушка.

— Да... А это — Алексей, студент из Москвы. Вот едем-едем, говорим, а фамилию и позабыл спросить. Как ваша фамилия, Алеша?

— Рыжов, — сказал он ей.

Она протянула руку.

— Вот и ладно, — одобрил Улитин. — Кларочка, детка, знаешь что? Допили-ка ты за меня, прихватило сердце, — он снова почесался под рубашкой, — с ним вместе, молодые оба, ну?

— Конечно же, — согласилась тотчас Клара.

И по тому, как хватко взялась она за рукоять, оперлась другою рукой и расставила ноги в упор, как склонилась привычно и готовно, он догадался и об этом тоже: что ей не в диковину такое дело, знает эту работу, эту каторгу, намытарилась за войну, за детство, ведь они сверстники.

Улитин, отойдя уже на несколько шагов, обернулся — как бы оценивая издали, что за пара, как бы соединяя их, — сказал:

— Да, Кларочка... Обедать будешь с нами. Отчалим — ты и приходи, хорошо?

— Я не знаю, — пожала она громоздкими плечами. — Ведь я во втором классе еду, у нас там свое.

— Пусть. А ты приходи к нам. Обязательно. Слышишь?

— Спасибо вам за приглашение. Только я не знаю. — Улыбнулась. — Я подумаю еще.

— Вот и правильно. Подумай, поломайся — и приходи, — заключил Улитин.

Они принялись допиливать сосновый кряж. Девушка была в свежей силе, зная, заспалась, припоздала к всеобщей страде и теперь желала наверстать, а у Алексея прибыло новых сил. Но вначале даже показалось, что и сил не нужно: так легко, сама собой ходила ходунком пила меж ними, весело, играючи, то вытягивая руку на себя, то толчком сгибая ее в локте. Шло движение от нее к нему, от него к ней, попеременное слаженное качанье, их макушки сблизились почти вплотную, и ловилось встречное дыхание, увлеченное посапыванье.

Ах, они были молодцы. Едва кончалось одно — срывалось жалов пустоту, дрогнув, отваливался набок телесный срез, — как они зачинали опять, не переждав ни мига, войдя в раж и страсть, торопясь неумно, подзадоривая, испытывая, не щадя друг друга.

Только раз у них возникла заминка — это когда Алексей заглянул сверху в вырез ее платья, чтобы проверить, не от той же ли моды, не от ваты, там вздымается столь пышно, а она, почуяв этот взгляд, вскинула ресницы, смутилась, потупилась, щеки полохнули румянцем, но там было вовсе не из ваты, а свое, прирожденное — чего бы не гордиться? — и она опять подняла глаза, полные отчаянной смелости.

К обеденному часу все изголодались до такой степени, что и позабыли радоваться бодрому ходу поршней, доносящемуся из машинного зала сюда, в салон, не обращали внимания на виды, вновь поплывшие мимо окон, а следили с нетерпением, как официантка Валя выкраивает ножницами талоны из хлебных карточек.

— Вам триста? Триста хлеба, вам тоже триста... Блюда пойдут без карточек. Есть коммерческий спирт — будете заказывать?

— Пожалуй, закажу — сто грамм, боевые, наркомовские, министерские теперь, — в предвкушении шевельнул ноздрями капитан Илюхин. — Нет, ей не надо.

Семен Ильич, все еще мусоля украдкой свою натруженную титку, долго обдумывал предложение, колебался, но в конце концов изрек:

— Была не была, сто... Вам заказать, Алеша?

Алексей, одарив его косвенным уничижительным движением бровей — а мы сами не нищие, — заказал:

— Мне сто пятьдесят.

— Ого! — подивился Улитин. — Это не водка, спирт.

— Сто пятьдесят, — ледяным светским тоном повторил он.

— Нет, благодарю. Не занимаюсь, — брезгливо вытянул губу Станиславский. — А хлеб у вас какой — белый, черный? Мне бы только белого, хорошо пропеченного.

— Попролам будет. Пропечем, — посулила официантка Валя, пересчитала талоны, взяла из буфета графин и мензурку, ушла.

— До чего же все это надоело — карточки, талоны, литер А, литер Б... — пожаловался неизвестно кому Станиславский. — Два года уж как нет войны, а все то же — карточки, талоны! Бред.

Алексей испытал острое желание схамить ему, так, без причины, ведь и он не питал особой любви к этим карточкам-талонам, но схамить захотелось очень, едва сдержался, еле превозмог.

— Видите ли... — рассудительно заговорил Семен Ильич. — Прошлым летом я тоже отдыхал в Крыму, в Ореанде, возвращался домой в эту же пору, в конце июня. Ехал по Таврии, пересек Украину, дальше Белгород, Курщина, вплоть до самой Москвы — и все было выжжено словно пожаром, будто еще одна война прокатилась: такая страшная засуха, такая беда. Божье наказание, талдычили старухи, — а за что, мало горя?.. Стихии слепы.

Впервые за время, что провел он подле своего случайного попутчика, Алексею легла на слух и на душу речь Улитина, он, признаться, даже не предполагал, что этот человек умеет найти такой склад и такую весомость слов, проникновенность интонации, — но ведь он работает в газете, сам пишет и других учит писать, редактирует, на то и редактор, как же иначе?

— А сейчас я проехал тем же путем, — продолжил Семен Ильич, и в тоне его появилось торжество. — Солнышко, дождь в окошке, опять солнышко, опять дождь. Крым, Приднепровье, дальше Россия — Черноземье, Нечерноземье. Повсюду хлеба в рост, густые, сильные. Картошка в цвету, подсолнухи стеной, бахчи богатые, в лугах трава, гуляет сытый скот... Вы понимаете, куда я клоню? — Улитин помахал хлебной карточкой. — Не бывает ничего из ничего, всему свой срок!

Он хорошо говорил и, похоже, был сам этим доволен.

— Что ж, поглядим, — умиротворился режиссер.

— А у нас в Карлсхорсте...

Это попыталась войти в застольную беседу жена капитана Илюхина, но смолкла, остановленная строгим взглядом мужа.

— Что-что? — заинтересовался Семен Ильич.

— Она хочет сказать, что в Германии, — перевел капитан Илюхин, — в Берлине, то есть в нашем секторе, и во всей зоне, я имею в виду советскую зону, с хлебом было нормально. И с хлебом и с приварком. Я имею в виду не войска, в войсках всегда порядок, я имею в виду немцев, население — получали в норме. Видите ли что. Это в нашей зоне кормились нормально, а в трех других — голод. У американцев, англичан, французов голод, безработица и это... как бы сказать...

— Проститутки там, — сказала жена.

— Помолчи. Так вот, значит, а передвижение свободное, почти свободное. В Берлине из сектора на трамвае можно. На эсбанае, на метро, хоть пешком. И вот что на деле получается: вместо одного рта — четыре сразу, еще из других зон.

Официантка Валя, толкнув коленом дверь, внесла на подносе тарелки с хлебом, каждому отдельно, и графин. Поставила, отмерила мензуркой в граненые стаканы. Разложила вилки-ложки, удалилась.

Станиславский отломил нетерпеливо корочку от своего ломтя, пожевал, вслушался, опять пожаловался:

— Черт, привык я в Средней Азии к лепешкам, к пресному хлебу — они тесто на воде замешивают, без дрожжей, чудо — и вот никак не могу войти в прежний вкус...

— Это ничего, — успокоил Семен Ильич, — войдете, пока доедем.

Дверь салона снова приоткрылась, и в нее просунулась голова в венце темно-русой косы — Клара Истомина, она всего-то и успела, что переплести да уложить по-новому косу, платье на ней было то же.

— Кларочка, дитя! — с завидной легкостью грузного человека взвился Улитин. — К нам, к нам, вот и славно, что пришла... Прошу любить и жаловать: Клара Истомина, певица, солистка, талант, соловей наш!

Он выдвинул стул и усадил ее рядом с собою.

Алексей этим вполне удовлетворился, потому что теперь она сидела за столом прямо напротив него и было удобно ее разглядывать.

Улитин вполне по-хозяйски достал из буфета еще один стакан и отлил ей чуток из своего, непригубленного.

— Спасибо, — не стала жеманиться Клара.

— Ну расскажи, расскажи. Экзамены сдала, поступила? — Семен Ильич объяснил всем присутствующим: — Она ездила в Москву поступать в консерваторию... Как успехи?

— Успехи мои хорошие, Семен Ильич, — ответила ему Клара. — Москву повидала, в Мавзолее была, в Большой театр попала, в парке трофейная выставка — тоже была. Впервые в жизни все. Я ведь и паровоз впервые в жизни увидела. Вот... А в консерваторию меня не приняли.

— Почему? — округлил глаза Улитин. — Плохо спела? Ты?..

— Спела я хорошо. А на диктанте срезалась — пара.

— Пара... Как же умудрилась?

— Ошибки. Каверзный очень диктант. В одном слове — две ошибки. Написала «венигрет».

— Ах вот оно что... Погоди, а надо как?

— А как надо? — задорно переспросила Клара, обедавая взглядом сидящих за столом. — Вот вы, Семен Ильич, редактор, газету выпускаете — а как надо?

— Положим, у меня для этого есть корректоры, зарплату полу-

чают,— прихмурился, скрывая смущение, Улитин.— Ну а что скажет на сей счет филолог?

«Два «е»? — лихорадочно соображал Алексей.— Два «и»? Экая глупость, ерунда...»

— Да что вы, в самом деле! — раздраженно вмешался в спор Станиславский.— Ведь это от французского *le vinaigre* — уксус... значит, «винегрет» — «ви», «ви», это так просто, уксус...

«Ну да,— вспомнил Алексей,— конечно...» Ведь он учил французский и в школе и в институте.

Снова отлетела к стене торкнутая коленом дверь. Официантка Валя внесла большую эмалированную миску и водрузила ее на среднюю столу.

И все, кто был за этим столом, покатались с хохоту.

В миске кроваво и мятежно рдела свекла, сияла солнышком морковь, сверкала слюдяными блестками квашеная капуста, рыхлилась омытая постным маслом картошка, издали вышибал слезу крупно нарезанный репчатый лук, а вот запаха уксуса почему-то вовсе не чувствовалось — но то был знакомый и знатный, незатейливый и роскошный, вселенский и всепогодный винегрет, пища богов и студентов.

Валя, озадаченная и даже оскорбленная непонятным ей беспричинным хохотом пассажиров первого класса, сказала сердито:

— Еще уха будет, из трески. На второе тоже треска, жареная. А мяса на этом пути не будет, так что как хотите.

— Хотим! — воскликнул Семен Ильич, подняв стакан.— Хотим... За здоровье милых дам: за ваше, Валечка, за твое, Кларочка, за ваше, фрау Илюхина... Пьем!

Алексея потряс, как удар в дыхало, глоток чистого спирта. Но и другие пили, не разводя, не мешая с водой,— храбро отпила и Клара — значит, так и положено пить в здешних высоких широтах.

Все заметно оживились, даже Станиславский, который не пил, но тем не менее определенно захмелел — видно, огненная влага проняла его на расстоянии, по индукции, что ли.

Он наклонился через стол к Кларе Истоминой и, ткнув пальцем в батальное крошево винегрета, спросил въедливо:

— Значит, вы считаете, что срезались на этом?

— На диктанте,— подтвердила Клара.

— А что вы пели на экзамене? Ведь вы, надо полагать... народница?

— Да, я в народном хоре. А в Москве я пела Рахманинова, романс.

— Кого?..

Станиславский смотрел на нее с брезгливой жалостью, как на убогонькую.

— Рахманинова,— повторила Клара и, не пряча дерзости, пошла открыто: — А вы думаете, что по мне один Будашкин?

— Нет, почему же, почему же...

Станиславский тотчас спасовал, откинулся назад к спинке стула и подпер кулаком задумчивый подбородок — этот его жест Алексей запомнил еще по утренней сцене на берегу, когда все пилили бревна, а он запечатлевал,— но в глазах режиссера по-прежнему сквозила насмешка.

— Уж поверьте мне, что не из-за этого,— сказал он значительно.— Не из-за винегрета. Н-не верю!

— А из-за чего? — громыхнув по тарелке вилок, потребовал ясности Алексей Рыжов.

Голова у него кружилась. Она так быстро кружилась вокруг собственной оси, как заводная юла, что сама скорость вращения скрадывалась, обретая новую неподвижность, и все сидящие за этим обеденным столом напротив и сбоку не замечали вращения, им казалось, что все на своем месте — глаза, нос, рот,— что они у него не на затылке, а где надо, и только он один чувствовал, как вращается.

Он считал, что настало время заступиться за бедную девушку, которую тут, за столом, обижали безнаказанно.

Ему вдруг очень захотелось вмазать этому надменному типу, который разъезжал по периферии, обманывая людей, дурача простаков, выдавая себя за Настоящего Станиславского.

Еще он ощутил желание вмазать заодно своему соседу по каюте Семену Ильичу Улитину, чтобы тот не трогал своими маслянистыми липучими глазами молоденьких девиц, старый хрен, однако Улитин сидел сейчас смиренно и даже не смотрел на Клару, а смотрел как раз на него, Алексея, с пытливым, хотя и вежливым любопытством, и уже за это ему следовало вмазать.

Капитана Илюхина он решил пока не трогать.

— Из-за чего? — продолжал требовать ясности Алексей. — Извольте объяснить — вот вы, вы...

Но тут официантка Валя принесла тарелки с жареной треской, гарнир — картошка.

И перетрусивший Станиславский поспешил воспользоваться этим, замаять назревающий застольный инцидент, уйти таким образом от ответа на вопрос и заслуженного избиения.

Он нагнулся к своей тарелке, понюхал, упоенно шевеля ноздрями, воскликнул театральным голосом:

— Лабардан!.. Л-лабардан! — Обратился к Алексею мягко и миролюбиво: — А вы знаете, что этот знаменитый лабардан в «Ревизоре» — обыкновенная треска всего-навсего?

— Ну да? — усомнился Алексей, он помнил «Ревизора» еще по школьным недалеким годам.

— Ей право.

— Треска у нас на Севере продукт наиважнейший, как хлеб, — сказал Семен Ильич. — Ловят-то ее далеко, в морях-океанах, а считается едой здешней, исконной.

— Тресцёцкий не поесь, друзоцек, — не поработаешь! — поцокала смешным печорским говорком Клара Истомина. И, строго нахмурив брови, приказала Алексею: — Ну-ка ешь.

После обеда он проспал в каюте часа три и вышел на палубу продуть мозги, когда уже за вечерело.

Плотный холодный ветер летел навстречу, срезая гребни волн и добрасывая пригоршни брызг даже сюда, наверх, мелкой моросью, как веснушками, осыпая лицо.

Клару обнаружил на корме одну-одинешеньку, зябко обхватившую ладонями голые локти: она смотрела, как разбегаются от торопливых колес парохода косые пенные борозды врозь, каждая к своему берегу.

Алексей стянул с себя кожаную куртку, заношенную, отцовскую еще, и заботливо укрыл ею спину девушки, она кивнула благодарно, не оглядываясь.

Тогда он поцеловал ее в затылок и обнял, она не воспротивилась.

— Истомина, почему ты Истомина?

— А у нас вся деревня Истомины. Лентяи, значит, лежебоки.

— Клара, а почему ты Клара?

— Отец с матерью решили. В честь Клары Цветкин, была такая революционерка, старуха, бу-бу.

Засмеялись, глядя друг на друга близко, поцеловались — долго и всласть, губы у нее были крупные и спелые, а плечи, он ощутил, были прекрасно покаты и гладки под ватными эполетами, а грудь ее была полна и упруга.

— Пусти, увидят — светло кругом.

— Никого нет.

— Да пусти же... — Она вырвалась, задыхаясь. — Ну зачем?

Он не нашелся, что ответить.

Но она уже спрашивала о другом, вполне деловито:

— Послушай, чего он ко мне за столом вязался — этот седой, жила эта, — что ему до моего экзамена, до Рахманинова? Чем ему Рахманинов поперек?

— Контрик.

— Кто?

— Рахманинов. А про этого я еще не знаю, просто гад.

Клара испуганно вскинула брови:

— Как же так... ведь Рахманинов.

— Он был против революции, — объяснил Алексей. — За границу деру дал.

— Как же так... — закручинилась она.

Ему стало жалко ее, и он поспешил хоть немного успокоить:

— Но потом он вел себя прилично. Особенно во время войны: выступал с концертами по всей Америке, а деньги — в фонд обороны, на госпитали. Так что...

— Какой войны? — спросила Клара.

— Как это какой? Ну этой, которая сейчас была. Он ведь и умер не так давно — сразу после Сталинграда, когда домолотили окружение.

— Господи... а я-то думала — сто лет назад.

Алексей усмехнулся, оценив все свои преимущества перед нею, опять стиснул ее плечи, оба плеча одной рукой, а другою рукой пошел по гибкой талии вниз и вниз, а губами впивался в ее рот, будто упырь.

Она обмякала в его объятиях, под его поцелуями, но вдруг вскинулась резко и враждебно:

— Ого... Да ты что? Набаловали вас, мальчишек, солдатки. Вразумили... Отстань.

Он отстал, отодвинулся, нахохлился обиженно.

— Хочешь, я спою тебе, Алеша?

Теперь она перед ним виноватилась и старалась утешить, задобрить его.

Алексей не ответил, хочет ли, а она пусть поет, если так уж самой захотелось..

Клара вытянулась всею статью, ладонями позади оперлась о поручень как о крышку рояля, запела.

Услышав первые звуки, он прежде всего с высокомерным презрением подумал об Улитине, как тот распинался нынче: соловей, мол, наш соловей, соловушка... Предел тугоухости, дремучего и стыдного невежества. Разве это соловьиный голос? Нет и нет. Это был совершенно другой голос: бархатистый и низкий, меццо-сопрано, ах, с каких низин и к каким высотам взлетает звук, она поет в полный голос, не стесняясь и не хоронясь, все равно никого вокруг нет, да и невозможно тут петь вполголоса, потому что ветер срывает прямо с уст едва возникший звук и уносит его прочь, — она стала спиной к ветру, но тот успеваешь обежать шею, коснуться щек и опять сорвать звук, как поцелуй, беда с этим ветром.

Поутру, на заре, по росистой траве я пойду свежим утром дышать; и в душистую сень, где теснится сирень, я пойду свое счастье искать...

А ведь он должен был предположить, что у нее именно такой голос: под стать ее богатой груди — теперь он с уважением смотрел на эту поющую и вздыхающую грудь, — под стать ее гладким и округлым плечам, прямым и сильным волосам, сходящимся струнами в тугой узел косы, глазам цвета гречишного меда, или сосновой смолы, или янтара — глаза ее были глубоки и прозрачны, как голос: высоты и бездны.

В жизни счастье одно мне найти суждено, и то счастье в сире-

ни живет; на зеленых ветвях, на душистых кистях мое бедное счастье цветет...

Ее бедное счастье. Невеликое счастье этой деревенской девочки, провинциалки, хористки, народницы, размечтавшейся о столице, о консерватории, о славе — и вот пожалуйста, срезавшейся на обычном диктанте, возвращающейся домой ни с чем, пой на корме старого колесного парохода, даже послушать некому, кроме ветра и вот этого паренька-мальчишки, соображающего — как бы.

Алексею было понятно и близко ее бедное счастье, ее несчастье, неудача ее — он и сам испытал не столь давно некоторое разочарование в жизни, познал горький вкус неудачи и тоже всячески старался упрятать это подальше и понадежней от чужих догадливых глаз, — и тут они были с нею, пожалуй, ровня.

Но когда они пилили дрова поперечной пилой — тебе, мне — и когда он мял ее в объятиях здесь, у палубных перил, — тогда это равенство чувствовалось определенной и уверенней: ты да я, тебе да мне, нам обоим.

А когда она пела — вот как поет она сейчас, гордо вскинув подбородок и вся приподымаясь на вздохе, как на крыльях, — тогда в ней появлялось что-то недоступное и величавое, не для него, не по нем, тем более что он уже ясно понял, что она хорошо поет и что голос у нее редкий.

Движимый чувством равенства — лишь этим естественным и праведным чувством, — он опять цепко обхватил ее, заткнул ее поющий рот губами.

Она замотала головой, будто тонула, и уже нахлебалась воды, и опять напоследок, теряя силы, высунулась наружу испить последний глоток воздуха — простонала:

— Да не мучь ты меня! Дурак...

Сошвырнула с плеч его кожанку и ушла быстрым шагом.

К исходу третьих суток пароход «Тютчев» дошлепывал рейс.

Семен Ильич, откинув матрац, спустил свой чемодан, перебрал в нем до мелочи, утрамбовал курортное барахло, защелкнул замки, натянул поверх чемодана белый саван, обшитый синей тесьмой, и тщательно, как ширинку, застегнул его на все пуговицы.

Сел, отдуваясь. На нем был серый коверкотовый костюм, дырчатые сандалии на ногах, а голову украшала мягкая белая войлочная шляпа с бахромой — кавказская, хотя он ехал из Крыма, — и Алексей определил, что в этой лохматой шляпе и пижонском коверкотовом костюме, с отросшей щетиной на подбородке, вислым носом и черными маслянистыми глазами он похож на знатного чаевода, точь-в-точь.

Сам он, Алексей, давно был собран.

— Послушайте... — сказал Семен Ильич.

Алексей за время пути уже свыкся с тем, что его сосед то и дело независимо от темы и предмета разговора, от погоды и времени дня, независимо от внешних обстоятельств, есть кто рядом или нет, независимо даже от настроения, а просто как захочется, как будет угодно повернуться языку, обращался к нему то на «ты», то на «вы», но сейчас официальность обращения была подчеркнута несомненно.

— Послушайте, Рыжов... Вы вольны как угодно распорядиться своей практикой, дело хозяйское. Несколько дружеских советов я вам уже дал, пользуйтесь за спасибо.

— Спасибо, — кивнул Алексей.

— Но теперь я хочу вам дать еще один совет. Верней, это даже не совет, а предложение... Я пригляделся к вам, не скрою, вы меня заинтересовали. По-моему, вы человек способный, достаточно мыслящий для своего возраста, речь у вас развита — значит, писать сможете...

— Спасибо, но это уже не совет, а целая характеристика. А у вас ее никто не запрашивал.

— Ну, положим,— без особой обиды стерпел его хамоватый тон Семен Ильич.— Однако вы пропустили мимо ушей другое: не характеристика, не совет, а предложение — я делаю вам предложение, Рыжов.

— Какое? — Алексей отвалился к стенке, ногу закинул на ногу, а руки засунул в карманы. Его все более потешал этот неожиданный разговор, затеянный случайным попутчиком на последних верстах пути. Но он решил делать вид, что слушает всерьез.— Какое предложение?

— А вот... Мне нужны люди в редакции. Понимаете, мы выходим пять раз в неделю, четыре полосы формата «Правды» — я имею в виду газету,— а работать некому, во всех отделах недобор, да и писать-то, признаться, не каждый мастак, раз-два — и обчелся... Очень трудно делать номера, заполняем их тассовским материалом, но за это, можете догадаться, нас крепко шерстят против шерсти.

— О-о,— посочувствовал Алексей.

— Трудности эти, конечно, временные. Многих журналистов еще держит армия. Но ведь идет демобилизация, армейские редакции расформируются, людей будет направлять в местную печать. Москва обещала. Может быть, уже едут.— Улитин оживился.— Может быть, на этом же пароходе, где мы с вами, кто-то едет в город, в редакцию, но мы не знаем друг друга: он еще не знает, что я его начальник, а я и не подозреваю, что это мой подчиненный, а? — Рассмеялся, довольный.

Алексей вежливо прихихикнул и сказал:

— Все это очень интересно. Но, извините, при чем здесь я? Вы обмолвились о каком-то предложении...

— Совершенно верно. Притом я ничуть не обмолвился. Я предлагаю вам отработать практику у меня в редакции. Весь срок, сколько там положено — месяц, полтора? Ну вот, полтора месяца... Значит, на полтора месяца я зачислю вас на зарплату: ставка восемьсот тридцать, это немного, но вы будете получать гонорар, а гонорар у нас очень и очень приличный, даже не расходует полностью, остается на каждом номере, опять-таки из-за нехватки материалов...

Семен Ильич вздохнул горестно, вспомнив об этих неизрасходованных, уплывающих безвозвратно живых деньгах.

— Кроме того — командировки. Все расходы берет на себя редакция: проезд, суточные, квартирные и так далее...

— И вы пошлете меня на Печору?

— На Печору? — переспросил Улитин, словно он впервые услышал о том, что Алексею нужно именно на Печору.— Ах да... Что ж, поезжайте на Печору. Я пошлю вас куда угодно. Расстояния нас не пугают, были бы охотники. Чем дальше, чем глуше — тем лучше для газеты.

— И вы будете печатать сказы? — доверчиво и преданно заглянул Алексей в ясные глаза Семена Ильича.— Из номера в номер?

— Сказы? Можно и сказы. Если вы найдете что-нибудь подходящее — на тему, на злобу дня... Но почему одни лишь сказы? Ведь вы так много увидите нового, что вам, я уверен, захочется писать и свое — заметку, очерк... Я уверен!

Да, он был слишком уверен, чересчур. В себе, в своей редакторской власти, в солидности и влиятельности своей зачуханной газеты, выходящей пять раз в неделю на четырех пустых полосах, в редакционном сейфе, где громяхают денежки, как в базарном глиняном поросенке со щелкой на хребте.

Во всяком случае, он был совершенно уверен, что любой и каждый нормальный человек сразу же клюнет на приманку, тотчас польстится на обещанный харч, на золотые горы, на громкую славу борзо-

писца, чье имя известно повсюду: чем дальше, чем глуше — тем лучше. И за эту славу, за этот харч любой нормальный человек пожертвует всем на свете, даже свободой — хотя бы и свободой бедного студента.

Нет, пора было кончать, ставить точку. То есть как раз подошло время осадить и поставить на место этого зарвавшегося наглеца, одышливого карася, похотливца, знатного чаевода. Самая пора... Но зачем, зачем грубить? Ведь можно это сделать мягко и вместе с тем высокомерно, с тем холодным дендизмом, который отличает коренного питерца, — а он-то, он ведь тоже намекал, что питерский, хотя, мол, и давно.

— Знаете, — сказал Алексей, — мне было очень приятно с вами познакомиться.

— Приятно слышать, — без тени иронии или обиды ответил Семен Ильич.

— Мне было очень приятно ехать вместе с вами в одной каюте, — настаивал Алексей. — Поверьте, это было очень приятно...

Улитин поднялся, высунул голову в окно — белая бахрама его шляпы заметалась на встречном ветру.

— А, уже бензохранилище, баки! Сейчас мы войдем в реку, в устье, — сообщил он, ликуя. — Хотите взглянуть?

— Нет, спасибо. Я уже видел однажды бензобаки. Где-то в другом месте.

— Скоро покажется город, — не скрывал радости Улитин. — Войдем в устье реки — тут и город.

— Будьте добры, скажите. Я давно хотел вас спросить...

— Что?

Семен Ильич втянулся обратно, сел.

— Я заметил, что здесь все говорят «река», не называя ее, говорят «город», тоже не называя. Мне это показалось странным. Скажите, здесь что — один город, одна река?

— Здесь очень много рек, — сказал Улитин. — Река на реке, рекой погоняет. Много рек и озер.

— Вот как? — почтительно удивился Алексей. — И много городов?

— Нет, городов... раз, два, три. Всего три города. Пока.

— Почему же все говорят «город», не называя его?

— Да, действительно, вы правы... — улыбнулся Улитин. — Здесь так принято, просто — «город». А почему? Вероятно, потому, что до революции здесь был всего-навсего один город, уездный, этот... Зато теперь целых три.

— Ах вот оно что. Целых три?

— Да. Берите свой чемодан, пойдемте к выходу, — терпеливо посоветовал Улитин. — Первый класс будут выпускать первым.

Там, у перекрытых выходов, уже была адская толчея, давка, духота. Всем хотелось как можно быстрее покинуть борт парохода «Тютчев», осточертевшего за долгое и томительное плавание, все стремились перебраться с хляби на твердь, ступить на землю города.

«Город... город...» — на все лады повторяли в толпе.

За грудой чемоданов и кофров не нашенского вида, добротной кожи, в ремнях и пряжках, послышался озабоченный голос фрау Илюхиной:

— Как утащим, как утащим?... Тут носильщики хоть есть?

— Дотащим, — успокаивал ее капитан Илюхин. — Как досюда тащили, так и дальше потащим. Не загнемся.

— У вас большой багаж, — посочувствовал невидимый за чемоданами Настоящий Станиславский. — А я все потерял в войну, решительно все... Гостиную орехового дерева, павловский кабинет, книги, картины — все. У меня осталась лишь спальня карельской березы, отлич-

ной работы, дорогая спальня. Я отправил ее сюда малой скоростью, следом. — Он испустил стонущий вздох. — Ведь покалечат, мерзавцы!..

— А у вас семья? — не забыла все же поинтересоваться Илюхина: женщина никогда, при любых обстоятельствах, не упустит этого вопроса.

— Я одинок, — печально и гордо ответил Станиславский. — Жена ушла от меня к полковнику... Я все потерял в войну, все.

«Город... город...» — молитвенно долдонили вокруг.

Всеобщая суетливая всполошенность настигла наконец и Алексея, передалась ему.

— Какая здесь гостиница поближе?

— Гостиница? — переспросил Улитин. — Гостиница близко.

— Как называется?

— Никак. Просто — гостиница, у нас в городе одна гостиница.

Пока. А вы решили в гостиницу?

— Конечно. Куда же еще?

— М-м... — неопределенно помычал Улитин. — Знаете, на пристани есть нечто вроде гостиницы — койки для транзитных. Попробуйте устроиться там.

— Отчего же? — снова изговорился вспылить Рыжов. — Я останюсь в гостинице.

— Валяйте, — безразлично согласился Семен Ильич. — Гостиница близко, только она без названия.

— До свиданья, — сказал Алексей.

Ему захотелось поскорей отделаться, отбояриться от своего непрошеного опекуна, случайного соседа по каюте.

— Мне было очень приятно. Весьма.

— До свиданья. Желаю удачи. — Улитин выпростал зажатую в тесноте руку, подал влажную ладонь. — Но если вам понадобится моя помощь — милости прошу, всегда буду рад.

— Непременно, — сказал Алексей.

Теперь, когда прощанье состоялось, надо было и впрямь увильнуть, отдалиться, а это оказалось вовсе нелегко. Он попытался втесаться плечом в плотняк напивавших тел — вправо, влево, — ему удавалось продвинуться на полшага в сторону, а его прибивало, притискивало обратно к Улитину, и он опять видел рядом темнотодные, слегка насмешливые глаза.

Он заработал локтями сильнее, ожесточенней, даже не разобрав сторяча, что движется в противоположном и ненужном направлении, не к выходу, а наоборот — в глубь толчеи, в глубь пароходного чрева, но сейчас единственным его стремлением было: отделиться, отдалиться.

— Ох..

Локоть Алексея ударился, уткнулся, то есть нет — он ушел в мягкое и податливое, упругое и нежное, от чего так знакомо закружилась голова. Он понял, что это грудь, девичья грудь, и тотчас, не успев еще обернуться, понял — чья.

— Ты?

— Я, — тихо отозвалась Клара Истомина. — Здравствуй. Ты на меня не в обиде?

— Нет, зачем же... я просто боялся, что тебя не увижу, не встречу.

— Разве ты хотел бы меня встретить?

— Да. Я уже прикинул: найду вашу филармонию, спрошу, где репетирует хор, войду, сяду в уголке — и высмотрю.

— Вот как хорошо, как складно ты все сообразил, — покачав головой, сказала Клара. — А филармония наша на ремонте, а хор уехал в район обслуживать сенокос, а мне еще неделю в отпуске гулять — и никому бы на глаза не попадаться с досады, что завалилась... Вот ты меня и не нашел, вот ты меня и потерял, Алеша.

— Нашел ведь.

— Это я тебя нашла сейчас. Глазами позвала — ты услышал.

Он усмехнулся, зная, что не к ней проталкивался, не к ней греб, а, следуя настойчивому желанию, уходил от другого человека.

— Ты про меня еще ничего не знаешь, какая я, — с непреклонной убежденностью и важностью сказала Клара Истомина.

Рифленый железный пол, под которым стукотела машина, содрогнулся, поплыл из-под ног — это пароход «Тютчев» с ходу таранил дебаркадер пристани.

«Город... город...»

Клару толчком кинуло в его объятия. Близкие губы зашептали второпях:

— Запоминай. Слобода, Пятая Десята, три.

— Что? — удивился Алексей. — Что ты мелешь — пятое, десятое...

— Вот и запомнил. — Она отпрянула от него и, растворяясь в толпе, кинула задорно: — Ищи... залетка!

Ухабистый мощный взезд вел от пристани круто в гору.

По левую руку лепились, восходя ступенями, дощатые крыши бревенчатых домов — то ли жилых, то ли казенных, но одинаково унылых с виду. А справа ниспадали к реке купы деревьев, рисуясь дробным сквозным узорочьем на фоне плоского неба, залитого невнятным и неправдоподобным светом белой ночи, — но еще эти деревья были подсвечены снизу электрическим светом, фонарями, и оттуда доносились протяжные стенанья и хрипы труб духового оркестра, который играл вальс. Алексей сразу догадался, что там, где эти деревья, фонари и музыка, — городской парк, танцевальная веранда, и столь же уверенно он угадал, что этот звучащий вальс — последний, так слезлив он был, хотя все российские вальсы, которые играют духовые оркестры, грустны и надрывны, будто к расстаням и войне, под них не танцевать, а рыдать безутешно, однако танцуют. И война, слава богу, недавно кончилась. И наш герой Алексей Рыжов отнюдь не расставался с этим городом на реке, а, наоборот, он только что прибыл в этот незнакомый город на безвестной реке, в Город-на-Реке.

Чутьем выбирая дорогу к центру, он шел по улицам, светлым и совершенно пустынным, лишь изредка дорогу перебежали сосредоточенные псы да волоклись, кланя и проповедуя, горькие пьяницы.

2

В регистратуре гостиницы за барьером сидела тощая дама в искусно повязанной чалме, с бесстрастным и мертвым от пудры лицом.

— Нет, мест нет. — Она возвратила Рыжову паспорт и направление с институтской печатью. — Нет, мест не будет. Все забронировано. Нет.

Она говорила с сильным прибалтийским акцентом, при котором тягучая монотонность лишь подчеркивает, что нет — это нет.

— Как же мне быть? — сокрушенно спросил Алексей. — Куда деться?

Она повела глазами в затененную глубину вестибюля, где в потертых кожаных креслах спали, уронив головы, сжимая коленями чемоданы, такие же невезучие, лишенные брони люди, как он.

Плюхнувшись в свободное кресло, Алексей не сразу впал в дрему — ему не хотелось спать, — а еще долго осматривался, разглядывал соседей, эти застывшие в самых нелепых позах тела, будто их перестреляли, не дав подняться; долго изучал освещенный настольной лампой горбоносый профиль дежурной дамы, она сидела неподвижно за своим барьером, уставясь в одну точку.

Его вдруг заинтересовало: почему у нее прибалтийский акцент? Да и эта чалма, густая пудра подтверждали, что она оттуда, из Кауна

са или Риги, с этой модой европейские женщины вошли в войну и вышли из нее, кто уцелел, даже в Освенцим и Майданек они приезжали в таком виде. Он хотел подойти и увериться, что она оттуда, из Каунаса или, может быть, Таллина, спросить, почему застряла тут, не возвращается домой, но ему было лень вставать.

К тому же он припомнил, что знал очень многих людей, застрявших в эвакуации надолго после войны, и среди них тоже было немало прибалтийцев — они эвакуировались первыми, потому что ударило по ним сразу, их занесло в самые дальние и неожиданные места, но, странное дело, они там застревали долее всех других, однако известная неторопливость была вообще в их характере.

Догадавшись об этом сам, все поняв — и впрямь оказалось незачем вставать, — Алексей тихо-мирно заснул.

Его первая эвакуация была краткой: чуть больше месяца — и обратно домой.

А перед этим в самом начале июня кронштадтских школяров вывезли в пионерский лагерь под Ижору. Здесь было приволье. Все же, как ни любили они свой островной город, он то и дело напоминал им о тесных своих пределах: побежишь вперегонки по Пролетарской — глядь, улица кончилась, оборвалась: берег, море; только разгонишься на самокате по Октябрьской — тормози, стоп: ворота, гавань. Уж какой несказанной и таинственной далью казались леса и песчаные дюны на западной оконечности Котлина, где прибой играл черепами и костями, вымытыми из кромки военного кладбища, где камни фортов были слеплены не известкой, не цементом, а свинцом (они стковыривали плюшки на грузила), где на Толбухиной косе шелестел ивняк, — даже там не нашлось тогда места, чтобы разместить пионерский лагерь, их повезли на матери.

Зато в Ижоре было где разгуляться: поляны, по которым не идешь, а плывешь, саженками разгребая пахучие рослые травы, в пене цветущей кашки, где на тебя набегают, холодя сердце, штормовые гребни холмов, а над тобою в синеве и солнце, задевая облака, покачиваются, поскрипывают корабельные мачты сосен... Ах, как хорошо.

С первых же дней стали готовиться к военной игре. Их разделили на «красных» и «синих». Алеше повезло, он попал в «красные». Не то чтобы «синие» были плохи — ведь это тоже были свои, наши, те же кронштадтские ребятишки, просто условный противник, без противника не бывает военной игры, ни детской, ни взрослой, — и все-таки он радовался, что попал в «красные». Помимо всего прочего, он понимал, предвкушал, что «красные» обязательно победят «синих». Однако вспомнилось, как отец рассказывал матери, похохатывая: как совсем недавно на одном большом и серьезном военном учении «синие», ко всеобщему изумлению и оторопи, в дым расколотили «красных» — чего только не бывает на учениях...

Алеша попал в «красные».

Он все ждал, что им раздадут винтовки: тоже, конечно, условные, какие-нибудь палки, но чтоб не воевать голыми руками. Тем более что часовые на посту у ворот лагеря стояли с ружьями — топорной плотничьей работы, но даже со штыками — и, сменяясь, передавали друг другу это оружие. Хоть бы такое.

Воздух был напоен добротой лета. Воздух был полон тревоги.

Они, кронштадтцы, были ближе к войне, чем остальные. Ведь они жили в военной крепости, выдвинутой на самый край. Полтора года назад затемнение обволокло город беспросветно и глухо, автомобили ездили с синими, как больничный кварц, осторожными фарами. Вечером, залезая тайком на крышу пятиэтажного дома по Коммунистической улице, где они жили, напротив школы, Алеша видел стойкое зарево над северной стороной Финского залива — горел Выборг.

Потом все успокоилось как будто. В городе и гавани стало тише. Флот перебазировался в Таллин. Отец наезжал домой урывками — внезапно и ненадолго. Усаживал сына на колени, расспрашивал об успехах в учебе (Алеша учился в пятом классе), вдруг скашивал выпученные глаза на черный зев репродуктора: «Опять?» «Опять,— смеялся Алеша,— и вчера и позавчера...» Москва упоенно играла Вагнера: то молодцеватый непреклонный марш из «Тангейзера», то налетающий стремительными вихрями «Полет валькирий»... «Товарищи, внимание!»— начинал отец важным тоном стародавнюю уличную побрехушку. «На нас идет Германия»,— подхватывал Алексей. «А мы здесь ни при чем...»— напоминал отец. «По пузу кирпичом!»— смеясь, орал Алешка.

Отец вдруг мрачнел, сгонял его с колен, становился неразговорчивым, уезжал.

Так дадут ли им винтовки?

Ничего не дали. В субботу между полдником и ужином состоялась игра, к которой так долго готовились. Сначала в неизвестном направлении ушли отряды «синих». Потом Григорий Львович, военрук, командир «красных», поделил их надвое: одни двинулись той же дорогой, что и «синие», преследуя их, а другим, в числе которых оказался Алеша Рыжов, выпал окольный и дальний марш-бросок, километров за пять, то шагом, то бегом — они совершенно выдохлись, когда наконец последовал приказ залечь на косогоре и понадежней замаскироваться: ребята наломали веток ольхи и березы, еловых лап, заслонились ими. Из-за леса в вечеряющее небо взмыла ракета, зависла, пошла к земле, чертя дымный след. Оттуда же донеслось нарастающее дружное «ура-а!». Григорий Львович вскочил, дунул в судейский волейбольный свисток-гармошку, скомандовал:

— В атаку, вперед!

Они углубились в чащу, почти неразличимые в зарослях густого подроста, шелестя листьями по листьям, ворвались с тыла в оборону «синих» в тот самый момент, когда первый отряд ударил в лоб. Победа была несомненной, полной.

На вечерней линейке Григорий Львович выкликнул Алешу, спросил строго:

— Почему ты пренебрег маскировкой, бежал открытым?

— Моряки идут в бой открыто,— насупясь, ответил он.

— Значит, тебя убили,— сообщил военрук.— Хуже того: ты демаскировал остальных.

— Моряки идут открыто,— повторил Алеша.

— Ну и зря. Надо маскироваться... Становись на место.

Но он, упрямый, дал себе зарок на всю жизнь: всегда идти открыто, не маскироваться — да ведь и не умел он все равно. Пусть лучше убитый.

На ужин были жирные оладьи и парное молоко.

Назавтра в полдень, в неурочное время, горнист протрубил тревогу. Запыханный и растерянный вожатый сказал: война. Сперва они не поверили, заулыбались, решив, что военная игра продолжается. Но их заторопили окриками: собирайте вещи.

У парома в Ораниенбауме бурлила людская толчея, военные были в походной амуниции, ремни через оба плеча, женщины убивались, лили слезы.

А еще через день их эвакуировали из Кронштадта под Тихвин, за Тихвин, в деревню. Разместили в тамошней школе на дощатых нарах, сколоченных наспех, притрушенных сенцом. Старшие, взрослые, успокаивали, объясняли, что все идет по плану: что Кронштадт — военная крепость и согласно плану все кронштадтские дети, школьники и дошколята, с началом войны подлежали эвакуации именно сюда, в тихий Ефимовский район, в глухие деревни и села, где войны даже не слышно.

И впрямь: войны тут не было слышно.

Краем уха да с чужих слов узнавали они о том, что дела на фронте не ахти, что немцы наступают, а наши отходят, сдавая города, что фашисты уже бомбили Москву, а балтийские летчики нанесли в ответ бомбовый удар по Берлину, но Ленинград не бомбили и Кронштадт не бомбили, значит, мамы были живы, и они тоже были живы-здоровы, а отцы их бились с врагом.

Это был странный месяц: застывший знойный воздух, неподвижные слоистые облака, неправдоподобная тишина вокруг и сами они, истомившиеся, не знавшие, чем заняться (хоть бы колхоз позвал на какую-нибудь прополку, но колхоз не звал и не полол), с беспокойством ждавшие — что же будет дальше?

На тощей неоседланной кобыле прискакал мальчонка из сельсовета, отдал старшим телеграмму, принятую по телефону и записанную от руки, ускакал, вздымая пыль.

Им тотчас же велели собираться, строиться. Они потянулись на станцию. Дорогой витал пугливый, невесть откуда взявшийся шепоток: немецкие танки идут на Тихвин, в окрестностях высажен пародетый десант, дорога на Ленинград отрезана, а куда же теперь, куда-куда, известно куда, в Вологду...

На станции пыхтел паровозик, тормоза взад-вперед вереницу открытых платформ, на каких возят гравий и песок, балласт. Им велели забраться на платформы, они расселись там плотно, тесно, кучно, будто опять. Семафор открылся, паровозик гуднул не по чину басовито, состав тронулся — и нет, вовсе нет, они сразу это поняли, ни в какую не в Вологду их повезли, а, наоборот, напрямик в Ленинград, да-да, в Ленинград, все обрадовались, зашумели, значит, враки это про десант и про танки, зряшная паника, все обрадовались, особенно ленинградские дети, которые были вместе с ними: домой, домой.

Через три часа пути, когда они уже икали от тряски, сидели чумазы от паровозного дыма, с почерневшими веками и ноздрями, их состав скрестился на разъезде с другим эшелонном.

В длинных пультмановских товарных вагонах хлопотали женщины, волосы которых были забраны, повиты чалмами, ведь это очень удобно в дальнем пути, где нельзя ни раздеться на ночь, ни причесться толком, ни вымыть голову, — они с удивлением смотрели на остановившуюся рядом череду открытых платформ, одни головки торчат из-за бортов, торчат и озираются вокруг — ведь интересно. А у этих женщин в чалмах были свои дети, полные вагоны детей, и этим детям тоже было интересно — детям всегда интересно видеть других детей, — и они указывали пальцами, гомонили, требовали объяснений, почему вот этих детей везут в одну сторону, а их в другую, какая же это эвакуация, если одних туда, а других обратно.

Женщины в чалмах подбегали к платформам, причитали:

— Иссанд, иссанд...

Причитая, они вскидывали глаза к небу, то ли обращаясь к богам, то ли желая убедиться, что небо чисто, что в нем не видно бомбовозов, — эта привычка была непонятна русским детям, ведь они не признавали богов и еще не видели чужих бомбовозов.

— Иссанд, куху над вийаксе? — испуганно причитали женщины. — Куху тейд вийаксе?..

Язык их был непонятен, но звуки его были знакомы слуху, близки той чухонской речи, которую без особой натуги распознают ленинградские жители. Алеша догадался, что это эстонцы, что это эстонские женщины и эстонские дети. Они спрашивали: господи, куда вас везут, куху тейд вийаксе?

— В Ленинград, — объяснил он, — в Ленинград.

— Ленинград... — повторыли они, горестно поднося к щекам ладони. — Ленинград...

Но некоторые из них успели отбежать к своим вагонам и вер-

нуться, неся круглые зарумяненные буханки ржаного хлеба. Они разламывали его, протягивали куски к бортам платформы:

— Лейб, лейб... вытке лейба...

А это уж было совсем понятно: хлеб, хлеб, возьмите хлеба. Алеша Рыжов даже удивился тому, как, оказывается, близок по звучанию и по вкусу эстонский хлеб русскому хлебу.

Они ведь не обедали и вот уже сколько времени ехали на тряских платформах, на ветру, в дыму. Все они очень проголодались и были рады хлебу, куску простого хлеба, обыкновенного хлеба без всего, такого вкусного и сытного хлеба с чужою слезой на корке, капнувшей невзначай.

Паровозик гуднул, чокнулись буфера платформ, они поехали дальше, махая руками оставшимся на разъезде: эстонским женщинам и их эстонским детям, так еще и не выучившимся разговаривать по-русски, не обвыкшимся еще за короткий срок в новой для них жизни, так и не понявшим, что они едут домой, к своим мамам, в Ленинград.

Утром он спросил прибалтийскую даму, которая сдавала дежурство, не знает ли она, где тут Дом народного творчества.

Та не знала. Зато другая, принимавшая дежурство, белобрысая, сразу видно и поговору слышно, что здешних северных исконных кровей, охотно и подробно объяснила, как найти: отсюда выйдешь, иди до угла, потом направо и вверх, вверх по улице, в гору, а там будет перекресток, сразу за перекрестком по правую руку, увидишь, синий дом, туда тебе — к Малафееву?

Да, к Малафееву, точно, обрадовался Алексей, ведь именно эту фамилию назвал ему сосед по каюте.

Обнадеженный участием, он попросил у новой дежурной разрешения оставить за барьером чемодан, чтобы не таскаться с поклажей. Она разрешила: ставь, чего там, пускай стоит, никто не уведет.

Алексей Рыжов вышел в город.

Против гостиницы было пожарное депо старой кирпичной кладки, беленное прямо по кирпичу, с четырьмя воротами и высокой каланчей, на ней — колокол, но колокол молчал, ворота заперты, пожара нигде не было, и никто не бил в набат по поводу его приезда в Горона-Реке, тихо было.

Однако Алексей сразу понял, что пожарная каланча служила не только украшением этой — судя по всему, главной — улицы. На ней, хоть и главная, каменные дома стояли наособицу, их можно было перечесть по пальцам: гостиница, из которой он вышел, пожарка напротив, двухэтажный дом в некотором отдалении, на углу, где ему предстояло сворачивать, похоже, что школа (так и есть, школа, убедился он, поравнявшись), и на другом углу хорошо оштукатуренный трехэтажный дом, жилой, добротный, судя по всему, для начальства, — вот и все, что он сразу охватил взглядом. Нет, еще, когда он свернул направо, где было ему указано: строенье багрового кирпича с дореволюционными затеями, узорчатой выкладкой, белые занавески в окнах — больница или роддом; и наискосок через улицу, где фанерный щит с чудовищно искаженным лицом Любови Орловой, фильм «Весна», ну и кисть, ну и живопись, однако сам кинотеатр каменный, предвоенной постройки; а вон там, где улица круто разгоняется в гору (вверх, вверх, как объясняли ему, значит, идет он правильно), — там маячило здание нахальных конструктивистских очертаний, торчком и дыбом, задрное начало тридцатых годов, кудрявая, что ж ты не рада.

Вот и все.

Эти здания тем резче бросались в глаза и тем паче казались наперечет, что они были вкраплены, высажены, врезаны в сплошное деревянное царство, плотничное раздолье, хитроумное теремное и столбовое зодчество.

Некоторые дома были облицованы вагонкой, рейкой — впрямую, вкосою, в ромбик, — аккуратно покрашены зеленью, лазурью, киноварью, охрой, а наличники окон, карнизы, углы забелены густыми белилами, очень красиво и чисто. Другие же дома оголяли свои мощные срубы, толстенные венцы, будто мышцы напоказ, потемневшие от дождей кряжи, проложенные ворсистой рыжей паклей. Кровли даже самых богатых и почтенных с виду зданий были дощатые, кое-где обжитые бархатистым мхом, а кое-где заштопанные свежим тесом.

Тянулись глухие заборы и сквозные ограды, за которыми пышно разрослась зелень. Тротуары были сбиты из продольных плах по три в ряд, а проезжая часть улиц вымощена торцом, круглой шашкой, укатанной и слегка размочаленной колесами.

Дерево, дерево, кругом дерево. Город был из дерева и весь пропах сладким древесным духом.

Да, не для одной лишь важности держали здесь пожарную каланчу, не для красоты.

Вскоре, бодро шагая по скрипучим мосткам, Алексей понял, что отнюдь не все эти бревенчатые дома заселены обывателем, что столичная административная надобность потеснила обывателя и отдала многие из этих городских изб под государственные приказы: у крылец и калиток были вывешены таблички, где золотом и серебром сообщалось, что тут тебе горсобес, а тут коммунхоз, а здесь эпидемстанция, а вона даже, не шути, госстрах.

Небесной синью порадовали глаз стены угловой избы, про которую шла речь в гостинице, на которой тоже была вывеска, что это Дом народного творчества. Он толкнул обвисшие воротца, потом дверь, оказался на лестнице с точеными балясинами, снизу убийственно прынуло в ноздри переполненной выгребной ямой, а сверху донося деловитый цокот пишущей машинки.

— Что ты, что ты, понимаете-понимаете... — сказал Матвей Кузьмич Малафеев, испуганно моргая белыми ресницами, перечитывая в десятый раз направление. — Мы ничего не знаем, ничего не знаем. Никто не предупредил, понимаете-понимаете, никто никогда не приезжал к нам по таким делам... Тут написано «оказать помощь», а что мы можем оказать, ну что?

— Помощь, — навел его на мысль Алексей.

— Какую такую помощь?

— Мне нужно ехать дальше, на Печору. И там — разъезды по селам, по деревням. Полтора месяца... Деньги нужны.

— Деньги? — Матвей Кузьмич всплеснул пухлыми ладонями. — А где же я их возьму, деньги? Квартал кончился, понимаете-понимаете, смета ушла вся до копейки, тем более командировочные расходы, ничего нету... Какие деньги? Что ты, что ты!

Алексей не сомневался, что Малафеев врет, что деньги у него в заглажке имеются, ну, допустим, кончился квартал — можно одолжиться из следующего, тем более он завтра начинался. Он уже догадывался, что Малафеев не просто жмет с деньгами, а вообще напуган его появлением. Будто он пожаловал сюда не студентом-практикантом, а лицом с особыми полномочиями. Не с того ли поминутно и опасливо взглядывал директор Дома народного творчества на бумажку с грифом и печатью, где ничего страшного не значилось, кроме одного слова — Москва.

Вот этого он и боялся вполне определенно — Москвы, человека из Москвы, пусть даже ничтожного студента, едва перевалившего на второй курс, но был он из Москвы, и это само по себе бросало в озноб, повергало в панику.

Алексей вдруг сообразил, что это священное чувство можно обратить и в полезную сторону, если повести разговор в льстивом плане, сулящем собеседнику кое-какие выгоды и милости свыше.

Он небрежно отвалился к спинке стула, постучал по столешнице ногтями, цап-царап, улыбнулся кривенько:

— Жаль, Матвей Кузьмич, очень жаль... А мы, надо сказать, весьма заинтересовались в столице вашими последними записями, вашей работой. Оч-чень любопытные записи, да.

— Какие... записи?

Директор побледнел, даже белые его ресницы и белый зачес альбиноса сделались еще белее, стали как снег.

Алексей для верности пробежал всю цепочку недавней памяти, чтобы не оплошать, не ошибиться, и выложил:

— Ну как же... Сказ о войне, который вы записали в Троицком Посаде. Там еще «злые вороги», да-да, я хорошо это помню — «злые вороги»... Матрены Сидоровой сказ. Так, если я не ошибаюсь?

Мутные бисеринки пота все враз, из каждой поры, выкатились на лоб Матвея Кузьмича Малафеева. Озадаченно и уличенно моргая ресницами, он пролепетал:

— Я не посылал эту запись в Москву, в Центральный дом... еще не вся расшифровка, понимаете-понимаете... Я не посылал. Откуда вы знаете?

— Так ведь мы и газеты читаем, Матвей Кузьмич. Изучаем местную прессу, отыскиваем крупницы... Видели вашу публикацию, очень заинтересовались.— Рыжов понимал, что угодил в цель, и его несло теперь направо.— Собственно, моя поездка и связана с вашим открытием. Надо ближе познакомиться с нею, Сидоровой Матреной... отчество?

— Да... Даниловна.

— С Матреной Даниловной Сидоровой, талантливой печорской сказительницей, а верней с к а з а т е л ь н и ц е й, как поправляет нас обычно профессор Шамшин. Может быть, у нее появилось и что-то новое? Меня, как и вас, Матвей Кузьмич, более всего, конечно, привлекают новины...

— Болела она, Матрена Даниловна, когда последний раз встречались той зимой. Очень сильно болела. Может быть, померла уже. Ведь никто, понимаете-понимаете, и не сообщит даже, если померла старуха, деревня ведь, что ты, что ты.

— Неужели? — поразился Алексей.

— Я лично так думаю, что померла.

Малафеев, оторвав взгляд от институтской бумаги, которую все еще держал в руках, теперь сосредоточенно и пристально смотрел в угол комнаты. Он весь напрягся, и не составляло труда понять, что сейчас он взвешивает все за и против, все свои силы и слабости, верняк и риск, что именно сейчас он примет какое-то решение,— вот, принял, облегченно откинул бумагу на стол, подтолкнул ее пальцами Алексею: держи, мол, получай обратно, а нам это без надобности.

— Так что, понимаете-понимаете, денег у нас нет. И не будет. Помочь вам не можем.

— Ясно,— сказал Алексей, прикидывая в уме, куда можно обжаловать это категорическое и несправедливое решение и сколько примерно уйдет дней на то, чтобы этому вахлаку и бюрократу вправили мозги. Дня два уйдет, не меньше.— Ясно... Тогда я вот о чем попрошу вас, Матвей Кузьмич,— продолжил он не сердито и даже вкрадчиво.— Устройте мне, пожалуйста, номер в гостинице. Ну, не номер— так место, коечку. Там сейчас не дают без брони. Видите ли...

— Не дают, конечно, что ты, что ты! — воодушевленно подтвердил Малафеев.— Послезавтра хозяйственный актив, едут со всех районов — конечно, все забронировано. Не могу, даже звонить не буду. И потом, понимаете-понимаете, если мы возьмем броню, то мы и возьмем на себя обязательство платить за номер, вдруг вы уедете, не расплатившись, тогда платить нам, а у нас денег нету, ни копейки, что ты, что ты... Помочь не можем.

Теперь он открыто и смело смотрел Алексею в глаза, понимая, что одержал победу. Более того, он уловил стесненные и безвыходные обстоятельства противника и взял курс на полное изгнание его: из этого дома, из этого города, со всей обширной территории, отданной ему во владение и в дань по части народного творчества, а тут вторгся чужак, гони его в шею, ату его!..

— А вообще, понимаете-понимаете, вы сюда зря, конечно, приехали... Кто же это на Печору через нас едет? На Печору надо было ехать напрямик: по железной дороге до Кожвы, станция Кожва, тут и Печора, мост перейти — будет пристань, каждый день пароходы, можно вниз, можно вверх...

Матвей Кузьмич явно издевался над ним, объясняя верный путь, он уже взял в расчет всю безопасность и никчемность этих подробных объяснений: денег у парня нет, шиш в кармане, все потратил, и Печору ему теперь не видать, как своих ушей.

— Я приехал сюда потому,— сказал Алексей, всячески стараясь унять праведную дрожь в голосе,— я потому сюда приехал, что направление институт дал именно сюда, к вам, в Дом народного творчества.— Он аккуратно сложил бумажку и спрятал ее в карман.— Вы должны были мне помочь... вас просили оказать помощь и содействие, а вы...

— Что ты, что ты, понимаете-понимаете! — Малафеев опять испуганно заморгал белыми ресницами, но так, для приличия и видимости и еще по привычке, употребляя это как средство защиты.— Никто не предупредил, написано «оказать помощь», а что мы можем оказать? Ничего не можем. Да и померла, наверное, старушка Матрена Даниловна, еще прошлой зимой должна была помереть, болела сильно.

Он все же вышел проводить гостя вниз по лестнице, к выходу.

Алексей сморщился, двумя пальцами зажал ноздри, сказал гнусаво:

— Вы бы хоть, понимаете-понимаете, яму опорожнили, дерьмо вывезли, а то неизвестно, зачем вас тут держат, зарплату платят, карточки дают!

— Да, это вы правильно говорите, учтем критику,— покорно сложил крестом руки на груди Матвей Кузьмич.— Уже заказали, оформили все как положено, а не едут. Не справляется трест очистки, не поспевают черпать. Вот и сидим в дерьме, весь город в дерьме.

Собственно, делать тут было больше нечего, в этом городе. Надо было убираться подобру-поздорову, отдавать концы. У него аккуратно оставалось денег на обратный путь в Москву: парходом до Котласа, а дальше поездом, как сюда. Сегодня же сесть и ту-ту. Ни о каких Печорах, ни о каких сказах, ни о какой практике теперь не могло быть и речи.

Он угадал путь к пристани — общий наклон улиц, ниспадение всего города к реке — и зашагал туда, чтобы справиться, во сколько парход.

Однако в душе Алексея все протестовало против такого решения, его гордость была возмущена, в нем кипела злость. Это уже не впервые проявлял себя врожденный норов, то, чему надлежало в свой срок, перебурлив или перебродив, отлиться в характер — сильный, или слабый, или ни то ни се. И вот что любопытно: даже сейчас, когда ему только что без обиняков указали от ворот поворот, когда вроде бы настала минута укорить себя за опрометчивость, раскаяться в своем легкомыслии, — даже сейчас он не чувствовал никаких позывов к раскаянью, не усмотрел беды, он все это принял как должное, обычное, житейское, эка невидаль, что за кручина, переживем и это.

Наверное, это прочно угнездило в нем, как и в других людях, хлебнувших войны, всех ее четырех лет, независимо даже от того,

где именно они хлебали это лихолетье — на фронте или в тылу, — в выживших людях, то есть в буквальном смысле оставшихся живыми. Теперь для них для всех уже не оставалось в целом мире, полном тягот и подвохов, ничего такого, о чем бы они не могли сказать с отнесенительным спокойствием: *п е р е ж и в е м и э т о*.

С тем и шагал Алексей Рыжов легко и беспечно вниз, под горку, разглядывая с интересом город, который ему предстояло нынче покинуть столь же внезапно, как и свидеться с ним.

Оказалось, что в городе есть еще несколько каменных домов, которых он не мог заметить, устремившись напрямик по делу. Заметил лишь теперь, прощально кружа по улицам.

В красивом белом здании уездного ампира было пусто и глухо — каникулы, тоже школа, как много тут школ, но здесь, вероятно, школа была еще и в стародавние времена, гимназия, краса и гордость захолустья.

Стояли лабазы да лавки, самодовольно выпятив брюха: снизу кирпич, сверху венцы бревен, внизу торгуем, наверху живем, массивные железные ставни на дверях и витринах — тут и сейчас, по вывескам судя, были магазины. Он вспомнил, что не ел с утра, но это было терпимо и привычно.

Современный гранитносерый дом с решетками в окнах цоколя и ладными часowymi у подъезда не оставлял места сомнениям, но сомнения никогда и не томили, не терзали Алексея, нет.

Над зарослями рябины и можжевельника нависало строение почтенных лет и знакомого ему облика: щелки монашеских или семинарских келий лепились друг к дружке наподобие пчелиных сотов, а окна трапезных были высоки и обширны. Снова прихлынула память детства, угрюмая память его второй эвакуации, детдом за Ярославлем, разместившийся в гулком монастырском здании, — да, на коротком его веку уже была и келья...

Но та же память подсказывала, что подобные строения всегда расположены рядом с церквями, они бывают соседством, окружением и принадлежностью церквей, они создают непрменный контраст вот таких долгих приниженных линий стен и крыш — к земле, ниц, ниц, — со взлетами колоколен, часовен, маковок, крестов от земли, в небеса, в небеса, — но в том-то и дело, что здесь их не было, никаких церквей не было в поле зрения, и не сказать чтобы они, эти церкви, были столь уж необходимы Алексею, ему они были даже вовсе не нужны — не так он был воспитан, — а просто память твердила свое и упрямилась: должны быть тут в соседстве, обязательно должны быть церкви, не может их не быть.

Он повернул назад.

Привольный пустырь, который он только что пересек, не заметив даже, как нелеп заросший бурьяном пустырь в самом центре города, а лишь заметив, что едкая белая пыль густо облепила башмаки и отвороты брюк, — этот пустырь был очерчен с доскональной правильностью круга, и по всей площади круга стыла соборная тишина.

Здесь, конечно же, стояла церковь: огромная, сковырнутая динамитом, поверженная в прах во мгновение ока. Он даже представил себе, как ухнуло, дрогнуло, распалось, развалилось.

Утвердившись в своей догадке, Алексей испытал естественное и законное удовлетворение. Жалости он не испытал и не мог испытывать, потому что никогда не видал этой церкви в целости, и еще потому, что на коротком своем веку он успел повидать больше разрушенных церквей, пустырей, где они когда-то стояли, чем оставшихся целыми.

Он наклонился, сорвал несколько плетей бурьяна и отряхнул ими пыль с ботинок и штанов.

Но теперь обострившийся и освоившийся в чужом городе взгляд

его столь же безошибочно нашел — когда он шагал с горки, — круглую плешину в раскинувшемся над рекой парке.

Вероятно, в былые времена на подходах и подъездах к городу люди примечали другие ориентиры, а не те бензобаки в устье реки, на которые радостно указал ему Семен Ильич Улитин.

По разбитому съезду он сошел к пристани.

Старый друг и знакомец пароход «Тютчев» разводил пары.

Ну да, ведь вчера вечером он закончил рейс, перевел дух, а теперь пора уж снова в путь: лето, горячая пора навигации, только поспевай туда-сюда. Да и много ли их, кроме «Тютчева», других классиков, хаживало по этой реке?

Касса на дебаркадере была открыта, билеты были — бери, отправленья в двадцать один ноль-ноль.

Алексей перемусолил все оставшиеся в кармане бумажки и счел, что можно погодить, не выкладывать тотчас на кон все до последнего. Что-то его удерживало, подсказывало потянуть с этим: сколько еще до урочного часа, до двадцати одного ноль-ноль, целых полдня да полвечера. И билетов в кассе полно. А вон и буфет открыт на этом укачливом дебаркадере. Что там у вас? Холодная треска, бочковое пиво — давай тресочки, пивка.

И еще следовало забрать свой чемодан из гостиницы.

Он опять пустился вкругаля по улицам города, запечатлевая в памяти вязь его узорчатых карнизов, откровенность кондовых срубов, тихое изумление распахнутых ставней, а главное — запах смолистого дерева, на котором так крепко настоян воздух, так напоен им, что никаким ветрам невозможно разогнать его.

Деревянный город из стародавней сказки, а до сказок он был охот и в детстве и после. Вот и дворец, сказочный дворец, крыша высоким шатром, задорно вскинутый петушиный гребень, пестрые хоромы — а и впрямь оказалось, что дворец, Дворец пионеров. А вот избушка бабы-яги, крыльцо на одном-единственном столбе, как на курьей ноге, а вдоль и вкось крыльца развешаны низки вяленой рыбы. А вот потянуло-потянуло к жару летнего дня еще и жаром топки, жаром раскаленной каменки, горечью исхлестанных в крутом пару березовых веников — баня...

По дощатой тропинке шла от бани навстречу ему Клара Истомина, придерживая у бедра выпуклым донцем наружу эмалированный таз. Шла — не видела, а увидела — остановилась, стала и ни с места. Перевела, спрятала смущенно за спину этот таз, вернула обратно и загородилась им, как щитом, опустила к ноге покорно и беззащитно. Собрала, прикрыла, скрутила свободной рукой в жгут неширокий вырез ситцевого платья, рассмеялась вдруг.

— Ты чего? — спросил он. — Здравствуй. Ты чего смеешься?

— Ничего. Я и не смеюсь. Ничего смешного.

А сама продолжала смеяться.

Он разглядывал ее совсем близко, хотя имел уже случай близко видеть ее, но сейчас она была в полной и подробной близости — после бани. Сырые тяжелые волосы ее не были заплетены, а просто собраны копешкой, сколоты. Кожа лица вся обтянута, пылает и блестит. Глазные яблоки в красной сеточке сосудов. Ноготки на руках распарены до мягкости. Как некрасива. Как хороша.

— Чего ты смеешься?

— Я не смеюсь ничего... Ой, да пойдем же отсюда, стоим возле бани, что люди-то подумают?

Она потащила его за рукав прочь.

— Давай таз понесу, — галантно предложил он.

И опять она, заслышав это, перегнулась в поясе, хохоча.

— Таз тебе? Ну кавалер, сразу видно, что столичный... Ой, не могу я.

Но тотчас угомонилась, построжела, пошла по мосткам задумчивая.

— А ведь я знала, что встречу тебя. Когда сюда шла — знала. То есть нет... — отмахнулась Клара. — Когда я сюда шла, то вызвала тебя. Приказала, чтоб был. Вот ты и здесь. И никуда от меня ты не делся, не спасся, миленок. Не-ет.

— Как это — вызвала?

— Не знаю как... Видно, маманя права, что еретница я. В бабуку. Мама сама не умеет, а бабука, это уж точно, еретница, вся деревня знает.

— Что такое еретница? — переспросил Алексей недоуменно. — Еретичка, что ли?

— Нет же, я про еретиков, про еретичек в школе учила. То другое. А еретница, по-нашему считается, ну вроде колдунья. Да, колдунья.

— Добрая?

Она поглядела на него сбоку серьезно.

— Всяко бывает. Можно, конечно, и добро. А можно и со свету сжить кого следует, только трудно это, надо всю силу собрать, вот так! — Она вынесла перед собою кулачок, и он на глазах побелел, обескровился, словно оледенел.

— Ну и ну... Что ж ты Гитлера не сжила со свету? Уж его-то следовало: глядь, и войне бы раньше конец. Вот была бы подмога! Что ж ты?

— Я тогда маленькая была. Не умела еще.

— А-а...

Клара быстро к нему повернулась, топнула ногой.

— Что, не веришь?

— Не верю, — признался он.

— Так... А почему ты здесь?

— Где?

— Вот здесь стоишь, здесь идешь. Почему?

— Да я случайно здесь оказался: ходил-бродил по всему городу, на пристани был, потом мимо каланчи пожарной, мимо гостиницы и вот сюда забрел, совсем случайно. Вдруг вижу — ты идешь...

— Так уж и случайно? А на пристань зачем ходил?

Он заколебался, но ответил честно:

— Билет купить на пароход.

— Купил? — беспечно осведомилась Клара.

— Нет.

— А почему ты мимо гостиницы прошел, миновал ее почему?

— Там только чемодан мой. А места не нашлось, нет брони... Ничего тут для меня не нашлось, в вашем прекрасном городе, ничего, — сказал Алексей, лишь сейчас сполна ощутив горечь этого признания. — Зря приезжал.

— Идем-ка. — Она, переложив таз под другую мышку, взяла его за руку, будто меньшого братца. — Идем.

Шаги ее сделались решительными и быстрыми, когда она поняла, что его тут не приняли как должно, что его обидели в чужом городе, беззащитного — и она взяла его под свою опеку, готовая защитить его телом, грудью, всем, что у нее есть, и повела его за руку скорым шагом через весь город, с вызовом глядя во встречные лица.

Но из всех лиц, встреченных ими на пути, лишь одно заслуживало внимания.

На окраине, где мостки сузились до двух досок, им повстречался высокий человек в кирзовых, глиной облепленных сапогах, в затерханной кепке, в сатиновой выцветшей рубашке, один рукав которой заткнут за пояс, нет руки, а другая рука есть, он держит ею древ-

ке мотыги, вскинутой на плечо. Еще издали заулыбался приветливо, а подойдя, сказал:

— Здравствуйте.

Тяпку к ноге, кепку приподнял за козырек — одна ведь рука на все про все.

— Приехала? С чем приехала, Клара?

— Ни с чем, Иван Демьянович. Завалила экзамен.

— Ну да? — огорчился он.

— Ей-богу, завалила.

— А как же теперь?

— До следующего лета. Опять попробую.

— Вот и ладно, — обрадовался он. — А до следующего лета ты у нас попоешь, так?

— Выходит, что так, — согласилась Клара.

— Вот и ладно... — Он оглядел свои сапоги, синим лезвием тяпки соскреб ком глины. — А я тоже в отпуске. Никуда не поехал, огородом занимаюсь. Нынче картошку окучивал: сей год картошка бойкая, в куст хорошо идет, а там не знаю, не подкапывал.

— У нас тоже картошка хорошая, — сказала Клара.

Лишь теперь, обговорив с нею все дела, Иван Демьянович проявил интерес к Алексею. Он, вполне очевидно, хотел бы спросить его: как звать и какая фамилия, откуда и зачем, надолго ль, что и как? Он высказал все эти вопросы одним цепким и требовательным взглядом. Но тут его взгляд коснулся их соединенных рук — Клара по-прежнему держала Алексея за руку, не отпускала, — и он не задал вслух своих строгих вопросов, не посмел задать, видно, это очень много значило, как беспрепятственный пароль везде и всюду, то, что Клара Истомина держала его, Алексея, за руку: стало быть, наш, свой, вопросов не имеем, а имеем — не задаем, проходи, товарищ.

Иван Демьянович вскинул свою мотыгу на плечо и, кивнув им, зашагал дальше.

Клара выждала, пока отбухают сзади его отяжеленные глиной сапоги, а потом объяснила:

— Лапшин, председатель Комитета по делам искусств, начальник наш. Хороший дядечка. Я его, знаешь, с каких помню? Вот с таких. С детских лет, когда еще пионеркой была, а мама совсем еще молодая была и веселая, певунья...

Голос ее дрогнул.

— До войны все это, когда отец был живой. Дружили они с Иваном Лапшиным, баянисты оба... Отец погиб, а этот, видишь, без руки вернулся. Теперь не заиграешь. Поставили его на пост.

Оказалось, что и тут они были ровня, оба безотцовщина, как и все почти кругом. Но Алексей отметил про себя, что вот они как еще мало знакомы с Кларой, что не расспросили друг друга об этом и не встретиться им на пути Иван Демьянович, то не было бы, наверное, и речи.

Еще Алексей отметил, что у Клары есть мама, а идут они к ее дому.

И еще он подумал вдруг: а не подчинен ли по службе Ивану Демьяновичу директор Дома народного творчества Матвей Кузьмич Малафеев? Вот если бы так. Мог бы тогда спросить Иван Демьянович с незадачливого директора: как же это ты, Матвей Кузьмич, обидел хорошего парня, бедного студента, гостя? Тем более что я лично знаю его, знаком с самой лучшей стороны... Где он? Может быть, пропадает тут, в незнакомом городе, без средств к существованию, без крова? А вдруг он, не стерпев обиды, уже плывет обратно на пароходе «Тютчев», проклиная тот день и час?.. Вот кабы так, вот был бы спрос — по справедливости!

Но теперь не было смысла рассуждать об этом. Все было кончено.

И город и улица, по которой они шли, тоже кончались.

Дома тут становились все приземистей, все убоже, теперь уже ничуть не городские с виду, а деревенские, сиротские, пропавшие дома. Слева к ним подступал редкий ельник, выросший на военных вырубках, а справа крутой овражный берег отламывал последние ломти запустелых и куцых дворов.

— Вот и наша Слобода, — сказала Клара Истомина. — Вот и наша Десята, у нас тут улиц нету, живут десятидворками, наша — Пятая...

Шаги ее делались все медленней и неуверенней, все мельче, будто робость целью сковала лодыжки, будто гири на них. Она уже оставила его руку: сам иди, сам живи, рассуждай сам. Шла-шла и совсем остановилась.

— А мамы дома нет, — сказала она. — Уехала в деревню на сенокос, родне помочь... Никого нет дома.

С этой крутизны, из Слободы, было видно далеко и ясно: как одна река, таясь за лесами, бежит попутно другой реке, то приближаясь, почти касаясь водою воды, то утекая в испуге, сторонясь; но русла их стягивает предопределение, согласно которому реки сливаются, и в том лишь разница, какая какую вберет в себя, поглотит, подчинит и назовет собой, — и было видно, как там, вдали, две реки сливаются воедино и дальше течет одна река.

Они подняли глаза друг на друга, посмотрели безмолвно и честно, решив: будь что будет.

— У тебя после этого на лице страданье, а ведь тебе хорошо, хорошо было. Почему ты страдаешь?.. Я знаю. Тебя мучит, что это грех, что ты согрешил. А ведь ты неверующий, нет, конечно. Но ты, должно быть, крещеный... Бабка крестила? Ну вот, угадала я. И на тебя это легло. Нет, не возражай — легко, на душу легло. И еще у тебя это в крови — от дедов, от прабабок. Они бога боялись, греха боялись, хоть и грешили. А вот ты, хоть бога и не признаешь, а радости сполна не знаешь, для тебя радость — грех, оттого у тебя и бровки заламываются, как на иконе... Что? Нет, погоди, отдышись, и я отдышусь. Но я доскажу сперва. Это было про тебя. А про меня — что? Мне хорошее — хорошо, радость в радость. Я ведь язычница совсем. Нас Стефан Пермский силой креститься заставил, страхом, ну, мы для виду и крестимся, а все равно тому же пню поклоняемся... либо пню, либо вовсе ничему. Как и ты — ничему. Только ты еще и страдаешь, хоть сам не понимаешь отчего, а я — нет. Понял?.. Вот теперь иди.

— Ты в Москву уедешь, а я здесь останусь. Может, вспомнишь меня? Вспомнишь, конечно: меня забыть нельзя. Да я и сама напому, если захочу... Между прочим, мы еще до вас в Москве жили спокон веков. Вы туда после нас пришли. Сомневаешься?.. А вот что такое — Москва? Для вас Москва — просто имя красивое, важное, непонятное. А для нас — Коровья Речка, вот и все, однако правильно... Знаешь, когда я в Москву приехала, на вокзале растерялась совсем — будто меня в кипяток сунули. А потом, когда вышла к Москве-реке, тут сразу и успокоилась: все кругом такое знакомое, свое, будто опять дома... Нет, при чем здесь кино? Я в кино и Америку повидала, но ничего во мне не ворохнулось. А тут сердце с рожденья помнит, до рожденья даже — помнит. Наверное, потому меня туда, в Москву, и тянет... Ой, да что же ты такой ненасытный? Как с луны...

Он плыл и плыл по волнам сна, даже во сне сознавая, что это сон, глубокий и сладостный, укачивающий ровно и легко, как речная вода колышет лодку, волна пробегает под днищем, а лодка остается на месте, ее удерживают весла, два весла, размеренно окунающиеся в воду, — тихие всплески и скрип уключин, когда эти весла, как крылья, закидываются назад и вверх.

Алексей открыл глаза.

Чистое утреннее небо в окне, умытый, остуженный в дальних океанах, ощутимо круглый шар солнца. Все это было и есть на самом деле. А зыбких волн и лодки, конечно, нет и не было: они оттого, что в беспробудном и крепком сне непременно к утру увидишь воду, пора вставать. Но вот что еще было не во сне, а наяву: внятный скрип железных уключин — откуда, где? Он ощущал постель рядом с собою, Клары не было, исчезла, лишь мятый след. На спинке кровати — ее платье, кинутое впопыхах, в горячке.

Он опустил ноги, встал на крашенные половицы. Тотчас гладкое тепло коснулось голени, протянулось, кольнув электрическими искрами и дрогнув напоследок хвостом, — кошка, которой он не видел вчера. Но кошка эта была серая и невзрачная, ничем не напоминавшая Клару.

А железо продолжало скрипеть, будто ходил маятник настенных часов, но часов не было на стене.

Он босиком двинулся на этот странный звук.

За распахнутой в сени дверью была лестница со сбитыми и скошенными ступеньками — он по ней, так как звук определенно доносился оттуда, сверху. Вскрабкался тихо, сторожко; над головою открылся квадратный лаз, и он высунул из него голову, как из проруби.

Горбатились замшелые стропила, вдоль тянулись решетины, а поперек, пуская в щели свет, лежали прогнившие доски кровли... Чердак был огромен, когда глядишь снизу, мрачен и пуст.

В гребень крыши были вбиты кольца, два железных прута держались за них, а сами они держали неширокую досочку, и досочка эта металась от одного ската к другому на полный мах, и если б не было этих скатов, то и удержи не было б и эти качели пошли бы кувырком через себя, вверх тормашками, закружились бы пращой, солнышком или просто улетели бы, пробив крышу, в белый свет.

Алексей вертел головой, а над ним упоенно и отважно неслась по воздуху Клара Истомина — будто ведьма, словно ангелица, как дитя.

Она с силой выбрасывала вперед ноги, вытягивала их в одну линию, в струну, и ее незаплетенные длиннющие волосы не поспевали за полетом, их относило вспять, они, как дым, вились за нею, — но тут полет замедлялся, замирал на мгновение в крайней верхней точке, и она летела обратно, рывком убрав под себя ноги, выставив круглые колени, и тогда волосы всею своей косматой тяжестью кидались наперекор движению, облепляя щеки и шею, укрывали грудь, змеились по бедрам, уже напрягшимся для того, чтобы снова бросить ступни вперед и снова взлететь.

Он продолжал стоять на ступеньке — голова наверху, а сам внизу, — глядел, онемев.

Она заметила его, достала пяткой пол, затормозила, прервала полет, соскочила с качелей и, укрывшись все тем же своим богатством волос, припала к лазу:

— Здравствуй.

Взяла его голову на ладонь, как с плахи, поцеловала в губы.

— Не уедешь, нет.

Но этот город был все еще полон сокровенных тайн. Некоторые тайны были просто сокрыты от его глаз, куда он слонялся, осваиваясь, там, внизу, у реки. Их заслоняла гора. Но они сразу открылись, когда он взошел на эту гору. Выяснилось, что там, наверху, есть еще множество каменных зданий, слепящих белизною стен, сияющих светлыми окнами, целый город, невидимый, пока ты потерянно бродишь внизу.

Более того, взойдя, он замер от удивления: прямо перед ним на горе стоял его собственный Библиотечный институт — тут как тут, весь как есть, знакомый до черточки, до чертиков, будто его перенесли сюда из подмосковных Химок по воздуху, по облакам. Будто бы весь его институт спровадили сюда на практику вслед за ним.

Он подошел к распахнутой двери, сквозь которую сновали взад-вперед суетливые абитуриенты с роковой бледностью на лицах и еле теплящейся в глазах надеждой, точь-в-точь такие же, каким он сам был год назад, — он подошел и прочел над дверью, что это здешний Педагогический институт. Алексей понял, что этот институт построили в одно и то же время с его институтом, по одному и тому же типовому проекту, оттого они так разительно схожи.

Через дорогу высилось здание с угловой ротондой, похожей на академическую ермолку, — и впрямь оказалось, что это здешний филиал Академии наук.

Дальше красовался почтенными четырьмя этажами и развернутыми крыльями Дом печати, который, как подсказала Клара Истомина, ему и был нужен.

А еще дальше, за этими зданиями, оголялся обширный загородный пустырь в холмах и оврагах, а там уж и ничего больше не было, только густой лес, может быть даже тайга, медвежья, волчья.

Алексей, переведя дух, оглянулся с горы на подгорье. Было нетрудно догадаться, что тут, на возвышенном месте, был сделан почин новому городу, который не желал иметь сходства с тем, другим, уездным, лабазным, мещанским, распластавшимся в низине. Он стоял тут, наверху, на чистом ветру, терпеливо дожидаясь, куда истлеет, сопреет, рассыплется в труху деревянный нижний город. Или же просто война помешала ему, этому новому городу, победительно хлынуть вниз, снося старые улицы, дома, изгороди будто щепу.

Вообще на третий день пребывания в Городе-на-Реке все окружающее уже не казалось Алексею Рыжову таким захолустным и жалким, как показалось вначале.

В вестибюле Дома печати ему навстречу поднялась милиционерша с рядами латунных пуговиц на двубортном синем мундире, в португее с кобурой, спросила, кого надо, куда идет, он ей сказал, что к товарищу Улитину, она ему объяснила, что к товарищу Улитину на третий этаж. Он поднялся по широкой лестнице, уже ощущая в сердце уважение к высоте и легкий трепет.

Тугощекая румяная секретарша доложила и велела заходить.

Семен Ильич принял его в просторном кабинете с панелями из крашеного линкруста, с большим письменным столом и грузными кожаными креслами. Стекла книжного шкафа были задернуты изнутри шторками в складочку, и географическая карта на стене была тоже с одного бока задернута шторкой, неизвестно, что там за секрет. На столе лежали оттиски газетных полос, марки, с глубокими продавленными буквами.

— Садитесь. — Семен Ильич кивком указал на кресло. — Чем могу?

Он не изъявил особой радости по поводу того, что недавний попутчик, сосед по каюте, вдруг возник в его кабинете, все-таки

пришел к нему. Однако лицо его не выражало и злорадства по этому поводу: ага, мол, явился не запыхавшись, так-то, голубчик, нас не обойдешь, не объедешь,— нет, этого не было. На лице его было выражение спокойного удовлетворения, сознания непреложных закономерностей, которые человек, мыслящий диалектически, способен предвидеть даже в самых простых житейских ситуациях,— и он предвидел.

Между прочим, сейчас, в своем служебном кабинете, Семен Ильич даже внешне выглядел совсем иначе, нежели на пароходе: теперь он ничем и нисколько не напоминал беспечного курортника, знатного чаевода. Весь облик его был деловит и строг. На нем был китель из светлой и тонкой, по времени года, серой ткани, застегнутый на штатские пуговицы вплоть до горла, до отложного воротника. На нем, когда он вышел из-за письменного стола, были такие же серые брюки, заправленные в мягкие шевровые сапоги. В руке он держал трубку с хохолком рыжего табака — на пароходе Алексей не видал этой трубки, не замечал, чтобы Семен Ильич курил, ведь жаловался на сердце, однако он и сейчас не торопился раскуривать эту трубку, а просто держал ее в руке. Жесты его были медлительны, глаза из-под бровей смотрели пронизательно и зорко, голос был негромок и чуть хриловат.

— Чем могу? — переспросил он.

— Да вот... с гостиницей помогите, броня нужна, — выложил первое, что пришло на ум, Алексей.

— Гостиница? — наморщил лоб, соображая, Семен Ильич. — Вот оно что, гостиница... А у Малафеева вы были?

— Был. С бронью он помочь не может.

— Ну? — удивился редактор. — Неужели не может — с бронью? А что он может?

Алексей вздохнул и не ответил. Ничего не может.

Улитин перегнулся через стол.

— Ну ладно. У меня времени мало — вот полосы лежат нечитанные... Идешь ко мне?

— То есть как? В смысле практики?

— Да, в этом самом смысле.— Семен Ильич нахмурился нетерпеливо, уминая пальцем табак в нераскуренной трубке.

— Ну, если в этом смысле... Иду.

— Восемьсот тридцать, плюс гонорар, плюс командировочные. Устроит?

Алексей отмахнулся небрежно: он уже слышал про все эти плюсы.

Улитин кинул ему чистый лист бумаги, искупал перо в чернилах, протянул.

— Пиши в правом углу: редактору газеты «Северная звезда», фамилия, инициалы — мои, конечно... Ниже, вот тут, посредине: «Заявление». С красной строки: «Прошу зачислить...» Что? Давай обмакну.

— Писать «временно»? — уточнил Алексей.

— Да, конечно, так и пиши. Мы иначе не можем — испытательный срок. Еще поглядим, что ты умеешь... Подпись, дата.

Нажал под столешницей, будто собственный пуп, в приемной загудело, отозвалось. Тугощекая секретарша приоткрыла дверь, с обеих сторон обитую стеганой кожей. Он поманил ее пальцем, начертал на заявлении резолюцию, отдал.

— Ася, это в приказ. Соедини с Полупановым. Пришли ко мне Яшу.

С обеспокоенной миной глянул на часы, на ворох газетных нечитанных корящихся полос.

Вскоре под столешницей гуднуло ответно. Он снял трубку телефона.

— Евгений Логинович? Здравствуй, дорогой ты мой... Приступил-приступил, к завтраму уже и позабуду, что был в отпуске... Гулял? В радоновой ванне я гулял, задницей пузыри гонял — знаешь, полезно и смешно... Слушай, Евгений Логинович, вот какое дело. Тут ко мне товарищ из Москвы прибыл, будет работать в редакции — ты ведь знаешь, каково у меня с кадрами. Фамилия — Рыжов. Надо ему сделать номер в гостинице, питание в столовой актива, а об остальном я сам позабочусь. Сделаешь?.. Добро, он к тебе зайдет через час... Ах, едешь в санаторий, туда же? Ну счастливо, гоняй пузыри, ха-ха-ха!

Положил трубку, отер с губ смех.

— Это из обкома, Полупанов, завотделом. Знаешь, где обком? Не знаешь. Он у нас в самом центре. Спустишься с горы, мимо рынка, пересечешь площадь — ну не площадь там, а пустырь...

— Где взорвано?

— Что? — Улитин пытливо возрился на него. — Тебе кто об этом поведал?

— Никто. Сам увидел.

— Сам? Глазастый... А ведь я еще на пароходе угадал, что ты глазастый. Журналисту это не во вред. Но мы тебе маленько зрение поправим: что надо — то видь, а что не надо — то мимо глаз... За полтора месяца наладим зрение — ого-го!.. Так вот, сразу за площадью — обком.

Дверь снова приоткрылась, в нее втерся человек с курчавой шевелюрой, уже тронутый сединой, но юношески верткий в движениях. Он придерживал на груди расстегнутый кожаный футляр дорогого «кодака».

— Вызывали, Семен Ильич?

— Да, Яша. Сделай-ка портретик этого товарища, моментальный, для удостоверения, чтобы к утру было готово. Не знакомлю вас, некогда, сами потом познакомитесь. — Он опять покосился с тоскою на полосы. — Делай.

Яша с дружеской бесцеремонностью, хотя они еще и не познакомились, поднял Алексея за плечо и отвел к окну, к свету. Взял за подбородок, потрепал по щеке, будто девицу, устанавливая как нужно. Примерился, щелкнул. Выставил ладошку: еще раз, сей минут, анфас, щелк; дружески подмигнул — дескать, еще кадрик испортим, для хорошего человека не жалко.

Алексею надоело, он жуть до чего не любил сниматься, попытка для него, а тот все щелкает. Он возьми да и поверни голову вбок: был анфас, стал профиль, есть такая известная композиция — анфас и профиль; но когда он повернул голову вбок, то увидел, что Семен Ильич Улитин, оторвавшись от полосы, смотрит с укоризненной усмешкой: дескать, ай-яй-яй, что за детский сад, что за неуместные и неприличные шуточки, даже погрозил ему пальцем.

Яша насадил крышку на очко, застегнул свой «кодак» и пошел проявлять.

— Деньги у тебя есть? — спросил редактор.

— Деньги? Есть, конечно.

— Сколько?

— А вам сколько надо?

Улитин покачал головой: ох и маета с этим парнем.

Опять снял трубку, сказал барышне номер — телефоны тут были с барышнями, не автомат, провинция.

— Анна Сергеевна, к вам сейчас зайдет товарищ Рыжов. Выдайте ему аванс на мелкие расходы — рублей пятьсот. За гостиницу будем перечислять. Приказ печатают, занесут позже. Все.

Кинул трубку на рычаг.

— Бухгалтерия на первом этаже. Завтра к девяти — сюда. До свиданья.

В гостинице дежурила опять прибалтийская дама в чалме.

Алексей ждал, что она спросит, где же он пропал столько времени, почти двое суток, думали уже, что заблудился в лесу, или утоп в реке, или забрали его куда, — но она ничего подобного не спросила.

В равной мере он предполагал, что она как-то выразит свое удивление тем, что ему удалось получить броню на комнату в гостинице: ведь номеров нет, мест нет, съезжается актив, все железно забронировано, — а между тем звонит из обкома сам Евгений Логинович Полупанов и дает распоряжение срочно выделить отдельный номер для товарища Рыжова из Москвы, выполняйте, все.

Но она отнеслась к этому совершенно безразлично, только велела оставить паспорт да еще рубль за прописку, он дал, а она ему выдала ключ от номера.

Он прошел за барьер, отыскал среди других свой обшарпанный чемоданишко, хотел пересказать, не открывая, что в нем, а затем и предъявить, но она не выразила сомнений в том, что чемодан принадлежит именно ему, так поверила.

Его номер был на третьем этаже.

Алексей отпер, заглянул и сразу увидел: прямо напротив окна, за балконной решеткой, через улицу высилась знакомая ему пожарная каланча, на ее площадке прогуливался пожарный в усах и каске, пошатывая кругом, не горит ли.

В комнате стоял письменный стол, с одного края залитый чернилами — видно, тут уж и до него жили писучие люди, — а на другом краю была настольная лампа с колпаком зеленого стекла.

Гардероб с зеркалом, кривоватым, в рыжих пятнах, но большим, во всю дверцу — он полюбовался в нем собою в полный рост. Еще тут было два стула с клеенчатыми сиденьями и клеенчатыми спинками, медные граненые головки гвоздей по краешку обивки.

В углу комнаты стояла кровать с блестящими никелированными шишками, с пышной подушкой, ворсистым одеялом. Он вспрыгнул на кровать, разлегся: скрипнув, осели пружины, мягко, благодать, а до чего широко и привольно — хоть женись.

Оставалось разведать, в какой стороне умывалка и сортир, далеко ли бегать. Он нашел их в конце длинного коридора, но и от туда была видна его дверь, даже ключ, торчавший наружу, был виден — так что, в общем, недалеко.

По коридору с чемоданчиками и портфелями тянулись гуськом вновь прибывшие постояльцы, и по тому, как оживленно и громко они переговаривались, перешучивались друг с другом, как по-свойски вели себя в этой гостинице, Алексей понял, что это и есть актив, съезжавшийся в столицу, — на него ссылался Малафеев: мол, послезавтра.

Тем не менее, подумал он, возвратившись к себе и присев к письменному столу, несмотря на это чрезвычайное обстоятельство, невзирая на то, что единственная в городе гостиница оказалась наглухо и неприступно забронированной, редактор газеты «Северная звезда» Семен Ильич Улитин сумел-таки одним звонком добыть ему место — и не просто место в общем номере, где койка на койке, двадцать коек, а совершенно отдельный, просторный, да еще с балконом, отлично обставленный номер.

Лишь сейчас, приглядевшись к окружающей обстановке, Алексей вдруг понял, отчего, когда он десять минут назад впервые переступил порог этой комнаты, — отчего в нем возникло чувство светлой радости и даже такое ощущение, будто ему все здесь давно знакомо и вроде бы он бывал здесь уже много раз.

Над дверцей гардероба, на спинках стульев, на тумбочке у кровати, на ящиках письменного стола, за которым он сидел, — вот, прямо под рукой — был один и тот же повторяющийся дере-

вянный узор: спелые колосья с ядреными зернами, серпы и молоты, звезды и шестерни, опять снопы колосьев, все это перевитое широкими лентами кумача.

Он родился и счастливо вырос среди этого.

Нет-нет... если уж быть совсем точным, то в самой ранней его детской или даже младенческой памяти гнездились иное. Квартира в Кронштадте, на Песочной улице, близ морского госпиталя. В этом госпитале когда-то служил его дед Андрей Петрович, врач, умерший задолго до его рождения. И сам он, Алеша, родился в морском госпитале, чем всегда был горд, хотя все кронштадтские женщины рожали в морском госпитале, больше было негде. А потом его привезли в дедовскую старую квартиру, первый в его жизни кров.

Он смутно помнил обстановку этого дома, ее цепкие детали: когтистые лапы птиц и когтистые лапы львов. Вся мебель опиралась на такие ножки, на эти лапы, меж которыми он ползал, еще не умея ходить. А поднявшись, увидел: простертые орлиные крылья и хищные орлиные клювы, гривастые львиные головы, разинутые пасти. Еще мечи и секиры, щиты и стрелы, лавровые жесткие венки... Почему-то именно такие украшения избрали люди для своего жилья, для своего домашнего обихода в то далекое и непонятное время.

Но вскорости все переменялось.

Отцу и матери по службе приходилось то и дело переезжать: из Кронштадта в Ленинград, а оттуда опять в Кронштадт и снова в Ленинград.

Этими веками в основном и обозначилось Алешино детство: с кронштадтских пристаней в синие погожие дни был виден в створе Финского залива, в невском устье, за тридцать верст сияющий купол Исаакия, а с ленинградских портовых набережных в ясную погоду можно было увидеть такой же золоченый купол Морского собора в Кронштадте.

И повсюду, где он жил в те поры, его окружала мебель светлого немореного дерева, крепко сколоченная, без причуд, без затей, отменно простая и удобная и всегда украшенная этой славной резьбой: колосья с налитым зерном и колкой длинной остью, зубчатые тракторные колеса, звезды, серпы и молоты, шестерни, знамена, ленты.

Вряд ли неугомонные его родители таскали за собою через Маркизову лужу туда-сюда все эти гардеробы, столы, стулья. Может быть, эта мебель была даже не собственной, а казенной, выданной в пользование морским интендантством или хозуправами гражданских учреждений, но и там и там эта мебель была совершенно одинаковая, своя в доску. И во всех домах и квартирах, где Алеше случалось бывать в гостях — у друзей его родителей, а позже и у личных его дворовых и школьных друзей, — буквально везде глаза его сразу находили эти привычные знаки: шестерни, колосья, серпы.

Однако в сорок четвертом году, когда он вернулся из дальней и долгой своей эвакуации, когда мать привезла его из детдома в послеблокадный жуткий Ленинград (уже не в Кронштадт, а в Ленинград), тут он не нашел ничего от прежней мебели: все пошло на печь на растопку, на дрова — и столы, и стулья, и шкафы, и серпы, и снопы, и звезды. Он еще ездил в центр, где жили прежде, на 9-ю Советскую, пытался найти своих тамошних приятелей и кого-то даже нашел — некоторые выжили в блокаде, а некоторые, как и он, возвратились из эвакуаций, — но нигде, ни в одной уцелевшей ленинградской квартире он больше не встречал той довоенной мебели, всю пожгли.

Вот почему он так обрадовался, когда увидел здесь, в гостиничном номере в Городе-на-Реке, столь далеко от всего на свете, что он

оказался далеким и от войны, — когда он встретил здесь своих старых знакомцев, эти колосья, звезды и шестерни, вырезанные на светлом дереве, он искренне обрадовался им, ему показалось вдруг, что он возвратился в привычный и понятный, близкий уму и сердцу мир своего детства.

Но одними воспоминаниями сыт не будешь, а колосья напомнили о хлебе. Ведь он еще не обедал, а солнце в окне клонилось к вечеру. У него в кармане лежали талоны на питание в закрытой столовой на целый месяц, на каждый день, на трижды в день — их выдал ему в обкоме Евгений Логинович Полупанов, объяснив попутно, что эта столовая находится неподалеку от гостиницы, пройти задрами, пять минут ходу.

В столовой пахло щами, котлетами, подливкой, клюквенным киселем, табаком и мойкой.

Зал был огромен и набит до отказа: за всеми столами бренчали ложками-вилками, дружно жевали, хрустели, грызли — собрался актив со всего города, из всех районов, не врал Малафеев.

Никого тут не было и не могло быть знакомого Алексею, ведь он тут впервые. Но, оглядывая зал в поисках свободного местечка, он вдруг увидел за одним столом своего недавнего знакомого: Настоящий Станиславский, склонившись низко над тарелкой, страстно пожирал котлету, деля ее на кусочки, тыча в соус, — значит, уже нашел сюда дорогу, выклянчил пропуск, присосался. Алексей усмехнулся кривенько и повернулся к нему спиной, чтоб не пришлось здороваться.

— Рыжов, эй, Рыжов!

Да, это его, впервые появившегося в закрытой столовке, кто-то окликал по фамилии, но не с той стороны, где Настоящий Станиславский, а с противоположной, он пригляделся и узнал: фотограф Яша, который нынче утром щелкал его в редакции своим «кодаком», — он махал ему рукой, приглашая, рядом с ним сидел незнакомый человек, едок с третьего стула как раз встал и ушел, а четвертый стул был вообще свободен. Алексей не видел причин уклоняться, избегать зова — все-таки знакомы с самого утра.

— Садись, — сказал ему Яша, ладонью оглаживая скатерку. — Разреши представить: Василий Васильевич Бубеев, ответственный секретарь редакции.

— Ну-ну, без чинов, — заскромничал сосед, протягивая руку. — Бубеев, за глаза — Вась-Вась, скоро тоже научитесь... А я о вас кое-что уже знаю, должность такая, обязывает, хотя прошу, убедительно прошу — без чинов! В нерабочее время — без чинов. Договорились?

— А моя фамилия, ты ведь не знаешь, Черношварц, — сказал Яша. И пояснил: — Я еврей. Но еврейские анекдоты при мне — можно.

Только сейчас Алексей почувал, что от них обоих несет водочным духом, а перед ними стоял пузатый порожний графинчик. Но нельзя было сказать, что они были слишком уж пьяные, нет, в норме, как раз в той самой норме, когда разговаривать друг с другом уже надоело и появление нового человека за столом вызывает свежий прилив чувств.

— По сколько закажем? — деловито осведомился Яша, подымая графинчик за горло. — Еще по сто?

— Ему двести, штраф, — уточнил Бубеев.

Алексей, покорно вздохнув, вынул из кармана талоны на питание и командировочную хлебную карточку.

— Этого не надо, — показал Бубеев на карточку. — Хлеб здесь дают свой.

— А куда же девать? — удивился Алексей.

Впервые за долгие-долгие годы ему сулили дать хлеб без карточек, и даже непонятно было, куда девать сегодняшние талоны, как отоварить, как выкупить. Более того, эти сегодняшние талоны на хлеб могли остаться неотоваренными — ведь уже вечер, — пропасть зазря, чего с ним, с Алексеем, ни разу не случилось за все прошедшие долгие-долгие годы.

— Сухари суши, — подмигнул Бубеев. — На подоконнике.

Яша подхватил графин и направился к буфетной стойке.

А подошедшая к столу официантка взяла талоны, сказала:

— Обед не вырван. Щи давать?

— Выбейте товарищу мозги, — осклабясь, раскоже пошутил Бубеев.

У него был на редкость широкий рот, и потому зубы в челюсти были расставлены не плотно, а на некотором расстоянии, чтоб хватало от угла до угла.

Вернулся Яша Черношварц с графинчиком и третьим стаканом, налил, сказал:

— Поехали.

Вась-Вась сглотнул до дна, вслушался, как пошло, дотоле мутноватые и вялые глаза его оживились, просветлели:

— Ну, с приездом тебя, Алеша. Могу — Алешей?

— Можете, — разрешил он.

— Какими судьбами к нам? Знаю, что на практику. Но вот интересуюсь: почему именно к нам? У тебя здесь есть кто?

— Никого нету.

— Почему же именно сюда выбрал?

Алексей подумал и ответил кратко:

— Север.

— Ах вот оно что, — подхватил довольный ответом Бубеев. — Ну, конечно, мечта детских лет: челюскинцы, папанинцы, через Северный полюс в Америку, да?

— Конечно, — подтвердил он. — Все мечтали.

— А ведь Северный полюс далеко отсюда, — снова заулыбался Вась-Вась. — Дрейфующие льды, торосы, белые медведи — о-очень далеко. Ведь тут у нас, в городе, ничего такого нету. Даже оленьей упряжки здесь не видали. Только оленятину, — он потыкал вилкой в стылую свою котлету, — вот.

Алексей зажевал медленней, пытаясь уловить вкус, он ведь не знал, что котлеты из оленьего мяса.

— Я вообще-то попал сюда случайно, — объяснил он.

— Случайно?

Бубеев весь подался к нему, как будто того и ждал, словно только этого слова ему и не хватало, и вот оно произнесено.

— Значит, случайно?.. А между прочим, Алеша, я здесь тоже случайно, совершенно случайно. Представь себе. Даже о Северном полюсе я никогда не имел мечты... Или же возьми его. — Вась-Вась тронул вилкой Яшину грудь. — Скажи, Яша, ты мечтал? Или тоже случайно?

— Случайно, — подтвердил Яша Черношварц. — Я родом с-под Николаева, но после фронта туда не поехал, там у меня никого не осталось, — и вот случайно приехал сюда. Но я не обижаюсь, мне нравится, — заверил он.

— А что такое случайность? — спросил Бубеев, вдохновляясь. — Как философская категория? Случайность — смотри необходимость, да-да... Случайность — это лишь скрепление необходимостей, результат причинного хода. Больше того, случайности в чистом виде вообще не бывает. А иногда, — он значительно поднял палец, — иногда они даже тождественны друг другу: случайность является необходимостью, а необходимость случайна... Вот ты думаешь, что просто игра случая, так?

— Я ничего не думаю, — хмуро отодвинул тарелку Алексей. Ему сделалось скучно от этих пустых рацей.— Приехал и приехал. Как приехал, так и уеду. Вам какое дело?

— Ершистый, — то ли похвалил, то ли осудил Яша.

— Да ведь я не про то. Я хотел объяснить философскую сторону...— В голосе Вась-Вася была досада, слышалась усталость, а глаза его постепенно меркли, угасали, пыл сменялся тоской. — Яша, поди-ка еще возьми, — тихо попросил он.

— Хватит. Много будет, — остерег фотограф.

— Яша, — положил ему руку на плечо Бубеев, — я разметил тебе?

— Разметил, — подтвердил Яша.

— Я хорошо тебе разметил? По-божески?

— По-божески, хорошо.

— Что ж ты...

Вась-Вась крепко выругался.

Хотя Алексей и не понял, о чем между ними шла речь, но ему не хотелось, чтобы они при нем затевали ссору. Он собрал стаканы в три перста и понес их к буфетной стойке.

За стойкой важно возвышалась грудастая краля, голова в кудряшках, а возле нее на стойке высилась громадная бутыллица. Но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что краля эта уже немолода, не первой свежести — лет к тридцати. А кудряшки-то, кудряшки, как на овце. А пазуха-то, пазуха, будто всю выручку туда затолкала.

Но гораздо больше этой пожилой крали Алексея заинтересовала бутыллица водки, стоявшая возле нее: она была в человеческий рост, не взрослый, конечно, а подростковый, в ней, поди, было литров десять, а поверх была прилепнута обычная водочная наклейка, ну и посудина, он еще никогда таких не видал, вероятно, специальный северный розлив.

— Силен пузырь! — восхитился Алексей.— А можно такой выпить?

— Смотри сколько сидеть, — сказала краля, отмеряя. — Сидите дольше.

Навалилась на прилавок всей пазухой, заглянула ему в лицо.

— А вы правда из Москвы?

Оказывается, все тут уже знали, в этой закрытой столовке, в этом потешном городе, что он из Москвы.

— Истинная правда,— заверил он.

Бубеев спал, уронив голову на грудь.

Они чокнулись с Яшей.

— Я до войны не пил,— сказал потом Яша Черношварц.— Я на войне начал. Всего сто грамм, но каждый день. Привык, знаешь... В нашей армейской редакции было два еврея: я и Сеня Коган, печатник. Он боялся спиться, отдавал свои сто грамм метранпажу Сорокину. А мне было жалко отдавать. К концу войны Сорокин спился, он еще употреблял технический денатурат. Я пью, как все. А Сеню Когана случайно задело осколком, насмерть, как стоял...

— Опять случайно? — Бубеев открыл глаза. — Я ведь только что объяснял: в чистом виде случайностей не бывает, случайность — смотри необходимость...

— Разве была необходимость, чтобы Сеню задело? — удивился Яша.

— Не в этом дело, — отмахнулся Вась-Вась и, взяв стакан, догнал их. — Я хочу, чтобы вы уловили взаимосвязь: она во всем, во всем без исключения. Обязательно. Классический пример: что такое выпуклость? — Бубеев обвел пальцем наружные грани стакана. — Берем энциклопедию, находим букву, слово. А там? «Выпуклость — смотри вогнутость...» — Он обвел пальцем стакан изнутри,

облизнул палец. — Именно так: выпуклость — смотри вогнутость! — торжествующе заключил он.

— Знаешь, Василий Васильевич... — скептически поморщился Яша. — Я заглядывал в эту твою энциклопедию, в шкафу, немножко полистал. Так там у тебя на картинке, — он понизил голос, — Троицкий там с бородой и Зиновьев—Каменев в натуре, на плотной бумаге, офсет... Это как же?

— И здесь тоже надо искать взаимосвязь, причинности! — шепотом возликовал Бубеев.

— Я и нашел, — перебил Яша Черношварц. — Я сразу понял, почему ты раньше был энциклопедистом, выпускал в Москве энциклопедию, а вот уже семь лет припухаешь тут. По какой причине. Только ты не обижайся.

— Все это ерунда! — громко и смело в отличие от этих двоих шепотливых пьяниц заявил Алексей Рыжов. — Что за чушь: выпуклость, вогнутость?

— Не кричи, — ласково попросил Яша. — Смотри, никого уже нет.

Алексей оглянулся: да, в просторном зале столовой было пусто, лишь за одним отдаленным столиком бухтела, склонив над стаканами головы, такая же теплая компания, как они сами.

И отдыхала за стойкой, сидя в уголке, краля с кудряшками.

— Вот-вот, — несколько тише, но еще уверенней заговорил он. — Почему если выпуклость, то обязательно вогнутость, почему? Вот у нее здесь и здесь... — Алексей показал пальцем на краю и где именно у нее. — Вот у нее здесь выпуклость и выпуклость, очень даже, а вогнутость где? При чем здесь вогнутость? И нету.

— О, сообщает, — похвалил Яша. — Это он про Зойку.

— Значит, нету? — переспросил Бубеев.

— Нету.

— Ладно. — Бубеев почему-то враз протрезвел, насухо, будто и не пил. — Совсем забыл тебе сказать. Завтра утром поедешь в Белый Бор, на генеральную запань. Очерк о лучших людях, двести строк.

— Я? — крайне удивился Алексей. — Это где, Белый Бор?

— Поблизости тут, километров двадцать, — уточнил Яша.

— Но... но мне обещали, что я поеду на Печору.

— Печора далеко, — сухо, совсем уже сухо произнес Вась-Вась. — Далеко и долго. Мы ведь не знаем, что ты можешь, что умеешь. Покуда мы тебя здесь попасем, вокруг города. Присмотришься, набьешь руку. И мы тоже присмотримся.

— А, собственно, почему об этом... почему приказываете вы? Семен Ильич просил зайти к нему.

— Семен Ильич с утра будет на активе. Это его задание. И в дальнейшем ты будешь получать задания через меня.

— Ответственный секретарь — хозяин редакции, — почтительно объяснил Яша Черношварц.

— Так что к девяти, — сказал Бубеев, трезво вставая.

4

Белый полуглиссер, внучатый племяш парохода «Тютчев», здрав нос, порол днищем речную гладь, а позади него вырастали и отваливались два кипящих буруна.

Спереди был ветровой плексигласовый щиток, в лоб и в глаза не брызгало, но поверх обдавало темя холодным и мокрым, даже кропило слегка затылок, и это было приятно.

Алексей вытащил из кармана своей кожанки красную коленкорую книжечку, на ней было оттиснуто серебром «Северная звезда», только что выданное ему удостоверение, которое вручила без

излишних торжеств, но от всей своей тугощекой и улыбочивой души секретарша Ася. Она же дала ему свежий блокнот, на нем тоже было тиснуто «Северная звезда» и еще сверху каждого листка, солидно. А в петельку блокнота был вставлен остро заточенный карандаш, Алексей поколол палец этим торчливым острием — Ася зарделась, значит, сама затачивала.

Он еще раз заглянул в удостоверение, полюбовался фотографией, чуть вздохнул: на всех фотографиях своей жизни он выходил жгучим брюнетом, хотя на самом деле был определенным блондином, и даже на этой карточке, снятой таким опытным мастером, как Яша, у него были волосы и брови пикового валета. У него тут были пронзительные и беспощадные глаза сербского партизана, хотя у него по правде были светлые глаза, даже не плотной голубизны, как бы ему хотелось, а еще светлей и мягче. Но все остальные приметы были налицо, а особых примет у него не было.

— Значит, вместе будем теперь работать? — крикнул, покосившись на его занятие, водитель полуглиссера Егор. — Вместе будем, взад-вперед, газету печатать, а? — Рассмеялся белозубо и весело.

— Вместе, — кивнул Алексей, оценив его шутку. В долгу не остался: — А ты кем идешь по судовой роли — матрос, моторист, боцман?

— Нет, я сухопутный. Зарплату получаю как шофер, но машины пока нету. То есть машина за редакцией числится — «эмка», довоенная еще. Во дворе стоит. Ну а что там от ней? Скорлупа одна. Мотор истерся, сыплется, починить нельзя. Рама гнутая, а шасси... — Он только рукой махнул. — Обещают новую машину. А пока я вот на этом езжу. А что? Хорошо очень. Все лето на воде, взад-вперед... Хорошо!

Егор с видимым удовольствием заложил руль круто вправо — полуглиссер лег на бок, выкраивая дугу. Их обдало искрометной пенной влагой.

— Хорошо! — согласился Алексей, хватаясь за борт.

Он догадался, что сейчас они проскочили речное устье и вошли в иное течение, вычегодское, но разницы почти не замечалось, там вода, тут вода, лишь берега отодвинулись друг от друга подале да ветер вольготней загулял по всей шире, качая волны, а там ветра не было.

Навстречу им крохотный буксир тащил по реке плот, распластавшийся по всему фарватеру, столь громадный, что казалось — вот он вытеснит саму реку из ее русла. Тьма бревен, целый лес, полтайги — как стояло, так и полегло, так и поплыло. Они, эти бревна, в совокупности своей были теперь как бы шершавой корой, одевшей могучий ствол реки. Схваченный надежной оплеткой, в тихом смирении плыл этот отыгравший, отшумевший лес: ни скрипа не издавали притершиеся друг к дружке тела, ни стопа, ни скрежета от напряженной железной сцепки, даже трудно было поверить, что такая несметная масса может быть в движении такой безмолвной.

Но буксирный катерок гугукнул им, предупреждая.

Они обошли по краешку это плавучее лежбище.

— Оттуда? — спросил Алексей. — С Белого Бора?

— Вполне может быть, — подтвердил Егор.

Алексей раскрыл свой блокнот и сделал почин, измарал страничку, ему это показалось интересным: что они туда, а навстречу им — готовый плот.

— А может быть, и с другой запани, — подумав, уточнил водитель. — С Талицкой или Шарьинской... Тут ведь не одна.

— Все равно, — сказал Рыжов, засовывая блокнот в карман.

Мчались дальше.

— Я ведь только прошлой осенью из армии демобилизовался, осенью будет год, — продолжил о себе Егор. — Захватил малость

фронта, потом служил в Германии. В союзной комендатуре, полковника Гурьева возил, Глеба Афанасьевича... А всего там четыре коменданта было: наш, американский, англичанин и еще француз. У каждого, конечно, выезд свой, взад-вперед, машина да шофер. Так вот американского полковника, колонеля по-ихнему, на «виллисе» негр возил, солдат, звать Джон. Очень черный, прямо-таки синий весь. Мы с ним познакомились, когда коменданты, все четыре, съезжались заседать. Они заседают, а мы возле машины тары-бары. Ну нет, конечно, какие тары-бары, если он по-русски ни словечка не знает, а я по-ихнему, по-английски, тоже не могу. Однако разговаривали: я ему про все «алё-алё», а он мне про все «давай-давай». Девка-немка, скажем, идет стороной, я ему намекаю — «алё-алё», годится, мол, а он мне «давай-давай», головою трясет, мол, годится, взад-вперед, это точно, скалится, сам черный, а пасть у него красная и глаза красные, звать Джон...

Егор прокашлялся, потому что весь свой сказ он вел на крике, стараясь перекричать рев мотора, а мотор ревел сильно и перекричать его было трудно, но ему очень хотелось рассказать про это, и вот он орал, надрывая голос.

— А один раз его колонель выходит с заседания — весь злой и потный, распаренный, поговорили, значит, — садится в свой «виллис», перчаточкой машет: газуй. Тот зажигание провернул, на газ жмет, а мотор молчит — хоть бы чих, нету. Он педаль топчет так и эдак, ключ выворачивает — молчок. Вылез, задрал капот и глядит... А я уж, понимаешь, раньше заметил, что железа он не знает, ничего в моторе не смыслит, совсем неграмотный — только баранку крутить. Стоит и смотрит, плечами жмет. А колонель из себя выходит, хуже прежнего злится, из машины тоже выскочил, орет. Ему — это я после узнал, Глеб Афанасьевич пояснил — надо было к самому командующему срочно... ну хоть пешком беги!

Теперь им навстречу в коварном полупогружении, как субмарина, плыло по реке одинокое бревно. Егор обогнул его и плюнул вслед.

— Да. Я вижу, выручать надо, все-таки мы еще союзники, а он — свой брат-шофер. Сунулся, ковырнул, оказывается, движок отключился, провод отошел, оттого и нет искры, а всего делов — довернуть гайку. Я довернул, взад-вперед, и к рулю: завелось с полоборота, сразу др-р-р... «Алё-алё!» — кричу. Он обрадовался, засуетился: «Давай-давай!» А колонель весь поблдедел — и хльсь ему по сопатке, несильно вроде, а юшка красная потекла. Смотреть дико, как в старые времена...

— Неужели? — отозвался Алексей с искренним удивлением. — Южанин, наверное, плантатор полковник этот.

— Не знаю... Только слушай, что дальше-то было. Назавтра колонель с моим полковником, Глебом Афанасьевичем, разговор имел через переводчика. А еще через день приезжает весь торжественный и вручает мне американскую медаль, не знаю, за какие заслуги, на ленточке вешает. Я, конечно, грудь колесом и: «Служу Советскому Союзу!» — не вам, мол. Привез я эту медаль, дома лежит, во как.

— А Джон?

— Джон?.. Мы с ним и после дружили по-шоферски: «алё-алё», «давай-давай». Так вот он насчет этой медали: поддернет-поправит ее на моей гимнастерке да на себя показывает: учти, дескать, это меня ты благодарить должен за высокую награду, через меня она тебе досталась, хотя мне и по морде залепили, а тебе вот из-за этого медаль. Бычится, гордится сам собой... вообще...

Егор помолчал, вспоминая это приключение, и было похоже, что там, в его воспоминаниях, имелись какие-то камни преткновения, о которые он до сих пор спотыкался.

— Странное дело... Что у них там негр — последний человек,

хуже любого белого, это я уже понял, тем более если прямо на людях по сопатке хлещут. И сам этот Джон понимал, что последний он человек, и сносил без возражений... Но вот последний-то последний, а вижу, что меня он, этот Джон, считает еще последнее себя, потому что он американец, свысока на меня поглядывает, по плечу похлопывает — «раш-раш», считает, если русский, то еще хуже негра... А ведь я семилетку до войны кончил, второго класса шофер, а он как есть совсем неграмотный! Странное дело.

— Да ничего тут странного, — успокоил Алексей. — От забитости это.

— Думаешь?

— Точно.

Вдали синий плес реки был перетянут наискосок ниткой деревянных бонов. И там, где эта ловушка сужалась, почти касаясь берега, сидели на плаву две машины, то и дело изрыгающие дым из труб. Подле них мелькали багры, будто вязальные торопливые спицы.

Егор отжал рычаг, сбросил скорость. Посудина, весь путь так надменно задиравшая нос над волнами, кротко легла на них, закачалась, закивала. Бревна плыли теперь навстречу уже целым косяком, ныряя и выныривая под самым носом, подставляя солнцу влажные горбы. Водитель суматошно крутил баранку, обходя их, будто вел автомобиль в густой чащобе, где того и гляди заблудишься, застрянешь.

— Елки зеленые! — ругался он. — Ведь запань для того и поставлена, взад-вперед, чтоб ничего мимо рук не уплыло, а плывет вон сколько... Говорят, до войны один норвег фирму держал: вылавливал в море лес, который от нас ушел, — крепко богател! Небось и теперь богатеет, а? — Егор расхохотался.

Алексей сунул руку в карман, хотел уж было и это записать в блокнот — про норвега и про его фирму, потому что сразу почуял тут смысл, урок. Но не стал записывать, так как не был уверен, что это стодится для газеты. И поди разберись еще, где тут правда, где байка: про норвега, про негра...

Да и не успел бы он все равно записать: лодка воткнулась в песчаный берег.

В дощатой конторке с ним вел переговоры технорук запани Коломиец. Человек, будто бы прирожденный для лесного дела: сам из себя коренастый, кряжистый, рубки угловатой и плотной, с кожей, задубелой на ветрах и солнце, а голова острижена в колючий хвойный ежик.

Рыжов протянул ему, как положено, свое удостоверение — тот отмахнулся великодушно, верю, мол, и так, но потом все же взял, погладил, не раскрывая, блестящий неистертый коленкор, поднес к ноздрям, нюхнул, не пряча удовольствия, и отдал ему обратно, всем тем свидетельствуя: вижу-вижу, что человек вы новый, забот наших не знаете и знать не можете, но что поделаешь, ничего не попишешь, прибыли — встречаем, спрашивайте — отвечаем, а робеете спросить — сами скажем.

— Вовремя пожаловали, товарищ корреспондент, — сказал технорук Коломиец. — Дела у нас совсем хреновые. Такелажа осталось на неделю, а то и меньше. Трест подводит, снабженцы. Сидим на голодном пайке.

— Минутку, — прервал его Алексей, устраивая блокнот на колене. — Об этом позже. Понимаете, мне надо насчет соревнования. Передовая запань, лучшие люди...

— Правильно, — согласился технорук. — Запань у нас хорошая, зная держим. Соревнование горит огнем. Что есть, то есть, верно. А чего нет, того нет. Такелажа нет, запас кончается, последние мотки... — заволновался он.

— Одну минутку,— сказал Алексей, вытягивая карандаш из пельки. — Ваше имя-отчество? Так... Богдан Самойлович, вы воевали?

Он решил взять за правило, что отныне и навсегда это будет первым и неизменным его вопросом: вы воевали? С тех пор как однажды пришла к нему простая мысль, что войны больше не будет и что число людей, которые воевали и выжили на войне, от года к году станет убывать, а число тех, кто, подобно ему, не поспел на войну, не воевал,— оно будет неизбежно прибывать год за годом. Эту вдруг явившуюся мысль он счел озарением. Потому что никто еще, как он замечал, не хотел задумываться над этим: ведь воевало большинство, несомненное большинство людей, особенно мужчин, почти все, почти каждый. Но ведь и они, он догадывался об этом, лишь остались в живых, уцелели меж павших на войне, павших, как и его отец.

Поначалу этот счет, мысль эта пугала и давила, угнетала его даже во сне — он просыпался в липкой испарине, — но позже он спокойней думал об этом, лишь утвердившись в своей мысли, которой пока никто не хотел брать в толк.

— Вы воевали? — повторил он.

Богдан Самойлович молча смотрел на него. В глазах его было испытующее напряжение, будто он силился понять — зачем и почему этот вопрос? Как будто он даже заподозрил в этом вопросе хитрый подвох, способ уйти от серьезного и делового разговора. Но вопрос был задан, и он ответил, прихмурясь:

— Воевал.

— Где?

— На Западном, а сперва на границе...

Карандаш Алексея бежал по странице блокнота, набрасывая стенографические знаки.

— Имеете боевые награды?

— Нет.

— Ранения?

Коломиец, не отвечая, стал медленно — пуговица за пуговицей— расстегивать ворот рубахи, под нею было голое темное тело. Глаза его сузились, закипая бешенством. Эти опасные глаза и не сулящее ничего доброго движение руки, раздирающей ворот, были знакомы Алексею (контуженный, ясно), и он решил прекратить об этом, сказал примирительно:

— Теперь насчет соревнования.

Рука, вздрагивая, пошла вверх по пуговицам, застегивая их.

— Нет, теперь насчет такелажа.

— Давайте, — покорился Алексей.

— У нас на исходе такелаж. Знаете, что такое такелаж?

— Знаю, вырос на море.

— Ну вот, хотя у нас другое: проволока — вязать пучки, стальной трос — оснастка для плотов. Кончается, запаса нету. А как кончится, так и все пойдет насмарку: график, план, соревнование... Хуже того, может сорвать запань: ведь лес идет с верховьев, прибывает, жмет. Тогда — под суд. А кого под суд, меня? За что?.. — Опять потянулся к вороту. — За то, что я пять раз в день звоню в сплавконттору, в трест? Езжу сам, а мне бесподручно оставлять производство, людей посылаю, а в тресте нам — вот... Понимаете, насчет соревнования — это хорошо, очень приятно читать, когда хвалят запань, людей, хотя я наперед знаю, что меня лично в газете не вспомнят...

— Почему же? — удивился Алексей, приостановив бег карандаша. — Обязательно.

Коломиец отмахнулся и продолжил:

— А если вы в своей заметке саданете по тресту — будет прямая помощь. Такелаж будет! Они, в тресте, испугаются, что в об

коме прочтут, что с них спросят, — и сразу дадут, даже забегут раньше спроса, чтоб ответить: уже дали. А нам того только и надо. И план сделаем, и огонь соревнования раздуем, и знамя понесем...

— Будет, — твердо сказал Рыжов.

— Слово? — обнадежась, смотрел на него технорук. — Печатное слово?

— Слово.

— Тогда пошли, корреспондент, к лучшим людям.

Они спустились по песчаному сыпучему белому берегу, зашагали по колеблющимся на воде мосткам.

Залом был набит плотно, туго. Бревна, попадая в ловушку, не тотчас находили дорогу и место. Они, еще сохраняя и неся в себе скорость речного течения, с разгона бились лбом в другие комли, подталкивая их нетерпеливо, а сзади их тоже поджимало, и они, скользкие и верткие, высывались из воды, становились на дыбы, норовя взлезть на чужой такой же мокрый и скользкий горб, вдруг вставали на попа — и тут заломщики, приметив, где опасность, вонзали багры в их тела и растаскивали поврозь, проталкивали затор, но бревна опять наседали, громоздились, лезли друг на друга, как льдины в половодье.

— Вот видишь, что делается, — сказал Богдан Самойлович, — идет и идет сверху. Много леса нынче, еле управляемся. Врать не буду: когда чую, что обстановка аварийная, маленько перепускаю лес мимо запани...

— Норвегу? — шутя, справился Алексей.

Лицо Коломийца опять напряглось, черты обострились.

— Какому норвегу?

— Да так, байка это. — Алексей ухмыльнулся беспечно.

— А-а.

Голос технорука отмяк, но в глазах еще дотлевала подозрительность.

— Ну теперь давай перейдем на кошели, туда, — сказал он.

И они потопали дальше по мосткам, которые здесь, на запани, были будто тропки, будто те же, что и в городе, дощатые тротуары, однако не на суше, а на воде.

— Вот, познакомься — это Ия Шахова, бригадир.

Обернулась девушка в ситцевом платке, опеленавшем голову, и шею, и подбородок, только глаза да нос наружу, но все равно ее вздернутый нос шелушился чешуйками наподобие молодой картофелины, а брови и ресницы выгорели добела.

— Ты ему все тут объясни, Ия, расскажи, — поручил Коломиец. — Она тут все тебе объяснит, расскажет, — заверил технорук. — А он про тебя, Ия, в газете напишет, — посулил он ей. — А мне надо идти звонить в сплавконтору, — извинился он, — про то же самое, про такалаж, — объяснил он и пошел.

— А про нее уже в газете два-раз писали, про Ийку!

Алексея окружили, взяли в оборот девчата в белых косынках, вооруженные баграми, — они вмиг сбежались сюда с окрестных боннов и дружно заверещали:

— Ей уже два-раз, а нам бы хоть разок...

— Несправедливо! Другим разве не надо?

— Хоть бы в очередь, мы согласны!

— Записываю, — сказал он, раскрывая блокнот.

— Ой, да неужто и фамилию спросит и как звать?

— Нет, я не первая, погожу — погляжу...

— Да ему, девчата, поди, сперва объяснять надо — как!

— Вот я и объясню, — покраснев по красному, по сожженному, сказала Ия. — Ну-ка по местам, девки, лес упусти!

Бесконечными косяками золотистые бревна, уже присмирившие и упорядоченные, двигались к кошелям.

— Тут идет сортировка, гляди: это шпальник, его сюда...

Сортировщица, зорко углядев среди других то, что названо шпальником, зацепила, придержала багром бревно и точно послала его в один кошель, а в другой сразу же направила тонкую серую лесину.

— А это еловый баланс, — назвала Ия.

Алексей едва успевал замечать да записывать. Ведь еще пяток минут назад он об этом понятия не имел, не различал глазом, где что, все эти бревна были в его представлении совершенно одинаковыми, ну одно потолще, другое потоньше, а оказалось, что у каждого и своя примета, и свое название, и, главное, каждому свой кошель, своя дорога, каждому свое.

— Вот это пиловочник, — объясняла Ия. — Опять шпальник, а это рудстойка... а это дрова, так и называется — дрова.

Он едва успевал замечать: что шпальник толст и добротен, что пиловочник мясист и светел на срезе, что рудстойка торчлива, жилиста, а дрова заскорузлы, дуплисты, уродливы, кривы, дрова и дрова... Он едва успевал записывать. Но при этом еще в уме у него возникали соответствующие картины: как несется паровоз, заламывающая султан дыма, а за ним вагоны, вагоны, погромычивая на стыках, а за последним вагоном, оборвав мельтешенье, лежат рядом, как патроны в пулеметной ленте, ладно отесанные и густо просмоленные шпалы; как в черном, поблескивающем антрацитовыми плитами штреке, где он никогда не был, крепильщики вбивают меж кровлей и полом выносливые и упругие стойки; как визгливые пилы свежуют бревна, отваливая набок гладенькие доски — хоть лижи их; и как жарко пылают во чреве печи, постреливая, салютуя искрами, хорошие сухие дрова. Ох, что нынче за жарынь...

— А это палубник, — сказала Ия.

Он записал с охотой и радостью, потому что ему доводилось в детстве ходить враскачку по надраенным палубам военных кораблей, где служил его отец, и он не без права считал себя человеком морским, морской душой, он даже маленьким ходил в матроске с отложным воротником — гюйсом, — а тут как раз и палубник.

Ему вообще понравилось тут, на сортировке, где различали и разгоняли по кошелям лес. Он ощутил тут некую потаенную радость, внушающую веру в будущее. Ведь еще час или два назад, когда на подходе к Белому Бору они повстречали громадный плот, эти несметные и беззвучные, прикившие одно к другому бревна показались ему мертвыми, в них было покойническое смирение, они обозначали конец: был лес, шумел, играл — и нету, кладбище, аминь; а вот тут, на запани, вдруг и выяснилось, что нет, никакой не конец, что даже после конца дерева остаются жить для всякого предназначения и дела — одному быть шпалой, другому сиять свежим тесом, третьему держать потолок, а четвертому источать жар, — но в этом каждом был свой достойный удел, был наглядный зарок бессмертия и вековой жизни, который так приятен и приятен человеку, когда человек совсем еще молод, а он был молод.

— Теперь пойдем к машинам, — заторопила Ия Шахова, видно, он слишком тут задержался. — На блокстады.

— А вы давно здесь работаете? — справился Алексей.

— С войны. Всю войну и после, — кратко и просто ответила она.

Блокстадами оказались те две фабрички, которые он приметил издалека, подплывая к запани, — две фабрички, грузно оседлавшие теченье, как два довольно отвратительных спрута, сторожившие последний вольный путь бревен: едва под их брюхом накапливалось достаточное количество отсортированных согласно кондиции лесин, они, спруты, изрыгали клубы вонючего дыма — гых, гых... — под-

бирали щупальца и сдавливали бревна мертвой хваткой, только стон и крик, потом выталкивали, выплевывали уже туго связанный железом пучок, пучки плыли дальше, беспмятно кружась и тычась друг в друга, а на рейде их поджидали мужики с баграми и петлями — там вязали плоты... А щупальца блокстадов опять уходили в воду и душили на глубине.

Эти машины показались Алексею несимпатичными и, хуже того, неинтересными. Ну что напишешь про машины? И кому про них охота читать, хотя бы и в газете?

Он обернулся, глянул из-под ладони на девчат, уже далеких, суетящихся на мостках.

Ия поняла, зашагала обратно.

— О, к нам вернулся! — встретили его одобрительными возгласами.

— Обещал — не обманул...

— Сейчас он всех возьмет наперечет!

Алексея и впрямь потянуло к этим задорным, вострым и опасным на язычок девчатам, не обремененным бригадирством, как Ия Шахова. И работа их ему понравилась: различать глазом, распознавать умом, — тем более что он уже и сам понял смысл этой работы, сам улавливал разницу между шпальником и рудстойкой.

Но ходить среди них с блокнотом и карандашиком и задавать с важным видом вопросы — как, мол, вас, и с каких пор, и какие ваши дальнейшие стремления, — нет, это было невыносимо для него, нелепо и стыдно, тем более что он парень, а они девушки, нет, это было не по нем. Да еще вспомнилось совсем недавнее и уже запечатленное в памяти добром, чем дорожат впоследствии и в чем находят смысл гораздо больший, чем просто случай: как все население парохода «Тютчев» без различия пассажирских классов и служебных рангов, стар и млад, все без исключения, как только им сделалось ясно, что надо, что само по себе не двинется, что без них не обойтись, что все зависит от каждого (а им просто объяснили это, без лишнего пафоса сказали правду), — как тут же все они двинулись по сходням на берег, разобрали пилы и топоры, выстроили цепочку, с рук да на руки — и задышали котлы парохода...

Ему захотелось опять и самому вкусить этой радости. Алексей живо сбросил с плеч кожанку, кинул к ногам, засучил рукава рубашки, подхватил с мостка чей-то багор, подошел к краю.

— Ну зачем вы? — негромко, не для всех, но озабоченно проговорила Ия Шахова. — Зачем вам?.. Все же вы представитель, вам не годится, не положено...

Но девчата-сортироващицы уже подзадоривали его:

— Вот это юнош! Молодец...

— Покажи-ка силу!

— Да верней целься...

Он воткнул багор в налимье, серое с чернотой и пятнистым узором замокшего лишайника еловое тело, быстро сообразил, что это баланс, и послал его направо, в тот кошель, куда полагалось направлять баланс.

Следом высунулась лесина, она вертелась в воде так и эдак, потому что не знала, на какой бок ей лечь, потому что была кривобока и корява, в комле широка, как граммофонная труба, а дальше узилась — поди вот вытеси из нее шпалу, выкрой хоть одну доску, нет, не выкройши, — и он уверенно толкнул ее в последний кошель слева, на дрова.

Но тут подошла к нему, как на заказ выплыла достойно и плавно, будто красуясь собой, золотисто-розовая сосна, прямая как стрела, округлая и гладкая в обхвате, полная женской зрелой дородности, — она была так хороша, что он не смел, не мог набраться решимости вонзить в нее железо, а она медленно и спокойно уходила

от него, и тогда он испугался, что упустит, что уже упустил ее в любовании, прозевал, опоздал. Склонясь, он дотянулся все же, не острием багра, так хоть крючком, лишь бы остановить, а там уж и додумать — куда и как...

Но тотчас его руку дернуло всею силой поступательного ровного движения и повлекло за собой. Он мог бы еще разжать пальцы и отпустить, бросить багор, был такой миг, когда он еще успевал это, но не спроворился, а миг пронесся. И теперь рвануло не только руку, а всего его с головы до пят. Он не устоял, не удержался — и с размаха ничком рухнул в воду, взметнув шумные брызги...

Вынырнул, отплеываясь, глотая воздух, отодвинул залепившие глаза волосы.

Девчата лежали на мостках вдоль и поперек, поваленные хохотом, как ветром.

Ия Шахова протягивала ему руку, глаза ее были круглы от испуга, она, конечно, боялась, что он не умеет плавать и сейчас пойдет ко дну, утонет, а не утонет, так эти подружки засмеют человека до смерти, а если он и выживет, то ей, бригадиру, так и так достанется от Богдана Самойловича за этот непорядок, за подобные дела, у-ужас.

Алексей отвел ее руку, уцепился за край, оперся и легко вынес тело из воды, выскочил на сухое, но с него текло ручьями и враз под ним напрудилась лужа.

Девчата хохотали навзрыд.

Он, внутренне похолодев, тронул мокрые карманы на груди и бедрах, но тотчас увидел свою кожанку, лежавшую в стороне: блокнот был там, удостоверение там, деньги там.

— А вода теплая, — невозмутимо сообщил он.

Однако нужен был еще какой-то отыгрыш, чтобы выйти из этого конфуза, как выходят сухим из воды.

Он шлепнул себя ладонями по груди, по бедрам, по ягодицам — все было мокро, и шлепки получались звонкими, — снова и снова, да побыстрей, да поцыганистей зашлепал там и сям, а набухшими, хлюпающими башмаками взялся выкаблучивать при этом матросское «яблочко».

Сортировщицы перестали смеяться, замолкли и глядели на него во все глаза в пугливом опасении, не рехнулся ли.

— До свиданья, — сказал Алексей, подобрав и встряхнув кожанку. — Салют.

Отойдя чуть далее, убедился, что никто, кажется, и не заметил, что стряслось там, на сортировке, никто не обратил внимания на его падение.

Ну и прекрасно.

Однако, зло скрипнув зубами, он тут же мысленно поклялся, дал святой зарок, что отныне и навеки, нигде и никогда, ни при каких обстоятельствах он не станет соваться не в свои дела, лезть, куда не надо, потому что всегда нужно знать свое место и свой чин, и если тебя поставили толкать бревна — толкай, пни ворочать — ворочай, землю рыть — рой, но уж если тебя отрядили писать в газету — знай пиши.

Он поравнялся с блокстадами, когда те издали пронзительный и сильный свисток. И сразу же кругом закипела новая суета: шабаш, конец смены.

Пожилой сплавщик, мимо которого он проходил, снял брезентовые рукавицы, положил с собою рядом багор, лег на мосток и, макая усы, начал пить из реки чистую воду, при этом он сдувал с поверхности крошки сосновой коры, чтоб не лезли в рот.

Алексей вытащил блокнот и записал.

Егор тоже лежал на бревнах, свесив голову к воде, у зачального полуглиссера и был до того сосредоточен и увлечен чем-то, что даже не оглянулся, когда над ним навис Рыжов, и тем паче, к радости Алексея, не стал спрашивать про его мокрый плачевный вид, где, мол, испуался.

Он придерживал двумя пальцами, в щипке, как балалаечную струну, отвесно убегающую вглубь лесу, толстую, надежную, — может быть, и впрямь струна, воловьей жила.

— А что тут... — начал Алексей.

Но Егор зашипел на него:

— Ш-ш! Клюет, вишь, взад-вперед...

Он присел рядом на корточки, заинтересованный весьма и весьма, сразу позабыв о своих только что пережитых злключениях, спросил тихо:

— А что тут есть?

Водитель полуглиссера без слов тронул ржавый стальной трос, к которому тоже была привязана жила, спущенная в воду. Алексей заглянул и увидел кукан, а на кукане сидели, соткнувшись носами, будто совещаясь, штук пять хороших рыбин, толстых в спинке.

Егор поддел струну, она запела от натуги, и он пошел выбирать ее быстрыми махами, скидывая выбранные витки обратно в воду, чтоб леса не путалась на сухом, видно, что мастак, не дурак, рыбак бывалый, — он выбирал, сучил, плотноядно и хищно улыбаясь, значит, шла, слегка присуетился, когда жилу завело под бревна, это рыба, тоже не дура, пыталась оборвать и уйти, но он ее, лапушку, вывел обратно, подтянул и косым броском (чтоб упала не на воду, а на бревна, когда она вдруг потяжелееет, переходя из стихии в стихию) извлек наружу; она сверкнула на солнце дорогим серебром чешуи, полохнула алым опереньем, забила сильным хвостом, вытянула в трубочку окровавившийся рот.

— Язь? — узнал Алексей.

— Ну не сам язь, так подъязык, — заскромничал охотник, выдирая из рыбьего неба крючок. Прodel кукан под жабры, отправил вниз совещаться.

— Дай я! — взмолился Алеша.

— А чего, попробуй, — великодушно разрешил Егор, ставя перед ним жестянку с жирными червями, тихо делившими меж собой катыши влажной черной земли. Значит, хозяин полуглиссера имел постоянно в запасе снасть и насадку.

Алексей наживил, расправил поводок, поднял железное грузило, чтобы раскрутить его пращой и закинуть подальше, но Егор оставил заброс:

— Не надо, опускай так. Тут глубынь метров девять да само-теком еще унесет. Течение тут быстрое: ведь это Вычегда, а не Шпрея...

Железо кануло, увлекая за собою, разматывая в воде витки, вот леса напряглась — Алексей поддел, зашипнул, чутко слушая струну мякотками пальцев.

Он знал и любил эту ловлю донками еще с детских довоенных светлых пор на море и на реке, отец научил, он тоже был заядлым рыболовом. Но вот что странно: потом, в войну, во время долгих тягот его второй эвакуации в захолустном Городище на берегу озера Неручь, он ни разу не вышел с удочкой на берег, хотя рыба в озере водилась изобильно и хотя, казалось бы, в том еще и был верный способ добыть себе приварок на беспросветной голодухе, — но нет, не только он, но и никто из ребят детского дома не ходил рыбачить в ту пору, странно. А позже, вернувшись в Ленинград, он иногда лишь наблюдал от безделья, слоняясь после школы, как удят корюшку на Неве, на Охте не умершие блокадные старички и мальчуганы.

Так что эта рыбалка на северной большой реке была для него и приятным сюрпризом, и неожиданной забавой, и возвращением в столь далекое детство.

Почти сразу как насадка легла на дно, он почувствовал там, на глубине, возню и тормошенье и уже предположил, что хищная мелочь рвет на части, в розницу, червя, подумал, что надо бы сменить насадку, слегка потянул лесу и этим увиливающим движением раззадорил кого-то, заставил позабыть осторожность, заставил сработать хватательный инстинкт — хватъ, цап, — леса дернулась, отяжелела, заметалась на глубине, он добавил подсечки и начал выводить, предвкушая, гадая о своей удаче: язь? лещ?..

Из воды выбросилось ему прямо на колени дивное существо, изгибающееся, будто у него и костей нет, одни хрящи, на спинке торчалastoкол шипов, а нос был тонок и вытянут гвоздем со шляпкой на конце, юрк-юрк, — он испугался, отдернул руки, ой, но Егор отважно и цепко перехватил поперек живота это страшилище, зажал, пригляделся, воскликнул, донельзя удивленный сам:

— О, гляди! Да ведь это стерлядка... Ну и ну! Сколь живу тут, а не видывал еще, чтоб кто-то поймал. Повезло тебе, Леха, взад-вперед! Не зря говорят, что новичку везенье...

Он все катал ее в ладонях, заглядывал в рот и под нежный животик, трогал шипы, покачивал головой, выражал восхищенье:

— Ну ладно бы щуку с руку! Ладно б тайменя, чтоб того не мене! А вот стерлядь — первый раз вижу... Как сюда дошла, взялась откуда? — Расцвел в горделивой улыбке: — Ну что, парень, Вычегда наша не Шпрёя, а?..

Алексей, как обычно бывает с рыбаками, когда им выпадает удача и великое счастье, оглянулся по сторонам: нет ли еще кого поблизости, чтоб увидел его счастье, засвидетельствовал, поздравил, а сам бы сдох от зависти, — нет ли кого?

На высоком обрывистом песчаном берегу стоял человек в резиновых броднях с отвернутыми раструбами, стоял и смотрел из-под руки на клонящееся к закату солнце.

Алексей узнал: технорук Белоборской запани Коломиец, он самый. Что высматривает?

А вдруг и он опознал их: как они тут с водителем полуглиссера коротают времечко за хорошим занятием, дерг-подерг, ловись, рыбка, большая и маленькая. Это вместо того чтобы, вихрем домчавшись до города, до редакции, с пометкой «молния» напечатать в завтрашнем номере газеты статью о том, как бедствует без такелажа передовая запань... Ну, может быть, их лично он и не опознал — с такой высоты, из такой дали, — однако их белый полуглиссер, конечно, заметил, как не заметить белоснежного красавца с четкой надписью на борту «Северная звезда»?

— Слушай, поехали... — сказал Алексей, закручинясь. — Пора уже.

— Ехать так ехать, — сразу согласился Егор. — Мне была б команда, взад-вперед.

Он извлек из воды кукан с рыбой, швырнул его в лодку, отмотал чалку, оттолкнулся веслом, сел к рулю, Алексей рядом, завел, дал газ — и они понеслись.

Через полчаса крутой вираж влево подсказал, что они, оставя Вычегду, входят в устье ее притока.

Егор пошарил под сиденьем, достал оттуда низку снулой уже, в померкшей чешуе рыбы, протянул своему пассажиру:

— На.

— Да ты что? — оторопел Алексей. — Куда мне?

— Бери-бери. Тут и твоя ведь.

— Куда мне ее брать? Сам подумай, я в гостинице живу: графин с водой — и вся посуда.

— Поварихам в ресторане прикажи — жарят. Чма... — сглотнул вкусную слюну Егор.

— Я в закрытой столовой питаюсь, — объяснил Алексей, — ужинать опоздал, а до завтра нельзя, протухнет.

Но все же представил себе в мечтах, как он входит в большой, звенящий ложками, скрежещущий вилками зал столовой, идет степенно и гордо, придерживая у бедра на отлете кукан с вальжными язями, лещами и стерлядками. Все замолкают, выпучив глаза. «Это сколько же рыбы! — потрясенно восклицает грудастая буфетчица Зойка. — И не съесть за раз». «Смотря сколько сидеть», — усмехнувшись, парирует он. А Настоящий Станиславский, жующий в углу казенную треску, вопрошает плотоядно: «Послушайте, где вы это достали? Какая чудесная свежая рыба...» «Наловил», — небрежно отвечает Алексей. «Вы?» «Я». «И-не верю!» — делает жест в отмашку Станиславский. Ну и черт с тобой, не верь.

Из-за сумрачной кромки берега высунулись, подобно приземленным азростатам, округлые, крашенные серебрянкой бензобаки, на них еще доигрывали сочные пятна вечернего солнца.

Алексей догадался, что это и есть те самые бензобаки, которые вызвали бурную вспышку местных патриотических чувств у Семена Ильича Улитина, когда они на «Тютчеве» подходили к Городу-на-Реке, а сам Рыжов не пожелал даже взглянуть. У него и сейчас эти сооружения, эти емкости, прямо скажем, не пробудили душевных волнений.

— Да неужто кошкам отдавать — такую сладость, такую красоту? — застонал водитель полуглиссера.

— А ты почему не возьмишь домой?

— Кому — кошкам?.. Нет у меня тут дома — квартирую у хозяйки, да мы с ней в контрах, потому что давно не плачено. Отец-мать в районе живут, я ведь и сам из района.

— Не женат?

— Нет, я парень еще, гуляю, взад-вперед.

Алексей одобрительно кивнул.

Вскоре за бензохранилищем, за той же темной верхней кромкой берега потянулись седловатые охлупни деревянных крыш, печные трубы в сбоях, чердачные зевы. И этот не слишком живописный, а попросту неказистый пейзаж вдруг показался Алексею очень знакомым, ах, как знакомо ему это, как досконально известно — но откуда?

Еще не вспомнив откуда, он дотронулся рукой до баранки полуглиссера, наклонился к ветровому стеклу и сказал:

— Егор, сворачивай... вон туда! — указал пальцем.

— Куда? — удивился Егор, но послушно заложил руль вправо. — Да это не город, Слобода еще.

— Вот-вот, туда мне.

Значит, зрительная память не подвела его. У него была отличная зрительная память.

— В Слободу? — переспросил Егор, атакуя берег напрямки. — Тебе что, необязательно в городе ночевать?

— Необязательно, — подтвердил Алексей.

— Фью... — весело присвистнул водитель полуглиссера. — Мне ведь тоже необязательно, могу заночевать здесь, а утром мы с тобой десять минут — и в городе... Фью! — беспечно насвистывал он. — Тогда и с рыбой никакой мороки нет, согдится рыбка, уж тут, в Слободе, я найду сковородку!

— Вот видишь, как здорово, — одобрил Алеша.

Оставив «Северную звезду» у берега на цепи с висячим замком

(все было предусмотрено в хозяйстве Егора), они покарабкались вверх по узкой тропочке.

— Я говорю, сковородка у меня тут найдется, — обернувшись, подмигнул Егор. — Га-арячая, взад-вперед, запрыгаешь не хуже язя! Ха-ха-ха...

Алексей хихикнул сочувственно.

Тропинка виляла из стороны в сторону, высота сокращалась медленно, преодолевалась с трудом и придыханием. Вот уже и полуглиссер, если оглянуться, сделался совсем крохотным белым лепестком, качающимся на волне, и сама река сузилась: так, речушка, отсюда видно ее устье, где она, дотянувшись, припадает к другой реке.

А слободские крыши, наоборот, приблизились, нависли уже над самыми головами, и серые прясла загородили краешек обрыва, ходу нет.

Егор все-таки не совладал с дыханием, остановился, не дойдя пяти шагов до того краешка. С некоторой подозрительностью глянул исподлобья на своего спутника:

— А тебе, Леха, куда? В какой тебе дом?

— Сам знаю куда, — засопел Алексей, чувствуя, как и в нем уже ворошится гневливое чувство соперника. — Обойдусь без прожатых.

— Нет, я к тому, что... может, возьмешь рыбу? Ведь тут и твоя.

Он опять протягивал ему тяжелую низку, то ли уступая, то ли откупаясь.

— Не надо. На ночь жрать вредно, — сказал Алексей.

И дальше по этой тропинке, где и одному узко, они пошли рядом, тесня плечом плечо, дыша друг другу в ухо и скашивая друг на друга зверские враждебные зрачки.

Однако под самым срезом обрыва, у забора, тропка вдруг разветвилась, разделилась на два рукава, раскинутые врозь, будто в пляске, — и Егора вполне уверенно повело налево, Алексей же убедился в том, что ему направо, ну да, так и есть.

— Э, — окликнул его издали Егор, негромко впрочем, потому что все окна в избах уже были темны, а на задворках подняли брех собаки, — чтоб к шести, взад-вперед, был на корабле!

— Есть на корабле, — ответил Алексей.

5

Зыков, литправщик секретариата, потыкал указательным пальцем в самый низ последней страницы, уже перепечатанной на машинке, затем поднял большой палец торчком, сказал:

— Мбу, мбу... мбу!

Алексей согнулся над страницей: что там ему понравилось, за что хвалит? А, это была концовка про то, как после свистка блокстадов, когда закончилась смена, усталый сплавщик снял брезентовые рукавицы, положил багор, лег на мосток и начал пить из реки чистую воду, сдувая с поверхности крошки сосновой коры, — вот что ему понравилось.

Вообще-то Рыжов не очень надеялся, что его первая заметка кому-то понравится, не гнался за успехом. Он был озабочен лишь тем, чтобы его не выгнали в шею сразу после этой пробы пера, чтобы дали еще попробовать.

Поэтому когда он сочинял, пыхтя, свою заметку, утробные его потуги в основном преследовали такие цели: ничего не сочинять, не выдумывать, писать лишь о том, что сам увидел, сам узнал и сам понял, для верности почаще заглядывая в блокнот.

И еще: в школе в старших классах ему удавались сочинения, он всегда получал за них пятерки, — так вот, когда он корпел над этой

заметкой, что-то подсказывало ему, что это должно менее всего походить на школьное сочинение, чем меньше — тем лучше, вот и все.

А потом он взбежал на четвертый этаж, отдал машинисткам, исправил после них ошибки, какие сам нашел, и отнес в секретариат.

— Мбу, мбу! — тряс головой Зыков, показывая уже другое место, где по реке плыл готовый плот будто венец всех трудов.

Алексей порозовел. Ведь тут он малость приврал, так как плот попался им навстречу еще по пути в Белый Бор, а он написал, что на обратном, однако это ничуть не меняло существа дела и, главное, вот — даже понравилось знающему человеку.

Он кивнул ответно Зыкову: мол, спасибо на добром слове.

Алексей уже знал, его предупредили, что Зыков глухонемой: говорить не может и не слышит ни черта. Но, вероятно, он был глухонемым не с самого рождения, иначе не понимал бы написанных слов, людского языка, во всяком случае его не посадили бы сюда, в секретариат, на должность литправщика: исправлять других, учить их, как надо, а как не надо писать в газету. Но ему понравились уже два места в заметке, которую сочинил Рыжов, и Алексей испытал чувство благодарности к нему и даже подумал при этом, что вот глухонемой человек, ничего сказать не может, а все-таки пытается высказать похвалу, а ведь мог бы на его месте оказаться и другой человек, с речью и слухом, не калека, для которого сказать вслух доброе слово не составило бы труда, а ведь ни за что, сволочь, не скажет.

— Мбу, мбу... мбу! — мотал головой из стороны в сторону Зыков, указывая теперь мизинцем на другую страницу, не в самом конце, а ближе к концу, предыдущую. Где говорилось о нехватке на запани такелажа, о том, что проволоки и троса осталось там на неделю, и если трест не обеспечит срочно Белый Бор снастью, запань станет — каюк графику, каюк плану и соревнованию тоже каюк, а лес все идет и идет по реке с верховьев... То, о чем умолял его написать в заметке технорук Коломиец: можно ни о чем другом не писать, а об этом обязательно.

И вот именно эта самая важная страница была вся целиком перечеркнута крест-накрест. Несомненно рукою Зыкова, потому что сейчас он тщился что-то объяснить, почему и зачем вычеркнуто, что-то доказать, тыкал туда пальцем, пришепывал и отметал прочь ладонью: мбу-мбу...

Эти косые росчерки пера, крест-накрест, эти запекшиеся чернила, эти, казалось, вспухшие борозды на бумаге Алексей сейчас ощутил всей своей кожей, будто это его самого исполосовали по живому — так больно.

— Да вы что? — заорал он на Зыкова во всю глотку, надеясь, что если крикнуть погромче, пояростней, то этот глухонемой правщик все-таки услышит, дойдет до его слуха, примет его. — Там люди сидят без такелажа! Ждут помощи, а вы...

Но Зыков упрямо мотал головой и повторял это движение ладони по бумаге — будто сметая с нее все буквы прочь.

Алексей был вне себя. Ну как он теперь покажется на глаза техноруку Коломийцу и всем остальным людям Белоборской генеральной запани, когда выйдет газета и в ней будет его заметка, а в ней — ни словца о деле?.. Что он скажет им в свое оправдание? Они ведь не поверят, что в редакции газеты «Северная звезда» сидит глухонемой правщик Зыков, который говорить не может и не слышит ни черта, ну нисколько не слышит, что делается вокруг, за стенами его кабинета, какая там, за стенами, кипучая и трудная жизнь, — а он только и знает что водить носом по бумаге, расставлять запятые и, когда ему вздумается, черкать по живому крест-накрест, вымарывать целые страницы, притом самые важные, — нет, они не поверят, сплавщики, они на смех поднимут за такие рассказы.

Они ведь не знают, что в редакции газеты «Северная звезда» сейчас некому работать — всех стоящих журналистов призвала война, держит армия, они скоро вернутся, приедут, наверняка уже едут, а пока вот приходится выкручиваться наличными силами, держать в секретариате глухих литправщиков, ловить на вокзалах, на пароходах встречных-поперечных, заезжих студентов, которые способны связать кое-как пару слов.

Нет, они не знают об этом, не поймут этого. Они просто дождутся там, на Белоборской запани, когда придет свежая газета, развернут ее, заглянут с надеждой — а там ничегошеньки нет насчет такелажа. Да, хорош гусь, скажут они: помельтешил тут, на запани, покрасовался в своей кожанке, с блокнотом да с карандашиком, сверзился прямо в воду, чуть не утонул, еле вытащили, отряхнулся, просох, наловил рыбки — и был таков... Несolidный товарищ.

Алексей, чувствуя, как от злости и решимости цепенеют скулы, выхватил рывком из пальцев Зыкова горемычные свои страницы, пересчитал, все ли тут, бережно разгладил и, уходя, процедил сквозь зубы еле-еле, чтоб тот не услышал, хотя он все равно ни черта не слышит, сказал напоследок:

— Глухая тетеря.

Но Зыков сразу услышал и понял, вскочил со стула как ужаленный, очень заволновался, пригрозил пальцем, потом схватил со стола чистый лист бумаги, трубно высморкался в него, скомкал и бросил в корзину — словно что-то хотел этим выразить.

Дыша негодованием, явился Алексей в соседний кабинет, к Василию Васильевичу Бубееву.

— Что, покровсали маленько? — сочувственно справился тот, на весу перебирая листы. — Зыков? Он, его почерк... Да ты садись, в ногах правды нет, хотя и в другом месте, на котором сидишь, ее тоже нет, — уточнил он, — а все равно садись.

Кинул в угол рта папиросу, раскурил, сощурился от дыма и лукавства.

— Знаешь, был такой случай. Ребята наши над Зыковым решили подшутить: взяли передовицу из «Труда», перепечатали ее на машинке слово в слово, положили ему на стол, дескать, в номер... И что ты думаешь? Он передовицу эту, голубушку, так отделал, так выправил — чистой строки не осталось! — Вась-Вась захохотал, вспомнив эту историю. Но добавил: — И, между прочим, ведь многое верно исправил, и по грамоте и по смыслу. Он ведь мастак своего дела, потому что о другом не помышляет, нет у него другого... Ну давай я все же пробегу.

Бубеев побежал глазами вдоль строк.

Алексей огляделся, он впервые был в кабинете ответственного секретаря.

Большая школьная географическая карта с топкой зеленью равнин, шероховатыми даже на вид горами, реками чернильной густоты простерлась во всю стену, — он отыскал там, близ Уральской гряды, близ Полярных Увалов, робкое рождение рек, проследил их извилистый сток, их слияния там, куда его занесло, где он сейчас находился и вот даже сочинил заметку об этих прекрасных местах.

Другую стену подпирал плечистый шкаф, за его стеклами выстроились в ряд грузные тома в переплетах алого сафьяна с золотым тиснением на корешках — Алексей догадался, что это и есть та самая энциклопедия, которую поминал в ресторане фотограф Яша Черношварц и которую, по его словам, когда-то выпускал в свет энциклопедист Бубеев, а теперь он тоже тут.

— Хвалю, — сказал Вась-Вась, перелистнув последнюю страницу. — Тем более для первого раза. Ты раньше ничего такого, а?.. — пытливо заглянул ему в лицо.

— Нет,— уверил Рыжов.— Нет-нет.

— Впрочем, это видно, что раньше ничего такого ты не предпринимал. Иначе тебе уже преподали бы урок...— Бубеев приблизил к нему почти вплотную редкозубую свою улыбку.— Дело в том, что Зыков прав. Вот это,— он коснулся перечеркнутой страницы,— надо обязательно убрать, а точнее — этого не следовало писать.

— Но почему? — вспыхнул Алексей.— Ведь это...

— Разнотык, дружище, вот что это. Смешение жанров, смешение целей, разнотык. Тебе поручили сделать зарисовку о лучших людях передовой запани, так? Так. Да ты и сделал ее, причем хорошо сделал: живо, броско, читаешь — будто видишь... Ну а это зачем? Начал во здравие, а свел за упокой. Ты представь себя на месте читателя: вот он читает, радуется, гордится, а дочитал — и рожа вытянулась, скисла... Зачем?

— Но если Белый Бор останется без такелажа, тогда как?

— А ты корреспонденцию эту для кого писал, для Белого Бора? Или для всех читателей?.. Ты знаешь тираж нашей газеты? Двенадцать тысяч, ого-го!..

Алексей, изнемогая от злости, отвел глаза. Они уперлись в стекло книжного шкафа, за которым безмолвно и чинно держали равнение тома в красных переплетах. Его вдруг осенило.

— Василий Васильевич,— беспечно отнесся он,— а как же насчет вогнутости?

— Какой... вогнутости?

— Помните, вы говорили: нужно всегда искать взаимосвязь. Если выпуклость — смотри вогнутость. И наоборот...

Бубеев кинул в сторону слегка смятенный взгляд, должно быть, на детище свое, на энциклопедию.

— Вы говорили: всегда и во всем эта связь,— наседал, увлекаясь, Алексей.— Если выпуклость, то и вогнутость. А в данном случае это особенно важно!

Широкая челюсть Бубеева отвисла уныло и разболтанно, сейчас было особенно заметно, как редки в ней зубы, как безволен и мягок весь его рот.

— Видишь ли, Рыжов, в принципе это безусловно верно. В принципе-пе!

— Я и хочу, чтобы в принципе.

— Да, но...— Вась-Вась жевал губы как жвачку.— Но ты, брат, чересчур буквально все это понимаешь.

— Что?

— Хорошо, я скажу тебе.— Он подобрался, нащупав довод.— Для газеты этот принцип не годится. Сложновато, перебор диалектики. Газета — она проще, прямолинейней, что ли. Она должна добиваться пользы конкретной, неотложной, порой даже сиюминутной...

— Вот я и добиваюсь. Они там не могут ждать — без такелажа станет запань. Ну Василий Васильевич! — взмолился Алексей.

Бубеев сгреб листки, постучал ребром, выравнивая.

— Идем к редактору,— буркнул он хмуро.— Только имей в виду, Рыжов, сейчас мне накостыляют по загровку, а виноват будешь ты. Идем.

Они зашагали по длинному коридору, куда свет проникал из ленточных окошек под самым потолком, да не прямо с улицы, а сквозь кабинеты, вполтину теряя яркость.

Улитин стоял подле письменного стола, глядя прямо на них исподлобья, испытующе — будто ждал.

— Слушаю.

Вась-Вась молча положил перед ним листки.

Алексею показалось, что с того момента, когда он впервые явился сюда, в редакторский кабинет, а было это лишь два-три дня назад, тут прибавилось солидности и торжественной важности. За счет чего же? Вроде бы все было как было, те же линкрустовые панели,

кожаные кресла, а вот все-таки отчего и почему? И вдруг Алексей понял, что это ощущение возникло у него лишь по той причине, что он только что перед этим был в другом кабинете, бубеевском, и там географическая карта висела на стене открыто, а тут карта была задернута шторками, леший знает, что там за ними. И книжный шкаф энциклопедиста Бубеева был весь наружу, как дома, как в магазине, а здесь тоже репсовые шторы в складочку, не угадать, что там, загадка и тайна.

— Так что? — недоуменно спросил Семен Ильич, дочитав. — В чем дело?

— Да вот автор возражает против сокращений, — съябедничал Бубеев. — Он, видите ли...

— А вы объяснили, почему материал сокращается? — холодно перебил Улитин. — Вы должны были объяснить. Автор молодой, только начинает, только пробует перо, и, кстати, — он пошевелил страницы на столе, — неплохо пробует, совсем неплохо, да... Вы должны были ему объяснить, почему эти сокращения необходимы, почему они совершенно правильны, в этом нет вопроса — правильны, — уточнил он, — а вы, ответственный секретарь редакции, тащите автора ко мне, затеваете третейский суд — как это прикажете понимать, Василий Васильевич?

Голос Улитина набрякал раздражением.

Вась-Вась кивал согласно и раскаянно, слушая эту речь, эти справедливые укоры, эту вздрючку, и лишь один раз в промежутке между кивками одарил Алексея выразительным взглядом: ну что, говорил я тебе, на кого падут шишки, кому накостылят по заправку, говорил или нет; говорил, эх ты, паря...

Алексей понял, что надо выручать человека и самого себя защитить, хватит молчать да чужие речи слушать.

— Я не возражаю против сокращений, — сказал он достаточно твердо. — Дело вовсе не в этом. Я прошу не вычеркивать, оставить критику в адрес сплавконторы и треста насчет такелажа. Это нельзя сокращать. Критику вообще нельзя сокращать, — добавил он уверенно, хотя еще минуту назад эта мысль и не приходила ему в голову, — нельзя.

— Вот как? — с язвительной уважительностью переспросил Улитин и, склонясь над столом, заглянул в текст. — Вы полагаете, что нельзя?

— Нельзя.

Семен Ильич, неслышно ступая мягкими сапогами по ковру, приблизился к Алексею, коснулся рукою его плеча.

— Послушайте, Рыжов. — Теперь его голос был вкрадчив и тих. — А как вы считаете: сплавконтора, трест — они нарочно не дают такелажа Белоборской запани? От скудости или назло? Или, может быть, там засели саботажники, вредители? Тогда давайте напишем в газете: так и так. И к ногтю их, мерзавцев!

— При чем здесь... Я этого не говорил. Я не писал этого.

— Разве? Тогда скажите, Рыжов: откуда берется такелаж — может быть, он в лесу растет на деревьях? Из чего, по-вашему, делается проволока, трос — из воздуха?

— По-моему, из железа, — не дрогнул Алексей.

— Ах из железа? То есть вы хотели сказать — из металла.

Улитин прошагал к своему столу, едва заметным движением указал, чтоб они сели, и сам тоже сел, горстью пальцев подперев лоб.

— Вот тассовский материал, только что принят... На «Азовстали» собирались ломать домну, взорванную немцами: крен, осадка. Ломать и строить новую. Но рабочие решили восстановить домну. Вышрямили, передвинули на новое место — всего за полтора месяца, — теперь домна задута. Это — подвиг!.. Но сколько еще лежит в развалинах: Кривой Рог, Запорожье, Макеевка, Никополь, вся южная металлур-

гия. Откуда же быть металлу в достатке, вы об этом подумали?.. Поставьте «Азовсталь» на первую полосу.

Он передал листок Бубееву.

— С металлом трудно. А вот наши местные, с позволения сказать, металлурги...— Семен Ильич задышал свирепо.— На активе опять склоняли Пычимскую плавильню: план второго квартала сорван. Проследите, Василий Васильевич, чтобы в отчете как следует их, да... Однако этого мало.

Темные глаза Улитина сблизились у переносицы, буравя Алексея насквозь.

— Очень хорошо, что вы смелы на критику. Мы вам предоставим такую возможность. И заранее обещаю, сокращать не будем: чем злее, чем хлеще — тем лучше. Василий Васильевич, распорядитесь, чтобы ему оформили командировку в Пычим. Дня на три, пусть приглядится как следует, пусть раскусит. Между прочим, вам это будет полезно, Рыжов: смена впечатлений, после дерева — железо. Ну вот. А с этим...

Он еще раз скользнул взглядом по страницам, лежащим перед ним. Досадливо крикнул, взял ручку и вычеркнул, перекрестил еще полстраницы в самом начале.

Бубеев и Рыжов потянулись оба к этому кресту как на целованье.

— О Коломийце не нужно, — объяснил редактор. — Совсем не нужно.

— Почему? — вскочил Алексей.

— По кочану, — спокойно осадил его Улитин. — Коломиец в плену был. Четыре года в немецком концлагере, в Норвегии.

— Где? — переспросил обалдело, не веря своим ушам, Рыжов.

— В Норвегии. Да какая разница где? Прославлять не будем. Нам нужны только лучшие люди... Кстати, Василий Васильевич, эта фамилия попадается мне уже второй раз, на третий я объявлю вам выговор. Новичку простительно, а вам...

Челюсть Бубеева опять свисла уныло, он снова с укоризной и тоской поглядел на Алексея: вот видишь, тебе все простительно, а мне все по загрызку — и ведь я предупреждал, что будет так, когда шли сюда.

— Свободны, — сказал Улитин.

Он спускался по лестнице, размеренно и четко ставя подошвы, а тут было гулкое эхо, оно усиливало звук, и на все это огромное здание, поди, было слышно, как Алексей считает ступеньки. Между тем он считал не ступеньки, ему было начхать свысока на эти провинциальные мраморные казенные ступеньки, а считал он — ногами и слухом — не ступеньки, а дни, оставшиеся до окончания практики и до отъезда отсюда. Ступенек донизу оставалось еще много и дней, увы, тоже. Полный срок.

Тогда он стал прикидывать в уме степень вероятности того, что в этот оставшийся срок (уже после выхода газеты с его первой статьей и уже после того, как он возвратится из командировки в Пычим, а на все это уйдет без малого неделя) он повстречается на улице нос к носу с техноруком Белоборской генеральной запани Коломийцем, и тот, поздоровавшись, а может быть, и нет, прямо скажет: «Что же ты, сукин сын, а?.. Да ведь ты слово мне дал, честное слово! Ты не только мне обещал, а через меня всему коллективу, включая бригадира Ию Шахову, — обещал помочь, а сам напустил слюней, утереться нечем, вот и вся твоя заслуга... А еще зачем ты меня битый час выпрашивал про то, как я воевал на границе, какие у меня огнестрельные ранения и сколько у меня контузий, то да се, а в своей слюнявой статейке даже словцом меня не вспомнил не упомянул, ни гуту, хоть бы имя одво, но я мол-

чу об этом, потому что я уже привык к тому, что мое имя держат в секрете, будто я партизанский батя, товарищ Н. Что молчишь, глаза прячешь? Ладно, это мы переживем, лично я переживу... Но насчет такелажа! Вот видишь, я приехал в город, в трест, именно затем и приехал, биться-добиваться, выручать Белоборскую запань, а навстречу мне по улице топают такая знакомая и противная, лживая насквозь твоя физиономия. Ну здравствуй, дорогой товарищ, наконец свиделись...»

Алексей лег грудью на перила, ноги его отказывались идти дальше.

Однако он вспомнил, как жаловался ему технорук Коломиец, что ему самому несподручно оставлять производство, ездить в город, что он предпочитает названивать да посылать людей, а этих людей Алексей Рыжов, слава богу, в глаза не видал, и они его не видали либо запамятовали. А если даже Богдан Самойлович и сам нагрянет в город, то еще неизвестно, по какой улице он пойдет, а по какой в это время будет шествовать сам Алексей. Хоть и невелик этот город, а улиц в нем предостаточно, чтобы счастливо разминуться двоим.

А там Алексей уедет восвояси, а Коломиец останется тут, мир велик, и в нем каждому свое, и навряд ли их пути еще когда-нибудь пересекутся, и скорей всего они больше никогда не встретятся в жизни.

И как ни много дней оставалось ему околачиваться здесь, в Городе-на-Реке, но день за днем истекал срок его летней студенческой практики.

И сколько ни было ступенек у этой казенной лестницы, а вот и они кончились, первый этаж, милиционерша с наганом, а в бухгалтерию от нее налево, Алексей уже бывал там, когда получал аванс.

Анна Сергеевна, пожилая бухгалтерша с добрыми глазами и тихим вкрадчивым голосом, отсчитала ему еще денег, сказала в наставленье:

— Главное, Алексей Николаевич, не забывайте про отчетные документы. Это у вас первая служебная командировка, и вам надо помнить, что за все придется давать отчет. Значит, на каждый рубль, что потратите, должен быть документ, бумажка. На командировочном удостоверении — отметка, когда прибыли, когда убыли, печать обязательно. За постой, за ночлег — счетик. Проезд туда, проезд сюда — билетиками...

— А на чем туда ехать, в Пычим? — спросил ее Алексей.

— Не на чем, — сочувственно сказала Анна Сергеевна. — Автобус туда не ходит. Разве что на попутке — грузовиком.

— Какой же с попутки билетик?

— Шофер даст расписочку.

— Так ведь не даст! В морду даст, если заикнусь...

Он весело рассмеялся, представив себе, как просит расписочку у шофера попутки, а тот его за это — в морду. Его очень рассмешила эта предполагаемая сцена. Но еще он испытал удовлетворение оттого, что уже обладал известной житейской сметкой, понимал, что не во всех случаях жизни человеку возможно обеспечить себя оправдательной бумажкой, получить билет, прикрыться счетиком, нет, в жизни был и определенный риск, это он, слава богу, понимал уже.

— Знаете, Алексей Николаевич, завтра в Пычим едет мой брат. — Голос Анны Сергеевны сделался еще тише. — Он в прокуратуре следователем работает. Едет в командировку. Не положено, конечно, брать посторонних, но я упрошу. Вы подойдите ранышком к прокуратуре. Габов Геннадий Сергеевич, следователь, юрист первого класса...

— А что там случилось, в Пычине? — понизил голос и Алексей. Но Анна Сергеевна только покачала головой, приложила палец к губам. Уж если брать посторонних заказано, то болтать лишнее и подавно.

6

«Черный ворон» ломился по тракту, зарываясь в колдобины, с натужным воем выползая из них, и снова трясся по разбитой грунтовке. Если бы он мог дать скорость, то клубы пыли, выметывающиеся из-под колес, оставались бы сзади, выедавая глаза и пороша ноздри тем, кто едет следом. Но скорости не было, и пыльные вихри тащились, не отставая, вместе с машиной, так и ехали в сплошной пыли. Заднее оконце «воронка», взятое крепкой решеткой, было мутно, ничего не разглядишь в пути. Да и на что смотреть? Лес и лес, гарь да гарь, кое-где плешина скошенного луга, клинышек приземистого ячменя, снова лес, опять гарь, пыль.

— А что там случилось, в Пычине? — спросил Алексей не потому, что его снедало любопытство, а просто так, лишь бы скрасить дорожную скуку. — Что произошло?

— Убийство, — вяло ответил попутчик, отнюдь не польстившись проявленным к нему вниманием. — Обыкновенное убийство.

— А кого?

— Шофера. С полуторки... В сущности, ни за грош человека убили. Нет, это говорится только, что ни за грош: кое-какие гроши при нем обязательно были. Калымил, как вся шоферня. Вы в любой кузов загляните — найдете пару досок, а то и три. Он их поперек с борта на борт уложит — и садитесь, сколько вас до Пычима, всем места хватит, чем не автобус. Пыльно, правда, зато с ветерком... А что еще делать? Тракт этот в четьреста верст, а на нем хоть бы один автобус — нет пока. Ну как жить? Людям сообщение требуется: от села к селу, да в поселок, да в город — у всякого своя забота. Ездят на попутках, не бесплатно, конечно, по десятке с носа — шоферу полный карман... Вот на этот карман злодей и польстился: обухом по голове — и все, плачь, подруга. Между прочим, парень этот, шофер, всю войну проехал — от Москвы до Праги — цел-невредим, а тут...

Попутчик махнул рукой.

Однако если разобраться по чину, то попутчиком был Алексей, а не он. Именно он был хозяином положения и посему имел даже полное право сесть в кабину «воронка», рядом с водителем, там и сиденье помягче, и пыли меньше, и обзор веселей — без решетки. Вероятно, он там и должен был ехать. Но еще в городе, у прокуратуры, когда Алексей подошел и назвался, предъявив красную книжицу, объяснил, что это он и есть по рекомендации Анны Сергеевны, вашей сестры, — Габов, секунду поразмыслив, велел сопровождающему милиционеру садиться в кабину, на почетное место, рядом с шофером, а сам вслед за Алексеем полез в эту неудобную камеру с жесткими лавками вдоль.

Он был в штатском, кепка и пиджак, но по всем его повадкам было заметно, что человек еще недавно — притом долго — носил военную форму, то есть служил в армии, наверняка был на фронте, еще не отвык от армейского обмундирования и к нему еще не вернулась привычка к гражданской одежде, она ему противна даже.

Впрочем, подумал Алексей, он ведь работает следователем, а вся прокуратура носит теперь мундиры с погонами, погоны чистого серебра с золотыми звездочками. Анна Сергеевна говорила, что ее брат — юрист первого класса. Сколько же это будет звездочек, если перевести на армейский счет? Вероятно, четыре маленьких, ровня капитану, не шибко. А едучи в Пычим, он все-таки переоделся в

штатское, чтобы ходить незаметней, серой кошкой, чтобы верней и внезапней схватить.

— Надеетесь найти? — спросил Алексей.

— Кого? — откликнулся тот с некоторым недоумением.

— Я имею в виду — преступника.

— А-а...

Габов помолчал, будто взвешивая в уме, стоит ли вести доверительный разговор с этим молокососом, которого навязала ему в поездку сестра. Слегка усмехнулся:

— Нам искать не надо. Мы знаем, кто убил.

— То есть как?

— А вот так... Понимаете, для маленького поселка вроде Пычима тайн не существует. Люди слишком хорошо знают друг друга, все о любом и каждом, всю подноготную — что у кого за душой, что у кого в кармане. И кто на чей карман способен позариться, на душегубство тоже — они обо всем догадаются без промашки.

— Тогда...

— Подождите, я не кончил. — Геннадий Сергеевич наклонился к нему, хотя никто их тут не мог услышать за воем мотора и лязгом разболтанных рессор. — Кроме того, милиция тоже не дура: у нее есть свои источники информации — бывшие уголовники, выходцы с того света. Так что милиция, — он кивнул в сторону сидящего в кабине конвоира, — уже наутро после убийства знала к т о.

— Я не понимаю, — честно признался Алексей Рыжов. — Если все известно... если давно известно... то я не понимаю.

— А вы и не должны понимать, — снова откинулся к железной тряской стенке следователь. — У каждой профессии свои секреты. Я, например, когда газеты читаю, тоже не всегда и не все могу понять. Такое, скажем: «Враг не должен пройти, подумал он и закрыл амбразуру грудью...» А откуда он, сочинитель, знать-то может, о чем тот думал, когда закрывал? Ведь он уже не расскажет: так, мол, и так...

— Да, мне это тоже всегда — поперек, — охотно согласился Алеша. — Но я так никогда не пишу, уверяю вас. Впрочем, об этом — о чем мы сейчас с вами говорим — я вообще не намерен писать. У меня совсем другое задание... Мне просто самому интересно.

— Ладно, — кивнул Габов. — Слушайте и вникайте. Мы знаем, кто убил шофера, кто его ограбил, знаем точно. А улики у нас нет. И свидетелей тоже нет. Вот тут милиция бывает иногда туговата соображением — насчет улики. И свидетели побаиваются: сами не идут, а спросят — жмутся, стесняются... А уж мы-то, прокуратура, обязаны — стражи закона, святой долг.

— Что же вы — на милицию насядете?

— Нет. Добудем улики, найдем свидетелей.

— Кто?

— Я. На то я и следователь. За тем и еду. Уразумели?

— Да... теперь — да.

Габов достал из кармана пачку «Беломора», встряхнул, протянул жестом расположения и щедрости.

— Спасибо, я не курю, — поблагодарил Алексей. — Я когда-то курил, но...

— Когда-то? — улыбнулся спутник. — В младенчестве, что ли?

— Почти.

Геннадий Сергеевич жадно заглотал дым и продолжил, не выпуская его покуда из нутра:

— А добыть улики будет трудно. Спустя неделю взять след — овчарка откажется, а вот я — возьми... Не скрою, немного претит такое собачье занятие. На фронте я бы... он бы у меня давно стоял

у стенки, точней — лежал... а тут придется чикаться, доказывать суду. Я докажу. Но все равно вышки не будет.

— Какой вышки?

Габов изошел дымом и досадливо поморщился. Кажется, его начинала раздражать непонятливость собеседника, его наивность и, главное, полное неумение хотя бы скрыть это молчанием.

— Я имею в виду высшую меру. Ведь отменили смертную казнь, совсем отменили — в мае этого года, в честь победы. Такие вещи вам бы полагалось знать.

— Для чего же? Меня это как-то не очень касается... — повел плечом Алексей Рыжов. — Но это хорошо или плохо?

— Указы правительства я не обсуждаю. Я выполняю их. Однако... для такого исключительного рода преступлений, как убийство, должна существовать и исключительная мера наказания. Здесь должна быть одна ставка: за жизнь — жизнь, отнял чужую — отдавай свою. Только это может остановить, иначе... ну, тюрьма, лагерь, срок — это его не остановит, тут он даже не задумается. А почему?

Габов снова наклонился близко, дыша табаком, и Алексей вдруг отметил для себя, что глаза Геннадия Сергеевича очень похожи на глаза сестры, Анны Сергеевны, но если у той глаза лучились тихой кротостью, вероятно даже противоречащей ее бухгалтерской должности, то у него они посверкивали сухо, с той лихорадочной страстью, которую он уже не раз замечал у людей, вернувшихся с войны.

— Я объясню вам почему. Вот этого вы знать не можете... Видите ли, там — в тюрьме, в лагере, — там ведь у них тоже жизнь, своя жизнь, не курорт, конечно, а все-таки жизнь. Со своим укладом, который делается привычным для человека, тем более что человек там не один, а среди таких же, как он, человек... Это вроде климата, да-да, вот некоторые люди живут в теплом климате, он им привычен с рождения, где-нибудь у Черного моря, а там, глядишь, волей обстоятельств человек попадает в другой климат — морозы под сорок, снега до крыш, — сначала ему кажется, что это конец света, конец жизни, ложись да помирай, но постепенно он осваивается в этом климате, привыкает к нему — и ничего, оказывается, жить можно, как другие живут...

Геннадий Сергеевич рассмеялся вдруг.

— Не случайно употребляют иногда такое выражение: мол, пришлось переменить климат — это о них... Слышали?

— Да-да, — обрадовался Алексей, ему действительно уже не однажды доводилось слыживать подобное.

— Ну вот, — опять посуровел и подобрался Габов, — так что для рецидивистов... а предумышленные убийства, как правило, совершают рецидивисты, и здесь, в Пычине, могу вас уверить, работал рецидивист... им этот лагерный климат куда привычнее, чем воля, они тяготеют своей свободой и не столько сознательно готовятся к новому преступлению, сколько тянутся к нему, ищут его, ищут неволи. Но вот если бы на кон ставилась жизнь...

Машину круто занесло вправо. Геннадий Сергеевич, чуть прижавшись, выглянул в окошко.

— Пычим, подъезжаем... как водится, за хорошим разговором и пути не уследишь.

Алеша тоже выглянул в оконце, перечеркнутое железными прутьями.

За решеткой, в проеме соснового леса синела гладь озера с пологими берегами, к которым жались бревенчатые дома, а за ними виднелся багровый кирпич заводских строений, и черный дым отвесно, как над пожаром, вставал над печами, и ко вкусу дорожной

пыли, оседавшей в гортани и ноздрях, уже примешался не менее едкий запах расплавленного текучего железа.

Оно клокотало в печи, кипело, пузырилось, всплескивало, брызгалось, взбулькивало, как вода, но это был металл — и Алексей впервые поверил (не доверился, а поверил, убедился воочию), что когда-то, в первозданности, в дни творенья, все на свете — и тверди, и хляби, и недра, и выси, — могло быть перемешано в одном адском огненном котле, как в этом горне.

— Ну что, красиво? — кричал ему в ухо Дидовик, главный инженер завода. — Там, в печи, сейчас тысяча триста двадцать градусов! Сильно, а?

Алексей мог ответить на этот вопрос вполне утвердительно, потому что это было на самом деле красиво и сильно, однако он внутренне изговоровался ко всем хитростям, которые тут могли припасти для него, совершенно несведущего в металлургии человека, чтоб обмануть, втереть очки, обвести вокруг пальца и не дать ему докопаться до сути, тем самым обезопасив себя от справедливой критики, — он догадывался, что так они и попытаются сделать.

Хотя главный инженер Пычимской плавильни Антон Кузьмич Дидовик уже третий день, презрев все другие заботы, неотлучно сопровождал его — то в литейный цех, то в механический, то в кузницу, то к вагранкам, — втолковывал азы, терпеливо сносил непонимание, объяснял сызнова, вел дальше, но в этой неотступности мог как раз и таиться подвох: не терять его из виду, не оставлять одного, чтоб невзначай не заглянул куда не следует, чтобы не спросил кого не надо, чтоб не узнал того, что не положено.

Учтя все это, Алексей Рыжов мысленно отождествил свою цель с той нелегкой и каверзной задачей, с которой прибыл в Пычим его дорожный попутчик, следователь прокуратуры Геннадий Сергеевич Габов. Его тоже будут обманывать, запутывать, наводить на ложный след, прятать концы в воду — но он чутьем и опытом одолеет все эти препятствия, доберется до истины, найдет искомое, уличит... Он, Габов, тоже третий день рыскал по всему поселку, по окрестностям, являлся в Дом приезжих, где им отвели койки рядом, уже близко к ночи и, едва раздевшись, бросался на подушку, ментально всхрипывал, не обнаруживая больше склонности продолжать те речи, что вел на пути в Пычим.

А главный инженер завода Дидовик, отстранив от глаз защитные синие стекла, через которые они оба заглядывали в бурлящее пекло вагранки, все смотрел на него, дожидаясь ответа на свой вопрос: красиво ли? сильно ли?

Алексей сообразил, что подтверждение этих оценок — да, красиво, да, сильно — уже было бы в известной мере сдачей его непреклонных и жестких позиций, потому и ответил уклончиво:

— Жарко....

И впрямь здесь, у горнила, была чудовищная жара, он ощущал, как пот стекает по лбу к глазам, как липкие струи скользят меж лопаток, как неприятно и сыро сделалось в паху, он весь исходил влагой, он испарялся, он понимал, что еще немного — в жилах вскипит кровь и от него останутся одни лишь мощи.

— Жарко? Ну пойдемте остынем, проветримся, — согласился Дидовик.

Они вышли из горячего цеха в прохладу полудня.

Этот полдень середины лета был тоже нещадно горяч и сух. Солнце полыхало в небе тем же зраком вагранки — дырой в геенну огненную. Воздух неподвижен, не колеблем ни малейшим дуновением. Тени коротки и узки. Но насколько этот природный жар был легок, свеж и ласков по сравнению с гудящим жаром плавильни, ее угарным духом.

Алексей не мог не поддасться соблазну этого сопоставления — беспредельно горячего с просто горячим, нестерпимого жара с терпимым, — когда, выйдя из одного зноя в другой, ты поначалу испытываешь даже озноб.

И опять ему представилась вся эта картина сотворения мира: как, отпылав, отбушевав тысячеградусной бурей, жидкий пламень постепенно остужался, густел, затягивался пеной, зыбкой пленкой, подсыхал, отвердевал, становился коркой, корой, толщей; небеса отделились от земли, приподнялись, взлетели, налились синевой, и в них, как сейчас, неторопливо поплыли белые кучные сгустки паров, облака; сквозь остывший песок проклюнулись колкие ростки и потянулись к солнцу, обрастая годичными кольцами, плотнее в туловище, разворачивая вот эти богатые кроны черно-зеленой сосновой хвои; земные провалы, котловины, наполнялись дождевой и ключевой водой, в них становились, заколыхались водоросли, в них оседал вязкий ил, в нем нарождалась другая, еще небывалая жизнь, и вот уже рыбы всплески разбежались кругами по озерной глади... А несколько позже — вершиной, естественным и закономерным венцом творенья — вдоль берега этого озера прошел он, Алексей Рыжов, а рядом с ним, искательно заглядывая в глаза, семенил старикашка в брезентовой спецовке, осыпанной искрящейся графитовой пылью, Антон Кузьмич Дидовик, главный инженер Пычимской плавили. Его висящие седые усы были тоже густо усеяны черными угольными крупичками.

Алексей провел рукой по волосам, они даже на ощупь были засорены, облеплены зернышками до корней, будто гнидами, взглянул на ладонь — на ней остался протяженный грязный след.

— Куда мы идем? — спросил он.

— Я хочу вам показать... помните, я говорил вам вчера о формовочной земле? Что нам вовремя не завезли формовочную смесь, и этим, в частности, объясняется срыв плана по литью.

— Всем что-то не завозят, у всех одно оправдание, — хмуро заметил Рыжов. — Вот я недавно был на генеральной запани, так там тоже...

— А я и не пытаюсь оправдаться, — сказал Дидовик. — Тем более что мы нашли у себя, под боком... Но я хочу вам показать, потому что это само по себе очень интересно!

Алексей не стал возражать. Идти по сосновому бору, шумящему и поскрипывающему при полном безветрии, роняющему шишки, было куда приятней, чем сидеть в кабинете либо сдыхать у вагранок.

Перед ним открылась всхолмленная безлесая опушка — не вырубка, а пустошь, — деревья вполне очевидно обходили ее стороной, чурались. Осевшие, облизанные дождями и снегами насыпи были странны на вид: серая земля, не то чтобы выжженная, а прожженная насквозь, зольная, пороховая, она выглядела неприятной и безжизненной, только жилистые стебли иван-чая, которому один черт, где расти, пронзали ее, вздымая лиловые факелы соцветий.

— Сядем вот тут, в тенечке, — предложил Антон Кузьмич, слегка огладив для гостя шелковую травку на самом пограничье леса и безлесья. — О, хорошо...

Тут порхали бабочки. Жикнув, неподвижно застывали в воздухе стрекозы. Деловитые пчелы, не отвлекаясь, шли за взятком. Алексей обратил внимание на то, что они не опускались на травяную землю, тоже чураясь ее, а сразу прилипали к цветкам.

— Мы остались без формовочной смеси совсем, хоть закрывай литейку, — продолжил Дидовик. — Начали думать-гадать, искать выход, а кто-то подсказал, что возле поселка могут быть отвалы формовочной земли, что они должны сохраниться с прежних вре-

мен: ведь Пычимской плавильне без малого двести лет, тут задули вагранки еще при Елизавете Петровне...

— Демидовы?

— Нет, не Демидовы, помельче сошка — Плотников да Попов, устюжские купцы, но развернулись они солидно. Ведь шла Семи-летняя война, тоже пруссаков колотили, а пушечное ведомство тогда возглавлял граф Петр Иванович Шувалов, он артиллерийскую науку отменно знал и в металлургии разбирался... Одним словом, шуваловские «единороги» и «секретные» гаубицы, которые потом еще сто лет служили, и у Бородина и даже в Севастополе, — их тут, в Пычине, отливали, да. Оговорюсь: не только здесь, но и на уральских заводах — дело было широко поставлено. Вот какая история... Ну, мы обшарили окрестности, поковырялись и впрямь нашли — хорошая земляца, всего два-три раза шла в опоки, можно еще использовать, вполне годится. Мы и пустили ее снова в оборот.

Алеша заметил свежие, как свинцовый срез, недавние откопы на холмах, что были к ним поближе.

— Вот эта самая земляца: в ней и лили пушечки для Румянцева-Задунайского, для Суворова-Рымникского, для Михайлы Илларионовича Кутузова...

Алексей почувствовал головокружение, уже знакомое ему, когда земля вдруг начинает плыть перед глазами и завинчиваться по часовой стрелке. Но, к счастью, он сейчас не стоял, а сидел на этой земле, поэтому ощущение было не таким пугающим, как обычно. Кроме того, он догадался, что это от перегрева: напекся у вагранки, надышался окисей, еще походил с непокрытой головой под отвесным солнцем, а теперь укрылся в холодке — и все это вместе повлияло.

— Между прочим, — продолжил свой рассказ сидевший рядом старикашка с черными усами, в которых запутались белые мухи, — мы во время войны тоже не в бирюльки играли: мы отливали опорные плиты для минометов. Не то что сейчас: утюги да сковородки, жаровни... ширпотреб, местпром... Конечно, моральный фактор нельзя сбрасывать со счета: многие люди ушли с завода, как только увидели, что пошел другой сортамент. Особенно женщины, хотя им-то, казалось бы, что — ведь вернулись к своим же домашним сковородкам, утюгам... С кадрами у нас тоже сейчас туго, — вздохнул Дидовик...

Головокружение мгновенно унялось, верченье земли прекратилось. Алексей увидел снова — как было наяву, а не наоборот, не как на негативе: что усы у главного инженера белые, а мухи, застрявшие в них графитовые крохи, — они черные. Он почувствовал, что вот оно, чего он дождался в напряженном опасении: что старый хрен начнет его обманывать, охмурять, сбивать со следа. Ишь куда увел, в какие дебри.

— Я бы все-таки хотел... — сказал Алексей ледяным тоном, доставая блокнот из кармана куртки.

— погодите, успеется, — ладошкой остановил его Антон Кузьмич. — Извините за личный вопрос, но он имеет отношение к нашей дальнейшей беседе: вы кто — историк? То есть я понимаю, что вы журналист по роду занятий, но я имею в виду специальную подготовку... История?

Алеша растерялся, не зная, что ответить: не мог же он признать этому хитрому старикану, что он пока еще никто, едва перевалил на второй курс. Впрочем, ведь каждый студент, избирая для себя институт и факультет, уже этим первоначальным шагом достаточно четко определяет свою специальность, свою линию жизни. Так что незачем приbedняться.

— Нет, я филолог.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Дидовик. — Это именно то, что нужно. Никто другой не сумеет понять меня лучше, чем вы... так послушайте, Алексей Николаевич.

Он выдержал долгую и значительную паузу. И опять Алексей услышал, как шумят на безветрии вековые сосны.

— Стало быть, разворошили мы старину, залезли в восемнадцатый век: нужда заставит — и не туда полезешь... А как по-вашему, отчего в восемнадцатом веке Пычимскую плавильню поставили именно здесь? Чем прельстились? Ведь пусто место. Ну лес хороший — на уголь жечь, так ведь лесу в этих краях везде достаточно. Ну, само собой, озеро — так и воды на Севере повсюду хватает...

— Значит, руда, — подсказал Алексей Рыжов.

— Верно, такое хозяйство всегда ставили прямо на руде, а не возили ее за тридевять земель, как нынче. Нам руду издалека возят, железной дороги нет — вот и хиреет Пычим, чему тут удивляться, — проворчал Дидовик. — Но, заметьте, когда купцы из Великого Устюга завели тут плавильню, местные руды были уже известны и порядком выпотрошены, до них постарались, притом за долго... А кто?

Антон Кузьмич улыбался загадочно.

— Не знаю.

— Не знаете, конечно. Даже наши академики почтенные — и те не знают. Либо не хотят знать... Вы о древней чуди слышали?

— Да, — подтвердил Алеша. Теперь он догадался, зачем главному инженеру завода потребовалось расспрашивать о его далеко не законченном высшем образовании. — Это я знаю.

— А что вы знаете?

— Ну... что жила, что была. Была, да сплыла.

— А куда она делась?

— Чудь под землю ушла. Живьем закопалась.

— Это как же? Ну как вы себе это представляете?

— Она, чудь, с врагами сражалась, отступала, уходила в глухие леса, а там, когда уже некуда было деваться, некуда отступить дальше, они, чудины, рыли глубокие ямы, прятались в них, а крыши этих землянок подпирали столбами — сидели там, затаясь. А если враги приближались, находили их, то они вышибали подпорки — и сами себя под землей хоронили, закапывались живьем... Вот так, — заключил Алексей.

— А вам об этом откуда известно?

— Так гласит предание. Молва гласит. И в летописях то же самое: чудь под землю ушла.

— Красивая сказка, — хмыкнул в усы Дидовик.

— Но я читал, что ученые находили эти чудские могилы: осыпи, глубокие ямы, в них трухлявые столбы, а там — скелеты, скелеты, много... Наверное, это правда. Это похоже на правду.

— Похоже, конечно. Хотя слишком много неясностей. Например, кто были враги? Ведь в тех же летописях — а я их читал, Алексей Николаевич, специально занимался, — там прямо сказано, что чудь вместе с русью, вместе с вещим Олегом на Царьград ходила щит на врата вешать, да и не раз... Кто же враги? Татары? Нет: чудь вместе с волжскими болгарами поначалу отбила нашествие, не пустила орду. А позже ордынцы в северные земли не совались, тут были новгородские владения, а с Новгородом они предпочитали ладить. Опять не получается... Да и как же целый народ мог себя в ямах схоронить? Чуть, извините, ерунда. Небыльщина!

— Но ведь нашли эти ямы!

— Ямы? Да, нашли, — охотно согласился Антон Кузьмич. — Если угодно, я и сам их находил. Я ведь, товарищ Рыжов, старый

Бродяга. Всю Сибирь, весь Урал своими ногами исходил. На Магнитке домы задувал, Кузнецк строил. И кое-что повидал... Так вот: это вовсе не чудские могилы, а копи, чудские копи. Самые настоящие рудники — железные, медные. Люди вели проходку по всем правилам горного искусства: вертикальный ствол, закопушка, а от нее — пологие штольни, выработки вдоль жил. И вот эти самые столбы, про которые вы говорили, тоже были для дела — шахтная крепь, стойки... Только, понимаете ли, даже при соблюдении техники безопасности на рудниках случаются обвалы, катастрофы — и сейчас, увы, бывают. Тогда земля и хоронит людей живо. Вот так и с ними было, с этими древними рудокопами... Потом находили скелеты, бывало, что и много, скелет на скелете, — и с перепугу не замечали, что при них не копыя, не боевые секиры, а горняцкие кайла. И мешки кожаные — руду выносить, и глиняные светильники, и даже, представьте себе, рукавицы: им лишние мозоли тоже ни к чему были... Вы что улыбаетесь?

— Красивая сказка, — не остался в долгу Алексей. — Складная очень.

— Складная, потому что к истине ближе. Я вот еще одну истину обнаружил: в языке людей, которые здесь живут, все металлы — и золото, и серебро, и медь, и железо — имеют свои собственные названия, притом исконные, древние. Еще бы: этим чудским копиям по меньшей мере пять тысячелетий! Вот почему наша плавильня именно тут стоит — устюжские купцы не дураки были, мужики дошлые, наугад не ставили. И Демидовы тоже в своих затеях не знали промаха — места им были наперед известны...

Протяжный заводской гудок донесся из-за озера, заплутался в соснах, приумножась эхом.

Антон Кузьмич, кряхтя, поднялся, отряхнул со штанов налипшие ржавые иглы, и в том, как он послушно встал по гудку, сказала, вероятно, не столько срочная необходимость (ведь могли бы и еще посидеть за приятным разговором), сколько впитавшаяся в плоть и кровь привычка заводского человека, от которой уже никогда не избавиться и никуда не деться.

— Конец смены, — объяснил Дидовик. — Остальное — завтра, у меня в кабинете. Выдам вам все цифры, все факты — берите на карандаш, на прицел, критикуйте...

Антон Кузьмич опять, уже на ходу, искоса и лукаво заглянул ему в лицо.

— Нет, почему же... — неуверенно пробормотал Алексей.

— Так ведь знаю я, за чем пожаловали. Я на активе был, все слышал, ну, думаю, теперь со дня на день жди корреспондента, а вы и здесь. Да и пререкаться грех: квартальный план мы не выполнили — за это надо критиковать, надо бить, отсталых бьют. А вась и подтянемся.

За озерным колеблющимся маревом постепенно проступали, обретали четкость заводские угловатые строения.

— Так что завтра утром, — подтвердил Дидовик. — Я еще хочу передать вам свои записи — если не возражаете, конечно. Несколько тетрадей. О чудских копиях: кое-какие наблюдения, сопоставления, мысли... Есть тут, понимаете ли, тайна, притом важная, — дознаться бы! А вы молоды, вам, ей-богу, будет интересно. И я рад, что эти записи попадут в руки сведущего человека, не профана. Когда вы заговорили о чудских могилах, я сразу понял: вот он, тот самый человек! Впрочем, я даже раньше догадался, как только вы появились...

— Но зачем их отдавать?

— Я уезжаю, Алексей Николаевич, покидаю эти благословенные края, — непритворно вздохнул главный инженер. — Всю войну

здесь, да, всю войну, а война была долгая... Теперь пора собираться восвояси, вязать узлы.

— А куда вы едете?

— Домой, в Мариуполь. Перед войной я работал на «Азовстали». Потом эвакуация. Будь я помоложе, отправили бы опять в Сибирь или в крайности на Урал — тем более что места мне знакомые... Но наркомату срочно потребовалась единица для Пычима, меня и направили сюда: пускай, мол, прогреет кости старик у допотопных вагранок. Вот так, Алексей Николаевич. Но мы здесь тоже славно поработали. А теперь — домой... Видите ли, я боюсь, что там, на Юге, мало кого заинтересуют мои тетради. Скажут, чужь какая-то, зачудил старый... Но вам это будет интересно. А я к вам проникся доверием...

Всю дорогу, пока они шли к поселку, Алеша старался найти в себе силы и решимость, чтобы наотрез отказаться от непрошенной чести, от доуки, от этого странного завещания. Сказать бы ему прямо, что вовсе нет, что он не внушает доверия, нисколечко, даже наоборот, потому что он человек случайный, залетный, что вскоре и ему предстоит убираться восвояси, что он тоже уедет отсюда и навряд ли еще когда-нибудь возвратится сюда.

Но так или иначе, им еще предстояло встретиться завтра утром. И Алеша решил отложить этот разговор на завтра.

— А вот это уже просто презент — на добрую память о Пычиме,— сказал Антон Кузьмич Дидовик, положив рядом со стопкой тетрадей, перевязанных бечевой, вещицу из светлого пористого чугуна.

Это была пепельница, похожая на створку устричной раковины, но большая, в две ладони. Внутри вогнутого ложа был изображен пенный гребень волны, в которой нежилась полногрудая русалка с распущенными по воде волосами, у нее были крутые бедра, постепенно обрастающие чешуей и сужающиеся в рыбий хвост.

Первым побуждением Алексея было — отказаться, на сей раз немедленно и бесповоротно: ему сразу не понравился этот хвост, эта холодная чешуя. Кроме того, подобный презент уже мог быть истолкован как откровенная взятка, попытка подкупить его, чтобы он не написал в газете ничего худого, а между тем цифры и факты, которые привел ему главный инженер, внушали опасения, что и в следующем квартале Пычимская плавильня вряд ли осилит государственственный план.

У него даже возникло желание одним махом избавиться от двух зол: взять и отодвинуть разом от себя и пепельницу и связку тетрадок в клеенчатых обложках: нет-нет, извините, но я никак не могу, это совершенно неприемлемо, исключено, нет и нет, я вполне удовлетворен нашей деловой беседой, поверьте, мне было очень приятно...

Однако распущенные волосы русалки манили и влекли, ему вдруг показалось, что эта русалка похожа на Клару Истомину, что волосы очень похожи, хотя Клара никак не была столь дородна и, слава богу, на ней не было чешуи и уж подавно этого неразъемного хвоста, какая гадость.

Дидовик, вероятно заметив на его лице борение чувств, подтолкнул пепельницу к нему поближе, сказал, увещевая:

— Да что вы, Алексей Николаевич, не извольте беспокоиться: это вещица рублевая, да еще с брачком. — Показал пальцем каверну, дырочку в металле, совсем рядом с русалочьим пупком. Усмехнулся: — Я понимаю, что тематика... пошловато, конечно, не мобилизует. Но все дело в том, что эта вещица, представьте себе, получила большую серебряную медаль на Нижегородской ярмарке

в тысяча восемьсот девяносто шестом году, а формочка сохранилась, мы и воспроизвели. Так что окажите любезность, на память...

Дверь кабинета приоткрылась, в щелку заглянула немолодая и неряшливо одетая секретарша.

— А, Нина Петровна, зайдите. — окликнул ее Дидовик. — Товарищ Рыжов сегодня убывает. Надо ему отметить командировочное удостоверение.

— Я отмечу, — пообещала секретарша и, подойдя к главному инженеру, шепнула ему несколько слов на ухо.

— Да?.. — очень живо отозвался тот на ее сообщение.

Встал со стула и быстро прошел к окну, закопченному дымами. Секретарша, осторожно ступая, покинула кабинет.

— Взгляните, Алексей Николаевич...

Он подошел.

Вдоль улицы, на которую выходили окна заводууправления и которая была главной улицей поселка, стояли люди: рабочие в брезентовых спецовках, отлучившиеся из цехов, старухи в крапчатых косынках, босоногая по летней поре ребятя, поварахи в белых фартуках, выскочившие на крыльцо столовой, бородатые деды с клюками, парни в выцветших гимнастерках, густо увешанных медалями, девчата в наспех накинутых жакетах — пожалуй, весь Пычим собрался тут, на главной улице, в молчаливом удовлетворении наблюдая шествие.

По середине улицы шел, привычно заведя руки за спину, длинношеий верзила в кирзовых сапогах, с заросшим щетиной лицом, такая же щетина топырилась на остриженной его голове, и Алексей Рыжов обратил внимание на то, что волосы росли у него прямо от бровей, не оставляя даже узкой полоски лба — явно выраженный ломброзианский преступный тип, — из-под бровей зыркали по сторонам волчьи глазки, а губы были распущены в слюнявой странной ухмылке. За ним шагал, придерживая у пояса расстегнутую кобуру, знакомый Алексею милиционер, конвоир, тот, что по дороге в Пычим сидел в кабине. А замыкал шествие следователь прокуратуры Геннадий Сергеевич Габов. Он шел, опустив голову то ли из скромности, чтоб не видеть почтительных и благодарных глаз толпы, то ли скрывая таким образом вымотавшую его усталость. Сейчас было особенно заметно несоответствие его офицерской выправки, чеканной походки военного человека и широких, болтающихся вокруг ног штатских брюк, кургузого пиджачка и блинчатой кепки.

— Знаете, у нас тут, в поселке, произошло... — начал Антон Кузьмич Дидовик.

— Да, я знаю.

— Народ был очень встревожен, подавлен... Но вот — поймали.

— Я в курсе, — повторил Алексей.

Шествие достигло машины, которая стояла у околицы. Зафырчал мотор, сизый дымок побежал из выхлопной трубы.

Алеша внимательно проследил за тем, в каком порядке они будут размещаться.

На сей раз конвоир, отперев дверцу с зарешеченным оконцем, пропустил внутрь арестованного, влез за ним следом и сильно хлопнул. Габов обошел машину и сел в кабину рядом с водителем. «Воронки» тронулся с места, взметнув облако пыли.

Алексей, конечно же, как и все, испытывал в этот момент законное и полное удовлетворение виденным. Тем более что он ощущал себя даже в некоторой степени причастным к свершившемуся возмездию.

И ему, безусловно, претило бы сидеть в одной железной камерке и много часов подряд дышать одним воздухом с убийцей, с этим омерзительным типом, у которого волосы росли прямо от бровей, а

тот бы взглядывал на него — совсем близко, напротив — своими волчьими гляделками и, поди, еще ухмылялся б слюняво: что, мол, фр-раер, пока вместях трясемся?.. Нет, это его, Алексея, не прельщало.

Однако он ощущал и некоторую досаду: что вот так, ничего не сказав, ничего не спросив, попросту забыв о нем, взяли да и уехали. А ему теперь придется целый день околачиваться на тракте, дожидаясь какой-нибудь попутной полуторки.

Он брал чистый лист бумаги, задумывался, искал слово, с которого можно было бы начать, но потом его осеняла догадка, что начинать нужно вовсе не со слова, а с мысли, однако мысль не шла, не складывалась, и он опять обнадеживался тем, что сначала все-таки должно быть слово, которое, явившись, потянет за собою мысль, но это подходящее слово он тоже не мог найти и через несколько минут ловил себя на том, что рисует на чистом листе бумаги рогатого черта, ах, черт, еще один лист измаран, испорчен зря...

А, собственно, что он искал? Взять да и написать все как было, все как видел: огнедышащую печь и людей в брезентовых спецовках, работающих у адского пламени; рассудительного Дидовика, смахивающего с седых усов графитовые крохи; отвалы формочной земли, пронзенные стеблями иван-чая... Однако трудность была в том, что обо всем увиденном он не мог написать ничего, кроме хорошего. А его не за тем посылали, не за хорошим. Он обязан был написать критическую статью о заводе, который не выполняет план. Это было ясно, настолько ясно, что даже главный инженер плавильни Антон Кузьмич Дидовик сразу понял, зачем он пожаловал в Пычим, сам сказал: «Надо бить, авось подтянемся». Сказать-то легче, чем написать... Алексей скомкал лист и швырнул его в плетеную корзину, стоявшую под столом: видно, в этом гостиничном номере и до него жили писучие люди, тоже мучились.

А может быть, вся загвоздка в том, что он опрометчиво и напрасно причислил себя к писучим людям? Возомнил, что сумеет, а сам ни в зуб ногой — не сумел, вот который час уже бьется, сколько бумаги извел, а толку все равно нет. Ему даже показалась соблазнительной, облегчающей душу эта голая истина: он не умеет, не сподобился, нет и нет. А на нет и суда нет.

Однако на краю письменного стола лежал позавчерашний номер газеты «Северная звезда», который вручила ему редакционная секретарша Ася, когда он вернулся из Пычима в Город-на-Реке. Там на третьей странице в три столбца была напечатана его статейка, очерк, зарисовка под названием «На генеральной запани». Честно говоря, заглавие это придумал вовсе не он, а кто-то другой, может быть Вась-Вась, а вполне возможно, что и глухонемой литправщик Зыков, но Алексею понравился заголовок: в нем была простота, была определенность, а само слово «генеральная» внушало уважение, придавало вес, — но это прекрасное название придумал не он. Что же касается самой статейки, то в ней не было ни одного чужого слова, все слова были найдены им, написаны им, принадлежали ему. Это скреплялось четкой подписью внизу: «А. Рыжов, наш спец. корр.». Отпираться было невозможно и бессмысленно.

Но это, в свою очередь, лишало его возможности пойти и честно сказать: я не умею, товарищи, извините. Как же так, сказали бы ему в ответ, когда в позавчерашнем номере уже напечатана статейка в целых три столбца, а под нею, заметьте, стоит не чья-нибудь, товарищ Рыжов, а ваша собственная подпись, так что, пожалуйста, не хитрите, не приbedняйтесь, а ступайте и работайте, товарищ

Рыжов, тем более что вам за это идет зарплата и еще выплачивают командировочные, желаем удачи.

Однако, несмотря на всю очевидность, ему как-то не верилось, что на газетной странице четким печатным шрифтом тиснута именно его фамилия с его собственным инициалом. То есть фамилия несомненно совпадала, инициал тоже, но он ли это, про него ли?.. Все-таки с непривычки было трудно в это поверить.

Алеша взял газету и, распластав, повернул ее к окну, к свету, просматривая бумагу насквозь, как проверяют большие деньги, есть ли на них водяные знаки, не фальшивые ли они.

«...никинеД» — прочлось с обратной стороны.

Он удивился: что за Никинед, какой Ники Нед?

Перекинул страницу с изнанки на лицо, нашел. В самом конце номера, над черточкой, за которой уже следовала подпись Семена Ильича Улитина, редактора, отвечавшего за все, что было напечатано выше, он увидел краткое сообщение: «Хроника. Нью-Йорк. ТАСС. Как передает агентство Ассошиэйтед Пресс, в Анн-Арбор (штат Мичиган) умер от разрыва сердца белогвардейский генерал Деникин».

Вот тебе и Никинед...

Однако удивление не покидало, оно отвлекло его от всех иных только что обуревавших забот.

Его изумило, что этот белый генерал был до сих пор жив, то есть дожил до нынешних времен и лишь теперь умер. Алексей предполагал, что он умер сто лет назад, ну не сто, а лет двадцать пять тому, когда белякам пришел каюк и кончилась гражданская война. Что его настигла, порубила в крошево буденновская конница, доколотила Красная Армия где-нибудь за Перекопом, прищучила вместе с Врангелем и Колчаком, со всей этой нечистью, враг отступает, разбит, даешь Крым, ура... А он-то, оказывается, все еще был живехонек, забрался вон куда, в какую глухомань, в Анн-Арбор, штат Мичиган, Ассошиэйтед Пресс. И жил-поживал, прожил еще целую вечность, пока не умер от старости в своей собственной постели, пока его не хватил обыкновенный и сугубо штатский разрыв сердца. Просто даже странно это себе представить.

Но тут он вспомнил, что примерно такое же удивление выразила Клара Истомина, когда на пароходе «Тютчев» они вели разговор об одном композиторе: она, Клара, тоже думала, что он сто лет назад, а он, Алексей, довольно высокомерно объяснял ей, что нет, совсем недавно, сразу после Сталинграда, когда домолотили окружение, и Клара была несказанно этим удивлена.

Алеша коснулся пальцами пепельницы, которая красовалась перед ним на письменном столе. Он тронул этот пористый чугунок, хранивший в себе прохладу даже на жаре, плившей в комнату из окна (ну и цекло, вот тебе и Север), погладил кончиками пальцев круглые русалочьи груди, поскреб ногтями чешую на бедрах, пытаясь очистить, как во блу, проследил на ощупь извилистые космы ее распущенных волос — и тут вдруг его осенило: он отдал себе отчет в том, что пепельница — это пепельница, чем бы она ни была украшена, и откуда бы она ни была привезена, и какой она ни есть предмет искусства, что у нее есть прямое и вполне утилитарное назначение — в нее надо стряхивать пепел и гасить в ней окурки.

И тут Алексей Рыжов ясно понял, чего не хватает ему, из-за чего у него никак не идет работа над статьей о Пычине, по какой причине он никак не может сосредоточиться, найти нужное слово, почему не являют мысли. Хорошо, что вовремя догадался.

Он вышел из своего номера, скатился по лестнице, выбежал на улицу — здесь, прямо у гостиницы, был табачный киоск. Он взглянул, что там, на витрине, за стеклом, остановил свой выбор на «Беломоре» — вспомнил, что именно эти палитросы курила и ды-

тался ими его угостить следователь Габов, а он, дурак, отказался; и еще от этого названия веяло настоящим Севером, о котором он мечтал, а не тем, какой он тут нашел.

Он не забыл купить и спички.

Вернувшись в номер, Алеша надорвал пачку, вытащил папиросину, размял и, прикусив, поднес огонек.

Для него это не было ни событием, ни грехопадением, поскольку он и впрямь уже покуривал в детстве, в Кронштадте, когда учился в пятом классе. Они тогда, пацаны, решили наконец попробовать, что же это за курево, что за сласть, какой упиваются взрослые, купили в складчину пачку папирос и залезли на крышу своего дома на Коммунистической улице, напротив школы. Вот тогда и оттуда, с крыши, они увидели зарево над северной стороной Финского залива — горел Выборг.

Алексей затянулся дымом, придержал его, хотя и почувствовал, как он сразу запросился наружу, как он раздирал грудь, как горло набрякло кашлем, — но он совладал с собою, удержал дым и, выдохнув, легонько стряхнул пепел в чугунную ракушку с русалкой.

Нет, он и после того еще не раз курил и, быть может, не бросил бы и дальше этого занятия — так что ему сейчас не нужно было учиться, он давно умел, — если б с ним не случилось несчастье, если бы он не заболел тяжело, почти смертельно.

Однако же ему не удалось вот так сразу, после столь долгого перерыва выкурить всю папиросу. У него закружилась голова, в глазах поплыло, он зашелся в надрывном кашле. Надо было привыкать постепенно, не слишком насилуя себя.

Он еще раз пригляделся к русалочьим вальяжным бедрам и окончательно уверился в том, что это не Клара Истомина, нет и нет, нисколько не похожа, только что волосы распущены во всю длину, так ведь это любая может распустить, если есть.

Он только сейчас понял, чем тогда, еще в кабинете главного инженера Лычимской плавильни Дидовика, могла заинтересовать его эта русалка, привлечь внимание и даже вызвать какие-то отдаленные и странные ассоциации, — она была похожа совсем на другую женщину, которую он знал, да.

Алексей Рыжов вынул изо рта папиросу и, кроша несгоревший табак, загасил об нее.

Паровоз набрал воды на станции Чудово и, гугукнув, заторопился дальше, в Бологое.

Лишь позднее они узнали, что через час после того как их эшелон ушел из Чудова, там появились немецкие танки, 20 августа.

Но они уже были далеко. Их везли через Рыбинск на Ярославль и еще за двести километров — в тихий городок Городище.

Они были напуганы и подавлены всем происходящим — вторая эвакуация, туда-сюда, хлопоты, прощанья, слезы, — но, в общем-то, они оказались счастливыми, избежавшими бомбежек и артобстрелов, не узнавшими, слава богу, ни смертельного голода, ни других блокадных жутей. Они лишь видели потом, ближе к зиме, как на станцию прибывали составы заиндевевших теплушек: в них не слышалось ни голосов, ни шевеленья, никаких признаков жизни, и было похоже, что выгоны пусты, но потом обнаруживалось, что они были полны людей, что там и взрослые и дети, но никто не в состоянии подняться и отодвинуть дверь. Их выносили на руках по двое зараз, такие они были изможденные и легкие. Некоторые из этих блокадных ребят потом, оклемавшись, появились в детдоме, но и позже их было нетрудно отличить среди других: они были замкнуты, глядели исподлобья странно поблескивающими глазами, руки их сами собой помимо воли сгребали со столов крохи, а крох

не было, не оставалось, в Городище тоже не знали сытости, владели дни впроголодь.

И тут Алешу достали первые удары судьбы — один за другим.

Мать прислала письмо, в котором сообщала о гибели отца. Обходя намеками строгости военной цензуры, дала понять, что произошло это в самом конце августа, когда Балтфлот прорывался из Таллина в Кронштадт («по пути домой, на старую квартиру»), что он был на эсминце «Яков Свердлов» («шел с Яшей»), что некоторые люди утверждали, будто видели его живым на воде («купались вместе»), но позже она получила официальное извещение о том, что «бригадный комиссар Н. А. Рыжов пропал без вести при выполнении боевого задания».

Сомнений в том, что он погиб, не было. Но поразительно, сама гибель отца не так уж и потрясла Алешу, он вырос в военной семье, где знали, что война непременно будет, что военные ближе всех к гибели на войне, такая профессия. Да и отец, он помнил, в последние годы частенько поговаривал: «Везет, как перед смертью». А что уж так ему везло? Разве что когда с флота его переводили в Смольный, он там не находил почти никого из прежних друзей, а когда бросали опять на флот, то и там почти не оказывалось старых знакомых. Он супился, мрачнел и за рюмкой водки обреченно вздыхал: «Везет, как перед смертью».

Сколько ни горько было самому себе в этом признаваться, весть о смерти отца Алексей воспринял достаточно спокойно, как, впрочем, и мать, судя по ее письму, полному обдуманых иносказаний.

Шла война, ее ход был жесток и покуда несчастлив, люди гибли в ней несметно под пулями и бомбами, умирали.

Уже и детдом в Городище, который поначалу был просто интернатом для эвакуированных ленинградских ребят, сделался в течение одного лишь года заправским сиротским приютом: почти у каждого кто-то из родителей погиб на фронте, кто-то умер в блокаде, а у многих и то и другое разом.

Была даже некоторая ущемленность в том, что Алеша не мог полноправно разделить это близкое чужое сиротство: лишь потому, что на его отца пришла не похоронка, а извещение, что пропал без вести. Хотя он и знал, что это одинаково гиблое дело — тем более на море, тут не было надежд на спасение.

Но душу его вдруг посетили сомнения иного рода: а есть ли смерть вообще? Вправду ли так уж безвозвратно уходят из жизни люди — навсегда и никуда? Или же они только пропадают без вести, как вот пропал без вести его родной отец: быть может, он существует где-то и как-то, в каком-то неизвестном мире, откуда он просто не в силах подать весть, что он там...

Вероятно, в удрученном сознании мальчика эти слова «пропал без вести» нашли благодатную почву, откуда пробился блеклый и слабый росток упования: а может быть, ее и вовсе нет — смерти? Конечно, нет. Вот почему он и не пролил ни слезы об отце, потому что уверился: смерти нет.

Все это было для него неожиданным открытием, как и многое другое, что случается в этом возрасте.

И это было тем более странно, что он был совсем не так воспитан, ведь он с пеленок был неумолим и тверд в своем неверии.

Надо думать, что здесь сказалась обстановка.

Детский дом разместили в зданиях и на подворье бывшего Всехсвятского монастыря. Не то чтобы обитель упразднили специально для этой цели, нет, гораздо раньше. Вообще в этом монастыре с незапамятных времен, с его основания в XVI веке, то и дело возникали неурядицы, все тут шло не слава богу. Первоначально монастырь был мужским, его святые отцы славились ученостью и благочестием далеко окрест и еще дальше, вплоть до самой Москвы. Но потом

здесь вышли наружу не только богохульные ереси, но и крамола — монастырь разогнали по прямому указу царя Алексея Михайловича, обратили в женский, поселили тут стариц из соседней Рождество-Богородицкой обители. После революции тут была колония беспризорных, позже кооперативный техникум, надобность в котором к войне отпала, а потом уж все хозяйство перешло к детдому.

Несмотря на то, что божественный дух давно отлетел из этих покоев, сами стены, казалось, хранили завет и чин былых времен. Облупленные церкви монастыря не теряли своей осанки, в которой сочетались смирение и достоинство: в них завели склады, конюшню, а там по-прежнему веяло молитвой, и гулкое эхо блуждало под куполами, переиначивая обыденную речь на торжественность псалма.

Монашеские кельи были тесны, как щели, в них едва помещались торец к торцу две железные узкие кровати, а ходить мимо них можно было лишь бочком, двоим не разминуться. Но потолок этих келий были несоразмерно и пугающе высоки: откроешь глаза после теплого сна — и тебя сразу возносит в горний холод. Завтраки, обеда, ужины в общей трапезной, за топорными столами проходили в угрюмом молчании — так мал был кусок, так пуста похлебка.

После уроков и хозяйственных работ они бродили, как тени, по лестницам, по галереям в своих серых уютских одеждах, отощалые, иночески бледные.

За крестообразными рамами узких окон, за пыльными стеклами открывалось озеро Неручь, обширное, но мелководное, забитое илом. Оно предстало глазам то скованное льдом и укрытое снегом в желтых промоинах, крапленое несметным вороньем, то ихлестанное дождями, то клубящееся на жаре зловонными испарениями гнилого дна.

На противоположном дальнем берегу стояли хмурые еловые леса, в них единственным проблеском была колокольня соседней обители, но никто не знал, что там теперь, секрет.

В Городище было полсотни деревянных домов, оползшие валы земляного кремля, запустелый гостиный двор, где металась дикая кошка, и еще несколько полуразрушенных церквей.

Вот такая была картина, такое тянулось бытие, когда Алеша впервые стал размышлять о жизни, когда к нему пришли первые сомнения, а за ними столь же сомнительные прозрения, будто смерти нет.

Именно тогда последовал новый удар судьбы, подсказавший со всей определенностью, что жизнь конечна, что со смертью шутки плохи, ибо она есть и не столь уж отдалена: на сей раз она явилась прямо к нему, по его душу.

В восьмом классе детдомовских мальчиков повели на приписку в райвоенкомат. Заодно им надлежало пройти медицинскую комиссию для определения годности. У Алеши было все хорошо: и кровь, и зрение, и слух, и ноги оказались вполне исправными, без плоскостопия. Ну, некоторые признаки истощения, так это у всех и впоследствии, на армейских харчах, пройдет.

Однако в рентгеновском кабинете после короткого просвечивания врачаха, неразличимая в темноте, продиктовала сестре:

— В верхней доле правого легкого затемнение... с нечеткой дорожкой к корню легкого... Несомненный очаг, тэ-бэ-цэ... Что же вы там стоите? Одевайтесь.

Последнее уже было обращено к нему.

В ту пору врачи не слишком церемонились, не утешали, не обманывали — была война, — свои диагнозы они тут же и тотчас общали пациентам.

— У вас туберкулез, — сказала врачаха. — Вам определяют негодность к военной службе, но дело не в этом... Я направляю вас в тубдиспансер, нужно срочно сделать мазок. Вы живете в интерна-

те, в коллективе, тесное общение, позаражаете других,— уже сердито выговаривала она ему. — Идите, Рыжов, мы распорядимся.

Он вышел из темноты на белый свет, моргая и растерянно улыбаясь. Он сразу понял, что это приговор, конец. Излечения от туберкулеза не было, лекарств не существовало, о них лишь осмеливались мечтать, а покамест чахотка просто сводила в могилу, одних скоротечней, других медленней, в рассрочку, но определенно и обязательно.

У него взяли мазок из горла, анализ показал отсутствие палочек Коха, что еще больше насторожило врачей.

Алешу отправили в область, в Ярославль, устроили в туберкулезное отделение железнодорожной больницы.

Палату, где он лежал, да и соседние палаты днем и ночью сотрясал надрывный, харкающий, иступленный кашель. В плевательницах валялись окровавленные тампоны. Это была взрослая больница: в основном тут были дряхлые старики и старухи — во всяком случае, такими они казались Алеше, — несколько подростков вроде него да пара мужиков, от которых постоянно несло сивушным перегаром, это были, конечно (он не сомневался), симулянты, дезертиры, скрывающиеся здесь от фронта, они тоже исправно кашляли.

У Алексея кашля не было.

Во время болезни он стал очень быстро расти, вытягиваться, косякаться — это еще больше пугало его, он предполагал, что это капля за каплей испивает его чахотка.

Иногда по коридору проносили на брезентовых носилках покойников, накрытых простынями, все выходили смотреть.

Он лежал и думал, что школа юнг отпадает, морское училище отпадает, да что там море — все отпадает, даже пехота, его не возьмут на военную службу, он к ней не годен. И пусть смерть на войне нынче стала обыденностью, умереть просто от болезни — обыкновенной болезни — было стыдно, как стыдно! Ему не повезло, его жизнь не удалась, он оказался негодным для нее. В сущности, он умрет, еще не начав жить, потому что детство — это не жизнь, а постылая тяготица. Как обидно: он должен умереть, даже не поняв, зачем родился, еще не дав себе отчета, что бы он хотел в этой жизни сделать. Он плакал тайком.

Повторные просвечивания и снимки подтвердили: очаг в правом легком, явно выраженный и запущенный. Когда это случилось?.. Но палочек Коха в слизи не находили. Кашля по-прежнему не было. У него не пропадал аппетит, хотя это было одним из непременных симптомов, — впрочем, тут даже самые доходяги не жаловались на отсутствие аппетита и до блеска вылизывали миски.

Еще у него должна была к вечеру подсказывать температура, тоже симптом.

Медсестра Тоня обходила койки, вынимая из подмышек градусники, опутанные марлей с верхнего конца, взглядывала, записывала, стряхивала, кидала в дезинфекционный стакан.

Она приблизилась к кровати Алексея, коснулась лобастыми коленями его плеча, скользнула прохладной рукой ему за пазуху, посмотрела, сказала будто бы даже с укором:

— Тридцать шесть и шесть.

Пошла к двери, катая в разрезе халата с завязками на спине полные ягодицы. Она была намного старше его, ей уже было за двадцать.

Это повторялось ежевечерне, когда она дежурила. Только теперь Тоня, посмотрев на термометр, уже ничего ему не говорила, а просто смотрела весело и шально, ободряюще. И он уже знал: тридцать шесть и шесть, тридцать шесть и шесть.

Безысходная обреченность, покорное ожидание конца впервые

дрогнули, заколебались перед этими очевидностями: устойчивой нормальной температурой его тела и ее лобастыми смелыми коленями.

Однажды вечером она как будто на бегу, впопыхах заглянула в палату:

— Рыжов, в ординаторскую... иди, зовут.

Он прибрался, пошел, соображая, кто бы это мог быть, кому и зачем он понадобился.

Но в притемненной ординаторской была одна Тоня, она сидела на топчане, застланном клеенкой, а грудь ее все так же пышно, как от бега, вздымалась.

— Кто... зовет? — спросил он.

В ее глазах он увидел тот же странный лихорадочный блеск, голодный и подавленный, какой был у его сверстников, вывезенных из блокады.

— Кто?

— Да я же, я...

Она повернула ключ в двери и, опрокидываясь на топчан, потянула его на себя.

Он ничего не умел, лишь представлял себе умственно, да еще был ошеломлен и напуган, и она сама управляла им, как куклой, как чучелом, но потом все вошло в подогнанный природой лад и они, сопя, углубились во взаимное это дело. Но когда он в инстинктивной нежности потянулся губами к ее губам, она быстро и брезгливо отвела лицо в сторону, плотно, до белизны, сжала рот и так выдержала до конца, даже охнула, не открывая рта, утробно.

Он был настолько благодарен ей за науку, что не обиделся. И она еще не раз зазывала его.

Но однажды вечером, проходя, он услышал, как знакомо и вкрадчиво щелкнул изнутри ключ ординаторской, и оттуда вышел, дыша спиртным свежим духом, симулянт, прятанный в больнице от фронта.

Нет, он не возненавидел Тоню после этого. Он просто составил свое мнение о женщинах: об их нехлопотной доступности, неразборчивости, их эгоизме и притворстве — они лишь делают вид, что отдают себя, а в действительности все берут. Но это впоследствии вовсе не отвратило его от них.

И еще один урок преподала ему медсестра Тоня. Он перенял ее брезгливость и обратил ее на окружающее. Теперь он корчился от гадливости, слыша вокруг этот мерзостный кашель, видя склизкие плеватальницы, ступая по загаженным полам уборной, дотрагиваясь сальной ложкой до миски, не отмытой со вчерашнего и бог знает после кого, — к горлу подступала тошнота, ноздри как бы сами старались плотнее зажать крылья, он натягивал одеяло на голову, боясь дышать тлетворным воздухом палаты... Да, понимал он, очаг в его легком оставался незараженным, но именно тут, в больнице, он и мог скорей всего нахвататься микробов, нажраться палочек этого проклятого немца Коха, вот уж и кашель будто саднит грудь, лезет наружу...

А температура оставалась нормальной: тридцать шесть и шесть.

После очередного просвечивания и анализов его выписали из больницы, сочтя, что его болезнь не опасна для окружающих. Он возвратился в Городище, в детдом.

Теперь появилась надежда, упование на чудо: что он выживет и будет жить всю жизнь до самой смерти, пока не умрет.

Он сильно отстал в учебе, пока лежал в больнице, была опасность остаться на второй год, но даже в этом теперь звучал ликующий оптимизм — второй год! — еще один подаренный судьбой год. Впрочем, он приналег на алгебру и физику, подтянулся и догнал.

Теперь все свободное время он читал — не школьное, а для себя, для души. Читал сказки.

В детстве Алеше не досталось сказок. Дедушки он не застал в живых, бабушка, окрестив его малюткой в кронштадтской церкви Богоявления, вскоре сама преставилась. Ни мать, ни отец не рассказывали ему сказок на сон грядущий, а когда он просил, канючил, даже всплакивал, удивлялись этой блажи. Отец запевал бодро: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Алеша отвлекался, охотно подпевал, ему нравилась эта песня, но тут же спрашивал: «А какую?» «Что — какую?» — недоумевал отец. «Какую сказку? Ну, которую былью...» «Ишь хитрован!» — покачивал головою Николай Алексеевич Рыжов.

Ему покупали книжки: о Днепре, запертом плотиной, про фабрику-кухню, которая одна куховарила на весь город, о соленом заливе Кара-Бугаз. Это были хорошие книжки, он прочитывал их не отрываясь, но ему опять-таки не хватало в них сказки, хотя бы чути, хотя бы в самом конце. Как было однажды, когда он рылся в дедовых старых книгах с закоричневевшими, увядшими по краешку страницами: там были скелеты людей и люди с содранной кожей, состоящие из одних красных и синих жил, там были кишки, мозги и совсем уж неприглядные вещи. Однако он нашел одну, где было не про кишки, — «Детские годы Багрова-внука», начал читать, спотыкаясь о незнакомые буквы «Ъ», «і», «Ѧ», но, хотя там и было про детей, чтение показалось ему скучным, он заглянул в конец — и обнаружил вдруг сказку «Аленький цветочек», красивую и страшную, с настоящим чудом, без которого сказка не сказка.

И вот теперь, на пороге шестнадцатилетия, он выискивал в детдомовской библиотеке, которая, кстати, оказалась сущим кладом, книжки сказок и, стыдливо обернув их яркие обложки газетой, чтоб избежать насмешек, жадно читал их: афанасьевские, гриммовские, беломорские, арабские, индийские, корейские сказки... Его мало занимали приключения, он не ужасался страшному, не смеялся над смешным, его не впечатляла мораль, он только выискивал там чудеса, его интересовало лишь само явление чуда, он ждал и жаждал спасительного чуда и, как все жаждущие, допускал его возможность хотя бы в порядке исключения — лично для него.

Что ж, это было вполне извинительно: ведь он был болен и не знал никаких других книг, повествующих о чуде, кроме детских сказок.

Красивая девочка, его одноклассница Лена Распопова, зардевшись, передала записку: «Мне нужно сказать тебе очень важное. Я буду ждать ровно в семь часов вечера на Поклонной горе».

Он пришел в срок, любопытствуя, что за важность и для кого это важно — для него или для нее.

— Я люблю тебя, — сказала Лена Распопова.

Затем прикрыла глаза, встала на цыпочки, подняла лицо, подставляя его для поцелуя.

Алексей полюбовался ее густыми ресницами, удлиненными закатной тенью до самых щек, посмотрел, как она колышется, словно травинка, стоя на носках. Повернулся и пошел прочь, сунув руки в карманы, вниз с Поклонной горы, к монастырскому саду, к гостинному двору, к озеру.

Он пощадил ее, уберег от своего ненадежного дыхания и был горд таким рыцарством. Но ему еще польстило, как она беззаветна, эта самая красивая девочка в классе. И еще он достиг понимания того, что обиду, причиненную одной женщиной, верней и легче всего выместить на другой.

Весной 1944 года, через два месяца после снятия блокады, мать приехала в Городище и увезла его домой, в Ленинград.

Там первым делом она показала его профессору.

— Нет, ошибки нет, — сказал профессор, посмотрев рентгеновские снимки, прослушав грудь, — у него очаг Гона, характерный для подростков. Сейчас он, по-видимому, инкапсулировался, обызвествился. У него в легком развивался активный туберкулезный процесс. Что было причиной? Я не знаю. Может быть, случайная простуда, может быть, снижение сопротивляемости организма, плохое питание, сбой внутренней секреции, угнетенность нервной системы, еще есть сто причин, я не знаю... Но болезнь компенсировалась, процесс остановился. Практически сейчас у него нет туберкулеза. Почему? Этого я тоже не знаю... — Он улыбнулся, развел руками. — А вы не можете мне объяснить, почему во время войны зарубцевались все язвы?

Он спросил это у матери. Вообще профессор разговаривал не с ним, а с матерью, как будто речь шла не о нем и как будто его вообще не было в кабинете. Но мать не могла ему этого объяснить, и он, Алеша, не смог бы, он даже не знал, что все язвы зарубцевались. Его не интересовали чужие язвы.

— Что же дальше? Дальше будет так: всю жизнь при рентгенировании у него будут фиксировать очаг, затемнение в правом легком, спрашивать — в чем дело, что и почему. Всю жизнь ему будут задавать этот вопрос... Но туберкулеза у него нет, смею вас уверить. Молодой человек вполне здоров.

На прощанье профессор снизошел до него, похлопал по плечу.

Алексей успокоился, понемногу пришел в себя. Через некоторое время, особенно когда война закончилась, все это, происшедшее с ним, стало казаться дурным сном, наваждением: тесная монашеская келья, гнилостный запах озера Неручь, дикие кошки, мечущиеся в опустелом гостином дворе, покойники, накрытые простынями, которых везли по коридору железнодорожной больницы, тихо щелкающий ключ ординаторской, затерханные обложки сказок, которые он, стыдясь, обращивал газетой...

Он охладел к сказкам. Нужно было наверстывать другое чтение: то умное, что требовалось по программе старших классов, и то глупое, что равно забаве, но было пропущено им в угрюмую пору. Вдруг, например, обнаружилось, что у «Трех мушкетеров» есть продолжения — «Двадцать лет спустя», «Десять лет спустя». И пусть продолжения не были столь же увлекательны, как начало, они очень соответствовали его настроению после болезни, после войны: двадцать лет спустя, десять лет спустя... а дальше? Но дальше было так далеко, что и не имело смысла загадывать.

Он забыл о сказках. Пожалуй, это лишь однажды и косвенно напомнило о себе: когда в конце первого курса выяснилось, что предстоит летняя практика, что нужно будет собирать сказы, и он решил, что поедет за ними на Север.

Его еще более разморили все эти промелькнувшие чередой воспоминания. А слово, с которого следовало начать статью, не являлось. Он хотел уж было плюнуть — не идет, так не идет, — отложить на завтра, может быть, завтра утром, на свежую голову, само пойдет. Но утром надо было сдать готовую статью в секретариат, он не успевал никак.

Протянул руку к связке тетрадей Дидовика — он в них даже заглянуть не удосужился, да и зачем? Не развязывая бечевки, отогнул уголок страницы, прочел там выведенное округлым и крупноватым, будто детский, стариковским почерком: «...по рассказам самих скифов, Геродот описывает страну, в которой находится золото, как одну из самых холодных земель, за которой лежащие к северу пространства никому не известны, потому что воздух там полон перьев, из-за которых ничего не видно... однако же он поясняет, что

перья, о которых ему рассказывали скифы, в этой стране летают зимою и летом, хотя летом их меньше, чем зимой...»

Алексей улыбнулся невольно: снег?.. Посмотрел в окно: кажется, жара к вечеру немного спадает... Неужели тут бывает зима, бывает снег? Отлистал еще несколько уголков: «...золото — зарни, серебро — эзысь, олово — озысь... медь — ыргэн, железо — кэрт, сталь — емдон...» Даже сталь?.. Но если Дидовик записывал эти слова в окрестностях Пычима, в деревнях, от местных жителей, то это живой язык, а если живой — то не чудской, ведь чудь была, да сплыла, исчезла, под землю ушла, живьем закопалась.

И тут Алексей вдруг понял, отчего у него никак не идет статья.

Да все оттого, что он ворошит старье, никак из него не выберется, погряз в нем, увяз, засосало его — ног не вытянешь, не то что мыслей.

Все старье: вот эти тетради в клеенчатых обложках, в которых Геродотовы сказки; чугунная пепельница с русалкой, которой уже полвека, просто формочка сохранилась — ее и отлили заново, пычимскую Венеру; и газета «Северная звезда», хотя и достаточно свежая, позавчерашняя, даже с его собственной статейкой, но на изнанке ее совсем непостижимым образом возник этот Ники Нед из Мичигана.

Да и сам он хорош: сколько времени потратил на зряшние, к тому же и не слишком приятные воспоминания, на то, что хотя и было, но быльем поросло, и незачем в нем копать, беречь старелое и больное, тем более что нынешнее в его жизни куда интересней прежнего, настолько важнее и значительней, что вся эта бывшая вечность не стоит одного теперешнего часа, и тем более жаль каждого мига, потраченного впустую.

И, кстати, нет ли подспудной причины, из-за которой Пычимская плавильня сорвала выполнение квартального плана, в том, что ее главный инженер Андрей Кузьмич Дидовик весь как есть оказался во власти размышлений о былом, о древности, о старине в ущерб сегодняшним заботам? За то его и погладили против шерсти на активе — и он там был, сам все слышал, но возражать не посмел и после, уже в разговоре с заезжим корреспондентом, сам честно признался, что критиковали правильно, что надо критиковать, надо бить, это он сам сказал.

К тому же он, Дидовик, уже и вовсе собрался покидать Пычим, возвращается на «Азовсталь», сидит на чемоданах. Любопытно даже: кто из них, Дидовик или он, Алексей Рыжов, кто раньше уедет отсюда? Просто любопытно... И появится ли в газете его, Алексея, статья о Пычине раньше, чем уедет Дидовик, успеет ли он ее прочесть? Впрочем, это не имеет значения, все равно.

Алексей положил перед собою чистый лист бумаги, достал из пачки «Беломора» еще одну папиросу, закурил, сосредоточился, собрал в кулак всю свою волю, напряг ум — и довольно быстро, на одном дыхании, написал то, что нужно было написать.

¶

Позвонил Бубеев и велел к нему наверх.

Алексей застал его за таким делом: Вась-Вась перелистывал страницы «Северной звезды» минувших недель, которые лежали перед ним навалом, и синим концом двухцветного толстого карандаша малевал на этих страницах цифры: 200, 150, 30, 70...

— Что? — спросил Алексей, ожидая, что его сейчас опять зашлют куда подальше, срочное задание.

Но Бубеев ослабился широко и дружески, возвратился к начальным страницам, сказал:

— Гляди.

На очерке Рыжова о лучших людях Белоборской генеральной за- пани значилось: 300. На разгромной статье о Пычимской плавиль- не было нарисовано: 200. На репортаже с городского стадиона в День физкультурника, который он сделал прямо в номер, стояло: 120...

— Что это? — спросил он, очень заинтересованный синей каба- листикой.

— Это разметка, братец, — тихо и значительно объяснил Вась- Вась. — Это гонорар, денежки.

Денежки?.. Изогнув шею, Алексей с еще большим интересом стал следить за шелестящими газетными листами: теперь их вкрадчи- вое шуршанье приобрело некий новый смысл. Он следил за мель- каньем цифр, которыми наискосок лихо, будто блатной татуировкой, были исписаны листы — в глазах рябило от нулей, — а в уме помимо воли, по школьной невыветрившейся привычке, сами собой вдруг начали слагаться эти цифры, эти нули, плюс да плюс.

Он еще ездил в пригородный питомник, где какие-то чудачки пытались выращивать зимостойкие северные яблоки и груши; был на строительстве школы, которую не успевали сдать к новому учеб- ному году, за что надлежало взгреть — и он взгрел; выспрашивал по телефону (такой был спех, что и ехать некогда), сколько валенок сверх плана выпустила пимокатная фабрика...

И все это было напечатано в газете. И за все это ему, Алексею, теперь причиталось.

— Так что с тебя причитается, — поправил ход его мыслей Бу- беев. — Первый гонорар, не шутка. Да и намолотил ты, братец, из- рядно... Может, посидим вечерком?

— Да-да, конечно, — согласился Алексей.

Он вспомнил свою первую встречу с Вась-Васем, первое знаком- ство в людной и шумной столовке, где они засиделись допоздна, до безлюдства, до закрытия.

— И Яшу позовем, — предложил он.

Бубеев на это лишь пожал плечами.

— Можно и Яшу... Но при чем тут Яша? У Яши свой намолот.

Он, вероятно, хотел дать понять своему молодому и совсем жел- торотому практиканту, еще раз дать ему понять, кто здесь, в редак- ции, в газете, полный хозяин, кто вправе тут миловать и казнить, озолотить или пустить по миру, — лишь он и он.

И, сознавая за собой это право, Вась-Вась окинул Алексея, сто- ящего возле его стола, покровительственным взглядом с ног до го- ловы и обратно.

— Слушай-ка, что ты все комиссаришь в своей кожанке? Влез в нее, как в шкуру, и не вылезашь...

— А что? — не понял Алексей.

— Да смотреть жутко. Маузера не хватает в деревянной кобуре.

— У отца был маузер... да-да, в деревянной кобуре! — обрадо- вался он. — Такая фотография дома есть, лежит.

— Ну, лежит и пусть лежит. То когда было!

Вась-Вась скучно покосился на окно: что там нынче? Продол- жил:

— Купил бы себе костюм или пиджачишко. Загляни на базар — там барахла трофейного... Ты ведь теперь человек богатый. Вот!

Он еще раз взлохматил газетные листы, густо и пестро разрисо- ванные синим карандашом.

— Вот! Барыня прислала сто рублей, что хотите — то купите... Знаешь?

— Знаю, — обрадованно подхватил Алеша знакомое с детства. — Что хотите — то купите, «да» и «нет» не говорите...

— А дальше, дальше?

— Дальше? — Алексей наморщил лоб, вспоминая эту присказку к игре в фанты. — Белого и черного не называйте... Так. А дальше я не помню.

— Аха-ха! — Бубеев явно тешился и веселился, глядя на него как на маленького, даже прослезился от утехи и веселья, вытер слезы. — Э, брат, ведь и тут какой смысл заложен: что хотите — то купите, но «да» и «нет» не говорите, а того-то не называйте... Зато — целых сто рублей. Верно?

Алексей испугался, что сейчас он начнет развивать свои представления о диалектике, причинности и взаимосвязи, полезет в энциклопедию, где «выпуклость» надо смотреть на «вогнутость».

Однако Бубеев прервал беседу:

— Ладно. Значит, как договорились — до вечера. Я за тобой зайду.

У самой двери кабинета в цокольном этаже, где он сидел и работал, Алексей услышал, как надрывается звонками телефон. Отпер, подбежал, снял трубку, но там уже прохрипел отбой, барышня со станции назвалась: «Шестая», он повесил. Впрочем, он торопился совершенно напрасно, так как звонили наверняка не ему, а Федору Макаровичу Коюшеву, заведующему отделом промышленности, это ему принадлежал кабинет, в который посадили Алексея, покуда у него практика и покуда кабинет пустовал: Коюшев болел уже месяц-два, не появлялся. Вообще Алексей и в глаза не видал этого Коюшева, но все время звонили и спрашивали Федора Макаровича, он отвечал, что болеет, поправляется, скоро.

Минут через десять телефон забренчал снова, он ответил:

— Алло.

— Кто это? — спросил женский голос.

— Да так, посторонний... Кого надо?

— Мне надо Рыжова.

— Ну я, — удивившись, сказал он.

— Алеша? — Хохоток. — А я тебя не узнала, голос совсем другой. Это Клара.

Он тоже лишь теперь узнал ее голос, так изменившийся на линии, они еще никогда не говорили по телефону, она ему ни разу не звонила в редакцию, это впервые.

— Здравствуй, — сказала она. — А я уж всю газету обзвонила, все номера подряд — везде искала, нету. Непоседливый ты. Но от меня не спрячешься, нашла.

— Да тут... — буркнул он смущенно, но не стал распространяться, где, у кого и зачем был.

— Алеша, — голос Клары приобрел деловитость, — знаешь, мама приехала из деревни, с собою бабку привезла погостить.

— Ну?.. — уныло отозвался он на эту новость.

Значит, кончилась для них обоих сладкая воля: одни в целом доме, он да она и еще кошка.

Он сразу подумал, что Клара спешит его упредить, чтоб он не вздумал явиться садуру в Пятую Десяту — ах, здрасьте, вам кого, а вы кто будете, — хорошо, что предостерегла.

— Леша, так ты приходи сегодня вечером, — сказала она.

— А зачем?

— С мамой познакомлю, с бабкой.

Он перемолчал свой ответ: на кой ляд, очень надо.

И Клара это поняла.

— Ты забыл... ведь это та самая бабка моя — из Троицкого Посада, которая заговоры знает. И сказы старые знает. Ведьмачит она, помнишь, я тебе рассказывала. Она неделю будет гостить, всего неделю.

— Сказы? — неуверенно и тихо, словно очнувшись, переспросил Алексей.

— Да. Разве ты забыл?.. — Голос Клары стал еще ниже и глуше, вероятно, она прикрыла ладонью трубку. — Ой, тут подошли. Я ведь тоже с работы звоню, из филармонии... До свиданья. Так вечером.

Он положил трубку и тотчас спохватился, схватился за нее: — Алло, алло!

— Шестая, — отозвалась телефонистка.

Вот черт, он не успел собраться с мыслями и не успел ничего сказать. Он не успел ей сказать, что сегодня вечером никак не может быть в гостях в Слободе, потому что сегодня вечером он занят, он должен идти с Бубеевым, с ответственным секретарем редакции «Северной звезды», в закрытую столовку, чтобы там отметить, как положено, первый гонорар, первый намолот — напоить Вась-Вася водкой досыта, сколько влезет в его широкий рот, в его бездонную пасть. Обещано и сговорено. Вась-Вась зайдет за ним.

Но в то же время Алексей вдруг осознал, похолодев, что, когда Клара Истомина завела речь о своей ведьме-бабке и упомянула, что эта бабка знает старые заговоры и сказы, он не сразу даже понял, о чем она, он действительно позабыл, зачем, с какой целью, с каким делом забрался он в эти дали, — он совершенно позабыл об этом в каждодневной суете и запарке, в этих бесконечных разъездах и мотаниях туда-сюда, он позабыл. И сейчас, вспомнив, похолодел даже.

Телефон зазвонил снова.

— Алло.

— Алексей... Алексей Николаевич?

— Да.

Тут он сразу узнал, что звонит Ася, секретарша Улитина, и даже по телефону почувствовал, как она густо краснеет, не смея назвать его просто по имени, хотя они уже и не первый день знакомы и тоже сверстники, однако служба службой.

— Зайдите к редактору.

Семен Ильич, к его удивлению, сидел над той же самой кипой газет полумесячной давности, испещренной синим, которую он час назад или меньше видел на столе Бубеева, а в руке его был такой же, как у Бубеева, двухцветный карандаш, но обращенный вниз красным концом.

— Смотри, — без приветствий и обиняков сказал Улитин, откинув несколько страниц.

И на очерке о Белоборской генеральной запани, где синим было выведено 300, он решительно красным перечеркнул эту цифру, вывел сверху тоже красным: 400.

Зашуршал дальше, добрался до Пычимской плавильни. Поднял глаза на Алексея, постучал карандашом плашмя по тексту.

— Дмитрий Иванович твою статью прочел, похвалил — дельная, говорит, статья. Я был у него утром.

— А... кто это?

— Что — кто? Дмитрий Иванович Есипов.

— Я не знаю, — честно признался Алексей, — я не знаком с ним. Я еще мало кого тут знаю.

Семен Ильич с откровенным любопытством взглянул на Алексея: не шутит ли? Нет, вроде бы не шутит. Укоризненно покачал головой:

— Дмитрий Иванович Есипов. Первый секретарь обкома. Это надо знать.

Он перечеркнул 200, написал 300.

Рой разноречивых мыслей и смятенных чувств овладел в эту минуту Алексеем.

Сперва его мозги, опять помимо воли, опять по школьной привычке, сложили цифры — плюс да плюс, равняется. Прежняя сумма росла и пухла, как снежный ком, катясь по газетным страницам, он уже подсчитал, что если бухгалтерша Анна Сергеевна и вычитет сегодня из его гонорара тот аванс, который дали ему в первый день, снизойдя к его сирости, то и тогда на руках у него останется сказочное богатство, хоть сори деньгами.

Вторая мысль была о том, что вот Бубеев, изображавший из себя владыку, хозяина редакции, коим он, собственно, и являлся, написал свои цифры синим карандашом, и это было как итог, как закон, как быть посему; но над ним, над владыкой и хозяином, имеется еще большая власть, а против синего карандаша есть красный карандаш, который обладает правом зачеркивать и писать сверху; но и на Улитине ведь власть не кончается, он только что сам счел нужным напомнить об этом, сказав про Дмитрия Ивановича, у которого был нынче утром, и поди положи весь этот газетный ворох на стол Дмитрию Ивановичу, под его карандаш, что-то еще может случиться...

Но Алексею хватило здравости догадаться, что выше уже не пойдет, а пойдет вниз, к Анне Сергеевне.

Третья же мысль была совсем проста: а не пригласить ли Семена Ильича Улитина в закрытую столовку отпраздновать первый намолот вместе с Вась-Васем. Скажем, Яшу Черношварца действительно не приглашать, не тревожить, а Семена Ильича позвать, да сделать это приглашение сейчас же, не дожидаясь, куда редактор станет сам намекать и набиваться, вот сейчас.

Улитин, перевернув последнее, отложил карандаш, устремил на Алексея свои темные, проникающие, немного грустные глаза, произнес тихо, но веско:

— С Бубеевым не пей... нет, не перебивай, не возражай, не корчись, я ведь знаю, не ты первый... С Бубеевым пить не нужно: он алкоголик, тяжелый, больной, несчастный. Не подноси, не ставь, его щадить надо, жалеть... И тебе мой совет: не увлекайся — Север, знаешь, по этой части опасен. Ясно?

Алексея несколько покоробили и смутили эти редакторские слова: неужто он так злопамятен, что не забыл, как на пароходе «Тютчев» в обед все заказывали по сто, а он, Рыжов, обуянный студенческой гордыней, из куража заказал сто пятьдесят, а то был чистый спирт, и он, хлебнув, мгновенно запынел и даже, помнится, хотел стгоряча вмазать вот этому товарищу, знатному чаеводу, своему нынешнему строгому и благодетельному начальнику.

Жаль, конечно, что об этом Улитин не забыл, держит в памяти, хотя с тех пор уже и набежала давность. А вот о другом, куда более важном, он все-таки забыл, как, впрочем, забыл бы и сам Алексей, если б не напомнила сегодня по телефону Клара Истомина.

Он обернулся у самой двери, но его опять подстерегал прямой и темный взгляд Улитина.

— Я помню, — сказал Семен Ильич. — Ты ведь о Печоре? Я не забыл, я помню.

Он ушел сразу, как только получил свое, ладно тут, в редакции, никто не держал под контролем, когда он приходит на работу, когда уходит, — практикант, с него какой спрос. Он ушел пораньше, чтобы Вась-Вась не мог застать его: теперь, после беседы с редактором, он был вправе избегать всякой пьянки с Бубеевым, он обязан был щадить и жалеть его. Хотя, по совести говоря, было тяжело себе представить, как Вась-Вась в конце рабочего дня сойдет вниз, тронет ручку двери, а она не поддастся, он еще подергает, что за черт, постучит, послушает, заглянет в замочную скважину — никого, выругается, поцелует пробой и пойдет домой. Впрочем, сегодня намолот был у всех, так что, догадался Алексей, в любом случае Бубеев доберется домой поздно.

И еще он торопился поспеть на базар.

Этот базар, обнесенный забором, а вдоль забора внутри застроенный бревенчатыми лавками на подмостях, был виден отсюда, с горы, пока он спускался.

Он шагал, ощущая на груди приятность оттопыренного и тугого кармана. Как было не вспомнить сейчас с усмешечкой совсем недавно: как минувшей зимою, когда какая-нибудь из прелестниц своего либо чужого института назначала ему свиданье, а он томился безденежьем — ну, не то чтобы в кино сводить, два билета по трешке, или на каток, два рубля, или просто довести потом до дому, проводить на трамвае, на метро, туда-сюда рупь шесть гривен, а у него подчас и того не было, совершенно не было карманных денег, — тогда он тихохонько, хотя никого не было дома, приоткрывал дверцу буфета, запускал руку и умыкал из теткиной сахарницы три-четыре куска пиленого сахара, полученного по карточкам, и в толпе возле булочной на Разгуляе сбывал эти кусочки тишком из рукава в рукав по пятерке за штуку, обычная такса, и на эту выручку ехал кавалерствовать, гусарить... ах, даже вспомнить смешно.

Он вспомнил об этом еще и потому, что теперь, когда сама собой отпала пьянка с Бубеевым и стало ясно, что предстоит другое свиданье, что нынче вечером он будет в Слободе у Клары Истоминой, он мог быть вполне спокоен, мог с полным сознанием своего достоинства ничем не терзаться в предвкушении этого свидания и не лазать по чужим сахарницам.

Базар кишмя кишел. Но он заметно отличался от тех базаров, которые случалось видеть Алексею даже в эти послевоенные скудные времена. Тут не было ярких и сочных красок, присущих летней поре: ни пламени спелых помидоров, ни прохладной зелени молодых огурцов, ни пестрых пучков редиски, столь плотных и ладных, что кажется, будто редиска так и растет пучками, гроздьями, что твои орехи; ни насквозь просвеченных солнцем листьев салата, ни заточенных на конус, как авиабомбы, синих баклажанов, ни петушиных перьев лука, хотя, если подумать, отчего бы не произрастать здесь луку, вон какая стоит теплынь; ни влажной россыпи клубники, ни сухой россыпи абрикосов, ни икрной россыпи красной и черной смородины, ни яблок, сводящих скулы одним своим видом, ни поздней примятой и сладкой черешни — ничего не было тут, не росло, или еще не выросло, или пока не сажали; и никто другой не привез сюда этого товара из иных краев, знойных и щедрых, потому что путь сюда очень дальний и долгий, кружной и накладный. Север, он Север и есть, как бы подсказывал всем своим видом этот базар, не обессудьте.

Лишь в ближнем к воротам ряду Алексей заметил мужика, торговавшего рыбой: снулые щуки и язи лежали навтыжку поперек стола, налобил, как они с Егором, и вынес продавать — сам бы ел, да деньги надо; и еще старуха продавала из ведра стаканами, будто семечки, черные соленые грибы — то ли прошлогодние, то ли

уже этим летом спроворилась; и еще другая старуха расставила перед собою сплюснутые крохотные розовые репки, словно шашки — подходи, сыграем.

Но ведь он и не за этим, не за овощами, не за фруктами явился сюда.

А то, за чем он сюда явился — это можно было заметить с одного взгляда, — оно тут было.

На прилавках и в междурядьях, у лавочных подмостей и у забора, повсюду вскидывали и трясли, расстилали, вертели, пробовали на ощупь, примеряли наскоро разноцветное и разнообразное барахло.

Более того, среди продавцов этого базара, куда он заглянул впервые, в совершенно чужом ему городе он вдруг обнаружил знакомые лица — два знакомых ему лица.

Фрау Илюхина, жена капитана Илюхина, стояла за прилавком, а перед нею лежал товар: женская кофта толстой заграничной вязки, белая блузка тонкого шелка, вспененная пышными кружевами, дамская шляпа с кисейной вуалеткой и модная сумка крокодиловой кожи на длинном ремешке — дорогой и броский товар, на который в почтительном безмолвии взирали, не смея даже тронуть, местные красотки в ситцевых платьишках. А сама фрау Илюхина короткими и настороженными взглядами зыркала по сторонам, будто опасалась чего-то, и один из этих коротких взглядов пал на Алексея, он поклонился ей, искательно улыбнулся, мол, какая приятная встреча, а помните, как мы... — но фрау Илюхина тотчас отвела взгляд, он сделался еще более опасливым и настороженным, вероятно, она не узнала Алексея Рыжова, забыла, как они вместе плыли и бражничали на пароходе «Тютчев», в первом классе.

А чуть поодаль за прилавком, как за гостиничным барьером, высилась столь же знакомая ему дама в чалме, с горбоносым профилем, дежурная из гостиницы. Она продавала мужские башмаки, огромные, громоздкие, с загнутыми вверх носами, в пестрых шнурках, вроде лыжных пьекс; и грубошерстный плед в клетку крупной ячеи, с махрящимися по краям кистями; и разъявленный дорожный несессер на «молнии», где в аккуратные петельки были вдеты позлащенные коробочки, футлярчики, патрончики, отдельно щеточки, ножнички, ковыралошки, зеркальце, мечта недорезанного буржуя. Эта дама, поведя глазом, тоже и тотчас заметила кивнувшего ей Алексея Рыжова, но и она почему-то не узнала его, отвернулась безразлично, хотя еще вчера, когда несла дежурство, они поздоровались как старые и добрые знакомые.

Впрочем, Алексею было начхать на них обеих — не желают узнавать и не надо, — тем более что их выложенный товар не представлял для него никакого интереса. Он ведь тоже явился сюда не для того, чтобы опознавать знакомых, кто тут и чем торгует. У него были свои интересы.

Следуя вдоль рядов, он довольно скоро обнаружил тот товар, который ему был нужен, за которым пришел.

Совершенно незнакомая тетеха продавала пиджак верблюжьей масти, может быть, и впрямь из верблюжьей шерсти, ворсистый и мягкий, однобортный, с узкими лацканами, накладными карманами и глянцевыми шоколадными пуговицами. Алексей на глаз определил, что пиджак ему впору, однако для верности скинул кожанку и, держа ее в зубах за воротник, примерил верблюжий пиджак: он будто на него был сшит, как на заказ, и плечи по плечу, и рукав по руке. Рыжов уплатил не торгуясь.

Чуть дальше продавалась почти новая коричневая рубашка, тоже по нем — его, правда, несколько смутил цвет, ведь известно, кто расхаживал в коричневых рубашках, и он заколебался, проследо-

вал мимо, но тут же подумал, что тех, кто расхаживал в коричневых рубашках, уже извели на нет, что о них вспоминать, а такая рубашка, догадался он, отлично подошла бы к его новому пиджаку, да и цвет немаркий, носи хоть месяц без стирки, и он, преодолев сомнения, вернулся и купил.

И еще ему попался галстук, атласный, густо-вишневый, в частую желтую крапинку, и этот галстук был точно так же в тон его рубашке, как рубашка была в тон пиджаку, — и он купил.

Хотел уже идти к воротам — ведь все было куплено, что надо, — но его перенял на пути, приманил пальцем лохматый мужик, определивший, должно быть, что покупатель знатный, богатый, покупатель не торгуясь и долго не раздумывая, глаз имеет острый, вкус отменный, берет, что ему надо, и предпочитает товар добротный, первосортный, шикарный, люксовый, — этот лохматый мужик отвел его в сторонку. От мужика несло водочным перегаром, и от него же исходил какой-то приглушенный стрекот. Он отвел его в расщелину меж лавок, к самому забору и там, оголив запястье, показал: рука его была опоясана множеством ремешков и браслетов с часами, большими и маленькими, круглыми и квадратными, с римскими цифрами, арабскими цифрами и вообще без цифр, лишь точки и тире, соображай сам.

Алексей очень обрадовался, он едва не ушел с базара без самой важной и самой нужной покупки — без часов. В девятнадцать лет, накануне двадцати, у него еще никогда не было собственных наручных часов, более всего удостоверявших, что ты уже не подросток и не юноша, а мужчина: отогнул рукав — и сразу видно, кто ты таков. И даже не в том дело. Теперь, в каждодневном верчении редакционных заданий, командировок, когда нужно поспеть везде и всюду, когда на счету каждый час и каждая минута, очень трудно и неудобно в этой теперешней жизни засыпать до луны, а просыпаться по солнцу, ждать, куда пропищит радио и диктор объявит время, то и дело соваться к прохожим, не скажете ли, который час, а эти прохожие сами без часов, самим интересно. Нет, часы ему были теперь необходимы позарез.

Лохматый мужик, предположив, что товар не подходит, отрянул рукав и заголил другое запястье: на нем тоже были часы, часы за часами, часы поверх часов, очень богатый выбор.

Алексей указал пальцем на прямоугольные солидные часы в позолоченном корпусе, с черным циферблатом.

— Они, — кивнул мужик, одобряя выбор. — «Мозер», швейцарские...

Отстегнул ремешок, протянул покупателю.

Алексей приложил часы к уху: они, несомненно, шли.

Он заплатил не торгуясь. Он мог себе это позволить, мог сорить деньгами направо-налево. Ему даже смешно было вспомнить, что всего лишь несколько месяцев назад он по мере надобности приворовывал из теткиной сахарницы.

В гостиничном номере все побросал на кровать, скинул с себя, тоже бросил, сел, переводя дыхание.

Взгляд его пал на кожанку, только сейчас он заметил, как сильно она истерта на локтях, на лопатках, как измяты рукава на сгибах в мелкие неизгладимые морщины, как она стара, — он только сейчас это заметил, купив все новое. Сколько же ей лет, этой кожанке?..

Дама была фотография, которую он особенно любил разглядывать, да и отец любил. На ней комиссар Николай Рыжов был заснят в этой самой кожанке, весь в ремнях, с маузером в деревянной кобуре, среди братишек, лихих матросов 1-го Кронштадтского полка,

давшего бой под селом Кузнецким на Урале трем колчаковским полкам, — Алексей знал, что вот эти лихие братишки, на фотографии, они-то и остались в живых после белых атак, а остальные полегли.

Он знал, что в этой кожанке отец стоял под Гатчиной против казаков Краснова, кончал Духонина и его ставку в Могилеве, кончал на Украине петлюровскую Раду, ходил из Кронштадта на штурм мятежных фортов в девятнадцатом, а в двадцать первом штурмовал мятежные форты самого Кронштадта. Ему везло, ни одна пуля его не тронула — «везет, как перед смертью», — и единственной дыркой на коже этой кожанки было отверстие для штифта ордена Красного Знамени.

Алексей, когда был маленький и когда подрастал, все горячо уверял отца, что он, наверное, просто позабыл, как в этой же кожанке штурмовал Зимний дворец («Ну вспомни, папа, вспомни!»), но отец категорически мотал головой и утверждал, что нет, что в ночь на 25 октября их отряд занял государственный банк и оставался там до утра, таков был революционный приказ, он объяснял и доказывал, что банк — это тоже очень важно, но в конце концов соглашался, что да, что жалко, что не Зимний...

Однако вовсе не эти соображения и чувства владели сыном, когда, уезжая из Ленинграда в Москву вопреки материнской воле, снаряжаясь в самостоятельную жизнь, он вытащил из гардероба, из самого угла, задубевшую от долгого висенья отцовскую кожанку, примерил, шелестя, и она ему оказалась в самый раз, и он решил ехать в ней, потому что такая куртка годится и для лета и для зимы, а особенно для весны и осени, на любую погоду, и потому, что ей сносу нет, хоть еще сто лет носи, и еще потому, что везучая она: единственная на ней дырка — и та от ордена.

Он ведь тогда не мог предполагать, что всего лишь год спустя в провинциальном городе, где он случайно окажется, эта старая кожанка наведет жуть на энциклопедиста и пьяницу Бубеева, а ему, Алексею, вдруг привалит куча денег и он позволит себе разжиться на базаре кой-каким барахлишком.

Опорожнив карманы кожанки, лишив ее документов и денег, он повесил ее на самый глубинный крюк гостиничного шкафа, пусть висит, отдыхает.

Теперь он решил подробней и придирчивей изучить свои обновы. И при ближайшем рассмотрении они ему преподнесли неожиданные сюрпризы, раскрыли ему свои тайны, которые он, естественно, не мог заметить в базарной сутолоке.

На вороте пиджака изнутри была пришита шелковая ленточка с надписью «Exclusiv», а чуть пониже и чуть помельче «Singapore». Он схватился за галстук и там тоже обнаружил с изнанки шелковую ленточку, на которой было написано дробными буквами: «Juwel New-York». Поспешно расстегнул воротник распластанной на кровати рубашки, но там, слава богу, ничего не было, хотя рубашка имела несомненно заграничный вид.

Сингапур, Нью-Йорк... Им овладело удивление, странным образом смешанное с тревогой, оторопью. Нет, его не испугали сами эти чужеземные вещи: ведь ему, сыну моряка, кронштадтскому мальчику, ленинградскому жителю, с детства были не в диковину привезенные из-за границы, из заморских стран, из дальних шлаваний яркие, броские, модные тряпочки, а на них, разумеется, всегда были и фирменные заграничные этикетки — эка невидаль.

Но каким таким непостижимым образом все это могло оказаться здесь, в Городе-на-Реке, в медвежьем углу, в захолустье?..

Впрочем, нет, и не это повергло его в испуг.

Просто он опять испытал сейчас то странное головокружение, тот морок, что не раз приходил к нему, когда он чувствовал, что земля плывет из-под ног, что он висает в воздухе без опоры, что

его несет неведомая сила, перемещая во времени и пространстве, этот знакомый наезженный кошмар... Вот точно так было минувшей весной в квартире профессора Шамшина, когда он увидел в окне напротив старорежимную надпись по фасаду. И совсем недавно, когда он увидел за околицей Пычима вековые отвалы сожженной земли, из которой, как из преисподней, возносились факелы иван-чая; и когда он нечаянно посмотрел свою заметку в газете сквозь свет и на другой стороне листа проступило, что в Америке умер генерал Деникин... И вот еще сегодня, сейчас, когда он обнаружил эти шелковые ленточки, эти дробные латинские буквы на заграничных обновах.

Может быть, это опять болезнь? Такая редкая и странная болезнь. Но ведь он совершенно здоров, здоров, как бык, здоровее здорового, особенно теперь, когда почти зарубцевалась память о пережитом смертельном недуге, он был абсолютно здоров. И хотя у него теперь не было поводов измерять что ни день температуру, он чувствовал всем своим духом и телом бодрую норму: тридцать шесть и шесть, тридцать шесть и шесть.

Значит, тем более он должен суметь распознать этот морок, исследовать это головокружение, понять, отчего оно и что оно, как добавляет здравому человеку.

С тех пор как он понял случайность рождения, случайность появления человека в этом мире (протестующий указательный перст Бубеева на мгновенье помаячил перед его носом: нет-нет, братец, случайностей не бывает!..), его одолевали два совершенно фантастических предположения.

Первое: что он мог родиться не тогда, когда он родился, а гораздо раньше, скажем лет за сто до этого срока, еще при крепостном праве,— при том, разумеется, условии, что и отец и мать тоже родились бы намного раньше, иначе как же. Тогда бы он, пожалуй, и не дожид до нынешней поры, он бы уже умер, хотя бы от той же чахотки или чего другого. Он бы умер, так и не дожив до Октябрьской революции, так и не узнав, что будет дальше, вслед за нею. Конечно, никто из людей, которые жили тогда, никто не знал о будущем ничего достоверного, и люди как-то мирились с тем, что они живут в другое, и довольно тусклое, время, и даже в нем они находили удовольствие и свой смысл. Но у него от этого предположения буквально перехватывало горло, его душило при мысли, что он мог жить раньше и не дожить до того времени, в котором ему выпало счастье жить ныне. Хотя при этом он вполне сознавал и присчитывал к общему счету, что и в этом времени были свои беды и лишения: чего стоила одна война!.. Но он уже понимал, что люди, которые родятся позже, станут завидовать ему и в этом: что он жил при такой войне, хотя сам не воевал, но тоже чуть не умер, пока она шла. Кстати, морок этот распространялся и на будущее время: его равным образом никак не устраивало и запоздалое рождение — что он еще и не родился, что это ему еще предстоит и он будет жить в таком светлом будущем, о котором сейчас лишь мечтают, — нет, ему не хотелось и этого, он был вполне и безраздельно удовлетворен своим временем, так счастливо выпавшим на его, Алексея Рыжова, долю. Вот отчего, наверное, его пугали неожиданные вести из других времен и перемещения во времени, которые он порой испытывал.

Второе касалось пространства. Опять же он допускал такую случайность, что он мог родиться не в России, а черт знает где — в том же Нью-Йорке, или Сингапуре, или в какой-нибудь Бельгии. То есть не то чтобы родиться не русским (это вообще исключалось, даже в Сингапуре он родился бы обязательно русским), но он имел в виду само место рождения: вдруг какая-нибудь Бельгия. Ну, о Нью-Йорке он хотя бы знал, что там небоскребы, а в Сингапуре,

кажется, там, люди живут в лодках-джонках прямо на воде, кучно и сыро. Но вот эта Бельгия, столь неясная, бесплотная, неосязаемая, ничего не говорящая ни уму, ни сердцу, — хотя нет, он слышал, что всю Бельгию можно из конца в конец проехать на трамвае. О боже, ехать через всю свою родину на трамвае, поглядывая в окошко, чтоб, неровен час, не промахнуться — стоп, слезай, граница, дальше Люксембург. И главное, человек, родившийся там, в этой Бельгии, он как бы рождением своим приговорен жить именно там, во всяком случае оставаться всю жизнь уроженцем этой крохотной Бельгии, и от этого ему никуда не деться, судьба... Правда, Алексею Рыжову, выросшему в Кронштадте, на точечном островке в четырнадцать квадратных километров, была не чужда вот такая уютная малость, но он всегда знал, что эта малость — лишь частица огромной страны, которую почти никому из живущих в ней не дано изъездить всю из конца в конец и вдоль и поперек.

Он успокаивался и яснил душой, сознавая, что родился и живет в той стране, в которой надо, и именно в то время, в котором живет.

Время... а сколько сейчас времени?

Алексей потянулся за своими часами, приложил их к уху: они продолжали мерно идти.

Значит, не обманул лохматый мужик с базара. Лохматый мужик... А сам? Он взъерошил пятерней волосы, ого, как зарос, по уши, надо бы постричься и побриться заодно, вон какая щетина — он провел пальцами по щекам, подбородку, верхней губе: все колосось и косматилось.

Быстро надел свою новую рубашку, повязал галстук, накинул пиджак, застегнул ремешок часов, запер дверь, зарысил чечеточкой вниз по лестнице.

Парикмахершей в гостинице оказалась дочка той прибалтийской дежурной дамы, которая сегодня торговала барахлом в рядах. То есть он не знал в точности, дочка это или младшая сестра, а может быть, и вовсе никто ей, но она была очень похожа на даму из Каунаса, только моложе, и у нее был тот же монотонный тягучий акцент, только ласковей.

Она усадила Алексея в кресло с подлокотниками и подзатыльником, повязала ему чистую простыню, щекотно тыча за ворот, посмотрела на его отражение в зеркале оценивающим и вопросительным взглядом — там глаза их встретились, и он едва заметно кивнул: делайте со мной что хотите.

Жамкая машинкой, она сняла волосы согласно моде догола с висков, вокруг ушей и выше ушей — они тотчас смешно оттопырились, — сняла с затылка и выше затылка под самую макушку тоже наголо, так, что засинела открытая незагорелая кожа, а потом, загребая гребенкой, брэнча ножницами, она стала подравнивать все остальное, сохранив лишь зачес набок, возведя молодеватый легкий долубокс, чик-чик и еще чик-чик.

Потом она взбила в чашечке густую мыльную пену и ловким помазком облепила пеной все лицо, а его в этот момент осенило вдруг, но раскрыть рот было невозможно, нажрешься мыла, и он замычал, как глухонемой литправщик Зыков: «Мбу... мбу...» — выпростал из-под простыни руку и показал ей, что желает оставить усы, не такие, конечно, вислые казацкие усы, как у главного инженера Дидовика, а модные журналистские усики, как у Константина Симонова, — она поняла и оставила.

Потом она обрызгала его шипучей струей одеколona до жжения в прижмуренных глазах, осыпала лицо пудрой, смахнула, сдержала с него простыню, как полотношце с нового памятника, нагну-

лась, положив ему на плечи свои груди, прислонилась щекою к его щеке, заглянула в его глаза в зеркале: доволен ли?

Он был доволен: когда он садился в это кресло, у него было всего-навсего хотя и заросшее, но предательски глупое и наивное юношеское лицо, а сейчас на него смотрела из зеркала вполне мужская, усатая, важная, холеная, лоцная морда.

Почему-то он вдруг пожалел, что не купил сегодня на базаре тот буржуйский несессерчик на «молнии», с патрончиками и ковырялочками, любопытно, сколько за него запрашивала каунасская дама, родственница вот этой искусной парикмахерши.

Он повел плечами, освобождаясь от ее грудей.

Расплачиваясь, подумал, что если бы он не был нынче вечером так занят и уже зван в гости, то, возможно, попросился бы проводить ее домой после работы. Интересно, она живет вместе с дамой в чалме или врозь? Но, к сожалению, он был занят сегодня вечером.

— Розовый какой весь, будто поросенок наш Борька... — сразу все заметила Клара. — Нет, больше на kota похож — усы, нашей Мурке товарищ. О, гляди, сама признала!

Гладкое, серое, теплое коснулось его ноги, кольнуло электричеством сквозь брюки и, дрогнув напоследок хвостом, отошло неслышно.

— Вот моя мама, познакомься — ее зовут Павла Романовна, — представила дочь.

— Очень приятно, — сказал Алексей, пожимая ей руку.

Он перенял ее первый оценивающий взгляд, и оценка там была совершенно ясная: ну так я и знала, что молокосос и сопляк, хотя и усами прикрывается, но много ли ими прикроешь; галстук нацепил, а все равно понятно, что человек несолидный, нет, не жених, дочкина блажь, нам бы таких не нужно.

Сам он при этом успел определить, что ей за сорок и Клара похожа на нее, то есть к сорока годам вот так же должно загрубеть и затесаться углами, такими же резкими и длинными морщинами должно исполосоваться округлое и нежное лицо Клары, но его это ничуть не пугало, он не заглядывал столь далеко.

— А это моя бабушка, баба Окся, Оксинья Ивановна, вот приехала к нам погостить из Троицкого Посада, на неделю всего.

— Мне очень приятно, — поклонился Алексей.

Он перенял и бабкин сноровистый хитрый взгляд: она, не выказав интереса к его усам и галстуку, обзыркала, ощупала его отягощенные карманы — и взгляд ее тотчас завеселел.

— Давайте к столу, пора ужинать, — сказала Павла Романовна. — Поздно уже.

Он поставил обе бутылки на стол. А там уже дымилась в казане, разорвав покровы, крупная картошка; розовая семга истекала пахучим рассолом, купалась в нем; желтое сало отвердевало к корочке в неразгрызный янтарь; плоские ржаные шаньги были не с пылу, не с жару, а заметно, что черствы, всю эту снедь, все эти гостинцы, вполне очевидно, привезли из далекой деревни и везли очень долго, но привезли кстати — Алексей был голоден, как волк.

— Со знакомством. Будьте здоровы.

Они чокнулись четырьмя гранеными стаканами. Три опрокинулись доньшком вверх, как положено, фу-фу, дыши глубже.

А с четвертым творились дива дивные: Оксинья Ивановна, баба Окся, вылила свою водку в глиняную миску и стала крошить туда шаньгу — смуглые и заскорузлые от трудов ее руки отщипывали кусочки и кидали туда, как некоторые крошат хлеб в щи, чтоб сделалось больше щей в тарелке, чтобы щи сытней были, так и она, толь-

ко не в щи, а в водку,—потом взяла лежавшую обок столовую ложку и, уткнув подбородок в самый край миски, пошла кидать это хлебово в беззубый рот, и было видно, что ей нравится и вкусно.

Алексей глазами хлопал, наблюдая эту небывальщину.

— Закуси,—напомнила Клара, подмигнув, чтобы он не сильно обращал внимание на эти бабкины странные манеры, пусть ее, ведь что с нее возьмешь, она ведь не столичная, не из города, а из деревни.

— Да вы ешьте, ешьте,—пригласила Павла Романовна.—Семга вот, рыба хорошая, только засол у нее особый, печорский, так и называется—печорский засол, не всем одинаково нравится, запах очень сильный, но мы привыкли, едим... берите, ешьте.

— Спасибо,—кивнул он и схватился за горячую картофелину, стал спускать с нее шкуру.

Кошка под столом опять прильнула к его ногам, пригрелась и его пригрела.

— Значит, вы из Москвы?—спросила Павла Романовна.

— Да, я сюда приехал из Москвы. Я учусь в Москве. А вообще я родом из Ленинграда, точнее—Кронштадт. Но мама теперь живет в Ленинграде.

— А что же вы с ней не живете? Мать как-никак.

— Как-никак. Видите ли...

Он задумался: стоит ли исповедоваться этой чужой женщине, которая, вне сомнений, отнеслась к нему сразу неприязненно, и он, говоря честно, тоже не ощутил к ней особой приязни, во всяком случае пока не питал, вряд ли стоило исповедоваться. Но она спросила его, и вежливость требовала ответа. Он сказал:

— Видите ли, мне тяжело теперь жить дома—без отца. Отец погиб на фронте. Я очень любил отца. И мне теперь тяжело без него.

— А-а, это да...—согласилась мать Клары. Она обвела взглядом стены избы, оклеенные обоями в цветочек, и было件нятно, что и ей, вдове, о многом говорят осиротелые эти стены, но глаза ее остались сухими, она спросила:—А отцова могилка где?

Он опять смешался, подавленный голой категоричностью вопроса. В жизни все было сложнее, чем она себе представляла, меряя все на свой аршин, на свой опыт. А в жизни и даже в смерти все было гораздо сложнее. Рассказывать подробно, он чувствовал, слишком долго, но ведь она просила.

— Видите ли, его могилы нет. Его могила—море, он был моряк. Он шел из Таллина в Кронштадт на эсминце «Яков Свердлов». Флот шел сквозь огонь, без прикрытия—их атаковали с воздуха, с моря, отовсюду. Немцы пустили торпеду во флагманский крейсер «Киров», попадание было неизбежным, и тогда «Яков Свердлов» принял торпеду на себя—никто не выплыл... нет, кажется, выплыли три человека, а остальные... вот так погиб отец.

— Утоп, значит?

— Наверное. Или раньше был убит, в момент взрыва. Понимаете, с «Якова Свердлова» никто не спасся, всего три человека, но и они знать ничего не могут. Говорят, что отца видели на воде. Но подобрать все равно бы не смогли: там кипело, все море кипело, и шли не останавливаясь...

— Господи,—откликнулась Павла Романовна на этот рассказ.

Клара смотрела на него, брови ее сочувственно пригорюнились.

Даже старая ведьма, баба Окся, оторвалась от своего жуткого хлеба и поглядывала на него жалобно. Но оказалось, что у нее кончилось.

Алексей взял бутылку и разлил по стаканам, а ей прямо в миску, щедро.

Выпили и помолчали за вечную память.

— Ну а наш в земле лежит,— сказала мать Клары, и в тоне ее была гордость, слышалось превосходство.— Адрес могилки есть, в Венгрии, но как туда съездишь, в Венгрию?

— Надо бы съездить,— подала голос дочь.

— Конечно, а как... Вы, значит, в Москве у тети живете? Она с какой стороны, чья сестра — отца или матери?

— Тетя Надя — мамина сестра, старшая, а маму зовут Люба, Любовь. Они две сестры — Надежда и Любовь.

— Надежда и Любовь? А раньше Веры не было?

— Веры не было,— уверенно ответил Алексей.

— А может, умерла еще маленькая? — не унималась мать Клары.

— Нет. Веры просто не было.

— И братьев не было?

— Не было. Только две сестры — Надежда и Любовь.

Алексей усмехнулся в душе: его потешала эта настойчивость и дотошность Павлы Романовны, будто ей было не все равно.

— А по отцу?

Ну вот, пошли по другой ветви. Однако здесь Алексей ничем не мог удовлетворить ее любопытство, он просто не знал.

— Я не знаю,— признался он.— Отец мой из крестьян, с Оки. Он еще пареньком нанялся на завод, кочегарил, а оттуда его взяли на флот: раньше от печи брали на флот, считалось, что печь — это техника,— пояснил он.

— И никого из его родни так и не знаете?

— Никого. Отец в деревню не ездил, не писал. Нет.

— Как же?..

Она смотрела на него с укором и сожалением, привела в назидание такой пример:

— А я вот у них была, в Троицком Посаде,— указала она на бабушку,— это не моя, а мужнина родня, Истомины, а я сама Трошева. Но я к ним ездила помочь по хозяйству, да еще вот старую с собой привезла погостить, пускай пирует... Вот как.

— За ваше здоровье,— поднял Алексей стакан,— за ваше доброе сердце.

Мать Клары ему определенно и уверенно не понравилась.

Впрочем, она не собиралась долее засиживаться, утерла губы, поднялась:

— Хорошо вам сидеть, а я пойду, устала с дороги... Чай вскипел, ты сама налей, Кларочка.

— Ладно,— отмахнулась Клара.

Она тоже, Алексей это понял, не сильно жаловала мать.

— Гляди, сейчас начнется...— шепнула она, поведя глазами на бабу Оксю.

Старуха отвалилась к стене пресыщенно и упоенно, всем своим видом свидетельствуя, что довольна. Она зажмурилась и начала раскачиваться из стороны в сторону, ерзая по ветхим обоям лопатками, беззубый рот ее шевелился, пробуя на вкус и на плоть какие-то еще не высказанные, но уже подкатившие слова.

— Сейчас,— повторила Клара.— Пиши...

Алексей опаматовался, сунул руку в нагрудный карман и тогда лишь обнаружил, что он не в старой кожанке, а в новом пиджаке, блокнот лежал теперь в другом кармане, вытащил, раскрыл чистую страничку, потрогал пальцем острие карандаша,— он был весь внимание, весь готовность.

— Ома илекса улья палема, куюс андога ува лайтома,— запричитала Оксинья Ивановна.— Ува мякса тас, нью калалы...

Он записал, испугался, что не так, что ослышался, перечеркнул, попробовал восстановить на слух уже отлетевшие звуки, но они не

поддавались восстановлению, они уже распались и растворились в воздухе, а между тем он упустил несколько мгновений, пропустил то, что она уже наговорила дальше, опоздал, теперь нужно было нагонять упущенное, но не за что было зацепиться, не на что было опереться, все было совершенно незнакомым и диковинным, его ухо достаточно вятно воспринимало звуки и слова, однако сами эти слова не имели значения и потому не вязались друг с другом, не отпечатывались в мозгу, а только будоражили мозг, не оставляя следа, и тогда он, рассердившись на себя, решил забежать вперед и там ждать, а когда она доберется и достигнет — там схватить и оттуда повести, уже не отпуская от себя ни на шаг, но она опять проследовала мимо, и как будто даже не рядом, а сквозь него, и он опять остался ни с чем, опять был в хвосте, отстал, хотя на этот раз ему показалось, что он приблизился к пониманию, а точнее — он уже уловил общую направленность того, что она говорила, само движение, ведь движение — это уже нечто, это уже весьма и весьма, кроме того, ему удалось войти в ритм, засесть периоды чередования, они были неторопливы и протяжны, повествуя о вечности, ведь там совершенно некуда торопиться, значит, у него уже накопилось вполне достаточно для того, чтобы понять и остальное, но вот тут-то и возникал неодолимый порог, глухая стена, и он вынужден был топтаться в беспомощности и отчаянии, уже сознавая, что никогда не достигнет, ни в кои веки, нет и нет, — впрочем, ему удалось разгадать еще одно очень важное свойство: там звучала откровенная печаль, все в миноре, хотя и без надрыва, вполне достойно, там и намек не было на радость, из чего следовало, что высокий слог всегда близок к печали, но не к той, которая прорывается в бессвязном рыдании и всхлипах, а к той, что приходит позже, там печаль склонна к расуждению и мудрости, она отливается не в слезу, а в слово.

— Ныда мойеро ома кутима, игмас лоуги кенже илеза...

Она все раскачивалась из стороны в сторону, и было заметно, что ей самой эти звуки доставляют наслаждение, хотя, быть может, она и сама не ведала, что они значат, что несут.

Алексей посмотрел на Клару, взывая о помощи.

— Я не знаю, — призналась она виновато. — Это не по-зырянски, не по-пермяцки... не по-ижемски, нет... не по-устыцилемски...

Вот сколько языков она знала.

— А если это по-чудски? — изумленным шепотом высказал он предположение, столь невероятным оно было, но что оставалось думать об этом странном языке.

— Да, — обрадовалась Клара.

— Но ведь чудского языка никто не знает. Чудь под землю ушла, живьем закопалась, хотя...

— Она знает! Она все знает, ведьма старая.

Бабка вдруг замолкла, словно прислушиваясь к их шепотливой беседе. Но нет, она просто заснула посреди своего несусветного сказа, вместо слов от нее теперь доносилось лишь посвистыванье на выдохе и низкий храп на выдохе.

Алексей разгладил страничку блокнота, так и оставшуюся незамаранной.

— Это что у тебя на пальце, бородавки? — спросила Клара.

По краю лунки его ногтя топырились темные твердые трещиноватые зернышки.

— Да, вот взялись откуда-то... а пусть, не болят, не мешают.

— Зачем же они тебе? — возразила Клара. — Хочешь — сведу?

— Их прижигать надо, а это больно, придется терпеть. Зачем искать боль, если не болит?

— Не надо жечь. Я их так сведу — заговором, без боли, сейчас. Хочешь?

Алексей улыбнулся снисходительно.

— А ты не улыбайся. Если будешь сомневаться — ничего не получится. Но если ты сам согласишься... Согласен?

— Давай, — великодушно разрешил он.

Клара оцупала короткий рукав своего домашнего застиранного платьишка, потянула, выдернула нитку. Накинула ее петелькой на сустав бородавчатого пальца, приказала:

— Теперь молчи. И верь мне — обязательно верь.

Он ощутил кожей пристальную силу ее глаз.

— Всё. — Она откинула мягкую нитку, освободила палец. — Всё.

Бородавки были на прежнем месте. Алексей вопросительно посмотрел на нее. Она рассердилась:

— А ты захотел, чтобы сразу? Нет, милоч, подожди.

— Но ведь ты обещала заговор, а сама молчала.

— Это обязательно вслух.

Старуха басовито, пугающе хрюкнула.

Алексей опять приглядел страничку блокнота, написал на ней: «Я пойду». Еще подумал и добавил вопросительный знак: «Я пойду?» Клара прильнула к нему, отобрала карандаш и написала чуть ниже: «Не уходи». Он пожал плечами, взял у нее карандаш: «А как же?» Она ему ответила: «Мама скоро заснет». Он покосился на старуху, предостерег: «Бабка не спит, глаза открыты». Клара поискала чистое место, не было, он перелистнул, и она написала под оттиснутым на листке четким шрифтом «Северная звезда» веселыми каракулями: «Она с открытыми глазами спит». Он усомнился: «Так не бывает». Она его заверила: «Честное слово, видит бог». А потом еще дописала: «Сиди тихо. Я сейчас выясню».

В окнах было темно, ни огонька не тлело во всей Слободе — только у них, наверное. Пожалуй, и впрямь было поздно уже добираться по такой крошечной непроглядной до города, в гостиницу.

А он и не заметил, как отлетела пора белых ночей, как сделались по-осеннему темны и глухи вечера. Интересно, сколько сейчас времени?

Но тут он вспомнил, что у него есть часы. Поднес запястье к уху, послушал, они тикали. Четверть двенадцатого. Теперь было хорошо, теперь он мог следить по часам за тем, как течет время.

(Окончание следует)

АЛЕКСАНДР РЕКЕМЧУК

★

ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ И ШЕСТЬ *

Роман

8

— Ч[етвертый! — сказал Улитин и поднял руку с загнутым большим пальцем, а четыре других торчали врозь.

Он не стал дожидаться, пока Алексей прошагает весь ковер от двери до редакторского стола, а лишь завидя его, выкинул вверх четыре пальца и произнес, торжествуя:

— Четвертый! Вот так-то, Рыжов.

— Что... четвертый? — спросил недоуменно Алексей, опускаясь в истертое и продавленное кожаное кресло, утопая в нем, держась на одних локтях, которые нашли опору примерно на уровне ушей.

Семен Ильич сощурился канальски:

— Неужто забыл? А мне казалось, что у тебя хорошая память... Но не беда, я напомню. На «Тютчеве», на пароходе, когда мы с тобой сюда плыли, ты меня спросил: а сколько у вас городов? Да еще с подковыркой: один? А я тебе ответил: три, пока три города, пока... Заметь, что я сказал п о к а. Ну, вспомнил теперь?

— Вспомнил, — сказал Алексей.

Ему не очень хотелось вдаваться в подробности того стародавнего разговора на «Тютчеве» уже на подходе к Городу-на-Реке, когда он, испытывая усталость и раздражение от долгого пути, был не слишком вежлив со своим случайным соседом по каюте, — ему не хотелось тормозить воспоминания о том, как он хамил напропалую этому человеку, не предполагая, что всего лишь через несколько дней он окажется в самом прямом и недвусмысленном подчинении у этого человека и тот ни разу не укорит его задним числом за опрометчивое хамство, даже не напомнит о злополучном разговоре, но вот — взял да и напомнил.

— Так вспомнил или нет?

— Вспомнил, — коротко вздохнул Алексей.

— Тогда держи, читай.

Он протянул ему брошюрку свежих «Ведомостей...», где красным карандашом было отчеркнуто: Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от... рабочий поселок... преобразован в город Печорск.

Алексей поднял глаза на карту позади редакторского стола. Шторка была отдернута вправо ровно настолько, чтобы взгляд тотчас уперся туда, где река выкидывает лихое коленце, а под самое коленце бьет членистая, как бы изображающая рельсы и шпалы линия железной дороги.

---

* Окончание. Начало см. «Новый мир» № 11 с. г.

— Нашел? Увидел? Вот тебе и четвертый город. И вот тебе Печора — поезжай.

— Семен Ильич...

Он сделал попытку выбраться из хляби продавленного кресла, но хозяин кабинета жестом дал ему понять, чтобы сидел и не прыгал, что разговор еще не окончен.

— Поедете бригадой, там одному не управиться. Нужна полоса о новом городе: содержательная, яркая, броская — ведь это для нас событие, четвертый город, да!.. И суть не только в этом. Пойми, Рыжов, проникнись: только что прошла война, сотни городов лежат в руинах, в пепле, сотни погибших городов... Но вот — родился новый город! Как много в этом оптимизма, смысла, а? Тебе сильно повезло, Рыжов. Ведь я не знаю, будет ли у тебя в жизни еще раз такое: рождение города!

— Семен Ильич...

— Ну что?

Алексей, опираясь, цепляясь, все же выгрёбся из ватной трясины, отдышался, наклонился над столом, над гознаковским, в радужной денежной сетке перекидным календарем, пролистал странички: 25-е... 27-е... 30-е... все, а дальше был сентябрь.

Веки Улитина удивленно хлопали, когда он следил за этими листками. Он позабыл. Обо всем помнил, все имел в виду, все предусмотрел, все учел, а вот здесь просчитался, упустил, забыл.

— Мне пора, — объяснил Алексей. — Сколько дней еще пароходом тащиться, поездом. А я хочу в Ленинград заехать, к маме, с прошлой зимы не выдались.

— С прошлой зимы, с прошлой зимы... — повторял за ним Семен Ильич, ероша календарные листки, поигрывая морщинами лба, соображая. — Послушай, Рыжов. А что, если тебе задержаться у нас? На пару месяцев. Хотя бы до зимы, скоро уже зима... Да ты сядь, сядь.

— То есть как? — опешил Алексей, но сел. — А институт?

— Да с чем ты явишься в институт? С пустыми руками. Ведь до Печоры ты так и не добрался. Сказок тебе не рассказали и песен тебе не спели. С чем же?

— Ничего, — беспечно усмехнулся он. — Авось не казнят, помилуют.

— Помилуют, конечно, — согласился Улитин. — Но дело не в этом. Ведь ты, Алеша, рвался на Север, на Крайний Север, в Заполярье, в Арктику — не возражай, я лучше знаю, — всей душой рвался, с детства, с малолетства, как все, так и ты. И вот вроде бы до-рвался. А что ты видел? Ничего не видел. Потому что настоящий Север начинается, брат, вот отсюда...

Он поднялся и тронул пальцем ту заветную точку на карте, где скрещивались река и железная дорога, где был только что народившийся город Печорск, а чуть выше настойчивой и тревожной строчкой морзянки бежали друг за дружкой, опоясывая макушку Земли, отрывистые тире: Северный полярный круг.

— Отсюда начинается, можешь мне верить... И еще сам подумай: какой же это Север без зимы? Все равно что юг — без лета, а?.. — Он рассмеялся, довольный этим сравнением. — Ну что ты можешь сейчас поведать о Севере там, в Москве, в Ленинграде, своим друзьям, матери своей? Про то, как ты тут загорал на солнышке да в реке купался. Купался или нет?..

Алексей заглянул с подозрением в ягодные глаза Семена Ильича, нет ли там насмешки и подвоха, намек на то, как один корреспондент пробовал самолично гонять бревна на запани. Вроде нет. Он ответил с достоинством:

— Купался.

— Вот. А чтобы Север понять, надо на нем хоть одну зиму пе-

резимовать. Знаешь, когда морозы градусов под пятьдесят. Когда пурга с ног валит и ходят по веревке: за веревку держатся, чтоб на улице не заблудиться и не замерзнуть. Когда ночью — ночь и днем тоже — ночь. Вот это будет Север! И я обещаю тебе, Рыжов...

Он все еще стоял у своей обрамленной шторками полководческой карты — нет, не полководческой, у полководцев карты лежат на столах, а когда со шторками, то ранг еще выше. Семен Ильич чуть приподнял и сдвинул набок правую шторку, обнажая то, что всегда было скрыто, сказал значительно и глухо, будто называя день, час и направление главного удара:

— Я дам тебе командировку, о которой только мечтают: весь Север — насквозь, от сих до сих! Честное слово — дам.

Алексей сглотнул набежавший комок волнения, он всегда набегал, подкатывал к горлу, когда ему обещали что-то несбыточное, и притом обещали всерьез, надежно, под честное слово, под клятву. Хотя ему еще никто и никогда ничего несбыточного не обещал, не предлагал, это в первый раз.

Было трудно не полениться, не клюнуть на такое. Но вместе с тем предложение это было настолько нелепым, самоуверенным и наглым — можешь мне верить, я обещаю, я дам, я то, я се, — что в душе Алексея вспыхнуло чувство протеста, как и тогда, на «Тютчеве», когда этот человек стал ему делать заманчивые и коварные предложения, а он решил поставить его на место, что, безусловно, следовало бы сделать и сейчас, перейдя на изысканный ледяной светский тон: «Я весьма благодарен, весьма польщен... поверьте, мне было очень приятно... тем не менее...»

Однако он не успел высказать вслух даже самого начала этой великолепной тирады.

— Позволь, Семен Ильич?

Улитин тотчас устремился навстречу, приобнял у порога, почтительно и любовно повел к креслу.

— Здравствуй-здравствуй, дорогой Федор Макарович... рад тебя видеть, очень рад... а вот познакомься — наш сотрудник, новенький, Алексей Рыжов. Заговорились мы тут с ним.

— Рыжов? — Вошедший протянул нетвердую руку. — Будем знакомы — Коюшев.

Они все трое расположились в креслах, и теперь Алексей смог наконец рассмотреть воочию Федора Макаровича Коюшева, заведующего промышленным отделом «Северной звезды», в кабинете которого он просидел почти два месяца, отвечая на звонки, что нет, что болеет, поправляется.

Но судя по тому, что он наблюдал сейчас, до поправки еще было далеко. Коюшев выглядел откровенно плохо, хотя Алексей и видел его впервые и сравнивать было не с чем. Его лицо было измождено, землистого цвета, ни кровинки, и какой-то белый налет, нездоровая опушка обметала кожу. И на шее все жилы и вены страшно выпятились наружу, и кисти рук были немощны и бесплотны, как у святого. Все казалось неживым, только глаза еще оставались живыми — и в них сквозила боль, как он ни старался ее пре-возмочь и спрятать.

— Ну как... — начал было вежливый расспрос о здоровье Семен Ильич, но не посмел высказать слово «здоровье», тоже понял, что это было бы кощунством, и завершил фразу иначе: — Как дела, Федор Макарович?

— Дела мои неважные, покойницкие, сам видишь, — сказал Коюшев. — Ложусь под нож, на операцию, врачи велят — другой надежды, говорят, нет. А я полагаю, что и тут надежды нет, скорей для порядка, для чистой совести: мол, сделали все что могли...

— Это ты зря! — замотал головой Улитин. — Хирурги сейчас

чудеса творят, прямо-таки чудеса. Набили они руку, искусились на войне — смело работают, дерзко. Вот мы недавно писали...

— Читал-читал, Семен Ильич,— остановил его Коюшев.— Ты о войне заговорил. И я о ней тоже сейчас много думаю... Гляди-ка, что получается. Ведь я заболел этим еще до войны, сознаю теперь. А на фронт пошел — вроде ничего и нет. Я и забыл о ней, о болезни, под пулями расхаживая, и она обо мне, болезнь, как будто забыла. Будто она меня на войну отпустила — на все четыре года. А теперь обратно оприходовала... Вот где оно — чудо. Мало мы еще о жизни понимаем. И о смерти тоже мало.

Он торкнулся непослушной, чересчур легкой рукой за борт пиджака, поводит там, вытащил тертую-истертую корочку, когда-то, наверное, красного цвета, а теперь коричневого, запекшегося, как сгусток крови.

— Вот возьми, Семен Ильич, партбилет мой... Пехтерев в командировке в районе, сейф партийный у него на замке. А ты пока положи в свой.

Улитин попытался сделать жест протестующий и что-то сказать, но опять не вышло у него, только трепыхнулись ладони, шевельнулись губы, он нахмурился, недовольный собой, взял партбилет, открыл сейф, положил и намеренно долго сопел, запирая его.

— А ты мне лучше вот что скажи,— свершив то трудное дело, за которым пришел, чуть оживился Коюшев.— Как там — в Китае?

— В Китае? — Семен Ильич тоже повеселел, обрадовался перемене разговора. Потянулся к краешку стола, где лежали тассовские листки.— Вот: «Гоминдановские самолеты бомбят плотины на реке Хуанхэ», «Дезертирство среди рекрутов гоминдановских частей», «США вооружают гоминдановские войска»... Но это, други, семечки, а вот только что приняли по радио: «Агентство Синьхуа о контрнаступлении народно-освободительной армии...»

Он значительно глянул поверх плюсовых очков, снизил голос, будто это сообщение поведали не московские дикторы всему свету, а надежные люди, сидящие где надо, сообщили непосредственно ему, редактору «Северной звезды»:

— «...после четырнадцати месяцев партизанской войны и массового уничтожения противника народно-освободительная армия начала великое наступление. 11 августа наши армии, которыми командуют генералы Лю Бо-чен, Дэн Сяо-пин и Ли Сянь-нянь, пересекли Лунхайскую железную дорогу и продвинулись за реку Го...»

Федор Макарович заерзал в кресле, не пряча восхищения

— «...20 августа войска северо-западной народно-освободительной армии, которыми командуют генералы Пын... Пын Дэ-хуай...» Ох и фамилии у них, язык не поворачивается! — покачал головой Улитин.— Но это не важно, главное: «...перешли в контрнаступление. Разгромлено 114 бригад регулярной армии Чан Кай-ши, насчитывающих 900 тысяч человек...» Ну что?

— Добрые вести,— сказал Коюшев.— А как американцы на это смотрят?

Улитин опять заглянул в тассовские листки.

— Вот... «Американская печать, комментируя заявление генерала Ведемейера о нынешнем положении в Китае, считает, что до сих пор политика Соединенных Штатов в Китае терпела поражение... высшим американским кругам придется учесть возможность того, что режим Чан Кай-ши может рухнуть...»

— А мы? Как полагаешь, Семен Ильич, помогаем мы китайским товарищам?

Улитин сощурился, снова подмигнул, замахал руками:

— Опровергаем. Самым решительным образом опровергаем!..

Расхохотался, очень довольный собой.

Алексей тоже не сдержал смеха: уж очень выразительно разыг-

рал этот эпизод редактор, вот какой он, оказывается, мастак играть роли.

— Ну, если мы да еще Китай...— сказал Федор Макарович.

Алеша взглянул и поразился: только что землистое, бескровное лицо вдруг полыхнуло живым румянцем, посвежело, задышало, а глаза, в которых ныла боль, сверкнули вдохновением и радостью предвидения.

Коюшев медленно перевел этот сияющий взгляд на него — и в нем было: вот тебе, молодой товарищ, суждено увидеть то, чего сам я не увижу, и не скрою, что завидую тебе, брат.

Но еще в этом вспыхнувшем и уже остывающем постепенно взоре было и нечто иное: будто бы он, Коюшев, сейчас, в эти считанные мгновенья, проследил наперед всю молодую жизнь Алексея Рыжова и всю его среднюю жизнь и даже заглянул в те бесконечно далекие дали, когда Алексей будет стар, как он, когда ему подкатит пятьдесят.

— Пока я болею, пока в постели валяюсь,— сказал Коюшев, — я не газетчик, а читатель. Газетчик на ногах должен быть, а я — в лежку... Так вот как читатель скажу: заметил я уже на страницах твою фамилию, читал — неплохо, Рыжов...

— Это мы еще не расписались,— встрял Улитин.— Дай срок — мы еще распишемся!

— Желаю успеха.— Федор Макарович протянул ему руку, заворочался в кресле, пытается встать.

Улитин тотчас оказался с ним рядом и помог. Проводил до двери.

Алексей заметил, что словно по уговору не было произнесено ни «до свиданья», ни «прощайте».

И следовало бы, наверное, просто помолчать после его ухода, однако Семен Ильич, выждав чуть-чуть, сказал:

— Пошел наш Федор Макарович. Пошел умирать. Вот настоящий большевик... А знаешь, Рыжов, зачем я тебя посадил к нему в кабинет? Не знаешь. Что ж, расколюсь: думал, выздоровеет, выйдет на работу, присмотрится к тебе... А зачем? Улавливаешь?

— Нет.

— Думал, даст он тебе вторую рекомендацию в партию.

— Вторую? — удивился Алексей.— А первую кто?

— А первую — себя имел в виду. Когда подойдет срок.

Вот теперь они оба надолго замолкли, поняв, что настал черед вернуться к прерванному разговору.

Алексей прислушивался к тому, как в нем самом — в нутре его, как в самоваре, — клокочет и кипит негодование. Ведь его собеседник только что и впрямь раскололся, проговорился невзначай: он назвал срок, в течение которого, по его планам, должен был приглядываться Коюшев к нему, Алексею Рыжову, соседу по кабинету. Срок этот был известен и вполне определен — год, целый год, о чем Улитин поначалу даже не посмел заикнуться. Целый год... Алексей вслушивался, как клокочет в нем негодование, и сам себя ловил на том, что слушает это с некоторым сторонним интересом, даже с любопытством.

Он чувствовал, как безволие и покорность заполняют его, гася пыл и клокотанье. Он не чуял в себе сил сопротивляться, как не было сил выкарабкаться из этого бездонного кресла. Благоразумие остерегало, подсказывало, что встать и уйти значило уйти совсем и навсегда, подобно тому как только что ушел Коюшев, а он не хотел даже подобия этого, ни-ни. Ему пришлось бы теперь пожертвовать многим, к чему он уже привык, с чем освоился, а ради чего, спрашивается, ради каких других выгод? Не было никаких выгод, хотя он и не искал их, а вот все равно не было... И еще ему, конечно же, льстило это: как его нипочем не хотят отпускать, как он

тут пришелся к месту и позарез нужен, как его упрощают, уговаривают, хотя в данный момент (он отдавал себе в этом отчет) никто его особенно и не уговаривал — молчок.

Кажется, и Улитин уже сообразил, что самую трудную и вязкую часть беседы — уговаривание, уговор — можно пропустить, перескочить через нее и сразу быка за рога:

— Может быть, ты возьмешь академический отпуск?

— Я не беременный, — огрызнулся он.

— А ты в этом уверен? — наголовато осклабился Семен Ильич.

Алексей одарил его косым и холодным взглядом.

— Впрочем, академический отпуск — в любом случае потерянное время, да. А зачем его терять? Незачем. Лучше, если ты перейдешь на заочное, на годок: и учеба не прервется, и работать можно без помех — пожалуй, это самый лучший вариант... Нет-нет, погоди, я догадываюсь, о чем ты: как все это оформить, верно? Твоих забот тут и не надобно. Я сам напишу в институт, официально, от редакции, мол, так и так, просим уважить, а потом позволю ректору напрямки — это возымеет, можешь не сомневаться!

— Но мне все равно придется ехать на сессию — в декабре, что ли...

— Поедешь. Дорогу оплатим.

Алексей еще барахтался в кресле, бился из последней мочи:

— Нет, я должен ехать в Москву сейчас. Да что вы, в самом деле? Я же сюда належке прикатил, вот в этом... нет, не в этом, но... ведь скоро зима, нужно взять зимние вещи, как я без них?

— А что там у тебя — сибирская доха? — навалился на стол Улитин, хитро сощурясь. — Себя от холода страхуя, купил сибирскую доху я?.. Нет? Тогда и не надо: мы тебя здесь обмундируем — будешь молодец и красавец, эх... Есть еще вопросы?

Алексей насупился. Вопросов не было. Расхлябанные пружины кресла осели под ним до самого пола, и он, не трепыхаясь более, канул на дно.

Семен Ильич тоже испустил вздох облегчения, отвалился к спинке, погладил бережно левую титьку, в глазах его теперь был даже укор: намаял ты меня, смотри, до чего довел, ну и характер у тебя — какой несговорчивый и зловредный, долго же ты сопротивлялся, вон как пришлось уламывать, будто красну девицу.

— Ладно, — вернулся он к истоку затянувшегося разговора, — значит, так. Нужна полоса о новом городе — о Печорске. Поедете бригадой: ты, Яша Черношварц и Огузов Степан Игнатович... Не знаком еще? Он тоже в гостинице поселился, с семьей, позавчера прибыл: молодой, но видный такой из себя, весь в орденах. Из армейской газеты. Армию недавно расформировали — его к нам, говорит, что сам напросился сюда, северянин родом. Вот видишь, Рыжов, сбываются мои предсказания: скоро понаедут к нам армейские газетчики — это первый... В бригаде он будет за старшего, хотя и новенький, но нужно проверить его по всем статьям, — доверительно объяснил редактор. — Не обижаешься?

Алеша искривил губы, тем самым выказывая полное безразличие, какие тут обиды.

— Да, кстати... — Семен Ильич снова отпер свой сейф, вынул из него листы глянцевого бумажки с убористыми строками вопросов и белыми пятнами меж ними. — Поскольку теперь ты будешь оформляться всерьез — это уже не практика, — заполни-ка, братец, анкету: порядок — он для всех.

Алексей взял, заглянул небрежно: большинству пробелов так и надлежало остаться чистыми — нет, нет и нет. Все в порядке.

— Есть приятный сюрприз... — улыбнулся ему Улитин. — До Спас-Погоста поедете на машине, на легковушке. Мы только что получили «Победу», Егор обкатывает. До Спас-Погоста поедете, как

баре, а там по железной дороге сутки с гаком. Обратно будете ехать — дайте телеграмму, вышлю опять «Победу» за вами на станцию. Вот оно как, Леша дорогой, ну скажи после этого — разве не широкая душа у Семена Ильича Улитина? Ты прямо скажи, не жмись...

— Что? — вежливо переспросил Алексей. — Я вас не совсем понял.

9

Бревенчатая гостиница стояла на крутом берегу, в окружении редких сосен, и лишь утром (они приехали ночью, в глухой непроглядной) Алексею удалось осуществить долгожданное свиданье — выйти к Печоре, увидеть ее своими глазами.

Она была мощна и плавна, не вертлява. Всем видом и повадкой она утверждала свое величие, давала понять, что она — сама по себе. Что есть и другие большие и славные реки — ну, скажем, Вычегда, но и та лишь приток Северной Двины. А она, Печора, ничей не приток, она вбирает в себя, поглощает любые притоки и несет свои воды прямо к морю, в холодный океан.

В ней была та же царственность, что у Невы — так показалось Алексею, — но он и здесь определил различие: ход Невы так же могуч, но он короток, как жизнь, исчерпанная одним великим деянием, порыв — и все. А Печора была примером иного пути: продолжительного, постепенного, робко набирающего силу в ключе, в истоке; смиренно течет она отведенным руслом, похожая на все другие обычные и негромкие реки; если возникнет препятствие — обойдет, а где нельзя обойти — перест и очень осторожно, почти незаметно раздвигает свои берега, будто расправляет плечи; она впитывает все, что может ее напитать, полнится, наливается силой, и когда наконец заметят, что она взматерела сверх всякой меры, что вот-вот она выйдет из повиновения, что надо бы втиснуть ее обратно в надлежащие створы — тут уж поздно: теперь нет ничего, что могло бы ей перечить, не уймешь, не сладишь, не одолеешь, теперь она — владычица...

Алеша ощутил в теле дрожь восхищения и почтительности, но на самом деле его пробрал озноб: тут, на крутогорье, гулял порывистый ветер. И брызги окропили вдруг лицо — сыпанул дождик.

Он сообразил, что за истекшие двое суток пути они очень далеко и основательно продвинулись на север: тут и не пахло благодатью бабьего лета, которое ласкало его в Городе-на-Реке, тут сразу обозначилась разница климата, воздух охладился, небо посуровело, и раскат реки, взъерошенной ветром, как бы отчеркнул границу между тем, что для пущей важности именовалось Севером, и тем, что им было по праву, по сути.

Сзади послышалось фырчанье автомобильного мотора, лязг перетертых рессор, скрежет жести: полуразваленный довоенный автобус подъехал к крыльцу гостиницы.

Дверца открылась, сошла женщина в черном плотном пальто, но с непокрытой седой головой, в пенсне. Она издали присмотрелась к Алексею, а он тоже смотрел на нее, и оба поняли, что это именно они по уговору должны здесь встретиться ровно в девять.

— Товарищ Рыжов? — Она подошла. — Здравствуйте, я Сиротина Галина Тимофеевна, районный архитектор.

— Очень приятно. — Он пожал ей руку. — Вы сказали — районный, но теперь — главный архитектор города?

— Наверное, это будет называться так, — сказала она без рисовки. — Но еще ничего не оформлено, не подписано, ведь для нас самих это новость, хотя мы и ждали со дня на день... Печорой любуетесь? — Она подставила лицо ветру. — Вы здесь впервые?

— Да.

По мосту, который был виден справа — он ступал чередой железных ферм по гранитным быкам, — катился состав угольных хопперов, его волокли два черных паровоза, и дым двумя белыми султанами валил из их труб.

— Этот мост построили в войну, когда немцы захватили Донбасс, — сказала Галина Тимофеевна. — Без северного угля было не обойтись, но его возили по воде, рекой, морем — долго. А требовалось срочно... Так вот: на этот мост пошли стальные конструкции Дворца Советов. Разобрали каркас — опоры, башмаки, ригельные балки — и сюда. Правда, металл не вполне соответствовал — он хорошо работал на сжатие, а на растяжение хуже, ведь и назначение было иным, — однако выбирать не приходилось... да еще в сорок первом году часть каркаса порезали на противотанковые ежи: их ставили в Москве. Но то верхки, а корешки — на Печору...

Алексей настолько поразило услышанное, что он взглянул на Сиротину с некоторым недоверием. И она поняла это.

— До войны я работала на строительстве Дворца Советов. В мастерской Иофана, на Ленивке, знаете?

— Приблизительно, — бормотнул Алексей.

— Вы не москвич?

— Я ленинградец, точнее — Кронштадт. Но вообще...

Она кивнула вежливо, продолжила:

— Мастерскую Иофана эвакуировали в Свердловск, а я еще раньше уехала сюда: здесь работал мой муж, потом он умер.

— Вот как, — сочувственно потупился Алексей. Вытащил из кармана блокнот. — Галина Тимофеевна, об этом писать можно? Насчет Дворца Советов? Я имею в виду стальные конструкции...

В стеклах ее пенсне появилось холодное свечение.

— Алексей Николаевич... кажется, так? Мне поручили показать вам Печорск, что я и сделаю охотно. Расскажу обо всем, отвечу на ваши вопросы... Но о чем можно писать и о чем нельзя — пожалуйста, решайте сами. А сейчас прошу в автобус.

Огузов и Черношварц спозаранку уехали на желдорстрой. «Мы будем ковырять индустрию, базис, — объяснил Степан, распоряжась на правах старшего. — А ты покатайся по городу — общий вид, достопримечательности, словом, разводи сиропчик послаще. Смекаешь?»

Алеша вполне смекал.

Автобус, миновав несколько кварталов, свернул на обширную площадь.

— Это наш центр, — сказала Сиротина. — Райком партии, райисполком — теперь все вывески будем менять на «гор»... Здание общее, Дом Советов. А площадь, между прочим, называется Красной, хотя и наивно... Нет-нет, вы не вставайте, мы еще возвратимся сюда.

Алексей, обернувшись, внимательно рассмотрел этот Дом Советов. Был он бревенчатым, как и гостиница. Деревянная колоннада — цельные стволы, ограненные рейкой, — придавала его фасаду вид торжественный, даже внушительный. Широкая лестница ниспадала мерными маршами к немощенной земле, поросшей там и сям клочками осенней травки. Этажи Дома Советов вздымались друг над другом уступчатой пирамидой, невысокой, однако подчеркнутой отвесными ребрами деревянных пилонов, и круглая башня с красным флагом венчала его...

Он догадался, что лишь провинциальная застенчивость и стесненность в средствах да еще отсутствие деловой необходимости помешали зодчему этого удивительного строения дерзко кинуть его этажи — той же уступчатой пирамидой — в небеса... И еще он догадался, каким дорогим сердцу и выношенным годами замыслом

подсказано это решение. И еще он догадался, что его спутница и была этим вдохновенным зодчим.

— Новая школа, напротив — Дом культуры... — пояснила Галина Тимофеевна.

Оба здания были тоже деревянными, и он опять порадовался тому, какое многообразие форм способна сотворить немудрящая плотницкая работа.

Автобус, скрежеща всеми швами, едва не разваливаясь на поворотах, петлял по улицам. То и дело вновь и вновь выезжали на берег — открывалась глазам Печора и размытый горизонт за нею — и опять ехали вспять мимо уютных домов с резными балконами, на которых сушилось белье и вялилась рыба.

— Вы строите только из дерева? — спросил Алексей, наострив карандаш.

— Мы не избегаем камня. Наоборот, сейчас заложена целая улица кирпичных домов. Есть и проект перестройки центра. Но кирпича нам дают мало, в войну же не давали совсем. А лес — он у нас под рукой. Я убеждена, что на Севере мы еще долго не откажемся от дерева. В этом есть своя выгода, своя красота, своя польза. А вам не нравится?

— Мне нравится, — сказал он, записывая.

Еще ему очень понравилось, что все эти деревянные улицы и площади были так естественно и так запросто вписаны в лес, теснившийся на печорском берегу. Сейчас этот лес был в осеннем оперенье: кедры стояли в густо-зеленой хвое, сосны в черной, ели в синей, а лиственницы стояли в огне, раскинув языки желтого пламени, готовые сгореть и остаться до весны обгорелыми корявыми остовами. И внизу, в подлеске, красно польхал осинник и дотлевали на кустах, рассыпавшись угольками, гроздья калины.

Сейчас, пасмурным утром, в мелком дождичке, легшем на стекло моросью дрожащих капель, можно было понять, сколь красна цена этой живой и яркой пестроты.

Он записал.

Но куда он записывал, вокруг внезапно посветлело — не тем светом, который радует, а тем, который настораживает, — он поднял голову и увидел, что они едут голым бесприютным пустырем: сверху волглое небо, внизу раскисшая глина — и все.

— Что, уже кончился город? — спросил Алексей. — Но куда мы едем?

— Еще не кончился. Вы видели только половину города. Сейчас увидите другую половину. Через два километра.

В тоне ее была сдержанность, а в линзах опять появилось мерцанье, не предвещающее ничего доброго.

Резиновые щетки ерзали по лобовому стеклу автобуса, пытались разогнать непогоду, но напрасно.

Сквозь серую мглу едва-едва пробились такие же серые, лишь потемнее, помрачнее мастью, пятна домов, угловатых и грузных, с крохотными оконцами и плоскими крышами. Они тяжело сидели на земле, и тяжесть усугублялась бетонными шарами, попарно украшающими входы, — Алеше эти шары показались настолько странными и даже неприличными, что он опустил их в своих записях. Осведомился деловито:

— Это кирпич?

— Нет, шлакоблоки, — ответила Галина Тимофеевна. — Между прочим, неплохой материал. И тоже доступный, свой — шлак из паровозных топок... Понимаете, здесь все на первый взгляд кажется вполне разумным и целесообразным: материал дешевый, надежная теплоизоляция — для Севера это вопрос не последний, — и окна маленькие, чтобы не выстуживать тепло, правда они и света пропускают мало, а его на Севере тоже не избыток, особенно зимой...

Впрочем, я уже навязываю вам свои оценки. А вы лучше сами скажите: нравится?

— Нет,— признался Алексей.

Ему определенно не нравилось то, что он видел. Шеренги серых строений — все на одно лицо, да и лица какие-то хмурые, замкнутые, унылые. Стены в копоти, в известковых и ржавых потеках. Низкие крыши, будто заголенные под нулевку лбы. И эти шары, словно ядра, что приковывают цепями к ногам узников.

Еще он обратил внимание на то, что нигде не было видно ни дерева (а только что был лес, свободно забредший в город,— ну, пусть наоборот, город, который забрел в лес),— значит, все тут было вырублено подчистую, сведено.

Они въехали на станционную площадь, которую он сразу узнал, хотя они и прибыли сюда поздней ночью.

— Выйдем,— предложила Сиротина.

Алексей был рад немного размяться. Под ногами захрустел мелкий шлак, присыпавший лужи, глину,— это было даже приятно. Но уже через минуту он ощутил скрип на зубах, почувствовал на языке сладковатый зольный вкус, веки задергались от рези — воздух был полон угольной пыли, и даже дождь, казалось, был пропитан ею.

Совсем близко, отдуваясь, пыхтели паровозы, лязгала сцепка, вагоны наперебой подталкивали друг друга, слышалась переключка рупоров и гундосое пенье рожков на путях.

Он подумал, что Степан Огузов и Яша Черношварц наверняка гужуются где-то рядом: беседуют, фотографируют, ковыряют базис. Можно было разыскать их без особого труда. Но зачем?.. У них свое задание, своя работа.

Вообще здесь, на станции, Алексей Рыжов поймал себя на двойственном чувстве. Душа его встрепенулась от заполошной и суетной радости, которая неизменно приходит к человеку на вокзалах пополам с грустью. Он мог бы вот сейчас же, не откладывая, учтиво проститься с районным, то бишь городским, архитектором Галиной Тимофеевной Сиротиной — «...мне было очень приятно... но, знаете ли, некоторые обстоятельства...»,— купить билет в кассе, вскочить в последний момент на подножку вагона, ту-ту, и уехать ко всем чертям, в Москву или Ленинград, оставив всех в дураках, ха-ха, счастливо оставаться, не поминайте лихом...

Призывный гудок паровоза донесся из-за станционной крыши.

Однако им владело и противоположное чувство: ему хотелось как можно быстрее убраться отсюда, от вокзальной суеты, с этой чадной, лязгающей, скрипучей, замызанной, скучной станции, вернуться туда, к Печоре, к бревенчатым теремам на крутом откосе, где тихо, где воздух упоительно свеж, где стоят прямо на улицах лиственницы в рыжих лисьих шубах, где гроздья ягод свисают с кустов, уехать туда, тем более что дотуда всего лишь полчаса езды.

— Даже не верится, что это один город,— сказал он.— Все такое разное.

— Да, теперь это один город,— подтвердила Галина Тимофеевна.— Город сложился из двух поселков. Там — пароходство, затон, районные учреждения. Здесь — желдорстрой, сама железная дорога, ее службы. Совсем другое ведомство... Мы просто жили рядом, соседи. А потом половинка к половинке — вот и город, вот и целое. А целого, как видите, нет.

— Что же дальше?

— Не знаю. У них своя проектная контора — строят как хотят, нас не спрашивают. Да спроси они нас — неужели мы разрешили бы строить здесь, на вокзальной площади, эти шлакоблочные бараки? Ни в коем случае... Потому и не спрашивают.

Алексей вхолостую водил карандашом по страничке блокнота, уже обрызганной мелкими каплями. Он понимал, что это интересно и

важно — то, о чем она говорит. Но в то же время он отдавал себе отчет, что это никак не годится для праздничной полосы, посвященной рождению нового города, не годится для его будущей статьи, — нет, это не сласть, наоборот... Он сдул капли, прикрыл обложечку, чтоб не отсырело остальное.

И, по-видимому, Сиротина уловила его колебания, вспомнила, что служебный долг повелевает ей быть объективной, беспристрастной, не так явно обнаруживать свою неприязнь, свое отчуждение. Тронув зажим пенсне на переносице, она заговорила торопливо и даже слегка виноватясь:

— Но учтите, Алексей Николаевич, что порознь мы никак не тянули на город, нет... ни по населению, ни по хозяйству, ни по культуре. Отдельно — никак... А в сложении, в сумме — восемнадцать тысяч населения, несколько заводов, транспорт, две электростанции — у нас их две. Впрочем, у нас всего по паре: две больницы — районная и ведомственная, два Дома культуры — железнодорожников и наш...

Он еще раз бросил взгляд на бетонные шары, попарно украшающие подъезды, и на всякий случай засек это в памяти.

— Четыре школы, шесть детских садов — замечаете, все четное? Плюс да плюс — подавно плюс, если даже имеются некоторые минусы... Вот вам и город!

Галина Тимофеевна впервые с момента их встречи сделала попытку улыбнуться — потянула впальными щеками уголки губ, — но улыбка вышла откровенно натянутой и жалкой. Чтобы скрыть неловкость, она круто повернулась, пошла к автобусу.

Они вновь затряслись в колдобинах и вскоре опять выехали на ничейный пустырь, разграничивающий два поселка и заодно отделявший небо от земли.

— Но что будет, когда... — Алексея вдруг осенила неожиданная мысль. — Когда оба поселка дотянутся друг до друга — и сойдутся вот здесь? Наверное, это будет очень заметным контрастом, поскольку они такие разные: ведь на расстоянии меньше бросается в глаза, а когда они станут вплитык, когда сольются...

— Видите ли, это учли в проектной конторе ведомства, — перебила его Сиротина. — Поэтому они развивают строительство в противоположную сторону, на северо-восток. Да и мы, по правде говоря, стараемся избежать этой встречи: мы развиваемся на юго-восток, вдоль берега Печоры...

— А-а, — протянул Алеша и далее уже ехал молча, наблюдая в окошко, как хлещут косые струи дождя по глине, размывая ее в кисель.

За ним была и другая тема, но та полегче: написать о самом юном гражданине Печорска, который появился на белый свет в тот день, когда вышел указ и Печорск стал городом.

В родильном доме, полистав книги, сообщили, что тогда родились три девочки и один мальчик. Он выбрал мальчика, но не потому, что сам родился мальчиком, и даже не потому, что слово «гражданин» звучало весомей, чем «гражданка». Нет, он просто навел справки о родителях, и этот вариант подошел более всех остальных: отец — военнослужащий, сержант Григорий Костенко, мать — Алевтина, рабочая молокозавода, он приезжий, она здешняя, молодые, недавно получили квартиру в новом доме.

С того дня минуло две недели, роженицу и младенца давно уж благополучно выписали, — воскресным утром Алексей отправился домой к Костенкам.

В квартире, сладко пахнувшей клеевой краской стен и свежей охрой полов, был вполне извинительный ералаш новоселья — ни мать, ни сестра, — лишь самый юный гражданин Печорска вполне

устроено и важно спал в деревянной зыбке, туго спеленатый, почмокивая губами, со всдухшими веками на багровом личике, некрасивый еще.

— Как звать? — справился гость, согнувшись над зыбкой.

— Васькой, — сказал отец, — Василий Григорьевич.

Алексей записал именно так в расчете на читательское умиление: «Василий Григорьевич».

Хозяйка все же нашла им место для беседы — поставила рядом две табуретки, третью не принесла, но и уходить не спешила, не оставляла их вдвоем, чтоб быть уверенной, что все тут скажется как надо, ничего не забудется и лишнего не сболтнется.

Алексей углядел мельком, что ноги ее, пожалуй, чересчур основательны в икрах и руки слишком крупны, однако лицо было моложе рук и ног, сама беляночка.

Что же касается отца, то он был сильно смугл, цыганисто черноволос и черноок, что не редкость среди украинцев, а грудь в распахнутом вороте рубахи была под самый кадык украшена богатой и содержательной татуировкой.

Оглянувшись на зыбку, он понял, что сейчас еще трудно сказать, на кого из них больше похож мальчик Вася: кожа у него еще не отбелилась, а глазки закрыты, — но это, в сущности, было и не столь важно для статьи.

— Вы сержант, — сказал Алексей, отправляясь от того, что взял на карандаш еще накануне. — Давно ли служите? Род войск?

— С сорокового. В охране.

— Это теперь, — кивнул Алеша, — а до этого? Были на фронте?

— Нет, я с сорокового тут в охране. Как призвали — с этих пор. Сверхсрочно в кадрах.

— Вот как, — Алексей не сумел подавить разочарования.

И это не укрылось от бдительной жены Алевтины.

— Гри-иша, что же ты на человека скуку наводишь? Расскажи ему. Он же на работе. Ты расскажи ему, как двадцать фашистов взял в плен, ну! У тебя же за это награда — часы...

— Двадцать фашистов? — переспросил оторопело гость.

— Семнадцать, — уточнил, коротко вздохнув, Григорий Костенко.

— А говорите — не были на фронте.

— Да не был я. Всю войну тут в охране... Мы фашистов этих у Верхнего Ныра взяли, отсюда девять километров, в лесу.

Алексей моргал, ничего не понимая. Верней, он понимал лишь одно: что не должен так явно обнаруживать перед ними всю меру своего обалдения. Или они разыгрывают его? Непохоже...

— Но как они здесь очутились?

— Десант. С двух самолетов на парашютах... оружие, боеприпасы, рацию тоже на парашютах. Мы потом нашли, подобрали все.

— Они мост хотели взорвать через Печору! — пылко вмешалась Алевтина. — Что б тогда? Представляете? Ни уголь вывезти, ни нефть, ни еще что — как отсекали бы...

— Могли взорвать, — подтвердил муж. — Взрывчатку мы тоже нашли потом.

Алексей промерил в уме расстояние от Берлина досюда. Потом изломал эту прямую на отрезки, на колена: от Берлина до Москвы, от Москвы до Города-на-Реке, а потом еще дальний бросок на север... Но тут же сделал поправку на то, что летели они необязательно из самого Берлина и уж заведомо не через Москву, и вовсе ни к чему им было отмечаться в Городе-на-Реке. И еще нужно было сделать поправку на время, когда это произошло: ведь в разные поры войны расстояние от Берлина до Москвы то сокращалось до предела, то растягивалось безмерно, а потом сокращалось снова.

— Когда это было?

— В сорок третьем году. — Григорий Костенко поднял глаза к

бровям, а бровями собрал лоб в морщины, припоминая.— Пятого июня... нет, шестого. С пятого на шестое, ночью. Ночи-то белые стояли, все как днем...

— Как же их никто не заметил? Через всю Россию летели!

— Нет, они с другой стороны. Из Норвегии через Баренцево море, потом над Печорой, по ниточке, чтоб не сбиться.

Алексей мысленно переиначил ранее вычерченный им маршрут, но и это было невероятно далеко.

Знакомо пошло головокружение, отозвавшись в ушах тихим звоном.

— Над Печорой. Белые ночи...— повторил он.— И никто не заметил?

— А когда б и заметили,— пожал плечами сержант.— Тут что было? Ничего и не было. Ни одной зенитки, ни одного истребителя, ни затемнения, ни слуху, ни духу — летай хоть сколько, высаживай хоть кого... Тут всю войну открыто было. Одни мы при винтовках... Никто и не ждал. Конечно, воспользовались они.

— Гри-иша, да ты расскажи товарищу, как двадцать фашистов взял! — опять взмолилась Алевтина.

— А что их брать-то было? Офицера своего они сами уколошили да к нам вышли — руки вверх.

Алексей спохватился: блокнот лежал у него на коленях, он ничего не записывал, ошарашенный неожиданностью, он уже, черт побери, пропустил весь этот сказ, как недавно упустил из рук неповторимую легенду на неизвестном языке старухи Окси.

— Извиньте, сначала...— попросил он.— Сколько всего было немцев?

— Немцев? — Григорий Костенко опять нагнал на лоб морщины.— Ни одного.

— То есть как?

— Немцев среди них ни одного не было. Все русские.

Карандаш Алексея споткнулся и замер.

— Ну, конечно, не только русские,— поправился сержант.— Еще хохлы были. Татарин был. Один хомяк — здешний, с Печоры, за проводника... Даже ихний офицер, которого они кокнули, и тот русский: еще с Колчака фашист, давно... Он их и набирал в десант, кого за радиста, кого за взрывника...

— Власовцы?

Хозяин долго не отвечал на этот вопрос, сидел, обхватив колени руками, размышлял. И было похоже, что он уже не однажды задавал этот вопрос самому себе.

— Так если б власовцы, разве б они сами вышли? Нет, те отчаянные. А эти первым делом офицера — хлоп. И пошли сдаваться. Проводник, хомяк, их напрямиком на пост вывел — на нас...

— Вот товарищ и подумает, Гриша, что вы тут ни при чем! — возмутилась жена Алевтина.— А те двое, которых вы убили?

— Те двое... те двое хотели в лес уйти. Отстреливались даже. Но мы их достали... Те двое не иначе были власовцы. Из кулачья, наверное. А этих просто по лагерям нахватили, из пленяг. Они еще там, в Норвегии, между собой стоворились...

— Вы напишите про это, интересно будет почитать,— подсказала Алевтина.— И чтоб Грише моему — почет, а не одни часы. Вон и у вас, гляжу, часы. Их ведь купить можно.

Алексей оторвал склоненное лицо от блокнота.

— Разве об этом еще не писали?

— Нет, вы первым будете,— порадовалась она за него.— Вот вам какая удача!

— Да, конечно...

Только сейчас Алексей сообразил, что ведет свои расспросы однобоко: все об отце, о муже, а к его жене, молодой матери, не про-

явил достаточного внимания. Перелистнул страничку, пошел по новой.

— Алевтина Ивановна, давайте о вас. Итак, вы работаете на молокозаводе?

— Да. Только я не работаю сейчас — в декрете.

— Ну, это понятно. А кем вы работаете?

— На сепараторе... Ой, да что вам за интерес? — хохотнула молодая жена. — Кому это надо?

— Надо, — подчеркнул Алексей. — Расскажите подробней.

Он уже понимал, что десант сорок третьего года и связанные с ним подвиги сержанта Костенко могут оказаться совершенно ни к чему на праздничной полосе, посвященной рождению молодого города, — теперь он спасал тему.

Уходя и прощаясь, снова заглянул в деревянную зыбку.

Мальчик Вася, самый юный гражданин Печорска, оказывается, уже проснулся, но никого не оповещал об этом, не подымал крика, а смиренно и тихо лежал в деревянной зыбке, даже улыбаясь чему-то. Глазки у него были не черные, как у отца, и не серые, как у матери, а лиловато-синие, не отстоявшиеся в цвете, потусторонние еще.

— Агу-гусиньки, — сказал ему Алексей Рыжов.

Он вдруг подумал, что и ему хотелось бы иметь когда-нибудь вот такого не сильно крикливого младенчика в зыбке, и теплую жену, больше всего озабоченную тем, чтоб не обидели и не обошли ее мужа, и такую вот уютную квартиру с чистыми стенами и свежее-выкрашенным полом, и чтоб вот так же сосны в окне.

Всю неделю они работали врозь, разъезжались по делам ранним утром, съезжались в гостиницу поздним вечером, выдались урывками, мельком, в спешке, и только нынешний воскресный вечер выпал свободным и спокойным, они сидели в номере вдвоем, Алексей Рыжов и Степан Огузов. А Яши не было, где-то носился, то ли недоснял чего и теперь торопился доснять, то ли встретил в Печорске знакомых — они у него были повсюду, — то ли бабничал напропалую: они, фотографы, мастера на сей счет.

— Затон мы сделали... леспромхоз мы сделали... депо... — Степан шел по списку, вычеркивая одно за другим. — Город... роддом... Как у тебя с этим?

— Порядок. — Алексей похлопал себя по карману, где лежал блокнот, вспухший от карандашных записей.

— Завтра к десяти приглашает Чупров, первый секретарь райкома. Будем аминь вершить. Так что если у тебя остались вопросы...

Степан устремил пристальный взгляд на кончик своего носа.

— Ясно, — кивнул Алексей.

Он уже заметил, что Огузов слегка косит, и когда глаза его сходятся на кончике носа, то это значит, что он смотрит на собеседника, на тебя. Алексей улавливал этот взгляд довольно часто и отдавал себе отчет, что Степан Огузов присматривается к нему — так было и при первой встрече в редакции, и в дороге, и уже здесь, — он понял, что Степан Игнатович не принадлежит к числу людей излишне доверчивых, что он будет долго и пытливо вот так рассматривать кончик собственного носа, прежде чем решит, кто ты есть и как с тобою быть.

Впрочем, и сам Алеша ревниво приглядывался к Степану, поскольку знал за собой некоторые преимущества: ведь он раньше него приехал в Город-на-Реке и раньше начал работать в «Северной звезде», его статьи уже кое-кто читал, кое-кто и нахваливал, — а Степану Огузову еще только предстояло показать, на что он способен, чем может блеснуть — или ничем не может, — для него эта командировка была первым служебным испытанием, проверкой сил, даже пробой пера. Еще посмотрим.

Но вместе с тем Алексею хватало здравости понять, что для Степана Огузова все эти испытания и проверки сил — тьфу, ничто, пустяк, потому что он уже прошел через все испытания, имел случай проверить свою силу, проверил, знал ее за собой и нисколько в ней не сомневался. Все это прочитывалось по одному лишь его виду.

На нем был офицерский китель с высоким стоячим воротником, на котором особенно бросалось в глаза отсутствие погон — будто плечи нагие, так очевидно и явно их не хватало, тем более что сами плечи были широки в развороте, прямо созданы для погон, а их уже не было, даже петельки спороты, остались одни лишь дырочки у ворота — для завязки.

Зато на груди у него было не голо. Справа две звезды, лучик к лучику, и слева две звезды на оранжево-черных лентах, еще медали — иконостас.

Степан Огузов был росл, голова светлокудрая, вот только глаза слегка косили и нос был длинноват, в каких-то хрящах, так ведь это еще вопрос, плохо это или хорошо.

— Взяли мы порядочно, — сказал он, захлопывая свой блокнот, — на полосу хватит, еще останется.

— Что останется — не пропадет, — успокоил Алексей. — Газета — зверь прожорливый.

— Это верно, — согласился Степан. — Эх, самим бы чего пожрать, сходить в столовую... Может, пойдем без Якова? На кой он нам?

Но без Якова не обошлось. И, как всегда, оказалось, что он человек незаменимо нужный.

Яша Черношварц ввалился в номер со своим тяжеленным кофром на ремне, с камерой, болтающейся на шее, а обе руки были оттянуты грузными пакетами.

— Держите гостинцы, славяне, — сказал он, выметнув поклажу на стол. — Ну-ка разбирайтесь, что там есть. На станции в буфете у меня человек знакомый, вынес вот так, в закрытом виде, а что — не знаю...

Степан Огузов молчаливо и многозначительно посмотрел на кончик собственного носа, но Алеша угадал, что смотрит он опять на него, давая понять, что ничего иного от Якова и от его знакомых ждать нельзя.

— За ради праздника, — пояснил Яша. — Пошуруйте, что там есть.

Чего там только не было! Бутылка настоящей водки, палка вареной колбасы, щекотнувшая ноздри чесночным духом, добрый пласт сала в темных мясных прожилках, банка крабов, советских, со звездой, но наклейка на английском, банка маринованных огурцов, яйца вкрутую и буханка хлеба, теплого еще.

— А какой праздник? — спросил Алексей, с усилием отрывая взгляд от этих давно не виданных яств, слатывая слюнки.

— Еврейская пасха, — объяснил Степан, подмигнув.

— Ха-ха-ха... — мгновенно оценил шутку Яков, но все же уточнил: — Еврейская пасха бывает весной, перед русской за неделю. А сегодня другой праздник. Вот вы тут сидите, темные люди, скучаете, не знаете ничего — хоть бы радио включили.

Он подбежал к репродуктору, повернул колесико. Музыка духовых оркестров, пытающихся переиграть друг друга — кто громче, вразнобой, — ворвалась в комнату. Но даже эта музыка не могла заглушить уличной веселой разноголосицы, аплодисментов, кликов, того молодого и бодрого голоса, по которому сразу узнавалась столица.

— Знаем, как не знать — восьмисотлетие Москвы, — сказал Степан. — Только ты чего радуешься? Разве ты москвич?

— Нет, я с-под Николаева,— признался Яша, возвращаясь к столу.— Но все равно — Москва, она для всех... Наливайте, ребята.

— Я тоже не московский, вятский,— продолжил рассудительно Степан, сколупывая сургучную печать.— И ты, Леха, не оттуда.

— Я из Питера, точнее — Кронштадт. Но ведь сюда я приехал из Москвы, — возразил Алексей.

— Ты сюда приехал из дыры,— Огузов налил ему в стакан.— Из Дыры-на-Реке. Все мы из одной дыры.

— Ха-ха-ха...— опять свел на шутку эту речь Яша.— А все-таки давайте — за Москву! Восемьсот лет стоит, и пускай она стоит дальше и чтоб все так стояло, как она стоит. Ура! — тихо крикнул он.

Они выпили. Степан и Яша с жадностью набросились на съестное, не споря более.

В репродукторе тем временем шум тоже унялся и голос диктора вещал:

— ...на Советской площади против здания Моссовета заложен памятник Юрию Долгорукому, основателю города Москвы. Сегодня же в восьми пунктах столицы состоялась торжественная закладка высотных зданий. Самое большое из них, тридцатидвухэтажное новое здание Московского университета, будет сооружено на Ленинских горах, у живописной излучины Москвы-реки...

— Ого! — опять воскликнул Яша Черношварц.— Вот бы тебе, Алеша, там поучиться на самом тридцать втором... Далеко, наверное, видно, а?

— Так ведь он не в университете,— небрежно заметил Степан.— Он в Библиотечном, где-нигде...

— Но ведь мог бы! — настаивал Яша, разливая по второй.

Однако у Алексея и первая застряла в горле, поперек души.

Он только сейчас со всей очевидностью понял, что с ним стряслось, что произошло. Да, Яша Черношварц был прав: он мог бы. Ведь прояви он год назад больше отваги и напористости, не спасуй перед риском плотного конкурса — он мог бы поступить в Московский университет, и тогда бы именно для него, для студента Алексея Рыжова, сегодня в Москве на Ленинских горах заложили тридцатидвухэтажное, небывалое на свете здание... Впрочем, если его заложили только сегодня, то когда еще построят? Года через три, через четыре? Но к этому времени он уже мог бы и окончить университет и ему все равно не пришлось бы сидеть и слушать лекции на тридцать втором этаже, нет. Однако теперь он перешел на заочное, стало быть, придется учиться на год больше, и он вполне мог бы успеть, прихватить самый краешек, самый кончик на тридцать втором... Где? Чего? Ведь он учится не в университете, а где-нигде, как сказал только что Степан Огузов. Так что все складывалось для него одинаково обидно и плохо,— все равно.

— ...высотные здания были заложены также на площади Восстания, на Смоленской площади, по соседству с Кремлем — в Зарядье и ниже по течению Москвы-реки — на Котельнической набережной, напротив станции метро «Красные ворота», рядом с Комсомольской площадью и на территории мраморного завода Метростроя в Дорогомилове, где пройдет будущая магистраль столицы — Новый Арбат. Повсюду состоялись многолюдные митинги...

Нет, не все равно. Его злосчастье не исчерпывалось тем, что он поступил учиться не туда, куда надо. С ним случилось и гораздо худшее: он не вернулся с практики в свой институт, в столицу, а застрял здесь, в дыре. Он мог бы сегодня быть там, в Москве, среди москвичей, и праздновать вместе с ними, бродить по нарядным улицам, орать, как все орут, размахивать руками, слушать музыку духовых оркестров и танцевать вальс на Манежной площади с какой-нибудь выхваченной из толпы дурочкой, он мог бы, мог бы, он все мог бы! — а вместо этого он сидит в номере этой заху-

далой гостиницы, в беспросветной глуши, сидит и в тоске пьет горькую водку.

— Поехали дальше,— сказал Яков Черношварц, наливая.

Господи, куда же он заехал, куда его занесло?.. Там, в Москве, закладывают высотные здания по тридцать этажей, а он тут шастает в непролазной грязи да черкает в блокнотике про всякие жалкие деревянные и шлакоблочные бараки, собирается воспевать этот нелепый город, состоящий из двух половин, которые не желают знать друг дружку и расползаются в разные стороны... кошмар какой-то.

А в репродукторе опять играла музыка и уже другой голос захлебывался от восторга:

— ...в разгаре народное гулянье. Под открытым небом артисты московских театров дают концерты. По Цветному бульвару движется необычное шествие, впереди слон в нарядной сбруе и с плюмажами— это участвует в празднике знаменитый Уголок зверей Дурова...

— Ты что приуныл, Алеша?— участливо наклонился Яков.— Ничего не ешь, не закусываешь... я уже заметил, что ты никогда не закусываешь, а это очень вредно, ты обязательно закусывай... на вот сальца пожуй, гляди, какое пышное сало...

Он отпил толстый кусок, шлепнул его на хлеб, сунул прямо в зубы Алексею, принажал даже.

— Ешь, ешь... У нас до войны, если люди хорошо жили, про них так говорили: богато живут, сало с салом едят... Понимаешь? Сало с салом.

Алексей с усилием задвигал челюстями.

— А ты даже здесь добыть сумел,— язвительно заметил Степан Огузов.

Глаза его закосели больше обычного, сойдясь на кончике носа.

— Ну добыл,— согласился Яша, вполне очевидно теряя остатки терпения.— А разве ты не жрал?

— Я-то жрал, мне что. А вот тебе вроде бы и не положено. По вере.

— Что?? — заорал Яков, ухватив за горло пустую водочную бутылку.— Вот я сейчас этой посудой махну — и сам пойду в милицию, возьму свой срок, тут близко. Но сперва — махну!

Алексей смотрел на них, разинув рот с недожеванным.

— Зачем?..— ошалело пробормотал он.

Он ничего не мог понять. Он прежде всего не мог понять: как же это они, Степан да Яков, всю неделю работали вместе с утра до вечера, мотались, гужевались, фотографировали, расспрашивали, и все на людях, все с людьми, и похоже, что совместные свои дела они отменно сделали, ведь только что их, эти дела, строку за строкой, повычеркивал в своем блокноте Степан Огузов,— как же они это делали, избегая ссоры? Или сам непроворот этих дел помешал им сцепиться раньше? Или же им нужен был только повод, чтобы вырвалось наружу затаенное, зажатое?

— Зачем? — переспросил Алексей и заплакал, уронив голову на сведенные руки.— Зачем?..

— Ладно, не расстраивайся.— Яша Черношварц погладил его, как маленького, по голове.— Это мы так, пошутили. Дяди шутят. Степан, ты объясни ему, что мы шутим.

— Мы шутим,— объяснил Степан.

— Идите вы оба!..— вскинул лицо Алексей, слизывая с губ горькие и пахнущие водкой слезы.— Думаете, я из-за вас? На кой вы мне сдались...

Он, конечно же, плакал вовсе не из-за них, а из-за себя. Потому что его занесло черт знает куда, куда-никуда, черт знает за чем. Зачем?.. Ну зачем?

Репродуктор исходил ликующей музыкой.

— Праздник там...

— Слона водили? — трезво и насмешливо спросил Степан Огузов.

— При чем здесь слон? Там праздник, а здесь...

— Ну и что? — Яша Черношварц снова ласково погладил его по голове. — Ты, Леша, молодой. Сколько еще будет праздников! Успеешь.

— Через сто лет? Ведь следующий раз — через сто лет.

— Ну и что?

— Я не доживу, наверное... — горестно покачал головой Алеша. — Пропустил. Я уже все на свете пропустил, а теперь еще и это. Черный бумажный конус репродуктора затрещал, будто его разрывали на части, даже дрогнул на стене.

— Вот, салют... — сказал он. — Там — салют.

— Салют?

Яша, вдруг оживясь, встал с места, поднял за подмышки Алексея, потащил его к окну.

— Вот смотри... там салют и здесь салют... в честь Москвы. Видишь?

В проеме окна было ночное небо, чистое и холодное: еще утром с него, дымно курясь, уползли на юг дождевые тучи. И сейчас в нем обозначились звезды. Но они были слабы, их свет тускнел и терялся в разбегах другого света, широко и вольготно гуляющего по небу. Красноватые лучи, рождаясь над чертой горизонта, взмывали ввысь, накатывали, делаясь все плотней и ярче, но где-то у макушки небосвода замирали, пульсируя, теряя силу, остывая, исчезая... но на смену им, исчезающим, являлись новые раскаты света, лучась и множась, дробясь, истаивая, кончаясь, возникая, набегая вновь и вновь...

— Что это? — спросил Алексей, когда к нему, онемевшему при виде этого зрелища, вернулась речь.

— Северное сияние, — гордо ответил Яша. — Это специально для тебя, чтоб ты не расстраивался, чуешь?

— Нет, правда...

— Правда. Северное сияние.

— Но ведь оно бывает зимой... сейчас его не может быть.

— Все может быть. Раз есть — значит, может... Значит, скоро зима.

Все было достаточно ясно, никаких вопросов у него не было. Но Иван Михайлович Чупров, первый секретарь Печорского райкома партии, разговаривал с ними настолько открыто, даже немного бравируя тем, что не желает разводить дипломатию — вот вам все как на ладошке, — что Алексей не удержался:

— Как вы представляете себе будущее Печорска, если учесть, что ведомство строит свой поселок наособицу, хочет закрепить границу в черте города?

— Сиротина? — быстро вскинул на него взгляд Чупров. — У нее, знаете ли, есть и личный счет к этому ведомству...

— Нет, почему же, — заторопился Алексей, испугавшись, что так быстро разгадан, что своей неосторожностью подвел хорошего человека. — Ведь и так видно, невооруженным глазом.

— Невооруженным глазом всего не увидишь, — усмехнулся Чупров. — А вы не смущайтесь: мы Галину Тимофеевну ценим, поддерживаем. И Сиротина никогда ничего не скажет, что выходило бы за пределы ее служебных обязанностей, за рамки архитектуры, — она женщина интеллигентная, ученая... Но сама эта проблема гораздо сложнее, чем где какие дома ставить. — Скулы на его лице обозначились жестче. — Это вопрос об отношении к советской влас-

ти. Петр Никитич, ты председатель райисполкома, скажи честно: как к вам относятся наши соседи? Признают?

Сидевший напротив Алексея за длинным и узким столом Лебедев, уже в годах и сединах, подумав, ответил:

— Признают. На словах.

— А на деле?

— На деле не признают... Зачем мы им? Они богатые, а мы бедные.

— Во-от...— протянул Чупров.— Все дело, конечно, в этом. У них практически неограниченные возможности и средства — большими миллионами ворочают,— а мы сидим на скудном районном бюджете. Причем разница эта не только в производственных фондах, капиталовложениях, прибылях, но и в самом обычном, житейском, что, как говорится, в карман кладешь: зарплата... У них, в ведомстве, ставки высокие, северные надбавки, притом солидные, вплоть до ста процентов, выслуга, да еще премии, да еще всякие там полевые, колесные... а у нас люди получают такую же зарплату, как где-нибудь в Рязани или Пензе, ни копейки сверх. Причем заметьте: если человек местный нанимается в это ведомство, ему все равно не дают никаких северных надбавок, извиняюсь, ни хрена: ты здесь, на Севере, родился — значит, тебе и так тепло, светло, сытно и комары тебя не кусают. Значит, тебе и Север не Север. А приезжает человек откуда-нибудь из других краев, ему пожалуйста — все пряники... За одинаковую работу, бывает, разница в оплате вдвое, а то и втрое. Скажу откровенно: пока еще карточная система, это как-то уравнивает людей, но ведь ясно: скоро отменят карточки, рубль станет полноправным рублем — что тогда?.. Богатые и бедные, как выразился Петр Никитич?.. Но люди наши от этих понятий давно отвыкли — на то и революция была тридцать лет назад... Нет, мы не за уравниловку, а за равенство: для этого социализм, для этого советская власть. Как же иначе?.. Я знаю, что и в других местах это бывает, местные Советы ходят на поклон к богатым дядюшкам, крупным хозяйственникам: подкиньте, подсобите... И подкидывают им, подсобляют, оказывают милость, известное дело... Но нигде — учтите, нигде! — нет такого явного и грубого, чуть ли не узаконенного двоевластия, как у нас. Вот я сказал — узаконенного. А где такой закон? Не видали, нету его и не может быть... Потому и мириться с этим нельзя, потому и говорим об этом вслух, громко, да не в семейном кругу, а здесь...

Все-таки к концу своей речи Иван Михайлович задохнулся: то ли речь была долга, то ли не совладал с волнением.

— А с райкомом партии считаются? — спросил Степан Огузов.

— Тоже не шибко. У них свой политотдел, на правах райкома. Своя газета. Свои конференции, активы — иногда приглашают ради вежливости, даже в президиум сажают. А влиять — нет, не дают, и сунуться не смей.

— Ну так это на районном уровне,— подал голос Яша Черношварц, хотя ему, казалось бы, можно было и помолчать, тут ведь ничего снимать не требовалось.— А теперь — город. Будет горком партии, горсовет... Это как — возымеет?

Чупров покосился на Лебедева, и можно было догадаться, что этот вопрос в последнее время изрядно занимал их самих.

— Должно возыметь.— Петр Никитич оживился.— Вот скоро выборы в местные Советы, уже готовим списки избирателей... Тут они, соседи наши, сразу конституцию вспомнят, и не только о своем праве избирать, но и о праве быть избранными... депутат горсовета — это уже звучит! Непременно вспомнят, прибегут: вы уж нас, товарищи, не обойдите, не забудьте, мы советскую власть признаем, всей душой любим, просто некогда было!..

Все в кабинете рассмеялись, представив себе, как это будет: уж

очень наглядно изобразил сценку председатель райисполкома. Но тотчас посерьезнели. И больше всех посерьезнел Иван Михайлович Чупров, подвел итог:

— В принципе делить власть ни с кем не собираемся! На том стоим твердо, поддержку чувствуем, ход жизни, сколь можем, предугадываем... Конечно, тут еще во многом сказывается война, ее особые обстоятельства. Вот мы говорим — жертвы, потери наши неисчислимы, имея в виду, сколько людей мы в этой войне потеряли, какой материальный урон понесла страна, сколько надо восстанавливать... Но есть еще и другие потери, другой урон — тоже в войну, — и для правильной, нормальной жизни многое тоже придется восстанавливать не без труда... Вот так.

Говоря о войне, он смотрел на Степана Огузова — лично на него. Может быть, потому, что и сам был в таком же военном кителе с высоким воротником и дырочками от погон, как у Степана, и на груди, над клапаном кармана, у него тоже было не пусто: пестрели ряды орденов ленточек, начинаясь темно-красными, как запекшаяся кровь, по которым стекали полосы свежей крови. А может быть, он смотрел на Степана потому, что именно он был старшим в группе газетчиков, приехавших делать полосу о новом городе Печорске, а все уже сказано-пересказано, пора кончать беседу, ведь и кроме этого полно забот.

Они догнали откочевавший к югу дождь в Спас-Погосте.

Тут он лил отвесно, без припуска, без затишья — самый безнадежный дождь, — и было видно, что льет он уже несколько дней кряду, земля расквасилась, поползла, поплыла.

Покуда бежали через пути к станционной площади, вымокли до нитки, на подошвы набрали по пуду грязи, с тем и влезли в редакционную «Победу», которая согласно уговору уже ждала их.

— Сырая дорога, долго будем ехать, — предупредил Егор. — Сюда четыре часа ехал, а ведь сто километров всего... Поехали?

— Давай, — распорядился Степан Огузов, блаженно откидываясь к мягкой спинке рядом с шофером.

Алексей и Яша разместились позади, между ними лег кофр с дорожной аппаратурой.

— В городе тоже льет? — спросил Яков.

— Без передыху, взад-вперед, — сокрушенно покачал головой Егор.

С трудом вырулил из уличной непролазной колеи на такое же хлипкое, но повыше чуть грунтовое шоссе.

— Всю неделю льет, с того дня, как Федора Макаровича хоронили, — вспомнив, уточнил он. — Еле гроб несли, скользко, а на кладбище поскользнуться — плохая примета...

— Что, умер Коюшев? — подался вперед Алексей.

— Умер, после операции на третий день. Уже, говорят, поздно было.

— А я звонил в редакцию, мне ничего не сказали, — пожал плечами Степан.

— Но ведь ты не был с ним знаком, — объяснил Алеша, — потому и не сказали.

Сам он не был потрясен этой вестью, так как еще тогда, при встрече в редакторском кабинете, догадался, что дни Коюшева сочтены.

Его удивило другое: что вот по сравнению со Степаном Огузовым он уже сделался старожилом Города-на-Реке, у которого тут свой счет обретения и свой счет потерь. Ну, положим, обретения были вполне естественны и не больно велики: человеку свойственно искать прибýtка и добра, ведь не за худом отправляются в чуждые края. Но едва ты начнешь загибать пальцы одной руки,

подсчитывая обретения, как на другой руке пальцы сами собой зашевелились, исчисляя потери. Впрочем, что касается его, Алексея Рыжова, то он ехал сюда не за тем и не за другим — он сюда заехал совершенно случайно, — а вот и для него заведен счет добру и худу.

— Народу провожать собралось мно-ого, хоть и дождь, — рассказывал Егор. — Венков, венков... Он ведь раньше и главным редактором был в «Северной звезде».

— Да, — подтвердил Яков, — до тридцать шестого. С тех пор никого не осталось. Вась-Вась приехал позже... Нет, один таки остался. Знаете кто? — Яша Черношварц расцвел торжествующей улыбкой. — Зыков, литправщик, который глухонемой. На все — «мбу, мбу», не вякал лишнего... Так что не вякайте, хлопцы!

— И ты тоже, — обернувшись, посоветовал хмуро Степан.

Машина ехала по жидкой дороге, виляя задом — то одно колесо, то другое на миг пробуксовывало в слизи, однако Егор столь же мгновенно отзывался на эти заносы поворотом руля, выправляя ход.

Сейчас дорога углубилась в еловый лес, зачерневший от дождя: хвойные кроны отяжелели, набрякли, с них падала вода, которой уже не за что было удержаться — обременительная, лишняя, она рушилась наземь, но и тут ее было в избытке, земля не принимала, не впитывала влагу, из нее самой перло, и вода разливалась стоячими лужами вокруг стволов, пузырясь и морщась от падающей в нее все новой и новой воды.

Когда ельник редел, за ним просматривалась серая полоса Вычегды — ее изгибы повторял либо срезал напрямую тракт. Река тоже взбухла от многоводья, и если дорога приподымалась насыпью над общим уровнем наводненной земли, то река — так казалось — тоже была приподнята над землей, над берегом, и вот-вот она дохлынет сюда и зальет.

Алексей порылся в кармане, достал папиросу, прикурил.

— А мне? — жалобно спросил Егор, поймав его взгляд в зеркале заднего вида.

Он полез за всей пачкой, но Степан недовольно повел носом, сказал:

— Вы хоть по очереди, не сразу... я бросил после фронта, дыму не терплю.

Алеша, затянувшись еще разок, перегнулся и воткнул дымящуюся «беломорину» в рот шоферу.

— Сколько едем, а навстречу ни одной машины, — по-прежнему ворчливо заметил Степан. — Пусто.

— Пусто, — отозвался Егор. — Автобус до станции не ездит, отменили рейсы, взад-вперед. Грузовики тоже опасаются. Про легковые я уж молчу, какое там...

Он приоткрыл створку окна, выплюнул окурочек.

— Нам бы хоть до Слободы добраться: там уж всякий транспорт ходит, помогут, если что... там, если что, хоть обсохнуть есть где. Согреться, заночевать.

Егор опять поймал в зеркальце глаза Алексея.

— Я ведь, Леха, теперь в Слободе живу. Там, где рыбку жарил, помнишь?.. Вот и сам на крючок сел: прищучила она меня, женила... А что? Разве плохо? Лучше, чем по чужим углам шнырять, взад-вперед... Так что я и говорю: есть где портки посушить, если что.

— Поздравляю, — на всякий случай сказал Алексей.

— Ну а тебя еще не приземлили там, по соседству?

— Нет пока.

— Тогда держись, живьем не давайся.

— Ладно, — усмехнулся Алеша.

Они могли с Егором свободно обсуждать такие щекотливые вопросы, потому что Степан Огузов был совсем новым человеком в городе и в редакции, никакой осведомленностью еще не обладал, хотя

и заметно было, что он слушает разговор внимательно, смекая что про что. А Яша Черношварц, несмотря на тряску, заснул, привалясь ухом к своему кофру.

Впереди сквозь редколесье опять высветилась река, и здесь ее осенний разлив уже достал дорогу, перетек через нее, сбрасывая зарыжевшую от глины воду по ту сторону, в другой кювет.

— Что за лешак? — озадаченно пробормотал Егор. — Сюда ехал — не было... яма была посерединке, но чтобы так... А вот мы сбоку!

Хищно сгорбаться, он приник к рулю.

— Осторожней! Сбавь... — перетрухнул Степан.

— Да ты что? Ее проскочить — так на скорости, нахрапом, а иначе...

Наддал газу. Мутные гребни выметнулись из-под колес, заплеснув окошки. Машину сильно повело вбок, потом еще куда-то вниз, потом она накренилась и замерла, мотор сдох. Муть медленно сползала по стеклам, оставляя рыжие разводы.

— Что, приехали? — спросил Яша, выгребаясь из-под сиденья, с пола, куда его скинуло, Алексей не успел удержать.

— Приехали... — мрачно подтвердил Егор.

— Я говорил: сбавь скорость! — вспыхнул Степан. — Надо было...

— Ну ты! — кошачьим рывком извернулся к нему шофер. — Заткнись, не то я тебя сейчас по сопатке длинной... Вылезай, носом подтолкнешь!

— Ну-ну...

Алеша, несмотря на случившееся бедствие и еще не опомнясь от неожиданности, удивился все же, откуда у Степана Огузова такая редкая способность вызывать на себя ярость ближних: то ему сулят бутылкой по башке, то по сопатке.

Но вылезать пришлось всем.

«Победу» занесло в правый кювет, залитый водою вкрай, колесо сидело там, и его засасывала глина все основательней и глубже, даже, слышно, причмокивая.

— Не вытолкнуть, — определил Егор и сплюнул. — Вперед она не пойдет, вот если бы назад попробовать, а? Ее раскатать надо, взад-вперед... Давайте.

Он полез в накрененную дверцу сверху вниз, как в люк. Мотор завелся, выхлопная труба застрочила синим газом.

— Навались давай! — крикнул Егор. — Вперед!.. Назад!

Из-под левого колеса им прямо в лица полетели хлесткие комья глины, а из-под правого, завертевшегося вхолостую, ударили струи холодной воды.

Но им это уже было все равно, потому что, едва выбравшись из машины, они вмиг промокли насквозь, их окатило как из ведра, а сапоги, едва они ступили на дорогу, тотчас ушли по щиколотку в месиво.

— Толкай, Леша!.. — стонал Яков, навалившись плечом, физиономия его забагровела, а глаза от натуги вылезали из глазниц. — Степа, родной, жми!

Алексей, напирая, заметил, как Огузов, упершись в багажник обеими руками, давил что есть мочи, самозабвенно.

— Кача-а-ай! — орал Егор. — Взад-вперед, взад-вперед ее!..

Было видно, как он судорожно изгибается за рулем, то принимая всей грудью, то выворачивая наружу пах, но тщетно: «Победа» не двигалась с места ни на вершок, ни туда, ни сюда, лишь кренилась еще более и увязала все глубже.

— Конец, — сказал Яков, отряхивая ладони и размазывая по щекам глину, — лезем под крышу, там хоть сухо... там подумаем.

Но Егор сам вылезал обратно из люка.

— Все. — Он безнадежно махнул рукой. — Теперь ее только трактором выволочь можно... А где он, трактор?

Трактора не было. Но совсем близко и явственно услышалось та-рахтенье работающего двигателя.

Сквозь сетку осиновых сучьев на них наплывал копотный буксир с красной полосой на трубе и белой надписью на спардеке «Трудовик». Он искал, где причалить, а всюду была вода, он отвернул нос и пошел к недалекой песчаной косе, над которой острым углом выдавался безлесый мыс.

— Эге-гей!..— выкрикнул Яша, простирая над головой руки, будто Робинзон с необитаемого острова.

Алексей, сдернув кепку, тоже замахал ею.

Но на «Трудовике» не обратили на них внимания, зачалились, бросили трап и понесли на слехах островерхие буи, красные и белые, сильно ржавые снизу, понесли на берег.

— Бакены снимают,— объяснил Егор.— Значит, и навигации конец.

— Пошли,— решительно заявил Степан Огузов.— Доберемся на катере, тут уж до города всего ничего... Забирай свой чемодан,— приказал он Якову,— и пошли. Еще ведь их упросить надо, чтоб взяли. Ничего, упросим.

— Подождите,— вмешался Алексей.— Может быть, они помогут машину вытащить? Тросом зацепят и потащат— можно попробовать...

— Куда потащат? В реку? — перебил Степан, и взгляд его замкнулся на кончике носа.— Нам перво-наперво надо о деле думать: скорей доставить материал в редакцию, там ждут, планируют, а мы тут канителиться. Иди,— повторил он Якову строже.

Тот захлопал к машине.

— А ты не обижайся,— сказал Огузов шоферу.— Сам отчасти виноват. Но мы ждать не можем: дело важнее... Из города вышлем подмогу, трактор.

— Я не обижаюсь,— ответил Егор.— Все правильно... Но я трактора дождусь и так. Кто-нибудь должен ехать, туда или сюда, должен, взад-вперед. Не может быть, чтоб совсем город отрезало.

У работающей жаркой машины они быстро обсохли; одежда изошла паром, закоробилась, а глина отваливалась кусками от подошв и голенищ, сыпалась, если потереть руками. Но вид у них был все равно усталый и плачевный— за то, наверное, и взяли их на борт, снизошли, а не за то, что совали свои корреспондентские книжечки.

Можно было даже прикорнуть под мерный ход поршней прямо на рифленом железном полу, эка невидаль, лишь бы служ был спокоен от этого ровного стукотенья и подсказывал недреманному сторожку, что всегда на вахте в спящем сознании: полный порядок, идем по курсу, семь футов под килем и ветер в зад,— лишь бы ощущать во сне всем телом это укачивающее движение, плыть да плыть, а когда сон долой— вот мы и дома.

Но на это оказался способен один Яша Черношварц: он заснул, когда его продрогшие зубы еще выбивали чечетку, и некоторое время храп перемежался знобким клацаньем челюстей.

Что же касается Алеши и Степана Огузова, то они сразу поняли, что не будет им сна, что в этом рейсе им остается лишь набраться терпения и по возможности держать на привязи нервы.

Через каждые пять минут «Трудовик» сбрасывал обороты, стопорил двигатель и начинал покачиваться на волне: это означало, что матросы снимают с якоря, вылавливают, поднимают на борт очередной буй, готово, пошла дальше; а через пять минут рабочий ход винта опять замирал— другой буй, лови, тащи; потом буксир набирал скорость, и, казалось, уже безостановочно, полным ходом устремлялся к цели, но и это было напрасной надеждой: «Трудовик»

шел к берегу, чтобы выгрузить бакены в условленном месте, расставить их там, на крутизне, как пешки, до следующей навигации, до весны, до новой игры. Вот опять сильный толчок — они воткнулись в берег.

Когда же поневоле начинаешь складывать в уме эти короткие отрезки движения и томительные затяжные паузы, подсчитывать, сколько пройдено и сколько еще осталось, распределять путь во времени и пространстве, то делается совсем муторно на душе: ведь эдак можно тащиться целую вечность, до поздней ночи, а может быть, и ночь, однако ночью никто не станет ловить буи в реке, за ночуют на плаву, а утром, почесавшись, опять возьмутся за дело, а город будет по-прежнему далек и недостижим...

К тому же, понадеясь быстро, с ветерком достичь на машине столицы, они не запаслись никакой провизией, и теперь, когда стало ясно, что путь окажется невесть каким долгим, кишки урчали, заывая голодный бунт.

— Айда наверх,— предложил Степан, вставая с пола.— Хоть воздуху глотнем, здесь соляжкой воняет дюже.

Ливень не стихал, хлеща речную воду. Но жестяной навес куцей палубы оберегал их.

— А по мне дождь всегда лучше суха,— сказал Степан, ловя струи в пригоршню.— Это натура моя крестьянская знает, что вода с неба — дар. Я такие засухи помню, хуже смерти... Тридцатый год помню. Нас тогда раскулачили. Вывезли на подводе за сто верст, в другой район, под Ераши, дальше-то некуда, ведь оттоль и досюда рукой подать... Ну вот. Мы уехали, а следом вся деревня сгорела в одночасье: и наш дом, клейменный, и остальные: не разбирали огонь, где бедняк, где середняк, где кто — все дотла. Деревня наша звалась Пóжег — вот пожег и остался, будто с имечка и занялось... Люди по миру разбрелись кто куда, погорельцы, подайте хлебушка ради Христа, а его-то и не было, хлебушка, в тот год... Да ты что, Леха, отвернулся от меня, смотреть не хочешь, боишься? Ты не бойся. Это мне бы надо бояться, сказывая такое, а я, как видишь, не боюсь, говорю открыто. Не опасный ты...

Только сейчас Алексей понял, отчего так зорко разглядывал все эти дни Степан Огузов кончик собственного носа — это он к нему присматривался: не опасен ли? И вот решил, что не опасен, нет. Да и впрямь: с чего бы Степану его опасаться? Он не кидался на него в ярости, как фотограф Яша, как водитель Егор... А его, Степана Огузова, наверняка все эти дни тянуло на душевный разговор, на исповедь, потому что даже самого скрытного и затаенного человека тянет порой излить душу, особенно среди новых людей, на новом месте и особенно когда идут обложные дожди. Но не первого встречного избирает он для этой исповеди, а долго приглядывается к окружающим людям, с разумной осторожностью: кому можно, а кому нельзя, кто опасен, а кто нет, — и уж тогда.

Однако Алеша сейчас еще не мог понять, приятно ли ему это доверие, лестно или, наоборот, обидно, что ты никому не опасен.

— Я не боюсь,— повторил Степан.— Сам посуди — чего мне бояться? Теперь-то... А тогда? Тогда, брат, дело было покруче. Кулак — он подлежит. Хотя какие мы были кулаки? Дом, надел, две лошади и две коровы, ну, мужиков, случалось, на сезон брали — вот и все...

Алексей Рыжов чувствовал, как недоверие леденит сердце, как брезгливая отчужденность гонит мурашки по спине... впрочем, это мог и озноб снова пробрать до костей на ветреной палубе, сырость могла проникнуть в легкие, а их следовало побережь, хотя он и был вполне здоров, — он прокашлялся, выгоняя холод.

Еще он подумал об отце: как же тот был похвально осмотрителен, какое в нем было чутье, что, оторвавшись смолodu от деревни, он больше не возвращался туда, не ездил, не писал, не признавал

родни, порвал все связи. Ведь от этой деревни всегда жди подвоха. Про нее никогда не знаешь, что она такое и что у нее на уме. По-дальше бы от нее и вспоминать пореже.

— Ну да ладно, что об этом,— будто подслушав его мысли, сказал Степан Огузов.— Я ведь про себя, про свою жизнь... Тогда ко времени слова были сказаны: «Сын за отца не отвечает»,— это Сталин сказал. Я и не отвечал. Не спрашивали с меня. Семилетку окончил, потом на делянку, в тайгу, сучкорубом. Так что и через рабочий класс я прошел. А дальше поступил в леспромхоз. Меня сызмальства тянуло к ученью, книгам. Я б, если честно признаться, если б никакой раскулачки не было, я б все равно не остался в деревне — в дерьме-то копать, нет, я о другом мечтал, о том же, полагаю, о чем и ты, а чем мы с тобою не ровня? Из одних ворот, из одного теста... Учился я на все отлично, и ворошиловский стрелок был, и готов к труду и обороне, и Осоавиахим тоже — все на груди имел, как теперь... Но вот в комсомол подавать не решался, знал свой изъян,— выяснят и в два счета наладят из техникума без диплома... Диплом я получил в самый день: двадцать второго июня. К нему повестка в военкомат.

Буксирный катер пошел к берегу. Там, на взгорке, раскинув длаги — будто распятие,— стояла сигнальная мачта, увешанная деревянными крупными бусами, подобными языческим дарам, их порядок таил какой-то загадочный смысл.

Алеша удивился, что он — мальчик, родившийся и выросший на море, сын и внук моряка,— не имеет понятия о том, что обозначают эти круги и плашки на языке речников.

— Воевал я, Леха, честно, сам видишь. Нет, всего ты не видишь — на мне еще раны есть. В госпиталях поваялся. Но если б не эти раны, не госпиталя, то и не остаться бы мне живу. Окопнику, пехоте — а я в пехоте был — редко случалось из трех атак подряд живым выйти. Вот я накануне той третьей атаки и написал... знаешь, как писали: «Если погибну — прошу считать...» — и сдал политруку. Это на Южном Буге было, у Проскурова, в сорок четвертом, в марте...

Обрывистый берег накатывался так стремительно, что брала оторопь. Алексей потуже ухватился за поручень.

Весь обрыв был изрешечен — густо вдоль и поперек, как пулеметными очередями,— глубокими дырками, опустелыми гнездами береговых ласточек.

Резко рванул стопор, винт отмотал задний ход.

— Но я не погиб,— сказал Степан.

Он долго молчал, будто бы сам тому не веря.

— Ну а дальше... дальше, Леха, повеселей мой сказ.— Он улыбнулся с видимым облегчением.— Понимаешь, я еще в детстве стишками баловался... а тут мы стояли в обороне под Яссами, в Румынии уже, зарылись в землю, скучаем... вот тогда я и сочинил стишок — ну, обычное, про березки да клены. Отправил в армейскую газету, а они — веришь ли? — с ходу напечатали. Я на радость — еще. Приехал майор, говорит: «Раскальвайся, старшина, не юли...» «За что?» — испугался я. «Откуда стихи сдираешь?» — «Нютокуда, сам». — «Побожись!» — «Честное партийное». — «А прозой сумеешь?» — «Смогу, без рифмы легче». «Тогда,— говорит,— собирай вещмешок. Раз у тебя талант — не зарывайся в землю, а пиши... Сегодня оформим приказом». Вот так я, брат, и стал газетчиком. Лейтенанта мне присвоили. Обратной в Россию армия наша пешком шла, походным строем, а я уже на машине, с редакцией, выпускали попутно газету...

Алеша слушал с интересом, чувствуя, как шевелится в душе зависть. Да, это была биография, это была жизнь. Если, конечно, вычистить из нее довольно неприглядное начало, если пренебречь им, то было чему позавидовать.

Что он, Алексей Рыжов, мог выставить против такой биографии? Ничего. За ним ничего не было, ровно ничего.

Он оглянулся на реку, вот так же: ровная, хотя и пасмурная гладь, на которой ничто не оставляло меты — ни секущий дождь, ни острое кия, ни бурливое вращение винта, — все исчезало тотчас и бесследно. А сейчас, когда на пройденном пути убрали вешки, снимали красные и белые буи, совсем невозможно было бы уверить кого-то и даже увериться самому, что ты тут шел.

Впрочем, было некоторое утешение в том, что при всем неравенстве их биографий они на сегодняшний день были в одинаковом нижнем чине — литсотрудники, разъездные корреспонденты, — хотя Степан Огузов и числился старшим в бригаде.

— Но это еще не все! Есть еще... Сразу после войны приехал я домой в отпуск, в Ераши, а папаня осмотрел все, что на мне, и говорит: «Ты, Степка, не больно-то против отца чванься! Тебя пожаловали, но и меня Верховный не забыл, гляди-ко...» Достает из-за божницы телеграмму: «Огузову Игнату Степановичу... примите мою благодарность от имени Красной Армии. Сталин». Оказывается, батя тут подсобный промысел наладил — живицу брали. Весною на деревьях кору зачищают и топором сосну ранят глубоко, а под раны холщовые мешки вешают, попонки, — сосна плачет, смолу пускает, чтоб заживить раны, потому и называется живица... это, брат, ценящая вещь, из нее скипидар гонят, канифоль делают... вот он с бабами да инвалидами артель составил, а потом от себя лично — сто тысяч в фонд обороны. Ого-го, знай наших!..

Степан хохотнул раскатисто и снова протянул горсть под ливневые струи.

Внизу на железных ступеньках послышался топот, из люка вынырнул Яша Черношварц, на лице его была улыбка отоспавшегося влать человека, а в руке он нес ведро, в котором дымилась картошка вся в лохмотьях молодой кожуры.

— Держите, славяне! — сказал он, торжествуя. — Ребята себе варили, так и нам отсыпали. А я их пощелкал маленько, обещал — если не в газету, то на память... Ешьте.

Алексей выхватил из ведра здоровую картофелину и начал пекидывать с ладони на ладонь, она была нестерпимо горяча для занемевших на холоде рук. Лишь сейчас он понял, что почти мертв от голода, а тут еще не угрызть с ходу, катать в ладонях.

Степан, осторожно и ласково спустив шкуру с одного бока, вгрызся в рассыпчатую плоть. Жуя полным ртом, укорил Яшу:

— А соль? Что ж ты соли не захватил?

— Да, — согласился Яков, уводя языком круглую картоху за щеку. — Без соли — это не пища. Сейчас добудем.

Скатился по ступенькам обратно в трюм.

— Зря ты его тогда, в Печорске... — заметил Алексей Степану. — Ведь хороший мужик.

— Может, и зря, — сказал тот. — В принципе я ничего не имею. Мы ведь даже на одном фронте с ним были — Второй Украинский. Видел я, конечно, что немцы с ними делали, страх...

Огузов отвернулся от летящего мокрого ветра, заслонил жующий рот воротником пальто.

Сейчас и Алеша почувствовал, как усилился и напрягся встречный ветер. Он посмотрел и понял: «Трудовик» шел полным вперед, уже не имея намерения ни стопорить, ни чалиться, шел, задорно вскинув нос, уверенно, как идут после законченной работы.

Впереди больше не было бакенов, чистая река, без указок. Все буи уже стояли крохотными пешечными рядками справа и слева на смутных берегах. Значит, на этой, ближней к городу дистанции их снимал и выбрал другой экипаж.

Алексей вспомнил об увязшей в глине, затонувшей до окошек

«Победе», о Егоре, которого они оставили одного на лесной дороге, под ливнем. Дождялся ли он какого-нибудь шалого трактора?... Надо будет срочно выслать подмогу, как только они доберутся.

Стало быть, сухопутное сообщение между городом и станцией вышло из строя теперь уже до морозов, до зимы.

Но и водный путь был закрыт: они сами сняли за собою вешки, обозначавшие фарватер,— отгудела навигация.

Он вспомнил, как плыл на белом «Тютчеве» по голубой реке в зеленых берегах всего лишь несколько месяцев назад. Теперь обратный путь был заказан. И река не сохранила никаких следов его пути сюда.

10

Сначала он хотел устроить именины как именины: договорился бы с Klarой, и она бы соорудила знатный стол в его гостиничном номере, чтобы не только выпивки было в досталь, но и закусить было чем, подсолониться. Он бы и на базар сбегал, тряхнул мощной ради такого случая, ради круглой даты.

Кроме Klarы, он намеревался пригласить Степана Огузова с женой, они жили рядом, через дверь, в двухкомнатном люксе (у них еще было двое маленьких), позвал бы и Яшу Черношварца и Вась-Вася, которому все равно задолжал, он мог бы пригласить и самого Улитина, пусть заглянет на часок, не погнушается хлебом-солью с подчиненными, в тесноте, да не в обиде.

Но по мере приближения дня торжества его все больше одолевали сомнения. Во-первых, стоит ли сажать за один стол Семена Ильича с Бубеевым, если учесть, что редактор строго-настроено запретил Алексею поить его. Во-вторых, пригласи он Улитина, не начнутся ли пересуды в коридорах редакции, будто он, Рыжов, усерден в подхалимаже, лезет без мыла. Дальше: Яков, который одним своим суетливым присутствием вызывал нескрытое раздражение Степана, а там уж он заколебался и насчет самого Степана Огузова — ведь Алексею отнюдь не все показалось понятным и приемлемым из того, чем делился с ним на тягомтомном буксире Степан Огузов, все эти его рассуждения, бывшее и думы.

Однако он отдавал себе отчет в несерьезности возникших сомнений, смехотворности причин. Он сознавал, что это лишь отголосок того, что гнезилось в его душе с давних, очень давних, еще ребяческих лет. Пожалуй, с детдомовской поры, когда объявиться именинником значило лишь, что тебе надерут уши докрасна, до боли, до еле сдерживаемого крика, а сверх — ничего, никаких поздравлений и подарков, одна боль.

И на всякий случай он до последнего молчал об этом надвигающемся торжестве.

Но ранним утром в общей умывалке он столкнулся со Степаном. Голый по пояс, тот оплескивался струей воды, бившей из крана. Алексей тоже отвернул кран — руки ожгло, как кипятком, настолько ледяной была вода, они враз занемели, будто отнялись, еле мыло ворочали. А Степан Огузов только фыркал да покрывал — хорошо... Досуха обтершись полотенцем, подошел к Алексею, ухватил его за ухо, подергал раз-другой:

— Поздравляю, Леха... Раста большой в прямом и переносном.

Вероятно, на мокром лице Алексея отобразилось столь явное изумление, что сосед поспешил объяснить:

— Разведка работает, брат. Разведка доложила точно... Прими еще раз.

В десятом часу, когда он поднялся с бумагами в секретариат, Вась-Вась встретил его широченной своей редкозубой улыбкой:

— А-а, мальчик резвый! Ну здравствуй, здравствуй, дай пять.— Со значением потряс ему руку.— Мальчик резвый... Нет-нет. Маль-

чик трезвый, кудрявый, влюбленный! — вдруг напел из Моцарта ответственный секретарь. И рассмеялся. — Подходит? Мальчик трезвый...

— При чем здесь? — пожал плечами Алексей.

— Да я не про тебя — про себя, — сказал Бубеев.

И, быстро перелистав протянутые ему страницы, доверительно поведал:

— Ты уж извини, старина, не смогу никак. Завязал. Железно. Вынужден избегать. Извини — мальчик трезвый.

— А-а, — протянул сочувственно Рыжов. Он уже был наслышан об этих железных завязках Вась-Вася: от воскресенья до поднесенья. На всякий случай сокрушенно развел руками. — Очень жаль, но не смею...

В приемной редактора секретарша Ася, вспыхнув, подала ему сложенную вчетверо и заклеенную телеграмму, наружу лишь адрес да кому. Он распечатал ее, пробежал глазами строки:

ПОЗДРАВЛЯЮ ДВАДЦАТИЛЕТИЕМ ТЧК ДЕТСТВО КОНЧИЛОСЬ АЛЕША ТЧК ЖДУ ТЕБЯ ЛЕНИНГРАДЕ ВЗРОСЛЫМ ТЧК ЦЕЛУЮ МАМА

Все тут было: и любовь, и материнское сострадание к предполагаемым его злключениям и роковым ошибкам, и та высокомерная едкость, которая была в ее характере и отчасти передалась ему в наследство, из крови в кровь, — и потому в нем тотчас заклокотало ответное раздражение. Так вот откуда эта всеобщая осведомленность! Ведь он просил ее писать ему даже не в гостиницу, а до востребования, на почту, но она умудрилась дать телеграмму на служебный адрес, прямо в редакцию, по секрету всему свету, да еще в такой язвительной определенности чувств.

Он провел пальцем по мелким зубчикам поля марочного листа, которым телеграмма была заклеена, когда он взял ее в руки, — значит, распечатали, прочли и заклеили опять?

Пытливо взглянул на Асю. В глазах ее была приветливость, так и рвавшаяся наружу, — да, вне сомнений она хотела его поздравить, тем более что они были ровесниками и ей, поди, тоже подкатывало либо уже исполнилось двадцать, она собиралась его поздравить со всей теплотой, однако она была не такая уж дурочка, чтоб не заметить свирепого выражения на его лице и как он щупал зубчики, — Ася наверняка догадалась о возникших у него подозрениях и потому проглотила невысказанные здравицы и обиду, сказала лишь кротко:

— Семен Ильич просил вас зайти.

Улитин встретил его с подчеркнутой обыденностью, даже некоторым безразличием в тоне.

— Стало быть, уезжаешь?

— Уезжаю, — подтвердил Алексей, добавил: — Но еще целая неделя, даже больше, я поеду одиннадцатого. Так что...

— Одиннадцатого? — слегка оживился редактор и, дотянувшись, взял со стола картонный глянцевый билет. — А здесь — пятого, вполне успеешь отписаться... Послушай, Рыжов, вот тебе приглашение: это на концерт в филармонию, открытие сезона. Эк с ремонтом проваландались, сезон открывают в декабре, по шеям бы их, бездельников... Но ты напиши добром, коротенько, строк сто. Все же событие в культурной жизни, а мы тут не избалованы, Лемешев с Козловским к нам не ездят... — Он протянул билет. — Ряд хороший, места в самой середине — ведь это мне с супругой, но мы пойти не сможем, прихворнула моя дражайшая, ангина.

— Ясно, — сказал Алексей, пряча билет в карман. — Сто строк восторгов.

— О, сообразительный ты стал, Рыжов! Сколь ума тут у нас набрался... — хихикнул Семен Ильич. Но сразу посерьезнел и полез ему

в душу своими темными вкрадчивыми гляделками.— А зачем стесняться восторгов? Вот, я знаю, ты с Истоминой дружбу водишь — не спорь, что знаю, то знаю, да и не я ли тебя познакомил с нею? Говори спасибо, благодари сейчас же, ну...

— Век помнить буду,— дерзко улыбнулся Алексей.

— Будешь. А вот скажи: ты хоть однажды слышал, как она поет?

— Слышал, конечно.

Ведь Улитину было невдомек, что еще в день первого знакомства на пароходе «Тютчев» Клара пыталась ему спеть рахманиновский романс, а он затыкал ей рот поцелуями.

— Ну, я допускаю, что она тебе что-нибудь на ушко и смурлыкала, так, по-домашнему... Но ты слышал ли ее в концерте, при полном зале, когда она — в полный голос, а? Вот и не слышал. Потому и не суди. А когда услышишь — не приходи ко мне отказываться от поездки. Все равно я тебя силком в Москву отправлю, сдавай экзамены, нам неучи не нужны... Так-то.

— Я уеду,— заверил Рыжов.— Обязательно.

Он уже понял нехитрую игру Улитина. Тот выяснял, насколько прочно владеет сердцем заезжего московского студента девушка с медовой косой. Он посылал его в филармонию намеренно, пусть еще раз взглянет на нее — со стороны, издалека, из зала, в ярком свете, пусть обалдеет от ее пения, пусть оглохнет от рукоплесканий, пусть поймет, что теряет... Так. Значит, не очень надеялся Семен Ильич на его возвращение, если оболещал уже не сказками полярной ночи, не тем, как люди ходят по веревке, как птицы замерзают на лету, а прибеж к такому крайнему, даже не числящемуся в его распоряжении средству, как любовь слободской девушки с Пятой Десять.

Алексей коварно молчал.

Улитин закашлялся, поскреб горло — уж не забралась ли туда ангина дражайшей, — смутился, поняв, что разгадан. Но в подобных случаях Семен Ильич предпочитал ломиться уже в открытую.

— Деньги у тебя есть? — спросил грубовато. — Прикинь, сколько тебе надо. Знаешь, чтоб не прозябать в столоице, а пожить в размахом, в волюшку, гульнуть, как подобает северянам, — рестораны, такси, театр «Ромэн»! Ты ведь теперь северянин, держи марку... Сколько тебе надо?

— Есть у меня деньги,— потупился Алеша, угадав, что его опять попросту хотят купить.

У него на самом деле было вполне достаточно денег. Особенно его потрясло, что когда они ездили на Печору, помимо зарплаты ему еще платили шальные суточные — по пятьдесят рублей в день, таков был тариф для командировок на Крайний Север. А тем временем набежал гонорар — за то, за се. И еще по закону ему должны были как заочнику оплатить дорогу.

— Хватит, пожалуй... — сказал он, сознавая, что хватит, но предчувствуя, что дадут еще, и не находя в себе сил противиться соблазну.

Улитин нажал под столом кнопку, в приемной отозвалось, заглянула Ася, он ей велел соединить с бухгалтершей.

— Анна Сергеевна? Здравствуйте... Алексей Николаевич Рыжов едет в Москву на сессию. — Он прикрыл ладонью трубку, подмигнул ему. — Я имею в виду экзаменационную сессию... — И опять в телефон: — Выдайте ему аванс в счет будущих гонораров. Можно тысячи три... Ничего, он человек писучий, быстро отработает. Что?.. Нет, не слышал, Анна Сергеевна. Я, знаете ли, слухам не верю — мне ТАСС на стол кладут... Все равно, не имеет значения. Три тысячи. Договорились.

Положив трубку на рычаг, перегнулся через стол и сказал:

— Вот тебе совет на всю жизнь: никогда не отказывайся от де-

нег, дают — бери. И не сильно ломай голову — пусть она болит у того, кто дает. А я тебе даю, потому что верю. — Помолчал. — Я верю, что ты вернешься, Алеша.

Редактор поднялся, обогнул стол, подошел, положил руки ему на плечи.

— А теперь я хочу поздравить тебя. Для двадцати лет хорошее начало. Не разбазарь после, а сейчас ты идешь с опережением, с запасом. Понял?

Алеша просиял, потому что сказанное разительно отличалось от укоров матери, полагавшей, что он заигрался и застрял в детстве. Но эти же фразы Улитина вплотную приближали его к разгадке: как умудрились прочесть запечатанную телеграмму?

— Поздравляю, — снова сказал Улитин. — Дату я запомнил еще по твоей анкете — первое декабря. Памятная дата, особенно для нас, ленинградцев...

Семен Ильич покосился на письменный стол, где лежал в развороте сегодняшний номер «Северной звезды». В углу второй полосы был портрет: молоджавое открытое лицо, прямые темно-русые волосы, решительно откинутые к затылку, губы, тронутые улыбкой, и глаза, таящие предчувствие.

В конце концов он не позвал никого, даже Клару, и просидел весь вечер в одиночестве, не зажигая света, глядя, как за окном роится снег.

Пожалуй, эта угрюмость, что наваливалась на него всякий день рождения, возникла даже не в детдомовскую пору, не в Городище, где ему жестоко обрывали уши, а много раньше, задолго до войны, в Ленинграде.

Тогда ему исполнилось семь лет. Он еще ходил в детский сад — в школу брали с восьми. Детсад был не близко, на Таврической, а они жили на 9-й Советской, но он ходил туда сам, без провожатых, минуя гулкие и мрачные подворотни, пересекая трамвайные пути, — мать ужасалась, а отец говорил, что так и надо.

Он вернулся домой, залез с ногами на тахту и стал ждать.

Коротать время было сладко в гадании: каков будет подарок к именинам, точнее — ко дню его рождения (тогда еще знали и соблюдали разницу), что ему принесут отец и мать, придя с работы, из Смольного?..

Это мог быть детский «конструктор», тяжелый ящик, набитый до отказа железными пластинами, крашенными в черный цвет, с дырками по всей длине, чтобы их соединять одну с другой, винты и гайки, скобы, крюки, колесики, отвертки и ключи, отдельно тетрадка, где изображены фигуры, которые полагалось собирать из этих деталей — паровоз, аэроплан, трактор, — но он знал заранее, что ничего такого сам соорудить не сумеет, разве что отец заинтересуется, как маленький, и, пыхтя, роняя меж пальцев крошечную металлическую дребедень, поминутно заглядывая в тетрадку, составит наконец страховидный паровоз, еще страшнее настоящего, с подвижными шатунами колес («Наш паровоз, вперед лети-и!» — будет напевать он при этом), либо несуразный громоздкий аэроплан весь в дырках, будто его изрешетили пулями («Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших пти-иц...» — сплет отец).

Нет, лучше бы не «конструктор», а набор оловянных солдатиков, тех, что продает с лотка частный старичок у Апраксина двора: они стоят четкими шеренгами, у одних ружья вскинута на плечо, другие держат их наперевес, третьи целятся с колена, а конники сидят в седлах, натянув поводья и подвывая шашки, а бравые артиллеристы несут к пушкам круглые ядра, — да, вот тут для мальчиков вроде него, что всегда отирались подле частного старичка и его лотка, зачарованно глядя, как сияет свежее олово, мусоля в

карманах заветные пятаки и гривенники,— для них тут крылось огорчение, ибо старик отливал своих солдатиков в формочках стародавних времен, когда пушки стреляли ядрами, когда ружья были неуклюжими и длинными, вроде оглобель, когда солдаты носили темно-вишневые и ярко-синие мундиры и каски с шишаками, когда не было ни пулеметов, ни броневиков, ни танков и сама война казалась игрой, праздной забавой, а новых формочек у старика с Апраксина двора, увы, не было.

А еще лучше — мяч, настоящий футбольный мяч, который сразу соберет детвору всех окрестных домов, они рассыплются по двору, пасуя, вода, сшибаясь, а ему, Алеше, доверят ворота (мяч ведь все-таки его), и он, припрыгивая, надежно заслонит собою каменную арку ворот,— нет, не доверят, ведь он еще мал ростом, да и сейчас не время гонять мяч, на дворе зима, снег, темень...

Алеша очнулся от своих сладких дум. В комнате было совсем темно, непроглядно. Он проворонил тот час, когда в окнах еще чуть брезжило и можно было добраться до выключателя зажечь свет, а теперь им владел страх перед темнотой, сгустившейся во всех углах, пластом легкой на пол, и он боялся спустить ноги с тахты — вдруг кто-то укусит, вгрызется, отъест, — он, наоборот, подобрал их под себя, отодвинулся поглубже.

Мерно ходил маятник настенных часов, но в темноте не видно было стрелок, а боя у этих часов не было, только тиканье да скрипы.

Он понимал, что прошло уже много времени, что родители должны были давно вернуться с работы — тем более сегодня,— но их все не было. Еще он отчаянно проголодался, хотелось пить, а слезть на пол он по-прежнему не решался. Однако страшнее всего было сознание того, что что-то случилось. Нет, не зряшные детские кошмары — что они его бросили, что их переехал трамвай, что их зарезали урки,— которых боишься, но отдаешь себе отчет, что сам придумал, а гнетущее здравое понимание: да, с л у ч и л о с ь.

Он заревел басовитым и громким ревом, которым дети отгоняют страх и дают знать о себе. Ревел долго. И умолк, лишь заслышав, как знакомо заворочался ключ в замке.

Родители раздевались в прихожей.

Он подтянул к щеке диванную подушку и притворился, будто спит, заждавшись,— им в отместку. А сам подсматривал сквозь неплотно смеженные ресницы и чутко слушал.

Зажегся свет, и первое, что он увидел,— они пришли без подарка, с пустыми руками. Более того, они лишь мельком взглянули на него, сиротливо забывшегося в уголок тахты, спящего одетым, и, кажется, даже удивлялись тем, что он спит и не станет докучать вопросами и просьбами.

Мать опустила на стул, подперла кулаком висок — она была бледна, глаза отрешенно блуждали. Отец стоял, прислонившись к стене, курил папиросу, заволакиваясь дымом, лицо его было серым, как пепел. «Как же так? — проговорила мать.— Как же так?..» Отец ничего не ответил.

Утром, шагая в детсад, Алеша увидел, как дворник, взобравшись на стремянку, вывешивает у ворот траурный флаг — красный с широкой черной каймой. «Дяденька,— спросил он,— а кто умер?» «Кирова убили,— отозвался дворник, не погнушавшись возрастом прохожего.— Прямо в Смольном, во как».

Через день близко к полуночи он стоял вместе с матерью на площади Восстания. Промозглый ветер — от Невы к Неве — несся по проспекту 25-го Октября. Впереди была шеренга красноармейцев, на винтовках, взятых к ноге, поблескивали трехгранные штыки. Позади них стояли рабочие, держа в руках факелы с мятущимся пламенем и угарным смоляным дымом. А за ними вдоль тротуаров плотно толпился народ.

Лучи прожекторов ходили по черному зимнему небу, обшаривая летящие облака, а порой они падали косо на стены домов, и тогда вспыхивали оконные стекла, высвечивались прильнувшие к ним людские плоские лица.

Приблизилась музыка оркестра, с надрывными скорбными паузами игравшего «Вы жертвою пали...». Мать подняла его на руки.

Несли венки из живых цветов, не увядших, а заледенелых, намертво схваченных стужей. Вороньи кони в белой сбруе тянули пушечный лафет, на нем был гроб. Далее шли понурые люди, кого-то держали под руки, а там двигалась несметная толпа, и в ней, знал Алеша, был отец.

Слева, у Знаменской церкви, он увидел ряды лобастых танков и броневинов в пупырчатой знобкой броне, они тоже были в карауле, как и бойцы с винтовками. Красный ковер утекал в глубь распахнутых дверей вокзала, а над входом почти во весь фасад был портрет человека в косоворотке с застегнутыми до подбородка пуговицами. Еще выше, на башне вокзала, стрелки часов почти сомкнулись у двенадцати...

Когда гроб сняли с лафета и на руках понесли к перрону, прожекторы сникли, погасли враз, еще на мгновение оставив след в глазах. И будто на смену им отовсюду, со всех заводских окраин и со всех станционных путей заголосили, возопили протяжные гудки.

Кирова увезли хоронить в Москву.

С тех пор каждый день рождения Алексея Рыжова — до войны, и в войну, и доселе, — 1 декабря, во всех газетах появлялась эта фотография: молоджавое открытое лицо, темно-русые волосы, решительно откиннутые к затылку, губы, тронутые улыбкой, и глаза, таящие скорбь предчувствия.

Осенние дожди исхлестали город, промочили его насквозь. Отсырел даже кирпич, не говоря уж о потекшей известью штукатурке. Но в основном город был сложен из дерева, сплошное дерево — так вот это дерево до сердцевины напиталось влагой, разбухло от нее, и если б у кого хватило силы взять бревно за два конца и скрутить его, отжать, как полотенце, то из него бы так и полилось. Даже живые деревья, сбросив листву, исказились и поникли, отяжелели от воды.

Притом не было никаких бурных ливней, какие бывают на юге — хлынут, на шумят и уйдут, — а долгие недели подряд, ни на час не унимаясь, днем и ночью текли занудные, безысходные, ровные дожди. Вода скатывалась с дощатых крыш, уже не находя ни лазейки, ни трещинки, которые не были бы и без того полны. Торцы мостовых и плахи уличных тротуаров размякли, как мочало, едва ступишь — струйка цыкнет из-под ноги...

Затем ударил внезапный ночной мороз — и все враз застыло. Так же насквозь, как было полно водой, — так же насквозь дерево прониклось льдом, отвердело тверже камня, стало звонким и потеряло запах.

Поверх льда легли пушистые и легкие, чистые декабрьские снега.

Алексей шагал натоптанной тропинкой, снежок хорошо повизгивал под пятой его добротных и щегольских бурок ворсистого белого фетра, посаженных на кожаную подошву и отделанных кожей поверху, даже швы оторочены кожей. Он шагал вверх по улице, туда, где сверкал премьерными огнями театр, в том же здании была и филармония.

Мимо пронеслась, неслышно шелестя шинами по снегу, черная «эмка» — туда же, к огням.

Алексей не мог разглядеть, кто там в ней сидел рядом с шофером: в машине было темно, лишь ответ приборной доски да свечение фонарей снаружи, и не скажешь, что он уже знал наперечет

все местное начальство, однако не было сомнений в том, что начальство. И вовсе даже не из-за самой машины. Пусть он не разглядел лица, но он успел заметить, как и во что был одет сидящий рядом с шофером человек, и этого было вполне достаточно. На нем было пальто черного сукна, с черным каракулевым воротником и шапка-ушанка нежного золотистого пыжика. Ног он не видел, но мог биться об заклад, что тот человек обут в ладные бурки белого фетра, на кожаной подметке и сверху отделанные кожей, высокие бурки, много выше колен, и теплые голенища отогнуты книзу в несколько складок, наподобие ботфортов.

То есть на этом человеке были такие же удобные и роскошные бурки, как те, в которых сейчас шагал по морозцу Алексей Рыжов. И на нем, на Алексее, тоже было двубортное пальто черного сукна, с черным каракулевым воротником крутого и плотного завитка, подкладка на ватине, вся простегана. И на его голове была пыжиковая шапка, легкая, как перышко, но теплая, как брюхо заспавшегося на печи кота, чудо. Они с этим промчавшимся на «эмке» человеком были одеты совершенно одинаково, именно так, как подобает.

Когда Алексей вернулся с Печоры — на переломе осени к зиме, — бегать и дальше налегке, в пиджачке да кожаной куртке поверх, в кепочке, показалось ему не то чтобы слишком рискованным, однако несолидным. Он уж намеревался укорить Семена Ильича тем, что тот позабыл о своем обещании чин чином экипировать его, но Улитин, как всегда, не нуждался в напоминаниях — он вспомнил сам и в срок. Пригласил Алексея, в его присутствии позвонил в обком Полупанову, который в первые дни пребывания Рыжова в Городе-на-Реке дал ему талоны на питание в закрытой столовке, а теперь вот потребовались ордера на теплую верхнюю одежду. Ведь и промтовары пока еще продавались по карточкам, по ордерам, просто так, за голые деньги не купишь.

С этими ордерами Алексей явился прямо на склад.

Одноглазый кладовщик с пиратской черной перевязью наискосок лица, проверив печати и подписи, сделал широкий приглашающий жест: ходи, смотри, выбирай, примеряй... А сам сел на табуретку и следил за ним.

На вешалках, как в маршевом строю — шеренгами, рослые на правом фланге, коротышки на левом, и вереницами, уходя в глубину, подпирая друг друга грудью, — висели разномастные и разношерстные пальто. Он хотел уж было снять да прикинуть на себя пальто коричневого бобрлика, с коричневым же цигейковым воротником, но, оглянувшись случайно, прочел в единственном и четком, как винтовочный зрак, глазу кладовщика: холодно... холодно... Он тронул другое — серое, с косыми карманами, с поясом и пряжкой, с шалевым воротником серо-желтой окаянной волчьей шерсти, дьявольский шик, но опять обернулся и прочел: холодно... холодно... нет, не то ищешь, парень, не то щупаешь, дорогой товарищ... Но когда он просунул кулаки в рукава черного суконного пальто с черным каракулем и встряхнул его на себе, чтоб улеглось в плечах, всевидящий глаз подсказал и одобрил: тепло... тепло... вот это самое. Точно так же было и с шапкой. Когда он извлек из нахлобученных друг на дружку столбом каракулевых шапок черную ушанку, в масть и в лад воротнику, глаз кладовщика пренебрежительно померк: холодно... холодно... А когда он напялил на голову лихую кубанку белой смушки, глаз вообще осуждающе заострился. Но когда он возложил на темя золотистую игольчатую шапку, которая была так невесома, что показалось, будто он по-прежнему простоволос, только нежное, как дыханье, тепло коснулось макушки, лба и затылка, — тут кладовщик перестал его гипнотизировать, а кивнул, выражая безусловное одобрение: вот это — тепло. Потом повел туда, где обувка.

Уже на следующий день после того, как ударил мороз и легли снега, Алексей Рыжов убедился, насколько удачен его выбор. Редактор «Северной звезды» Улитин приехал на работу в черном пальто с каракулевым черным воротником, в пыжиковой шапке и белых бурках с отворотами. Такие же бурки, такое же пальто с черным каракулем, такая же шапка из пыжика оказались и на самом Полупанове — он садился в машину у обкома, а Рыжов проходил мимо и вежливо поздоровался, на что Евгений Логинович Полупанов приветливо кивнул Алексею, сразу опознав его в этом новом виде, в черном пальто, пыжиковой шапке и бурках, — словом, именно так были одеты все самые уважаемые и значительные люди в Городе-на-Реке.

И сейчас, бодро шагая по скрипучему искристому снегу в своих теплых бурках, Алексей не мог не вспомнить, как всего лишь полгода назад он шел по этой улице, тогда еще совсем ему незнакомой, — шел, с любопытством озираясь по сторонам, вертя по-птичьей шеей, шел как раз в этом направлении, в гору, к театру, как подсказала ему белобрысая дежурная в гостинице, шел належке и с легким карманом, где едва оставалось на обратный путь, шел в смутных надеждах и таких же смутных тревогах, не зная, что будет с ним завтра, а тем более послезавтра, — Алексей не сумел сдержать улыбки, вспомнив, кем он был, а кем стал.

Протискиваясь в середину ряда, он еще издали обнаружил, что его соседом будет Настоящий Станиславский — аккурат два незанятых сиденья маячили возле него. Алексей торкался в чужие колени, извиняясь попутно, раскланиваясь со знакомыми.

Хотя и не столь уж много знакомцев было тут у него, а все же были.

Двумя рядами впереди сидел Иван Демьянович Лапшин, председатель Комитета по делам искусств, с которым его познакомила Клара, когда они шли в Слободу, а он возвращался с огорода, тятка на плече, — Алексей вежливо поздоровался с ним, но тот, вероятно, не взглядел его как следует либо запомнил былую встречу и лишь неопределенно шевельнул в ответ плечами.

Зато другой его знакомый, директор Дома народного творчества Матвей Кузьмич Малафеев, сидевший на ряд позади, как только увидел Рыжова, пробирающегося к своему месту, заморгал ему навстречу белыми ресницами, и, отлепив зад от кресла, учтиво поклонился — Алексей ответил небрежно и милостиво.

Они обменялись рукопожатием со Станиславским.

— Разве Семен Ильич не придет? — справился тот, не пряча некоторого разочарования.

— Нет, не придет. У них ангина, — объяснил Алексей, имея в виду оба места. — Я за него.

Он уже догадался, что этот хитрец и проныра умышленно зафрахтовал себе местечко под самым боком редактора «Северной звезды», чтобы упрочить личный контакт, возникший в салоне парохода «Тютчев», чтобы присосаться понадежней и обеспечить себе хвалебные рецензии. Алексей решил намекнуть ему, что этот маневр угадан и разоблачен, и, кроме того, косвенно дать понять, в ком прежде всего надлежит ему, Станиславскому, заискивать.

— Писать об открытии сезона буду я, — как бы между прочим сообщил он. — Много не дадим, а строк сто — пожалуй. В номер.

— Но ведь... — сразу смешался и засуетился режиссер. — Но ведь вы, насколько я мог судить по газете — я читаю вашу газету, — вы, по-моему, увлечены совсем другой отраслью, этим... тяжелой индустрией.

— Прежде всего базис, — напомнил Алексей, — а потом уже разные надстройки, пристройки.

— Разумеется,— поспешил согласиться Настоящий Станиславский,— однако...

— Кроме того, моя основная специальность — культура,— осадил его Рыжов, имея в виду Библиотечный институт.— Культура. Кстати, каковы ваши... простите, я до сих пор не знаю вашего имени и отчества.

— Олег Васильевич.

Алексей вынул из кармана блокнот, потянул карандаш из пельки.

— Олег Васильевич, каковы ваши творческие планы?

Режиссер искательно и польщенно придвинулся к нему.

— Спасибо, мне дорог ваш интерес. Сейчас я репетирую «Нору» Ибсена.

— А-а,— улыбнулся Алексей,— норвега?

— Что?..

— Нет-нет. Я просто вспомнил: один норвег держит фирму... Впрочем, вам это ни к чему. Продолжайте.

— Вы совершенно правы. Ибсен — норвежский драматург. И действие его пьесы происходит на Севере... Понимаете, я думаю, что здешним северным зрителям будет близок колорит этой пьесы, *coeur locale*, как говорят французы. И характеры тоже... Вы согласны?

— Пожалуй, в этом что-то есть,— сказал Алексей, крючком торсуя в блокноте.— Вы впервые обращаетесь к Ибсену?

— Нет, я уже ставил «Нору». В Средней Азии.

Алексей озадаченно взглянул на него.

— Но ведь вы сами только что сказали — про Север?

— Безусловно. Однако это лишь место действия. А тема — раскрепощение женщины в семье и обществе. Там, в Средней Азии, эта тема еще весьма и весьма злободневна... Видите ли, классика вообще неоднозначна, она допускает множество прочтений.

Станиславский, вздохнув, наклонился доверительно к уху Алексея.

— Есть еще одна причина, я вам откроюсь. От меня ушла жена. Я очень любил ее, она была актрисой. Там, в Средней Азии. Она ушла к полковнику... Я все еще ношу в себе эту боль. Собственно, этим и вызван мой переезд сюда... Так вот, Нора тоже уходит от мужа, от Торвальда. И когда я репетирую эту пьесу, во мне происходит... ну, как бы вам объяснить...

Олег Васильевич сплел на весу пальцы, похрустел ими.

— Я все переживаю снова. И боль, представьте, вдруг становится сладостной — сладостью творчества! Черт, как ни горько в этом признаваться, художник всегда живет своей болью, даже к о р м и т с я собственной болью... Да.

Кончиком карандаша Алексей плел на листке блокнота рассеянные и ничего не значащие витки. У него впервые не вызвали раздражения речи этого самоуверенного и надменного человека. Он почувствовал неподдельную искренность в этих его речах, и смысл этих речей для него был нов. Ведь он не знал, чем живут и кормятся художники, он полагал, что они как боги.

Но тут пошел занавес.

Концерт открывал народный хор, и на сцене теснились, нависая ряд над рядом, женские торсы и головы, а позади и выше их зияли разинутые рты мужчин — первая песня шла без объявления, все ее знали наизусть.

Он сразу нашел в этих рядах лицо Клары: на нем была печать особого смирения и кротости; ведь она еще поет в общем хоре, наравне со всеми, не подавая своего голоса в отдельности, еще не настал черед выделиться,— эти смирение и кротость были прямо-таки написаны на ее лице, на застенчиво потупленных ресницах.

И Алексей принял ее игру: он тоже решил до поры до време-

ни не замечать ее среди других, будто он ее не знает вовсе, чтобы потом она ему явилась в полной и ошеломляющей неожиданности — словно впервые.

Он заскользил взглядом по рядам, фигурам, лицам, одеждам. И надо сказать, что эти одежды стоили внимания. Может быть, они стоили гораздо большего внимания, чем само пение. Даже он, лишь коснувшийся тайн фольклора, определил, что это не те костюмы, которые обычно шьют из всяких дешевеньких пестрядей, украшают копейными лентами, стеклярусом, елочной мишурой, — о нет, тут было совсем иное, настоящее, пожалуй что и впрямь из тех заветных сундуков, о которых, задыхаясь от волнения и немощи, рассказывал своим студентам профессор Шамшин.

Бархат и парча коротких душегрей с богатыми оплечьями и свисающими долу рукавами — не для рук, а для красоты, — были затканы тусклым, облагороженным веками золотом и серебром. меховые оторочки, где лисьи, где куньи, а где и собольи, уже проредились, потеряли искру, обнажили светлый подшерсток, но по-прежнему мягко ласкали взгляд. А жемчуг на девичьих кокошниках, на поднизках, свисающих к щекам, был сероватым, усталым, он уже не излучал свет, а лишь вбирал его в себя, но не было ему цены. Ни один наряд и ни один убор не повторял другой, и тем краше были они все подряд и в сборе, в многоцветье — обмирал дух...

Алексей вдруг учуял в себе помимо восхищения еще и запыленную жадность вроде той, что овладела им на промтоварном складе, куда он завалился с ордерами — бери что пожелаешь, хватай побольше да получше, то да се, на сейчас и впрок, — и он устыдился этого чувства, ведь он был не так воспитан.

Он переключился на созерцание лиц. Горластые мужики и дородные тетехи не представляли для него интереса, поэтому круг наблюдения сразу сузился: в нем остались лишь девичьи лица, а их было предостаточно. Причем разглядывал он их не в праздном любопытстве, а как надлежит глядеть ученому человеку.

Хотя все эти девушки были не просто из одного народного хора, но и одного народа и пели они теперь на своем родном языке родную песню — как несхожи были они меж собой!

Уже примелькавшиеся тут ему соломенная белобрысость кос, бровей, ресниц, мучнистая белизна щек, оплеснутых румянцем, контрастно соседствовали с вороненым отливом гладких и жестких волос, разбегающихся от лба, при смугловатой, туго натянутой коже и смуглых губах. Круглые, будто у кукол, голубые и синие глаза, а рядом узкий и косой разрез век, диковатый разбег бровей к вискам, но поди ж ты, вместо законного угольного сверканья в таком глазу в нем влажно ходит все та же озерная синь. Широкоскулые, плоские, как шаньги, лица с задорно вздернутыми носами — и тут же лики постного иконного письма с тонкими переносьями. Янтарные глубины карих глаз, кольца рыжих кудрей, выбившихся из-под начальников.

Это было не просто случайное несходство черт, различие человека от человека, рода от рода, но различие коренное — племени от племени.

«...еже зовут югра и печера, иде же живут чудь и самоедь...»

А где тут югра, где печера, где чудь, где самоедь, где пермь, где весь, где ямь, где зимь, где любовь?

В этом хоре лица были как знаки, как буквы и складывались в строки, бегущие то ли слева направо, то ли справа налево, то ли сверху вниз, то ли снизу вверх, и строка следовала за строкой — наверное, тут можно было прочесть удивительный сказ о временах незапамятных, о разоренных очагах, потревоженных колыбелях, затоптанных пепелищах, о дальних и маетных кочевьях, о распряж и **союзах**, о пролитой крови, о породнившейся крови, о недолгой

славе и долгом бесславые — все это можно было прочесть, однако никто не постиг начертаний этих букв, никто не додумался сопоставить их в слова и понять значенья, никто не сумел обнаружить начала и концы этих строк — никто, а ему зачем?..

Между тем народный хор во сто голосов дружно и согласно пел на своем родном языке родную песню.

— ...солистка Клара Истомина.

Алексей очнулся, вынырнул из тех бездн, куда завлекли его раздумья, проморгался.

Клара, покинув свой ряд, шла к авансцене мелким, еле улавливаемым под длинной юбкой шагком, глаза ее все еще были потуплены, а руки мяли кружевной платочек в смущении, подобающем юности. Но он догадался, что это было преднамеренной игрой, чтобы вызвать снисходительное умиление зала, а потом первыми же звуками ошеломить всех, кто тут был, весь этот зал повергнуть в изумление и трепет.

Ты явись, явись, алая заря, зорька светлая, денница ранняя...

Ей хватило этого запева, чтобы объявить свой голос — от самых низких нот, что доступны не женщинам, а дьяволицам, до звонких и чистых высей,— а дальше голос поплыл ровно, постепенно наполняя зал; в том и было необычное свойство этого голоса, его сила, что уже пропетые звуки не истаявали, не исчезали, а оставались витать в воздухе, приравливаясь к новым звукам и сливаясь с ними в одном ладу. Потому когда хор вошел с тихим припевом, то сперва показалось даже, что это не хор поет, а все та же одинокая девушка, стоящая впереди хора,— так богат и многозвучен был ее голос.

Станиславский, удивленно шевельнувшийся при первых звуках, теперь сидел окаменев, утвердив локоть на поручне кресла и уложив подбородок в ладонь.

Зал слушал, замерев, словно внимая чуду.

Да ведь это и было чудом, понял Алексей Рыжов. Тогда, на палубе «Тютчева», встречный ветер действительно срывал звуки с ее губ, не давая им мало-мальски расцвести, прозвучать, да еще и сам он запечатывал ее поющий рот поцелуями некстати, не ко времени, а вот сейчас ничто не мешало ей показать себя, какова.

Но поняв все это и осмыслив здраво, Алексей вдруг почувствовал, что в нем вопреки уму и разуму опять заворочалась досада: что она сейчас стоит там, на сцене, в такой недосыгаемости для него, и голос ее усугубляет эту недосыгаемость, и вся она до того далека и недоступна, что хоть сохни у ее ног...

И, как она ни была далека, он дотянулся и вертким движением руки сорвал с нее кокошник вместе с шелковым донцем, лентами, жемчужными поднизками, сорвал — и сразу обрушилась сколотая в узел коса, расплелась, рассыпалась. Столь же быстро он расправился с ее душегреей, просто скинул с плеч, благо руки в рукава не продеты, рукава валандаются, висят бесполезно, для одной лишь красоты. Ага, вот теперь и осталась ты в одном лишь сарафанишке до пят, еще под ним льняная сорочка, тесемочки завязаны на поющем горле, дерг за конец — и ворот ослаб, раскинулся, распахнулась шея, приоткрылась грудь... озверев от вождения и страсти, он стиснул одной рукой ее гибкую поясницу, а другой начал срывать с нее все оставшиеся тряпки, расшвыривать прочь, прочь...

Но тотчас отпрянул, отвалился к спинке кресла, еле сдерживая надломившееся дыхание, испугавшись: да что же это он творит, разве можно?.. Ведь эдак она сейчас предстанет перед залом совсем нагая — во всей пленительной, и нежной, и укромной своей наготы. Разве можно?.. Этого тем более нельзя допустить, что во всем зале, среди всех

этих людей, во всем этом богом забытом Городе-на-Реке никто, конечно, не знал, никто и не должен был знать о том, какая у них любовь.

Клара смолкла, допев, согнувшись в низком поклоне.

Зал громыхнул рукоплесканиями.

Алексей поспешил присоединиться к этим аплодисментам, чтобы занять свои слишком вольные руки, дать им доброе дело.

Настоящий Станиславский тоже отозвался парой вежливых хлопков узких и сухих своих ладоней.

— Неплохо,— сказал он,— даже больше того. Природные данные — я имею в виду голос — исключительные. Но над этим материалом работать и работать! — Он опять наклонился к уху соседа.— Послушайте, вы и в самом деле считаете, что ее не приняли в консерваторию из-за диктанта? Н-не верю...

— А из-за чего же?

Олег Васильевич помычал неопределенно.

— Там все гораздо сложнее... Ей нужно покровительство.

— Что? — напрягся Алексей.— Какое еще покровительство?

— Ну, протекция, если вам угодно.

— А почему... почему это мне должно быть угодно? — того пуще распалился Рыжов.— При чем здесь я?

— Вы здесь ни при чем, разумеется,— покосился на него не без лукавства Олег Васильевич.— Но тогда почему это вас так возмущает?

Занавес закрылся, поколыхался несколько мгновений, затихая, обвисая, пузырясь на сквозняке, и опять раздался в стороны.

Подмости, на которых громоздился хор, уже успели убрать, и теперь на сцене были расставлены полукругом ярко раскрашенные кубики и бочата. Для собачек, что ли?..

Заиграла музыка, крышки бочат и кубиков враз откинулись, из них выскочили маленькие мальчики в беретах с перьями, пажескими епанчами за спиной, в сапожках со шпорами и маленькие девочки с пышными бантами в волосах, в растопыренных куцах юбочках, лаковых туфельках. У маленьких мальчиков были морщинистые капризные лица, а у маленьких девочек были ядреные бюсты и сверкающие блестками ягодицы. Они, приветливо улыбаясь и размахивая руками, пошли навстречу публике, а из-за кулис стремительно вырвался рослый мужчина в черном цилиндре, во фраке с лоснящимися шелковыми лацканами и с такой же лоснящейся, откровенно испитой рожей, в руке трость с набалдашником.

— Лилипуты, цирк...— горестно искривил губы Настоящий Станиславский.— Еще цыган не хватает, эй, чавалз... Все-таки провинция есть провинция. Пещерность! Боюсь, что мою «Нору» на афишах прочтут как «Норá», уже случалось.

— Ничего, зато публика повалит,— ободрил его Алексей.— Полагают, что детектив, все билеты раскупят мигом.

Олег Васильевич хмыкнул, оценив шутку.

— Разве что... А почему вас так раздражили мои слова об этой Истоминой?

— Не в Истоминой дело, а в самих словах,— уже спокойней объяснил Алексей.— Слова какие-то старорежимные: покровительство, протекция... тьфу.

— А как же это теперь называется? Просветите, если не секрет.

— Ну, блат.

— Блат? Так ведь это еще хуже. И само слово хуже, и то, что оно обозначает, хуже.

Режиссер громко рассмеялся.

Сидевший двумя рядами впереди Иван Дмитриевич Лапшин, председатель Комитета по делам искусств, пошевелил плечами, обернувшись, посмотрел в неудовольствии.

И тут надо воздать должное Станиславскому: он не стал делать вид, что это не он, а кто-нибудь из его соседей, нет, он тотчас пови-

нился, приложил руку к сердцу, покаянно опустил голову, уронив седые пряди, а повинную голову меч не сечет.

В перерыве Алексей направился напрямик за кулисы. Там вахтерша пыталась преградить ему путь, но спасовала перед красной книжечкой с оттиском «Северная звезда», пустила.

На площадке с кирпичными голыми стенами, у лестницы, крутыми коленами уходящей вверх, скользили степенными парами, пара встреч паре, девушки в жемчужных кокошниках и парчовых душегреях, будто на гулянье, будто бы в напрасном ожидании ленивых, заспавшихся кавалеров — ан нет, вот один молодец явился, да и тот без гармошки.

Наверное, хору еще предстояло петь в финале концерта, потому и не раздевались, не снимали с лиц помаду и румяна.

— Пожалуйста, позовите Клару Истомину,— тихо попросил Алексей одну из девушек, добавил на всякий случай: — Я из газеты.

Попросил одну и тихо, а услышали все, окружили его, заверещали наперебой:

— Истому? Опять про нее...

— А нам, выходит, ноль внимания от советской печати?

— Может, мы еще голосистей!

— И что у ней, у Клары, такое есть, чего у нас нету?

Зашлись в звонком хохоте, сами себя рассмешили.

Алексей вспомнил девчат с Белоборской запы, вот так же взявших его в оборот, когда он появился там, на сортировке, у кошелей, со своим блокнотом. Были они так же любопытны, так же бойки и задиристы, так же остры на глаз и словцо. Ему даже показалось, что это и есть те самые сплавщицы, только зима сняла с них загар, только побросали они свои багры, поснимали ситцевые косынки и выгоревшие майки, а вместо них надели вот эти кокошники и душегреи. При этом он еще подумал, что, наверное, не так уж далек от истины: ведь ясно, что большинство этих девчат наверховали в народный хор отовсюду, как вербуют на сплав, насобирали из заводских и сельских клубов, с бору да с сосенки, откуда же еще им взяться.

— А может быть, у вас к нашей Кларе личный интерес, а не общественный?

— Может, вовсе и не из газеты, проверить надо...

— Хватайте его, девчата, сейчас проверим!

Они еще рядились с ним, насмешки строили, но одна уже, дробно стукоча каблуками, взбегала по ступенькам.

А еще спустя минуту, повинувшись законам девичьей круговой поруки, все они враз исчезли, растворились в кирпичных и суконных закоулках коридоров и кулис.

На опустевшей гулкой лестнице раздался приближающийся неторопливый и достойный стук сапожек, появилась Клара.

Она увидела его и не очень, похоже, удивилась, что это именно он, Алексей Рыжов, а не кто другой. Но не бросилась, не скатилась опретью в его объятия, а напротив: остановилась на площадке, на стыке двух маршей, даже облокотилась на перильца, давая ему понять, что отнюдь не намерена спускаться ниже.

Как и товарки, она не переделась в обычное — значит, ей тоже еще предстояло петь. Грудь ее заметно, рывками, вздымалась и опускалась: то ли ее все-таки взволновала эта встреча (ведь сколько не видалась, неделю, две!), то ли она еще не остыла от своего сольного выступления, от своего успеха, от аплодисментов зала — конечно, как не ошалеть от таких восторгов.

— Здравствуй, Клара.

— Здравствуйте,— ответила она вежливо, но холодно. И чтобы он не вообразил, что ослышался, продолжила тем же тоном и под-

черкнуто на «вы»: — С днем рождения вас, Алексей Николаевич, хоть и с прошедшим, но все же... долго-счастливо живите.

— Спасибо на добром слове.— Алексей перегнулся в поясе и кистью руки, как метелочкой, обмел кожаные носы своих бурок.

Он принял ее игру. Он понял, что она играет перед ним, разыгрывает сцену, и решил поддержать это представление.

А ведь и впрямь все кругом располагало к такой игре, соответствовало как нарочно.

Клара возвышалась над ним на площадке лестницы, как на крыльце богатого дома, и он успел сообразить, что такие высокие крыльца сооружали встарь не только для того, чтобы снежные сугробы, наметенные за долгую зиму, не могли, взгромоздясь, припереть дверь, но и для того, чтобы человек, явившийся под это крыльцо христарадничать, просить хлебушка либо чего иного, знал свое место — внизу, внизу, — чтоб стоял там, жалобно воздев очи, теребя на груди шапку, вот для этого.

Но у Алексея не было в руках шапки, он оставил свою пыжиковую шапку и свое новое зимнее пальто с черным каракулем в гардеробе, только номерок был в кармане, подтверждающий, что у него есть.

А она, Клара Истомина, стояла на этом высоченном крыльце не в чем-нибудь, а в настоящей, из заветных сундуков, драгоценной, шитой золотом и серебром парчовой душегрее на меху, а на голове у нее мерцал полумесяцем кокошник, и нитки жемчуга свисали холодными сосульями к разгоряченному от волнения или гнева щекам, — и было вполне наглядно, кто тут знатней, кто важней, кому просить, а кому давать. Или же не давать, был тут и такой по-таенный смысл.

— Клара, надо бы нам повидаться, — сказал Алексей, отмечая всю эту никчемную и уже надоевшую игру, сказал вразумительно и по делу: — Я после концерта дождусь?

— Нет, — покачала она головой, и жемчужные поднизки закачались, шелестя. — Ни к чему это. Как-нибудь переможетесь. И мы, бог даст, не помрем.

— Но я уезжаю, понимаешь?

— Слыхали. Что ж, добрый путь.

— Клара, — уже всерьез обеспокоился он, — надо поговорить... Что ты, право?

Она улыбнулась ему.

— Какие разговоры... Вы еще сами тут, а сердечко-то, поди, уже и в Москве? Или в Ленинграде?.. Что ж, мы в Москве тоже побывали, москвичек ваших повидали. Хулить не станем — королевы. Шляпки на них фик-фок на один бок, не то что мы, как старушки, в повойничках... А разговаривают как бойко: та-та-та да та-та-та... не то что мы, кулемы: то-то-то да то-то-то...

В глубине кирпичных коридоров, в лабиринте пыльных сукон и холстин требовательно заверещал звонок, перерыв кончался.

— Пора мне, — озабоченно сказала Клара. — Прощайте. Не поминайте лихом.

— Да ты что?.. — совершенно опешил Алексей. — Будто бы навсегда. Я ведь скоро вернусь, очень скоро. Только сдам экзамены — и обратно...

— А это уж как вам заблагорассудится: захотите — вернетесь, а нет — и нет... Вы птица вольная: куда захотите, туда и полетите. Кто вам указ?

— Но ведь ты... — Он все еще надеялся перевести этот странный разговор в шутку. — Помнишь, ты говорила, что можешь вызвать человека — где он ни будь, а все равно услышит. Вот ты меня и вызови. Найди и позови, чтобы я услышал, а? Я потом расскажу тебе, честное слово, слышно было или нет...

Но похоже, что для Клары эти его лукавые слова не были неожиданностью, она была готова к ним. Уголки ее губ опять дрогнули в улыбке, и она ответила так:

— А вот насчет этого мы еще подумаем — звать вас или нет.

Она бережно подобрала цветастый подол сарафана, откинула чуть вбок, чтоб не наступить да и самой не оступиться, и мерным цокающим шагом взошла по ступенькам лестницы, исчезнув с глаз.

11

На Ярославском вокзале, когда он сошел с поезда, царила суматоха.

То есть он и не видал еще таких вокзалов, где бы не было суматошно в урочные часы, а уж тут, на Ярославском, где поминутно прибытия-убытия, где за семафором — вся Россия, Север, и Сибирь, и Дальний Восток, тут всегда кипит и плещет через край.

Сначала он обрадовался этой знакомой круговерти, но тотчас уловил в ней какое-то особое смятение.

И на Комсомольской площади, где окна трех вокзалов пытались развеселить светом рано сгустившуюся мглу декабрьского вечера, где волглый пар катился из дверей и оседал на трамвайных перепутьях, — и здесь была суета всполощенного муравейника: не обычное деловое копошенье, когда всяк муравей знает свой путь и свою заботу, а суета тревожная, будто кто-то сунул в муравейник палку, пронзил насквозь, смешав заведенный порядок.

Алексей различил все же, что люди ведут себя не одинаково. Словно одни еще хотят поспеть на свой поезд, вскочить в вагон, когда он уже тронулся, а другие просто смирились с тем, что опоздали, что поезд ушел. Одни носятся как угорелые с выкаченными глазами, будто ищут вчерашний день и еще тешат себя надеждой отыскать его, вернуть, а другие — те медленно бредут как во сне, осознав, что потерянного не вернешь, пропади оно пропадом, душе легче, и от этого сознания вид у них гордый.

На стоянке он влез в такси, черный с белыми шашечками «ЗИМ», распорядился:

— Денисовский переулок, через Разгуляй.

— Это близко, — сказал таксист. — А пешком еще ближе.

Алексей и сам знал, что пешего хода здесь чуть, сколько раз бегал налегке, но сейчас он был с поезда и с чемоданом, а кроме того, ему хотелось подкатить к дому барином, чтоб видели из окон, жаль, что темно.

— Это близко, — повторил таксист, выруливая под эстакадой. — А тут до тебя один сел ко мне и давай мотать по Садовому кольцу вкруговую, пожалуй что витков шесть. Гонял-гонял, мотал-мотал, пока весь кошелек до копыя не проездил, и хоть бы раз в окошко глянул — нет...

— Ну и что?

— Да ничего. Сел — и по кольцу, лишь бы деньги сбыть, избавиться от них, во как!

Алексей догадался, что это, наверное, анекдот, байка, но он не понимал, какой в этой байке смысла, какая в ней мораль.

— А вам-то что? — отозвался он раздраженно и высокомерно. — Вам какая разница?

— Нам, конечно, без разницы, — поспешил согласиться шофер и дальше смолк, а ведь было видно, что так и тянет его на откровенную беседу.

Еще накануне в поезде Алексей почувствовал сгущенность атмосферы и странность в людях, особенно в тех, что подсаживались в дороге. Пили водку — много и жадно, им уже и в глотку не лезло, а на каждой станции все равно кидались в ресторан или буфет, на-

бирали бутылок, тухловатой снеди, возвращались в вагон и опять пили-ели, уминали с трудом и натугой и вновь бежали за добавком. А иные тоже скупали что ни попадя, все подряд в станционных лавках и на базарных столах, но не употребляли тотчас, а складывали в корзины и мешки, в запас, хотя это и был товар нестойкий, распродававшийся с такой же отчаянной торопливостью.

Бородатый мужик, севший в Коноше, повадился ходить из отсека в отсек, по открытым купе жесткого вагона, тыча бороду повсюду, высматривая, что у людей за багаж на полках и в ногах, что на них надето, что обуто, словно собирался грабить поезд на глухом перегоне и заранее намечал, что подороже, но не грабил, а предлагал цену.

Заметил Алексеевы фетровые бурки с отворотами, выманил пальцем в коридорчик, а оттуда в тамбур — Алексей захолодел, вдруг вынет нож да пырнет, — но тот лишь достал из-за пазухи плотный свиток банковских больших купюр, отлистал четыре, протянул — держи, мол, знай нашу щедрость, — Алексей послал его подалее, повернулся уйти, но тот удержал его за плечо, добавил три бумаги, Алексей не остался в долгу, тоже добавил к сказанному еще пару слов, ведь за словом в карман не лезть, но тот не обиделся, прилистал еще две, а это было уже много, впятеро против магазинной цены, размахнулся мужик, очень уж ему понравились бурки, Алексей, разозлясь, послал его совсем далеко, но тот не оскорбился, пренебрег, стал приценяться к пыжиковой шапке... С торговлей мужику не везло, пока за Вожегой не забралась в вагон бабка с шелестящими пахучими ворохами березовых хлестких сухих веников, везла на рынок в Вологду; мужик спросил, почем будет продавать, бабка сказала, что по деньгам, но не меньше чем будет стоять цена, а прикидывает она так и так за штуку, мужик поторговался с нею для виду, но оплатил сполна, как запрашивала, честно, поштучно, без скидки на опт, отсчитал ей деньги, и на ближайшем полустанке бабка слезла, крестясь, бормоча благодарности, дивясь своей удаче.

Конечно, и все остальные пассажиры, которые не занимались куплей-продажей, за всем тем учуяли неладное, подобрались в настороженном испуге, но недавний опыт подсказывал, что главное — не поддаваться панике, не суетиться, свое держать при себе, ждать, пока сообщат и укажут, а слухам не верить и тем паче самим не болтать лишнего, болтун — находка для шпиона.

При таких обстоятельствах поезд достиг Москвы 14 декабря 1947 года.

Оскальзываясь на заледенелом спуске, «ЗИМ» пересек Разгуляй и взял направо, в Денисовский переулок, притормозил у двухэтажного кирпичного дома, который весьма забавно старался возвыситься над своими двухэтажными же соседями, для чего был снабжен угловой башенкой со шпилем.

Таксист, отсчитывая сдачу, напомнил все-таки:

— А тот, значит, кореш сел — и давай по Садовому кольцу вкруговую... Эх!

Дверь отворила тетка, тетя Надя. Всплеснула руками, оглядев его с головы до ног:

— Алеша, ты ли это? Не узнать... Как ты повзрослел, возмужал. И усы — полярник да и только!

— Здравствуй, тетушка. — Он поцеловал ее в щеку.

Разделся в общей прихожей коммунальной квартиры — тут все были свои, жили не таясь, не опасаясь, в доверии и согласии.

А в комнате ее была теплынь, теснота обители старой девы, пышная ее постель и ковровая тахта, на которой спал он, на столике у окна раздолбанная пишущая машинка «Ремингтон» с заправлен-

ным листом бумаги, а под абажуром с кистями, точно уместаясь в круге света, обеденный круглый стол.

— Чаю хочешь?

— О, давай... Вот по чему я соскучился, тетка, по твоему чаю! — намеренно подчеркнул он, зная, как она ценит свой секрет заварки из трех сортов и цветка жасмина (где только добывала в эти годы?), но чай был упоительным и сильным, бодрым, он и впрямь соскучился по нему, пробавляясь полгода столовским пойлом.

Домовито повесил на спинку стула свой верблюжий пиджак, вынул из карманов красную книжечку с серебряным тиснением и пухлый бумажник, папиросы да спички, стянул с запястья часы, все сложил горкой под правую руку — небрежно и напоказ.

Тетка внесла пышущий паром чайник, загремела чашками в буфете, поставила сахарницу — и он не сдержал улыбки при виде старой знакомой: ведь именно из этой сахарницы он воровал куски и сбывал их у булочной на Разгуляе для своих кавалерских надобностей, смех и грех, а ведь было.

Она уселась напротив, сама не пила и все разглядывала его пристрасно и подробно.

— Ты стал такой... значительный. Сразу видно, что себя нашел и перед людьми не робеешь. А уезжал совсем мальчишкой... Да, теперь ты похож на Николая, на отца. Он поражал всех именно этим смолоду еще: простой матрос, а личность... Ты в меньшей степени, но ты еще будешь.

Алексей прихлебывал чай, слушал, не подымая глаз.

Он ведь знал, что более всех была покорена этим — что простой матрос, а личность — сама Наденька Клеймихина, дочь карантинного врача Андрея Петровича, умершего в холерной вспышке, самостоятельная барышня с курсов стенографии. Она без памяти влюбилась в матроса с «Гангута», речистого революционера, храбреца. Дело шло к женитьбе, во всяком случае так полагали кронштадтские кумушки и спорили, поведет ли большевик свою невесту под венец. Как вдруг все сломалось. Комиссар Рыжов был срочно затребован в Питер, а вместе с ним, какой ужас, уехала младшая из сестер Клеймихиных, Любаша, служившая после гимназии в Морской библиотеке. Надежда Андреевна, не вынеся такого вероломства, тоже покинула Кронштадт, отправилась в Москву искать утешения, по-видимому не нашла, но устроилась там на работу в секретариат самого Бонч-Бруевича.

Алексей никогда не пытался проникнуть в эту семейную тайну — что и как произошло тогда, — однако его забавляла мысль о том, что он мог быть не племянником тети Нади, а ее сыном, но в таком случае была ли гарантия, что он родился бы самим собой, что он был бы он?

— Ты теперь куришь? Пожалуйста, кури, мне даже нравится... Скажи, Алеша, ты вернулся насовсем или еще поедешь в свою Арктику?... Да, а где ты узнал об э т о м? В дороге?

Она поставила слишком много вопросов сразу — попробуй ответь односложно, — но последнего ее вопроса он даже не понял.

— Узнал? О чем?

Тетка изумленно округлила глаза, скосила их на его толстый бумажник.

— Как? Ты не знаешь? Ты еще ничего не знаешь?

— Я трое суток ехал в поезде. Я ничего не знаю, — жестковато отрубил он. — В чем дело?

— Но ведь реформа, денежная реформа! Карточки отменили, а деньги — один к десяти, то есть десять к одному...

— Где газета? — Он высматривал вокруг.

— В газетах еще ничего не было, наверное, завтра будет. А се-

годня в шесть вечера передали по радио... Погоди, может быть, сейчас повторяют?

Она подбежала к ящичку на стене, повернула регулятор.

— ...количество денег, находящихся в обращении, значительно увеличилось, как и во всех государствах, участвовавших в войне... Знакомый голос диктора был так же внушителен и тверд, как в те поры, когда перечислял взятые города.— В то же время сократилось производство товаров, предназначенных для продажи населению... покупательная сила денег понизилась...

— А многие знали еще вчера, позавчера,— зашептала на ухо тетка.— Ты бы видел, как они исхитрялись...

Он поднял строгий палец, останавливая ее. К тому же он видел — в поезде. Но только сейчас понял.

— ...Обмен наличных денег на новые ввиду указанных ограничений затронет почти все слои населения. Однако этот порядок обмена ударит прежде всего по спекулятивным элементам, накопившим крупные запасы денег и держащим их в кубышках...

Бородатый мужик, шныряющий по вагону, опять возник в памяти. Он коварно выманивал его в холодный тамбур, доставал из-за пазухи плотный свиток купюр и, поплеывая на дрожащие пальцы, отлистывал бумагу за бумагой.

Внезапная радость пронзила Алексея: он понял, что бородатый остался ни с чем — с кучей замусоленных обесцененных денег и ворохами березовых банных веников, ну попарься на радостях... Ведь это про него говорят сейчас, это его, спекулянта, схватили за глотку. Значит, все правильно.

И еще одного человека он представил себе в этот момент, хотя никогда его не видел: недокулаченного кулака Игната Огузова, папаню Степана, разбогатевшего на живице, сочных слезах. А вдруг... вдруг это он и был, бородатый мужик в поезде, приценивавшийся к одеждам живых людей, предлагавший цену, чтобы пустить их по миру босыми и голыми? Ведь они проезжали как раз мимо тех мест, о которых говорил Степан...

Чувство утоленной справедливости было столь сладким, что Алексей уже вполуха слушал дальнейшее.

— ...при проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более что это будет последняя жертва...

Пусть так, он согласен. Хотя он еще и не успел сообразить, что же именно, какая жертва, тем более последняя, нужна от него лично.

— Ты можешь себе представить, Алеша? У меня на сберкнижке полторы тысячи на крайний случай...— опять вклинилась тетка, собиравшая посуду.— И вот позавчера Полина Аркадьевна, соседка, ты знаешь,— она указала на стену,— говорит мне: быстрее снимайте — пропадет, спишут все подчистую, я, говорит, уже все до копейки сняла и счет закрыла... Но я не поверила, не пошла. И вот результат: мои деньги в сберкассе теперь останутся целы — рубль за рубль, по номиналу, потому что сумма небольшая. А у Полины Аркадьевны теперь все сгорело на руках — пшик остался дым...— Она засмеялась и с некоторым усилием вернула лицу озабоченное выражение.— Мне так ее жалко. И вот еще послушай...

— Я спать хочу, тетушка,— честно признался он.— Трое суток ехал в поезде без места, такой достался вагон. Глаз не сомкнул.

Она застелила ему тахту, взбила подушки, погасила свет.

Наутро Алексей собрался было ехать в институт на Левобережную. По пути у Разгуляя завернул в сберкассе. К окошку тянулся хвост, и он с легкой усмешечкой наблюдал за теми, кто в напряжен-

ной тревоге ждал своей очереди, и за теми, кто отходил от окошка: одни в просветлении, успокоенные и благостные, некоторые даже крестясь украдкой — это те, у кого было мало; другие в обиде, но и в мрачной решимости наверстать — это те, кто середина на половину; а третьи еле отваливались и брели к дверям вспотычку, с помутившимся взглядом, с каким в представлении Алексея отходят от игорного стола в Монте-Карло, чтобы за дверью пустить себе пулю в лоб...

Все это было настолько интересно, что он даже не заметил, как сам оказался у окошка.

Вытряхнул на кон из бумажника, из карманов все, что имел (сразу ощутил на себе чужие въедливые взгляды, понял, что сам теперь в центре внимания), а ему взамен быстро отсчитали стопочку розовых, непорочных, нецелованных, даже не хрустких еще от новизны десяток да столбик сияющих гривенников. «Следующий!»

Он выскочил обратно на улицу, прикидывая в уме, что же у него на руках: остался он богат или остался совсем беден? Но это невозможно было представить себе реально, въяве до тех пор, пока он не узнает, что можно купить на эти новые деньги, что почем.

Добежав до трамвая, сел и поехал к Пушкинской площади — в главный гастроном, номер один, в бывший Елисейский.

Его чертоги сияли золотом. Люстры под высоченным потолком походили на фейерверк праздничного салюта — вот только что разорвалось да так и застыло россыпью огней. Зеркала, подобно окнам, отражали эти вспышки. А счетверенные колонны, подпирающие своды, казались орудийными стволами, из которых сейчас снова ударит ликующий гром... восемнадцать... девятнадцать... двадцать... Пожалуй, несколько противоречили общему торжественному стилю торчащие там и сям вазы вроде скорбных урн, оплетенные никлыми стеблями нарциссов и кувшинок, вся эта декадентщина конца—начала века, весь этот томный модернизм.

Да и никто не разглядывал эти лепнины и позолоту, не дивился зряшной красоте.

Плотная, не продохнуть, толпа шарахалась от прилавка к прилавку, грозя раздавить гнутые стекла, сокрушить искусно выложенные витрины. Но почтительное любопытство удерживало этот напор буквально на волоске, на грани — и дальше уже обшаривали глазами, шевелили ноздрями.

— Неужто все за так?

— Да не за так, а за деньги!

— Нет, я в смысле, что без карточек — свободно.

— Свободно, конечно, — плати, бери...

Ахали дружно и восторженно:

— Пшено какое чистое!

— Макароны хороши, в ребрышко, как до войны... Еще дитем помню.

— Сахар-то пиленый, а кусковой все же слаще...

— Вот жизнь пришла! И помирать не надо.

— Слава богу!

— Да не богу, а партии и правительству!

Алексей Рыжов не менее других любопытно, подробно и жадно рассматривал витрины, но успевал при этом попутно и приблизительно в уме прикинуть, что бы он смог сейчас купить на те новые деньги, которые выдали ему в сберкассе после пересчета десять к одному, на те, что лежали сейчас в его бумажнике, — и по мере движения вдоль прилавков, по мере этих соображений он чувствовал, как душа его опускается в пятки, как липкий холодный пот склеивает волосы под его пыжиковой шапкой, как ноги слабнут в коленках.

Не то чтобы все тут было слишком дорого — нет, все тут было и не слишком дорого и не слишком дешево, а вполне нормально, от-

того и радовались люди,— но вот денек у него, как оказалось на поверку, не было, почти ничего не было, шиш с копейкой.

Он уезжал из Города-на-Реке солидным, состоятельным, даже в известной степени богатым человеком, а приехал в Москву пустым, будто его обчистили в поезде.

Он вошел в этот Елисеевский гастроном, еще чувствуя себя принцем, а вышел нищим.

У него оставалось во всей совокупности чуть более студенческой стипендии, на которую он куковал прошлую зиму, а ведь ему и мать высылала, и еще он приворовывал из теткиной сахарницы,— но кто теперь станет покупать из его протянутой ладони эти жалкие кусочки возле булочной у Разгуляя, если сахара теперь повсюду полным-полно без карточек, плати-бери...

Нет, ехать нынче в институт не имело смысла. Он мечтал заявиться туда в ином настроении, в ином виде: преуспевающий журналист, полярник, кум королю. Ему не хотелось являться туда тем, кем он снова сделался в одночасье: бедным студентом.

Алексей свернул за угол и побрел домой кружным, дальним путем, бульварами, сперва под уклон, Страстным. Надо было хоть отдышаться на морозце, распрямить согбенную спину, пошире раздвинуть ребра.

Мимо, названивая лихо, вроде касс в Елисеевском, будто бы нарочно его дразня, пронесся трамвай «аннушка». Ничего-ничего, звени, поглядим, как ты взвоешь на Трубной, как заскрежешь, карабаясь на отвесный монастырский подъем у Рождественки, у Сретенки, как застонешь — ох тяжело, круто...

Тяжело, круто.

Но все-таки надо разобраться здраво: что же произошло, где он сам дал маху, где глупо обмишулился, как мог предотвратить случившееся бедствие? А никак, никак не мог. Другие не смогли, а уж он и подавно... Правда, тетушка вон бахвалится, что убереглась: небольшие суммы на сберкнижках пересчитали один к одному. Значит, и ему, угадай он заранее, следовало разложить свой капитал на несколько счетов по самой малости... Где? В Городе-на-Реке? Но ведь он уезжал оттуда, уезжал в Москву. Как ему было отправляться в столь дальний путь и на столь долгий срок, может быть даже насовсем, и без денег? Одна дорога во что обошлась. Не на подножке ведь было ехать, не пешком топать — с котелком по шпалам.

А потом, когда уже почуял неладное, что ему было предпринять: скупать у вагонных старух березовые веники? Или гонять такси по Садовому кольцу вкруговую, пока шуршит в кармане? Что за чушь.

Винить себя было не в чем. Он не мог оставить деньги там, в Городе-на-Реке. Он все увез с собой и поступил мудро. Ведь и впрямь еще неизвестно, вернется ли он туда, захочет ли. Тем более теперь... А ведь и там кое-кто откровенно сомневался, что он, уехав, возвратится. Клара Истомина — вон как сурово повела она с ним последний разговор, как ушла безоглядно и гордо... А Семен Ильич Улитин, редактор «Северной звезды», каким он тоном вначале сказал ему: «Стало быть, уезжаешь?» — а уж потом... Что было потом?

Стоп.

А что было потом?.. Вот где, кажется, подспуд его уныния, вот что томит его душу ощущением личной опрометчивости, вины, ошибки, глупости — не чьей-нибудь, не посторонней, не судьбинной, а своей собственной... Да-да, так и есть!

Аванс — три тысячи. В счет будущих намолотов. Но ведь он отказывался, не хотел брать, заверял, что у него и так вполне достаточно. А Улитин поучал: «Совет на всю жизнь — никогда не отказывайся от денег, дают — бери...» И позвонил тотчас в бухгалтерию

Анне Сергеевне, чтобы дали. И, наверно, она его остерегала: мол, ходят слухи. Потому что Улитин на это ответил едко: «Я слухам не верю, мне ТАСС на стол кладут...»

Ему, Алексею Рыжову, почти силком навязали эти деньги. Три тысячи, которые он теперь оставался должен редакции. Притом отдавать их надо не теми старыми деньгами, что ему выдали, а новыми, нынешними, которых у него нет как нет. И хотя эти три тысячи превратились в пшик, в триста рублей, отдавать придется все три тысячи... Вот как его нагрели. Неужели нарочно?

Он поскользнулся на ровном месте, на ледяной дорожке, припущенной снегом, сел на задницу. Вот так. Огляделся, вставая: впереди был Земляной вал, он уже перебрался с Бульварного кольца на Садовое.

Да, похоже, что нарочно. Вероятно, и Улитин знал, что будет денежная реформа, — как ему не знать, ведь редактор, высокое начальство. Уж если бухгалтерша что-то знала, то он и подавно. И он решил таким вот хитрым узелком намертво привязать его, Алексея, к своей сворке, чтобы он не смог убежать, чтоб даже не пытался, чтобы обязательно и непременно вернулся в Город-на-Реке, а не вернешься — мы тебя, голубчика, востребуем законным порядком, ты нам денежки остался должен, и мы с тебя их взыщем. Алло-алло, прокуратура? Здравствуйте, товарищ Габов, вы, кажется, брат нашей Анны Сергеевны, бухгалтерши, впрочем, это не важно, мы вполне официально, вот какое у нас к вам дело, один, понимаете ли, субъект, может быть, даже вы с ним знакомы...

Алексей не сумел сдержать тихого, но горестного стона. Остановился, похлопал себя по карману брюк, достал пачку «Норда», изодрал — там была последняя, осыпавшаяся вполовину папироса, — закусил, зажег, затянулся дымом, сразу охолодевшим на стуже.

Кабы раньше знать... кабы знать...

В дальнем уличном створе виделось отсюда здание багровой окраски с белыми прожильями, похожее на мясную тушу в Елисейском гастрономе, оно филейным округлым боком высунулось на самый Разгуляй.

Он знал, что это Инженерно-строительный институт. Но он знал и гораздо больше об этом старинном здании, потому что жил неподалеку, знал, чем оно знаменито, им рассказывал на первом курсе профессор Шамшин. Это здание принадлежало когда-то Мусиным-Пушкиным, здесь была несметная библиотека, в которой хранился единственный подлинный список «Слова о полку Игореве», он сгорел в московском пожаре восемьсот двенадцатого года, сгорел в этом самом дворце вместе со всей библиотекой, все тут выгорело, одни стены остались... А если бы знать заранее? Кабы знать. Ведь тогда б его можно было перепрятать — одно лишь «Слово!» — в другое место, понадежней... но где оно было — понадежней? Кабы знать...

При всем кощунстве подобного сравнения — каких-то жалких денег и бесценного «Слова» — Алексей вдруг понял, что ему сейчас открылась извечная и самая важная забота человечества: кабы знать... кабы знать заранее... если бы люди знали наперед, чему главная цена.

Но даже от этого прозрения душе его не стало легче.

У самого дома столкнулся с дядей Колей Фетисовым, одним из теткинских соседей по коммунальной квартире. Он шел, по-видимому, с работы и был заметно весел. Сначала Алексею даже показалось, что дядя Коля возвращается домой навеселе, что бывало с ним, но дядя Коля Фетисов уловил эти его подозрения и развеял их прямой речью:

— Здоров, Алеха, давно не видались, знаю, что вчера приехал. Вот сейчас и отметим. И приезд твой отметим, и реформу заодно —

оба праздника... Ты вот думаешь, что я выпивши, а я ни в одном глазу, просто веселый. Я еще только собираюсь, гляди...—Он вытянул горлышко с белой сургучной печатью из косого кармана замасленной своей шоферской телогрейки.—И тут—гляди...—Такое же потянул из другого кармана.—Митьку, сына, в армию забрали, мать не пьет, одному скучно, а ты как раз мне и попался. Посидим.

Они уже сиживали не раз, дядя Коля Фетисов почитал святым долгом угостить соседа, бедного студента, хотя они, студенты, и сильно грамотные, и много о себе понимают, но бедны, беднее некуда, надо их жалеть, студентов, надо угощать.

Однако Алексей сразу же обратил внимание вот на что: дядя Коля Фетисов наверняка знал не только о том, что он был в долгом отъезде, на Крайнем Севере, но и о другом (тетка не могла не разболтать об этом всей коммунальной квартире) — что он работает там журналистом, печатается в газете, купается в известности и славе и, соответственно, очень много зарабатывает, просто гребет деньги лопатой. Дядя Коля Фетисов обязательно должен был знать об этом, и он был вправе ожидать, что вот сейчас молодой сосед по коммуналке наконец-то оплатит ему за все бывшие угощения тоже знатным угощением, позовет к себе, достанет из одного кармана, из другого кармана... Но дядя Коля Фетисов, похоже, вовсе не рассчитывал сейчас на это. Может быть, он углядел наметанным глазом, что карманы добротного черного пальто Алексея Рыжова явно ничем не отягощены. Или сразу же понял по его унылому лицу, что дела его неважны, что пока он не сильно разбогател, что у него не праздник. И он, дядя Коля Фетисов, отнесся к нему по старой памяти сочувственно и покровительственно, как надлежит относиться к неимущим и бедным студентам, святой долг.

— Пошли, Алеха,— сказал дядя Коля Фетисов, обняв его за плечо, когда они взошли на второй этаж.

— Спасибо, сейчас,— поблагодарил он,— разденусь только.

Тетка была дома.

К счастью, она с присущей ей легкостью характера не стала внимательно изучать выражение лица племянника, а сразу же высказала всю меру нетерпения, с каким его ждала:

— Послушай, Алеша... один декабрист встречает другого декабриста...

— Какой декабрист? — удивился он.

— Как, разве ты не знаешь? Их всех теперь называют декабристами.

— Кого их?

— Ну тех, кто погорел на реформе. Уже полно анекдотов. Вот послушай...

— Не хочу. Это совсем не смешно.

— Ну пожалуйста, Алексей, я ведь так тебя ждала — рассказать!

— Нет,— отрезал он, взявшись за ручку двери.— Я к Фетисовым.

Дядя Коля Фетисов, умытый, посвежевший, сидел уже за столом. Тетя Наташа, его жена, выставляла на стол еду: разварную картошку, квашеную капусту. Дочка Тамара на подоконнике готовила уроки и, оглянувшись на гостя, игриво мотнула косицей: подросла.

— Я говорю,— продолжал свою прямую речь дядя Коля,— нам один хрен, нам ничего не страшно, все нипочем! Кубышек у нас нету, сберкнижек у нас нету. У кого жертвы, а у нас жертв нет. Мы вчера из той полочки последний рубль истратили, а сегодня нам полочку новыми деньгами сполна выдали — держи, мать, тут все тебе в наличии, ликуй, хозяйствуй...— Он шмякнул деньги об стол.— Рабочему классу ничего не страшно. Мы просто живем. Сами не жулим — и нас не обжулишь. Верно я говорю, Леха?

Алексей на всякий случай согласно кивнул, хотя и не ощущал своей непосредственной причастности к рабочему классу, но он все-

ми помыслами был с ним и безоговорочно признавал его ведущую роль.

Дядя Коля Фетисов откупорил бутылку и разлил в два стакана.
— Будем живы — не помрем! — провозгласил он.

За то и выпили.

— Вам лишь бы она была, что на старые, что на новые, — проворчала тетя Наташа, но в ее ворчбе не было злости, а лишь обычное добродушное смирение. — Ну теперь хоть цена у ней своя, не коммерческая, не у спекулянтов, а то — всё на нее, всё ей...

— А вот я вам сейчас расскажу! — еще более оживился и поспешил дядя Коля Фетисов, закусив огурцом. — Один декабрист встречается другого декабриста...

«Значит, правда», — подумал Алексей.

— Один другого и спрашивает: «Что, Иванушка, не весел, что головушку повесил?» А тот ему отвечает: «Все накрылось, не успел я старые деньги пристроить... А ты?» А другой говорит: «Я-то успел, купил костюм и кресло...» «Так чего же ты сам такой невеселый?» «А что мне с ними делать? Костюм водолазный, а кресло гинекологическое...»

Алексей тоже хохотнул для порядка, но покосился при этом опасливо на тетю Наташу, на Тамару.

— Они не понимают, — успокоил его дядя Коля Фетисов. — Давай еще по капле.

«Да, права тетка — полно анекдотов... Когда успели сочинить? Ну народ».

Они выпили еще по полстакана.

— Значит, Митя в армии? — как подобает вежливому гостю, проявил интерес Алексей, да и на самом деле ему это было интересно, ведь они с Митей были ровесники. — А где он служит?

— Из Семипалатинска письма, а дальше — полевая почта, — отозвалась охотно на этот вопрос тетя Наташа.

— Он в автомобильных войсках, — с не меньшей охотой и гордостью пояснил дядя Коля. — Хорошо, что по шоферской линии пошел. Как я. Это, Леха, специальность!.. Ну а ты? В каких таких краях? Не в тех же?

Алексей хотя и прихмелел, однако уловил мгновенный промежуток между словами о специальности и о каких таких краях. Он обозначал, что дядя Коля Фетисов держится неважнецкого мнения о его, Алексея, специальности, хотя и вряд ли в точности представляет, какова она, но все же надеется, что хоть края ему, Алексею, достались приличные, не хуже, чем их Мите.

Он сказал.

Дядя Коля, вдруг икнув, поставил свой недопитый стакан на стол.

— Это как же...

— А что?

— Это кто ж тебя туда... приговорил?

— Никто, — пожал плечами Алексей. — Я сам.

— Са-ам... — пораженно выдохнул дядя Коля Фетисов.

Тетя Наташа, с женской чуткостью угадав, что разговор приобретает неловкое для гостя направление, поспешила вмешаться:

— Да чего ты, Николай, привязался к человеку? Зачем обижаешь?.. И пусть. Везде люди живут и везде они всякие. Не бывает такого, чтоб в одном месте одни хорошие люди жили, а в другом одни плохие. Везде пополам.

— Нет, я что? — извиняющимся тоном поспешил замять неловкость хозяин. — Я ничего, везде, конечно...

Алексей задумчиво и медленно вращал на клеенке свой граненый стакан — поворачивал его к себе то одной, то другой гранью,

присматриваясь к каждой. Нет, его не сильно ошеломили эти высказывания. В ином случае он просто отшутился бы по этому поводу, осмеял бы столь темное невежество. Или даже сумел бы пылко защитить те суровые, но прекрасные края, которые здесь по незнанию пытались охаять. В ином случае... Однако сейчас он не искал средств защиты и не испытывал никакого желания вступаться за те обиженные края. Потому что именно в тех краях, как это сегодня выяснилось, его самого жестоко и несправедливо обидели. Обманули. Обобрали. Пустили нагишом по белу свету... Сейчас Алексей и сам вдруг почувствовал резон в прямом вопросе, заданном ему дядей Колей Фетисовым: мол, кто приговорил?.. И была нестерпимая горечь в его же собственном ответе на этот вопрос: никто, я сам.

Но понимая, что нельзя так откровенно демонстрировать перед чужими, в сущности, людьми, теткинскими соседями по коммунальной квартире, свое отчаянье, свое полное разочарование в жизни, Алексей, пересилив тоску, поднял голову, улыбнулся, сказал:

— Ерунда. Полный порядок на корабле. Налейте-ка мне, дядя Коля... Давайте за Митю!

Этот тост его был так удачен и своевременен, что даже тетя Наташа, хоть и не пила она, сразу под села, налила себе чуток, пригубила растроганно, а дочка Тамара отвлеклась на миг от своих постылых уроков и ласково улыбнулась Алексею: подросла.

— А вы, дядя Коля, сейчас где работаете? — спросил чуть погодя Алексей и по наезженной репортерской привычке дополнил вопросом: — Как трудовые успехи?

— Насчет трудовых успехов тоже не жалуемся, — ответил хозяин. — Работа у нас теперь, можно сказать, самая главная по всей Москве, самая видная: высотные дома. Слышал про них? Ну вот... Готовим площадки. На Смоленской площади, угол Арбата, старье крушим — там высотка станет, двадцать семь этажей. А щепень оттуда возим на Дорогомиловскую набережную, близко, через Бородинский мост, отсыпаем у пивзавода, бутим, там места низкие, берег топкий — тоже высотка станет, тридцать шесть этажей. Во как: тридцать шесть! Мотаемся туда-сюда, весело. Чем не жизнь?

Он, приклонившись, положил руку на колено Алексею, заглянул ему в глаза.

— Я, Леха, еще на улице издали все увидел: что не повезло тебе, парень, что огорченье тебе вышло с этой реформой, как говорится среди нашего брата-шоферни — прокол... А ты на это плюнь. И не горюй. Разве это беда? Это не беда, Леха. Все беды — они позади, там, на войне. Знаешь, что такое беда?

Дядя Коля Фетисов заскорузлыми пальцами слупил, как яичную скорлупу, белый сургуч с горла второй бутылки.

— Я вот тебе расскажу...

— Опять про то? — спросила тетя Наташа, неодобрительно глянув то ли на эту новую бутылку, то ли на самого супруга.

— Про то, — подтвердил он. — А ты не касайся. Тебе это хоть сто раз слушай — не понять. И ему тоже не понять. И я сам понять этого ни в жизнь не смогу, а все равно рассказывать буду. Слушай, Леха... В январе сорок пятого наступали мы в Восточной Пруссии с юга на север, Второй Белорусский, артбригада, резерв Главного Командования. Гаубицы сто двадцать два миллиметра, на мехтяге, конечно, на «ЗИСах», — хорошо шли. Очень быстро мы наступали, километров по сорок в день. А дорога — асфальтовое шоссе, хоть и грязь кругом, но катишься будто по улице. И немцев нигде не видно: хоть мы и быстро шли, а они драпали еще быстрее. Который день наступаем — противника не видать. Будто нет его совсем. А говорят, что до моря, до Балтийского моря, осталось всего триста километров. Понимаешь, Леха? Сбросить их в море — и конец... Давай. Живи.

Они чокнулись гранеными стаканами.

— Но мы, артиллерия, хоть и на мехтяге, а за танками все равно не поспеваем, оторвались от нас танки, вперед ушли,— продолжил дядя Коля, утерев рот.— А пехота за нами не поспевает, ведь она пешком — пехота. Так что мы без танков, а пехота без артиллерии... И бензовозы отстали. Оторвались мы от своих тылов. А немцы, как ты смекаешь, для нас бензохранилищ не приготовили, не оставили, нет, все сожгли... Вошли мы в город Марунген — опять же без боя. Гляжу на стрелку: осталось всего четверть бака и у других не больше. Надо бы, конечно, дождаться, пока подойдут заправщики. Заночевать бы надо... А генерал на «эмке» примчался, кричит: «Почему остановились? Двигаться дальше без остановок! Преследовать противника! Не давать ему передышки!..» Полковники объясняют: горючки, мол, нету, застрянем на полпути... А он: «Слушай приказ! Второй полк, слить бензин первому. Немедленно. Первый полк — на марш! Второй полк, ночуй, жди...»

Глаза дяди Коли были устремлены на окно, будто что видели там, в темноте ночи, в темной памяти войны.

— Я во втором полку был. А в первом полку — дружок мой, москвич, тоже с нашей базы шофер и звать его тоже Николай, Сысоев Коля. Вместе мы призывались и от самой Москвы до самой Восточной Пруссии шли с ним вместе. Вот ему-то я и слил бензин из бака в бак, будто кровушку ему отдал свою, будто я ему донор... а вышло...

Дядя Коля Фетисов прикрыл глаза ладонью.

— А наутро в Марунгене этом узнали мы сначала тихим слухом: первый полк напоролся на «тигров» — немцы прорывались на запад, танковая колонна шла поперек шоссе, а тут... Я потом видел... Ребята наши даже орудия развернуть не успели. Всех их «тигры» передавили, всех перестреляли, ни одной машины не оставили, ни одной живой души... Я, Леха, видел это своими глазами: лежит дружок мой Коля Сысоев, промятый гусеницей надвое...

Голос дяди Коли истончился до младенческой тоньщины и вот-вот грозил надорваться.

Даже дочка Тамара обернулась на этот голос с материнской заботливой жалостью: подросла.

— Вот тебе и весь мой сказ. Нет, не весь еще... А если бы другой приказ был: «Первый полк, слить бензин второму» — то это я лежал бы там на земле раздавленный, не тот Коля, а я...

— Ладно, хватит плакаться.— Тетя Наташа забрала бутылку.— Себя вон до слез довел и молодого парня вогнал в тоску...

Но Алексей хотя и сам чувствовал, как соль пощипывает глаза, но не от этого рассказа вошел в тоску, расчувствовался до такой крайней степени. Потому что он уже слышал этот рассказ неоднократно, когда прошлой зимой они сжививали вот так же с дядей Колей Фетисовым.

Ему самого себя было жалко до слез. Его после выпитого еще круче взяла обида на то, как с ним обошлись жестоко и несправедливо. И еще после выпитого в нем родилась жажда протеста, жажда мщения за причиненное зло.

— Спасибо,— сказал он, вставая.— Мне было очень приятно. Поверьте... Спокойной ночи.

И решительно направился к себе.

В теткиной комнате на тумбочке подле ее постели сидела нахоженная сова, мраморный ночничок, польый, источающий мутное сияние, а свиные зеленые глаза уставились прямо на него, когда он открыл дверь, и проважали недобрым пристальным взглядом, когда он, спотыкаясь и шаря, искал свою тахту.

— Черта с два,— сказал он ей,— выкуси.

— Я не понимаю, о чем ты,— произнесла сова теткинским голосом.— Ты задержался так поздно и, кажется, очень много выпил.

— Не твое дело! — заявил он сове.

Между прочим, эти близко посаженные, лезущие в душу совиные глаза были точь-в-точь как у Семена Ильича Улитина, только у того глаза были масленисто-темные, липучие, а у этой твари зеленые и острые.

— Я верну! Все верну до последней копейки... — сказал он сове, стаскивая поочередно свои фетровые бурки и размышляя, не запустить ли одним из бурок... одной из бурок... или обеими вместе прямо в эти нахальные немигающие глаза. — Я завтра же пойду на Москву-Товарную, буду таскать мешки, разгружать ящики — я весь день буду таскать мешки и ящики и всю ночь до самого утра! Я заработаю своим горбом эти три тысячи и вышлю их обратно по почте — получите и распишитесь, — все-все до последней копейки, я ничего и никому не должен, нет!..

— Ты всю прошлую зиму собирался на Москву-Товарную, но так и не собрался, — едко напомнила ему сова. — Все-таки это занятие не для тебя, нет... ты белоручка, ты нашей породы, ты в Клеймихиных, хотя твой отец...

— Что-о? — Алексей угрожающе рванул на груди исподнюю рубаху. — Кто белоручка, я? Да мы... мы из Кронштадта!..

— Не кричи, — попросила сова миролюбиво, хотя и чуть насмешливо.

Но тут его осенила новая яркая мысль, он даже удивился, почему она не пришла ему в голову раньше.

— Что, я — декабрист?

Он поднялся, ступив босыми ногами на холодный пол, вскинул руку, возвысил голос:

Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье...

Но дальше позабыл, хотя и знал с детских лет наизусть.

Подождал, надеясь, что сова ему подскажет. Но она хранила молчание.

— Ладно, — махнул он рукой и повалился на подушку.

— Алеша, проснись... может быть, это срочно... Ты слышишь? Проснись...

Его тормозила за плечо несильная, но настойчивая рука.

Он с трудом разлепил веки. Лицо тети Нади, огромное, как луна в телескопе, близко нависало над ним.

— Что?..

Мозги его еще ворочались в спиртных парах, неохотно перестраивая извилины с хмельного сна на похмельную явь. В ушах гудело. Смрад витал у ноздрей.

— В чем дело?

— Тебе повестка. — Тетка протягивала ему листок бумаги. — Нет, не повестка, а извещение, но я подумала: вдруг это очень срочно?

Сердце Алексея заныло, напоминая, что беда одна не ходит.

Он взял этот шершавый слепой печати листок, пробежал глазами. Слава богу, это была не повестка, а всего лишь извещение. И не из милиции (за что же его в милицию?), а из отделения связи, с почты. Печатными буквами: «На ваше имя получен...» — и торопливый чернильный росчерк — «т. п.». Что за «т. п.»? Еще чернилами же поставлен номер: «2700». Пачкающий штампель, сегодняшнее число... Что бы все это могло означать? Но он уже был относительно спокоен, убедившись, что милицией тут не пахнет.

Тетка вышла на кухню с чайником — греть. Это был утвердившийся негласный ритуал, дававший ему время надеть штаны.

Он надел штаны, натянул бурки, высунулся в коридор — цель под дверью уборной была темна, свободно, — ринулся туда, а потом уже с полотенцем на плече вошел в кухню, поклонился, сказал об-

щее «Доброе утро» Полине Аркадьевне, варившей в кастрюльке кофе, тете Наташе, крошившей на доске сырые картофелины, собственной тетушке, поскольку спросонья не успел ей пожелать, и принялся наскоро ополаскиваться над железной раковиной, ведь ванной комнаты в квартире не было, все умывались на кухне.

Через десять минут он уже рысил по горбатым скользким тротуарам Денисовского переулка к Разгуляю.

Немолодая почтариха, заглянув в извещение, покачала в сомнении головой, затребовала паспорт. Он дал. Она долго листала страничку за страничкой, перебрасывала пытливый взгляд с фотокарточки на его припухлую колючую физиономию (не догадался забежать в парикмахерскую, а на щеках торчала дорожная щетина недельной давности), поискала в деревянном ящичке, вынула оттуда голубую бумагу с поперечными белыми полосками телеграфной ленты, спросила напрямик:

— Откуда ждете?

— Ниоткуда, — ответил он, потому что и в самом деле ничего ниоткуда не ждал, ему нечего было ждать, он и так уж всего дождался, нахлебался обид, разочаровался в жизни.

— Но все-таки? — сердито переспросила почтариха. — Откуда вам могут быть деньги, телеграфный перевод?

Ах вот оно что. Вот что обозначает «т. п.»: телеграфный перевод, деньги. Это хорошо. Он судорожно вздохнул, сказал:

— Из Ленинграда.

Конечно, ведь он всегда получал именно здесь, на этой почте, скромные переводы из Ленинграда, позволявшие ему, бедному студенту, влачить существование. Откуда еще было ждать ему помощи в этот бедственный час как не от родной матери, у которой он был единственным сыном. И хотя обычно она высылала ему деньги почтой, он нисколько не удивился тому, что на сей раз перевод был срочным: ведь она знала, что он едет в Москву, а затем в Ленинград к ней, и могла себе представить, в каком положении он очутился, прибыв в столицу.

— Нет, — покачала головой почтариха, — придется доложить начальству.

Сгребла его паспорт, извещение, голубую бумагу, направилась куда-то во внутренние покои.

Сердце Алексея опять тревожно сжалось, но он объяснил себе это тем, что из сердца постепенно уходят разгорячившиеся и раздвинувшие его пары — вот почему оно так сжимается.

Появилась толстая дама в синем кителе, исполосованном молниями ведомства связи. За нею обруганно и покорно плелась несговорчивая почтариха.

— Пожалуйста, заполняйте, товарищ, — сказала дама, вручая ему голубую бумагу.

Перевод был не из Ленинграда, а из Города-на-Реке.

Алексей спотыкающимся взглядом пробежал полоски телеграфной ленты: цифры, буквы, слова, словосочетания, безгласные знаки препинания. В глазах четко высветлилось: «Две тысячи семьсот рублей». Но тотчас помутилось, расплылось. Он проморгался, заглянул снова: «Две тысячи семьсот рублей... перерасчет аванса...»

Ну правильно. Ведь иначе и быть не могло! Ему выдали деньги авансом, вперед, в счет будущих гонораров. Потому что никто и никак не мог знать заранее, что будет денежная реформа и этот аванс, все эти деньги превратятся в дым... Кто мог предполагать?

Но ведь реформа не касалась тех заработков, тех денег, которые будут после нее. Что после, то после.

— Заполняйте, — повторила дама в молниях и ушла к себе.

Алексей припал к обрызганному чернилами столу. Слегка подрагивающим казенным перышком начал заполнять оборот бланка. «Две

тысячи семьсот...» Пардон, а почему всего лишь две тысячи семьсот? Ведь ему выдали авансом ровно три тысячи... Нет, все правильно. Ему выдали три тысячи, а после реформы при пересчете десять к одному они превратились в несчастные триста рублей, однако эти триста рублей остались у него на руках, стало быть: три тысячи минус триста — выходит ровно две тысячи семьсот. Все правильно.

Все учтено, все разумно. Есть правда на земле. Мир справедлив и прекрасен.

— Вот гляди-ка, ввели новые деньги,— достаточно громко сказала сердитая почтариха своей напарнице, заляпывавшей бандероли вонючим сургучом.— Ввели, чтоб не было у одних лишку, а у других пшишку. Так нет же: сразу некоторым отваливают большие тысячи...

«Ну вот уж это не твое дело»,— злорадно промолчал Алексей Рыжов.

— Будьте любезны,— сказал он, возвращаясь к барьеру.

Она, облизывая пальцы, начала отсчитывать ему его большие тысячи.

— Пожалуйста,— выложила вместе с паспортом,— пересчитайте.

— Ну что вы,— улыбнулся Алексей.

Он вышел на улицу. Уже сгинул утренний поздний сумрак, и хотя декабрьское небо было затянуто облачной слоистой пеленой, невидимое солнце насыщало его веселым светом, а роившаяся снежная пыль была искрометной.

Дворники крушили ломами слезавшийся и смерзшийся за ночь намет. Он похрустывал под ногами, под кожаными толстыми подошвами его бурок. Алексей шагал степенным шагом, чуть выпятив ту сторону груди, где был тугой бумажник, как ходят уверенные в себе и сильно денежные люди. Упоенно вдыхал морозный свежий воздух.

Теперь он окончательно понял, что быть деловым и обеспеченным человеком, преуспевающим журналистом все-таки гораздо лучше, чем бедным студентом.

Он всматривался попутно в лица людей, спешащих навстречу, обгоняющих сбоку, снующих поперек — здесь, на перекрестке Разгуляя, всегда было полно народу,— и ему казалось, что он безошибочно читает на этих лицах знаки пережитых тревог вчерашнего, позавчерашнего дня. Правда, он догадывался, что это могли быть уже и новые заботы, новые тревоги, сегодняшние, а те, что вчера, уже почти и забыты, пережиты, где они, все миновало, все минет.

«Нет-нет...— вдруг подумал он о себе с двойким чувством — удовлетворения и насмешки.— Нет, я не декабрист».

12

В Останкине лязгнула и осталась нараспашку дверь тамбура, добавив грохота и холода, отъехала и эта дверь, пропустив увечного мужика. Одним плечом он опирался на костыль, на другом висела гармошка, мехи не состегнуты, еще дышали. Инвалид окинул мутноватым взором ряды скамей — петть или не петть?— но вагон был почти пуст, человек пять разрозненно приткнулись в углах, на самую слезную песню здесь не возьмешь и полтинника, и вообще такой жалкий круг слушателей не стоил искусства; сплонув, он заковылял дальше, оттолкнул дверь в следующий тамбур, лихой сквозняк пронесся по вагону.

Алексей похвалил себя за то, что выбрал не самый пиковый час для этой поездки. А ведь бывало, из утра в утро, доскакав, отдуваясь, до Октябрьского вокзала, он еле втискивался в переполненную раннюю электричку — тут и рабочие, и студенты, и торговки, и ворье, и пьянь,— чтобы поспеть к началу лекций в институт.

Еще он вспомнил, как впервые ехал в Химки, с тревогой и тоской считая остановки от Москвы. «Полпути до Ленинграда», — горько подумалось тогда.

Больше всего он боялся вернуться туда блудным сыном, признать свое поражение, признать деспотичную правоту матери. Она настаивала, чтобы он после десятого класса держал экзамены в Ленинградский университет. А он ни за что не хотел оставаться в Ленинграде, рвался в Москву, которую еще ни разу не видел, а тетка звала приехать к ней, он уверял мать, что его мечта и цель — непременно столица, Московский университет. На самом же деле ему просто хотелось избавиться от материнской докучной опеки, от которой он отвык еще в детстве в Городище и не хотел привыкать заново, — он жаждал воли.

В сквере на Моховой на широкой парадной лестнице, взбегающей к колоннаде университета, гомонила несметная толпа молодежи. Там были и совсем желторотые вроде него, Алексея Рыжова, трясающиеся в лихорадке над своими аттестатами зрелости и метриками, над своими шпаргалками. Но была там и совсем иная молодежь, взматерелая, решительная, которая вовсе не тряслась, а лишь потряхивала, позванивала серебром и латунью медалей на выгоревших кителях и застиранных добела гимнастерках. Эти хлопывали друг друга по плечам, дымили махрой, серьезно разглядывали бедра проходящих женщин, вели увлеченные беседы: «...нет, это на Фридрихштрассе, если пройти под эбаном, а потом взять левой...» — «Мне сам генерал Лелюшенко...» — «...гляжу, в морском порту на памятник среди убитых я зачислен, фамилия моя, инициалы тоже...» — «...только бы грамматика не подвела, а остальное — семечки...».

Алексея смутила не сама жестокость конкурса — семнадцать человек на место — и не то бесспорное правило, что фронтовикам будет оказано предпочтение в приеме, это было вполне справедливо. Но его тогда поразила сама мысль, явившаяся ему одним из первых его озарений: что эти парни, которые были всего лишь тремя-четырьмя годами старше его, уже сделали самое главное дело своей жизни, и сделали его на совесть, до конца, до последней точки, пожертвовав всем, чем они располагали, не пожалев ни крови, ни молодых своих лет, и теперь они обладали безусловным правом вершить свою судьбу — учиться до помрачения ума или вкалывать до седьмого пота, карабкаться по ступеням власти или плодить детей, хлобыстать водку или петь по поездам, но все это в раскладе на десятилетия, на всю отмеренную им дальше жизнь, было лишь дополнением к уже сделанному ими делу, хвала и слава.

Вот тогда на Моховой он и услышал, как один смурныга рассказывал обморочным девицам, что в Библиотечном институте недобор, полная гарантия, но это в Химках.

Алексей забрал в приемной комиссии свои документы и поехал на электричке в Химки. Дорогой он тоскливо считал остановки: Рижская... Петровско-Разумовская... НАТИ... Он уже догадывался, что это примерно на полпути обратно к Ленинграду, где мать предвкушала покаянное возвращение блудного сына.

За окошком промелькнули багровые кирпичные стены цехов «Моссельмаша», и опять потянулось чистое поле, укрытое плотным снегом, иногда царянутое мелкоколесьем.

Черные провода взмывали к белым чашечкам на телеграфных столбах, снова съезжали вниз, разгонялись, набирали прыть и опять взлетали на перекрестья, чтобы опять расслабленно провиснуть и вновь вознестись.

Пустынное Ховрино поезд миновал без остановки, и Алексей направился к выходу, потому что следующей была платформа Левобережная.

Он украдкой прошибнул по коридорам, хотя вначале и было желание показаться во всей своей полярной красе и солидности бывшим сокурсникам.

Однако сильнее был страх столкнуться нежданно с профессором Шамшиным, который при всей своей стариковской рассеянности мог опознать его, остановить, схватить за шиворот: «А-а, Рыжов? Наконец-то явился. Ну где ты был, на Печоре? Я помню, что ты ладился ехать именно на Печору... Где же сказы? Давай-ка сюда, братец, сказы!»

А сказов не было.

В деканате заочного отделения гримза в пуховой шали пролиста-ла его зачетку.

— Рыжов... Да-да, мы получили ваше заявление, еще было ходатайство из какой-то редакции о переводе вас на заочное, а потом был приказ, да... Но зачем вы приехали? Мы вас не вызывали.

— Как зачем?— оторопел он.— Сдавать экзамены, зачеты... я подготовился.

— Очень хорошо. Но сдавать-то вам нечего, у вас наперед все сдано. На заочном программа растянута, вместо пяти шесть лет, а вы целый год учились на очном. Но вам все это сейчас лаборантка объяснит. Лиля, объясните ему что и как, вот, возьмите зачетку.

Он повернулся к другому столу, а там сидела Лилька Панкратова, знакомая девушка, даже больше чем знакомая, однажды целовались. Алексей направился к ней, сказал растерянно:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте,— ответила она и, заглянув в его зачетку, повторила:— Здравствуйте, Алексей Николаевич.

Ему почудилось, что в ее голосе и в том, что она назвала его на «вы» и по имени-отчеству, прозвучала та же самая отчужденная надменность, которая была в тоне Клары Истоминой, когда накануне его отъезда она разговаривала с ним свысока с лестничной площадки за кулисами филармонии.

— Да, фольклор и древнерусская у вас сданы... история СССР сдана... по языкознанию зачет, по античной зачет... французский сдан...

Подавленный этой ее отчужденностью — за что же они все так с ним суровы?— он обиженно понурился.

Но тут Лилька Панкратова, покосившись на гримзу в пуховой шали, медленно подняла лицо все в ореоле пепельных легких и самосветящихся завитков, приласкала его синевою глаз, а губы, сведенные в тугую бутон, обмякли улыбкой. Она была податлива и прелестна, как тогда, однажды.

— Между прочим, Рыжов, вам как заочнику нужно учесть еще одно обстоятельство,— опять вклинилась гримза.— Там, где вы теперь живете и работаете, есть какой-нибудь вуз?

— Есть, конечно,— подтвердил он, с усилием оторвав взгляд от Лилькиных губ.— Там есть Педагогический институт, довольно крупный, пять факультетов.

— Вот и хорошо. Вы можете некоторые предметы сдавать там, на месте. Например, политэкономия, историю, языки... все, кроме специальных дисциплин, определяющих профиль нашего института, понимаете? Лиля выпишет вам направления — и сдавайте на доброе здоровье, ведь это очень удобно. У вас будет больше времени на подготовку профилирующих предметов. А мы, конечно, будем вызывать вас на сессию.

— Я сейчас выпишу,— подтвердила Лилька, подмигнув.

А он, уловив ее глаза, повел головой на дверь — мол, выйди за мной, разговор есть. Она кивнула.

Торец здания был рассечен сверху донизу застекленным проемом, минующим один за другим все этажи подряд, и это было лю-

бимое место бесед, хотя и не скажешь, что было оно слишком укромным, все на свету.

Лилька выскочила минут через пять.

— Ты где же это пропадал? Уехал — и без вести... Думали, тебя медведи съели.

— Не съели. Я все тебе расскажу, — Алексей положил руку на ее плечо, — и ты мне все расскажешь. Давай махнем в Москву в ресторан, теперь ведь они все открыты... Отпустит тебя эта гримза?

— Отпустит, она не вредная, не гримза. А нас, бедных девушек, всегда заочники приглашают: они народ богатый, широкие натурры, не то что... Нам не впервой.

— Ладно, — весело стерпел он ее дерзость. — Просись.

— Только мне надо будет домой заскочить переодеться, чтоб затмить, понимаешь?

— Ладно, — стерпел он и это, зная, что Лилька живет рядом с институтом, она была здешняя, химкинская.

Они перебежали железнодорожные колеи под самым носом налетавшего в грохоте и клубах пара товарняка.

— Жди здесь, — приказала она, — чтоб в нашей деревне не судачили, будто я кавалеров меняю слишком часто. Дурачье, дикари. Ведь это меня бросают — за то, что я строгих правил...

Она убежала, хрустя по снегу фетровыми валеночками.

По эту сторону, откуда поезда шли на Москву, лес подступал почти вплотную к платформе. В загустевших сумерках лапы старых елей сделались совсем черными, но на округлых стволах берез еще можно было различить, где у них белое, а где черн по белому, а на голых сучьях рябин заметно рдели несклеванные замороженные гроздьи.

В деревьях стояли дома — с решетчатыми оградами и калитками или же глухими, порядочной высоты заборами, поверху зубья, неча лезть; кое-где снаружи стены были обиты рейкой, окрашены, даже в затейливой резьбе, сразу видно, что не избы, а дачи, но другие откровенно выставляли напоказ свои бревенчатые венцы, как бы заверяя, что тут не для праздного отдыха, а для жизни; у одних окна были темны и даже заколочены на зиму досками, а из других тек оранжевый и розовый свет, процеженный абажурами, уютный и сладкий, наводящий на мысли о поздних чаепитиях, об игре в лото, о шепотливых и горячечных захолустных барышнях, — но Алексей не знал, в каком из этих домов жила Лилька, он не уследил, в какую калитку она заскочила, и никогда не был у нее в гостях.

Они познакомились ровно год назад... нет, почти год назад, тогда уж стоял февраль сорок седьмого, да-да, в ночь на девятое февраля, накануне выборов в Верховный Совет РСФСР. К вечеру сильно похолодало, столбик в термометре пал к тридцати ниже нуля, но ветра не было, все окрест забил неподвижный и вязкий туман, в трех шагах не видать ни зги, огни фонарей расплылись и едва сочлились, поезда шли на ощупь, беспрерывно и тревожно сигнала.

Алексей был агитатором. Ему, как и другим, надлежало в шесть утра обежать дома своего участка, торопя избирателей, чтоб к десяти было сто процентов, а если кто заболел — к тому придут с урной. Пришлось заночевать в институте, тем более что по радио сообщили: в Москве в черте города тоже густой туман, нулевая видимость.

Члены избирательной комиссии разбрелись по аудиториям, прикорнули на скамьях, укрывшись пальтишками. А молодые агитаторы ночь напролет грели задницы на батареях парового отопления, курили, болтали о том о сем, молодым без сна вполне возможно обходиться, им только без жратвы нельзя.

Вот тогда Алексей Рыжов и пленился от безделья и бессонницы девушкой в пепельных легких кудрях, с заманчивыми синими глаза-

ми. Выяснилось, что живет она здесь, в Химках, на Левобережье, пыталась поступить в Библиотечный институт — ведь рядышком, — но ляпнула что-то невпопад на экзамене, ее не приняли, зато устроилась работать лаборанткой, а на следующий год попробует опять, вот и все, Панкратова Лиля.

Они спустились в зал, где все уже было готово для голосования: столы комиссии с табличками алфавита, кабины, занавешенные желтым плюшем, вокруг кумач и даже герани в горшочках. Она спросила, как он думает, обязательно ли заходить в кабину, ведь могут подумать про человека, что он там вычеркивает. Алексей объяснил ей, что заходить все-таки надо, иначе, если все будут топтать прямо к урнам, получится, что заходят только те, кто против. Он предложил ей: давай заглянем; она согласилась. Вот там-то он одной рукой задержнул поплотнее желтый плюш, а другою обхватил ее талию и почувствовал, как она гибка и податлива, прилип к ее свежему рту, и черт знает что бы еще случилось, если б кто-то снаружи не кашлянул строго, — они проглядели, что кто-то есть, вылетели стремглаз, как пули, в коридор...

Алексей оглянулся, увидел, как Лилька семенит по тропинке обратно к платформе в туфлях-лодочках, дырявя наст высокими каблучками, а шелковые ее чулки уже до колен облеплены снегом.

Ресторанный зал был в подземелье, в глубоком подвале, без единого оконца, ни щели наружу, с низким сводчатым потолком. Он по недавней военной памяти сразу внушал мысль о бомбоубежище. Но, пожалуй, любой москвич или даже не москвич, а обычный человек, хоть пару недель потершийся в столице, уловил бы здесь и другое несомненное сходство: с метро, с его колоннадными либо сводчатыми подземными залами, где в досталь сияющих люстр и плафонов, мрамора и бронзы, где вместо окон веселят глаз витражи и живописные панно, залитые солнцем в любую погоду и в каждое время года, — все как там, но в отличие от метро здесь еще витали упоительные запахи сочной баранины, ворочающейся на шампурах, цыплят, румянящихся под гнетом, репчатого лука, орехового соуса, трав, молодого вина и крепкого кофе.

Он мысленно похвалил себя за то, что из всех известных ему понаслышке московских ресторанов выбрал именно «Арагви», он не ошибся и, наверное, Семен Ильич Улитин, который, провожая и напутствуя, советовал ему хорошо гульнуть в столичных кабаках, тоже одобрил бы этот выбор.

— Ой, не могу я больше терпеть... — пожаловалась Лилька и, отломив кусочек горячего лаваша, который им уже поставили на стол, впилась белыми зубами в белое тесто.

Алексей ободряюще улыбнулся, он и сам подышал с голоду, у него кружилась голова от всех этих запахов, от предвкушения.

— Послушай, — сказал он, — ты меня всю дорогу расспрашивала и расспрашивала о Севере, обо мне...

— Ну да, мне же интересно!

— Я понимаю, — он наклонил голову снисходительно и польщенно, — но ведь и мне интересно: как ты?

— А что я? — отмахнулась Лилька.

— Ты собиралась снова поступать в институт. Поступила?

— Нет. Я раздумала.

Он вылупился на нее, тем самым выражая недоумение и неодобрение.

— Просто не захотела — и все. А зачем? Я и так работаю, получаю свой много-мало. А если даже выучиться — пять лет мозгами трясти, на заочном шесть, — потом что?.. Те же самые много-мало, в какой-нибудь библиотечке Бабаевского выдавать. Да еще зашлют по

распределению в тмутаракань вроде твоей, нет, ты, конечно, извини, может быть, в твоей кисельные берега... А я не хочу.

Алексей по-прежнему выражал молчаливое неодобрение.

Тогда она рассердилась вдруг, отложила хлеб и показала зубки:
— Ах, ах... Все учатся-мучатся, без этого как же, да? Ну так я и про тебя могу: ты-то зачем на этом Севере застрял? Скажи честно, Лешенька, хороший мальчик, скажи девочке правду!

— Я? — воздел он плечи в праведном изумлении, ведь всю дорогу ей рассказывал. — Я...

— Я да я, заякал. — Лилька отважно и прямо смотрела на него. — Ты сам не захотел учиться, вот что. Скучно тебе стало. Поехал туда, не знаю куда, а там тебя приголубили, пригрели, дали заработать, чтоб ты себя человеком почувствовал, а не студентом... вот тебе и понравилось, вот ты и застрял.

Алексей не сдержал усмешки, настолько позабавила его чушь, которую несла Лилька Панкратова. Ну и забавные девчонки водились в Химках, несут невесть что, что им в голову взбредет, что на язычок попало. Он уличил ее прямым доводом:

— Но видишь, я приехал. Приехал сдавать экзамены. Я просто не знал, что у меня все сдано.

— Вот-вот, — закивала она. — Так заочники и учатся: им лишь бы сдать. Они не учатся, а сдают. Сдал — и забыл. Им даже для этого все удобства: сдавай где хочешь, только чтоб роспись была. Я-то знаю, ведь я на заочниках сижу! — Она подумала, добавила: — Нет, конечно, есть и другие... есть такие, что просто не могут на очном: возраст, семья... и грызут гранит сами, честно грызут, но это редкость — фанатики... а остальные — им лишь бы диплом получить. Нет, Алеша, ты поверь мне: учиться надо на очном, на лекции ходить, слушать, у нас ведь хоть и далеко, а профессура какая!

— Знаешь, — унял ее примирительным тоном Алексей, — я сегодня больше всего боялся, что вдруг мне навстречу Павел Петрович Шамшин, а у меня перед ним должок...

— Ты зря боялся. Павел Петрович умер прошлой осенью. Его похоронили на Рогожском кладбище, на старOVERеческом, он, говорят, был старой веры...

Алексей замолк подавленно, хотя эта новость и не показалась ему такой уж неожиданной и чудовищной. «Сказитель — сказатель... спаситель — спасатель... — пронеслось воспоминанием. — Жилец — не жилец...» Он еще тогда подумал. Но вместе с тем эта новость вызвала в нем какую-то растерянность. Потому что вдруг оказалось, что он никому ничего не должен. Никаких сказов, ничего и никому.

Но тут подошел официант и, перегнувшись в поясище, начал выставлять на крахмальную скатерть яства: фасоль в густо-коричневом соусе, насеченную крупными ломтями лиловую капусту, зажаренный на противне сыр, какие-то потроха с торчащими петушиными гребешками, рыбу в прозрачной дрожалочке — все это уверенно выбрала в меню сама Лилька Панкратова, она откуда-то знала, а он, Алексей Рыжов, впервые видел, и у него при одном лишь виде всего этого потекли слюнки.

Официант откупорил бутылку «Хванчары» и налил в бокалы красного вина, ушел.

Они чокнулись с Лилькой просто так, ничего не пожелав друг другу, потому что, как понял Алексей, еще оставалось неясно, им еще предстояло выяснить, чего они желают друг другу и друг от друга; помимо того, что она — вся в своих легких и светлых кудрях, со своими юными яркими губами, увлажненными красным вином, — была для него и раньше желанна, сейчас он ощутил это с грубой определенностью; но она смотрела на него поверх накрепко застывшего стекла изучающими и внимательными глазами, похоже, что она еще не знала точно, чего бы ей от него желалось, ей надо было еще выждать,

подстеречь момент и тогда понять, зачем же он ей, либо просто по-виноваться тому, что подскажет ей это красное молодое вино.

Алексей, смакуя, чередуя глотки, тянул негустое, слегка вяжущее язык вино и радовался, что Лилька заказала именно его, потому что, признаться по правде, ему уже осточертело лакать водку и спирт, ладно бы еще только там, на Севере, но ведь и тут, в Москве, у дяди Коли Фетисова. Он вообще в своей жизни так и не успел попробовать хорошего вина, сразу начал с гадости, он вообще много чего не успел еще попробовать в своей жизни.

Вот, к примеру, эти великолепные панно кисти самого Ираклия Тоидзе, вписанные меж сводов подземелья. На одном у бирюзового ласкового моря, под сенью кипарисов колхозники и колхозницы обрывали с виноградных лоз упругие спелые гроздья и бросали их в плетеные корзины, а у некоторых эти корзины были уже с верхом, полный трудодень, и они отдыхали, сидели и полеживали возле этих корзин, глядя на море, распевая народные песни. А на другом панно, что напротив, были горы, вершины которых покрыты вечными снегами, а у подножья этих гор деревья гнулись под тяжестью налитых плодов, их тоже срывали и складывали в плетеные корзины, но и эти корзины были полны доверху, и уже складывать было некуда, поэтому сборщики плодов, колхозники и колхозницы, завели пляс под звуки народных инструментов. Посреди круга он и она. Он в папахе и черкеске с газырями, в мягких, как перчатки, сапогах, летит, почти не касаясь земли, вынося коленки, разметав рукава, а она мелко семенит ножками, талия у нее узка и длинна, ресницы потуплены, а черная тонкая бровь, огибая переносицу, продолжается другой бровью. А все вокруг хлопают в ладоши и кричат «ас-са!».

Он в детстве ни разу не был у Черного моря, не видел гор. Ему так хотелось в Артек — он видел в кино, как они там плещутся и загорают, пионеры, а он тоже был пионером. Он просил родителей, чтоб достали ему путевку, шутка ли, отец — бригадный комиссар и мать при должности. Но они ему терпеливо объясняли, что в Артек просто так не посылают. Туда, во-первых, посылают отличников учебы, а уж он, Алеша, постыдился бы, что принес за четверть. Кроме того, в Артек отправляют детей, совершивших геройские поступки: один помог задержать на границе диверсанта, другой предотвратил крушение поезда, а третий приехал из Абиссинии. С этим, конечно, спорить не приходилось, он ничего подобного не совершил. Но когда в «Максимке» (так кронштадтские ребята называли меж собой кинотеатр имени Максима Горького, что размещался в Морском соборе), — когда он видел там, на экране, орды артековцев, бегущих по песчаному пляжу купаться в море, а они почему-то бежали купаться, даже не сняв пионерских галстуков, он просто ужасался: сколько же это диверсантов лезет через границы, сколько поездов едва не летит под откос, сколько народу понаехало из Абиссинии и сколько же, оказывается, развелось зубрил, у которых по всем предметам отлично... Так он и не достиг своей мечты, ведь он был обыкновенный и заурядный мальчик, тридцать шесть и шесть. А потом началась война...

Алексей еще раз с завистью оглядел лазурное Черное море, в котором ему ни разу не довелось искупаться, горы и кипарисы, которых он так и не повидал в натуре. А теперь он уже вышел из артековского возраста, состарился и оставалось лишь мечтать о роскошном санатории в Ореанде, куда Семен Ильич Улитин каждое лето ездил гонять пузыри. Впрочем, Ореанда и Артек — это в Крыму, а тут, на живописных панно, был Кавказ.

В соседнем зале зарокотали барабаны и бубны, завизжала зурна, затренькали тари.

Он почувствовал под столом, как ожили, заиграли, касаясь его колен, Лилькины колени.

— Жалко, что здесь, в «Арагви», не танцуют,— сказала она,— правда?

Алексей промычал в ответ нечто неопределенное, потому что эти колени его окончательно повергли в дрожь, даже рука задрожала, когда он потянулся к бутылке «Хванчкары» налить снова.

Но рука его замерла, не дотянувшись. Он вернул ее, поднес близко к глазам растопыренные пальцы. Он только сейчас нечаянно заметил, что на них нет бородавок. Там, где еще совсем недавно топырились трещиноватые твердые зернышки — ведь он обращал внимание, когда умывался, когда стриг ногти,— там теперь было совсем чисто, белые лунки выходили из-под гладкой и ровной кожи, а дальше шел округлый розовый ноготь. Он вдруг подумал, что не та рука, посмотрел на другую, но там тоже ничего не было, а он хорошо помнил, что бородавки у него были на правой руке, на той, в которой он держал карандаш, чтобы записывать несусветный и дикий сказ бабки Окси, а Клара заметила эти бородавки, накинула нитку на сустав его пальца, велела молчать, сама помолчала — и в этом молчании был ее заговор. Еще она велела ему обязательно верить, но он не поверил, а просто забыл. Но вот, ей-ей, бородавки еще совсем недавно были, а теперь их не стало. Он ошеломленно разглядывал свои пальцы, шевеля ими, будто рачьими ногами,— какие чистые пальцы.

— Ой, как же я не догадалась...— Лилька отпрянула к спинке стула.— Да ведь у тебя там кто-то есть. Конечно, есть! Вот почему ты и застрял... А я, дура, не догадалась сразу.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду,— поспешил возразить Алексей.— То есть что значит — есть?

Он испугался, что эта ее догадка может спутать все его планы. А ему так сильно хотелось эту белокурую Лильку, хоть дави ее прямо здесь, в подвале, он никак не мог допустить, чтобы какие-то догадки, какие-то бородавки могли оказаться помехой.

Снова появился официант и положил перед Лилькой распластанного цыпленочка, ножки врозь, зарумянившегося и нежного, а для него содрал с шампюра набрякшие, еще в дыму ломти шашлыка.

Алексей заметил, что Лилька долго колебалась, соображала над сосудиком с чесночным запашным соусом, но потом решительно и бесповоротно оплеснула им своего цыпленка. Оторвала ножку, вгрызлась, отерла губы, сказала:

— Ладно, Алеша. Давай начистоту... У меня тоже есть.

Ее синие глаза смотрели на него очень серьезно и взросло.

— Есть. Это тако-ой роман, что можно умереть! Но я не хочу. Я жить хочу... Мы скоро с ним расстанемся навсегда-навсегда. Потому что он — женатик. Разрушить я не смогла, не то что постеснялась, а не добилась — там еще детки плачут... Вот и вся любовь. К Новому году мы и покончим, потому что Новый год встречают в семейном кругу... Ты где будешь под Новый год, в Москве?

— Само собой,— обескураженно лепетнул он.— Наверное.

Он просто еще не успел задуматься над этим вопросом. Ведь он всего лишь несколько часов назад узнал, что ему нечего сдавать, что у него все сдано, никаких долгов, никаких хвостов, что ему вообще незачем было приезжать в Москву, никто его не вызывал, а он взял да и приехал. Ему еще только предстояло обдумать, куда же деваться и как убить время. А тут еще эти неуместные дознания Лильки Панкратовой и ее же, вовсе некстати, собственные признания.

— Я еще не знаю.

Куда ему было деваться? Ехать в Ленинград, встречать Новый год в семейном кругу, с матерью? Он не хотел, это было слишком обыденно и скучно. Пить водку у дяди Коли Фетисова, слушать в десятый раз про то, как сливали бензин? Тоже не шибко весело. Возвратиться в Город-на-Реке? Но там бы его наверняка не поняли: какой же дурак своей волей вернется встречать Новый год в Городе-

на-Реке... Не выгнали ли его, случаем, из института, что так быстро вернулся? Не дала ли ему Москва от ворот поворот?

Однако Лилькины глаза теперь смотрели на него уверенно и даже весело, кажется, она сама наконец поняла, зачем он ей, на что годится, какой от него прок.

— Меня пригласили вдвоем — ну, с мальчиком, с парнем, — а я одна, у меня нету парня, всех разогнала, вот ты и будешь, Лешенька. Мы с тобою вместе встретим Новый год, а там поглядим, ведь знаешь: что под Новый год приснится, то и сбудется...

— Это где же? В Химках? — поинтересовался он несколько надменно и брезгливо, все-таки он был не мальчиком, а солидным человеком, журналистом и полярником, он мог себе позволить быть разборчивым в знакомствах. — А к кому?

— О, это такая семья — очень, очень... — угадав его согласие, радостно затараторила Лилька. — Это здесь, в Москве, в самом центре. Но родителей дома не будет, они куда-то уходят. Будет только молодежь — много, и все такие интересные: один из Большого театра, а другой пианист, и еще... А Светлана, хозяйка, — она учится в МГУ на филологическом. Мы с ней подружки вот с таких... — Лилька показала ниже столешницы. — Понимаешь, мы на Левобережной рядом живем: у нас дом, а у них дача, еще с до войны, и каждое лето мы с нею вместе. Мы со Светкой еще в куклы играли, землянику собирали, купались в реке... у нас еще и тут ничего не было, — она коснулась своей груди, вставшей на дыбки, усмехнулась, — а у нее и сейчас нету, но некоторым нравится. Она черненькая, вот такая...

Лилька показала на живописное панно, где среди корзин с фруктами скользила, потупя ресницы, красавица с тонкими бровями и осинной талией.

— Но она не грузинка, а это... — Лилька наморщила лоб. — Я была, как называется, всегда забываю. Светлана Дагирова. Я после вспомню.

— Там, наверное, складчина, — сказал Алексей, доставая из кармана плотный бумажник. — По сколько?

— Да что ты... У нее папа знаешь кто? Ого-го! А дочка одна, ее балуют. Все у них будет, ничего не надо. — Она рассмеялась. — Нет, надо. Усы, пожалуйста, сбрей. Они тебе не идут. Будто ухарь, а ведь ты не ухарь.

Официант поставил перед ними чашечки кофе, блюде с сахаром.

— Мы встретимся с тобой у метро, у «Дворца Советов», в девять вечера. Пораньше, надо Светке помочь — нет-нет, у них домработница есть, но ведь я ее самая лучшая подруга, надо помочь хотя бы для приличия, стол накрыть... Так что жди меня ровно в девять. Знаешь, где «Дворец Советов»?

Алексей кивнул вполне определенно. Он уже хорошо знал Москву, особенно вблизи метро.

— И еще последнее, — сказала Лилька. — Ты меня в Химки не провожай, нет. Если хочешь, то только до вокзала. Поздно, туда еще ничего, а обратнo электрички не дождешься. Нет, ты не спорь... — Она наклонилась к нему близко. — Я ведь знаю, что там будет, в Химках. Ты меня у калитки зажмешь, будешь добиваться, а я все равно не дамся, а ты обозлишься — и все. Зачем?

Он раскрыл пачку «Северной Пальмиры», постучал мундштуком папирсы по крышке, пахнул дымком. Да, тогда если так, то, конечно, вряд ли стоило тащиться в Химки. Чуть ли не полпути до Ленинграда. А зачем, если незачем?

— Ты разве куришь? Но ты красиво куришь, а вот он — как кушает... — Лилька отмахнулась досадливо. — Ладно, заживет. Теперь плати — и пойдем.

Алексей поискал глазами официанта.

Он приехал раньше условленного срока и теперь стоял под арочкой с неоновой красной буквой «М» там, где Бульварное кольцо обрывается у Москвы-реки, чтоб возобновиться и продолжиться у Яузы.

Из дверей метро валил народ: взбудораженный, заполошный, торопливый, какой бывает только в новогодье, несли битком набитые сумки, аккуратные магазинные свертки, коробки с тортами в пестрых перевязях, авоськи, где все на виду, и деловые портфели, звякающие потаенно, из сумок, а у кого и просто из карманов выглядывали фольговые горлышки шампанского, — вываливались из тепла на мороз, подыхая паром. А с мороза в тепло в другие двери вваливалась такая же плотная толпа, и здесь были все те же приметы: кошелки, свертки, авоськи, коробки, фольговые горлышки, — и даже казалось, что это одни и те же люди, эдакие шалуны, весельчаки, вбегают в одну дверь и, покатавшись на эскалаторе вниз-вверх, выскакивают из другой двери: а вот и мы, ха-ха.

Появился дядек с лохматой елкой на плече — торопись, пора наряжать, ведь скоро полуночный звон, но дядек никуда не торопился, поставил елку наземь и, слегка покачиваясь, хотя ветра не было, оперся на нее же. Алексей понял, что продает, что празднует загадя.

Он взглянул на часы, однако до девяти еще оставалось минут двадцать, и он решил, чем так стоять, прогуляться вокруг да около. Тем более что его внимание привлек громадный пустырь, погрязший во мраке. Со всех сторон, со всех этажей лился свет бесчисленных окон, уличные фонари высвечивали круженье тихих снежинок, гирлянды иллюминации перекинулись через улицы, совсем близко жарким угольком накалилась в вечернем небе звезда кремлевской башни, — а тут, в соседстве со всем этим щедрым светом, стыл черный и бездонный мрак.

Алексей пересек Волхонку и вышел на край котлована. Он был так обширен и глубок, что казался кратером вулкана, разверзшегося не на вершине горы, а, наоборот, в низине, в пади. В этой яме угадывались свои возвыщения и свои провалы, кое-где они были присыпаны снегом по смерзшейся сухой земле, а в других местах отливали блеском вспучившихся наледей, мерцали живыми токами грунтовых вод. Будто бивни ископаемых мамонтов, торчали вразброс искоренные свай.

Алексей Рыжов догадался, что такое перед ним. В его голове пронеслось чередой все слышанное ранее об этом и все, так или иначе с этим связанное. «Храм Христа Спасителя. Помните, на Волхонке? Его взорвали...» — сказывал ему профессор Шамшин. «Я не помню, — отвечал Алексей. — Я не москвич, я из Ленинграда, точнее — Кронштадт».

А на крутом печорском откосе Галина Тимофеевна Сиротина, районный архитектор, показывала ему четкие пролеты моста, шагнувшего через Советов: «Знаете, эти стальные конструкции — из каркаса Дворца Советов, да, прямо из ядра цоколя... Перед войной я работала на строительстве Дворца Советов...»

А Лилька Панкратова сказала: «Мы встретимся с тобой у метро, у «Дворца Советов», в девять вечера... Знаешь, где «Дворец Советов»?»

Он знал. Он предостаточно знал обо всем этом, примерно столько же, сколько знали остальные.

Его тетка, тетя Надя, рассказывала, что храм Христа Спасителя был громаден, его золотые главы были видны верст за тридцать, когда подъезжаешь к Москве, — да-да, точно так же как из Кронштадта виден Исаакий, а от Исаакия можно видеть купол Морского собора в Кронштадте, через весь залив, но нет, пожалуй, с Исаакием он, храм

Христа Спасителя, сравнения не выдерживал, Исаакий впечатляет больше, в нем цельность, классика, зато этот, в Москве, был куда более русский... жалели? одни жадали, а другие нисколько, а кому теперь жалеть, ведь в Москве и москвичей наперечет, как в Ленинграде питерцев... но, понимаешь, надо учесть, что на этом самом месте собирались строить Дворец Советов — его уже начали строить, но вдруг война...

Однако тут уж Алексею вовсе не надобились тетушкины объяснения, все последующее было на его собственной памяти, на его хотя и не столь уж долгом, но великом веку.

Сызмальства, едва ли не с первого класса — нет, даже раньше, с детского сада, — он знал этот Дворец Советов, будто бы сотню раз видел его воочию, в натуре, во всем его несказанном размахе, во всей его невероятной высоте, во всех мельчайших его деталях и подробностях, знал наизусть, мог бы его нарисовать с закрытыми глазами, мог вылепить из глины или соорудить из песка. Потому что он был повсюду, сопутствовал всему, соседствовал со всем, его изображения печатали на первых страницах газет и журналов, наравне с Днепрогэсом, будто он был уже в яви, как Днепрогэс, он был на праздничных плакатах и почтовых открытках, на глянцевого обложке школьного атласа и на картонном задке отрывного календаря, везде.

Даже сейчас в непроглядном холодном мраке, сгустившемся над котлованом, спустя столько лет, Алексей мог без особого труда вызвать из глубин забвения и воздвигнуть силой памяти, силой мечты это дерзостное сооружение: полные воздуха и света колоннады, повторяющие изгиб Москвы-реки, и широкие лестницы, то ли ниспадающие к этой реке, то ли, наоборот, набирающие разгон от воды, от земли к небу; ребристые цилиндры, громоздящиеся один над другим уступами, постепенно суживающимися в диаметре, но возрастающие в собственной высоте, и еще кольца вздернуты пилонами, на которых — в знаменах, штыхах, снопах — возвыщались гигантские лепные группы, и это было переходом от одной высоты к новой высоте, а там еще и еще, все стремилось ввысь; он даже запомнил прочитанное когда-то: что здесь нет ничего похожего на готические колокольни, воплощающие мольбу, болезненность рук, вскинутых в последнем уповании, нет, тут было совсем иное, не горестное обращение к небу, а штурм неба, смелое и победное восхождение, порыв тех, кто был внизу, к высотам, к вершине, — да, именно эти слова Луначарского отпечатались в его детской памяти... и наконец последний уступ, последний шаг, последний взлет: удлиненная круглая башня, которая будто бы венчает здание, а на самом деле она, как и весь Дворец Советов, является лишь постаментом, подножием, на нем — Ленин, простерший руку, а горные ветры разметали полы его пиджака... стометровая фигура из нержавеющей стали, зеркально вбирающая в себя синеву неба и полет облаков, свежие краски зари, и багровые отсветы заката, и вечерние огни всей окрестной Москвы, и росчерки молний в грозу, и сонмы далеких созвездий...

Алексей задрал голову, придерживая на затылке шапку. Сейчас зимнее небо, подсвеченное городским заревом, было сплошь затянато косматыми тучами, посеивающими снежок. Он прикинул: те триста метров, что составляли высоту самого Дворца Советов, да еще сто, что были в статуе, — и понял, что сейчас, при такой погоде, здание было бы расчленено слоями туч... да, это была бы высота, это была бы сила, была бы явленная мечта, это было бы здорово.

Он вспомнил, как, впервые попав в столицу полтора года назад, еще на площади трех вокзалов он прежде всего стал оглядываться — искал Дворец Советов, хотя и знал, что его нет, но слишком крепко угнездились в сознании сызмальства, с самого нежного возраста, что е с т ь, тем более что он отлично знал, как о й он, — но где же?..

Впрочем, и все другие люди — москвичи прежде всего — жили, как вскоре он убедился, в такой же уверенности, что он есть на самом деле, реально присутствует, они говорили о нем вполне деловито и даже буднично, как о само собой разумеющемся, будто он стоит на своем месте, где положено, что-то близко к нему, а что-то и вовсе рядом. Была станция метро «Дворец Советов», была набережная Дворца Советов, а в троллейбусе спрашивали запросто: «Вы сходите у Дворца Советов?» — «Да, — отвечали, — выхожу...» И Лилька Панкратова назначила ему свидание, сказав: «Мы встретимся с тобой у «Дворца Советов», у метро, в девять вечера... Знаешь, где «Дворец Советов»?» Он знал.

И сейчас, когда он стоял на краю котлована, в котором клубился мрак, где пучились, громоздились, всползая одна на другую, округлые наледы, а меж ними сочились, мерцая, грунтовые воды, он был обуреваем двояким чувством.

Не то чтобы ему было жалко давным-давно взорванного храма Христа Спасителя — ведь он его никогда не видел, только слыхом слыхал, и вообще он не мог жалеть об этом хотя бы потому, что он не так был воспитан, — но ему было очень жалко, до слез, что Дворец Советов, мечту его детских лет, так и не успели построить, только начали, но вдруг — война. И теперь еще никак не соберутся доделать начатое, начать сызнова: экая, гляди, ямища вместо дворца, лужа, топь...

Однако Алексея Рыжова весьма и весьма обнадеживало то, что рассказал ему теткин сосед дядя Коля Фетисов, шофер: мол, работа у них самая главная и самая видная по всей Москве — готовят площадки под высотные дома, крушат старье на Смоленской площади, под двадцать семь этажей, бутят на Дорогомиловской набережной, где низина, под тридцать шесть этажей; и еще, он знал, поднимутся небоскребы у Красных ворот и в устье Яузы, у трех вокзалов и на площади Восстания, и еще — он видел в газете этот восхитивший его проект — на Ленинских горах раскинет крылья и вознесет свои гордые башни новый Московский университет, что за чудо... И у него вполне хватало ума, чтоб догадаться: все эти великаны будут окружением, как боевые сотоварищи, под стать главному великану, который поднимется здесь, у Дворца Советов, то есть который сам будет Дворцом Советов, знакомым ему, Алеше, сызмальства, как и всем другим людям на их великом веку.

Он вдруг спохватился, что совсем позабыл о времени, топчась и мысленно рассуждая здесь, на краю котлована, а на часах — он глянул второпях — уже перешагнуло за девять, и он бросился опрометью прямо через площадь, ему засвистел постовой милиционер, но он уже был там и уже углядел в толпе Лильку, которая оглядывалась нетерпеливо, она была в своих валеночках, а под мышкой держала завернутые в газету туфли, он на бегу залюбовался ею — как она белокура и хороша, — но, между прочим, попутно еще и успел заметить, что пьяный дядек с лохматой елкой исчез: стало быть, нашел покупателя и отправился праздновать дальше.

Они сели за стол в сорок седьмом году, а пошли танцевать в сорок восьмом.

Застолье было спешным и суматошным, как обычно в Новый год: кто-то никак не мог вытянуть тугую пробку из горла шампанского, у кого-то не оказалось бокала, а кому-то досталась одна тарелка на двоих, а еще кому-то не хватило даже стула и его погнали на кухню за табуреткой, — а тут раскатился нисходящий звон курантов, раз, другой, и сейчас должен был прозвенеть первый удар из двенадцати, когда все встанут и начинают чокаться, растроганно заглядывая в глаза друг другу, а сами еще не успели познакомиться как следует, даже не знают, как звать, но в этот миг не бывает

отчуждения между людьми, потому что никто не может знать ничего наперед, кроме первой минуты, а ведь за нею протянется целый год, бесконечный, как это ощущается в молодости, которая сама представляется бесконечной, но тем не менее даже самая беспечная молодость в этот миг ощущает тревогу — а что будет? — но пока: «С Новым годом!.. С Новым годом!»

Потом еще некоторое время они сидели чинно, без хмельного гомона и кликов, без умных и дурацких тостов, еще не распахиваясь и не развязничая, приглядываясь к незнакомым лицам, пытаясь их запомнить, перехватывая на лету, как кого зовут, но и забывая тотчас, никак не находя связи между именами и лицами.

— А это кто? — тихо спросил Алексей сидящую рядом Лильку, имея в виду юного херувима напротив, такого же белокурого, как сама Лилька, голубые глаза, щеки — кровь с молоком, будто он ей кровный или молочный брат.

— Понятия не имею, — небрежно повела плечом Лилька, — я тут сама как в лесу.

В сущности, Алексей пока, кроме Лильки, знал одну лишь хозяйку, Светлану Дагирову, которая тоже сидела напротив между белокурым херувимом и каким-то пожилым парнем, лет двадцати пяти, с орденом Красной Звезды в петлице, даже была странность в том, что такой престарелый парень затесался в такую молодую компанию, ну да ладно, пускай сидит.

А Светлану Дагирову он знал уже часа три, с тех пор как они с Лилькой пришли пораньше, чтобы Лилька могла помочь своей лучшей подруге детства накрыть стол, но оказалось, что помогать уже нечего, все на столе, и они просто посидели втроем на кухне. Лилька несла какую-то чепуху, Алексей глубокомысленно и важно курил, а Светлана прислушивалась, не звонят ли в дверь, не явились ли гости, и порой поднимала на Алешу серьезные черные глаза, которые были так черны, что не различались зрачки, будто они были сплошь зрачками, во всю сеточку, но в этих зрачках нельзя было прочесть ничего, угадать, какое в них выражение, о чем они думают, настолько они были черны.

— Диля, — обратилась через стол Светлана Дагирова к своей лучшей подруге детства, — а почему он ничего не ест?

Алексей удивился тому, что она спрашивает об этом у Лильки, а не спрашивает его самого, но заметил, что Светлана смотрит своими непонятными черными глазами не на Лильку, а все-таки на него, и ответил сам:

— У нас на Севере после первой не закусывают.

Тогда пожилой парень, сидевший рядом со Светланой, обрадованно спохватился, взял бутылку «столичной» и налил Алеше прямо в фужер, однако и себя не забыл, тоже налил полный фужер, протянул к нему, и они чокнулись, понимающе улыгнувшись друг другу: мол, не будем равняться на всякую мелюзгу, я, брат, с войны, а ты, брат, с Севера, пьем до дна.

Светлана по этому поводу состроила гримаску, но гримаска относилась, вполне очевидно, не к нему, Алексею, а к этому сидящему рядом с ней престарелому парню.

— Юра Аржанников, — сказал он.

— Алексей Рыжов, — представился Алеша. — Мне очень приятно.

Несмотря на столь значительную разницу в возрасте, они сразу прониклись симпатией друг к другу.

Вообще он догадался, что нет никакого смысла примечать всех гостей сразу и пытаться запомнить, кого как зовут, что это напрасный труд, потому что каждому придет свой черед и повод объявиться, показать себя, кто ты такой и на что годен, проявить свою лич-

ность, а там уж к личности само собой прилепится имя, к имени пристегнется фамилия, и все обретет необходимую определенность.

Он не ошибся.

Светлана Дагирова посмотрела в конец стола, где сидел мордастый юноша с бетховенской львиной гривой волос, тот понятиливо кивнул, встал и направился к пианино, поднял нижнюю крышку и еще верхнюю крышку, чтобы громче звук, сел, навесил над клавиатурой свои длинные костистые пальцы — и Алеша уже изготовился слушать «Лунную сонату», как вдруг эти руки разбежались по клавиатуре и заработали в отчаянном регтайме, выдавая на басах, левой, четкий ритм, а на высоких частотах, правой, рассыпав дребедень синкоп, обе руки затрясались в крайнем ожесточении, сам парень затрясся на стуле, грива его затрясалась, пианино затряслось, затряслись стежляшки на елке, затряслась люстра — во дает малый, что твой Цфасман, — Алексей почувствовал, как под столом рядышком затрепетали Лилькины колени, и к его собственным коленям взбежали искры.

— Пойдем? — спросила Светлана Дагирова, ее вопрос был обращен к нему.

— Пойдем, — согласился Алеша.

Он пошел вокруг стола, соображая попутно, отчего же она не позвала танцевать своих непосредственных соседей, херувима или Юру, но смекнул, что эти ее соседи, вероятно, уже давно знакомы с ней и не впервые в этом доме, а он, Алексей, первый раз и, конечно же, ей как хозяйке следовало выказать особый знак внимания новому гостю, чтобы он быстрее обвыкся и освоился.

Тем более что, как он сразу убедился, никто не остался внакладе: Лилька уже танцевала с Аржанниковым, а белокурый херувим водил какую-то девчонку, и все прочие тоже зашлись в танце.

Все, кроме самого пианиста, который крушил все подряд белые и черные клавиши, давил что есть мочи на педаль, будто в гоночном автомобиле, и даже успевал в отдельные моменты стучать ладонями по гудкой деке — во дает малый, сразу видно, что из консерватории.

И еще какой-то хмырь болотный в очках слонялся одиноко, проталкиваясь меж танцующих пар, отечески наставляя:

— Двигайтесь, двигайтесь...

Но все и так двигались.

— А ты умеешь диндачить? — спросил Алексей Светлану.

— Не умею, — ответила она, — но попробую.

Он вытолкнул ее из своих объятий подальше, не расцепив, однако, рук, и начал плести ногами кренделя, скользя подошвами, — это была знаменитая лнда, ввезенная по ленд-лизу вместе со свиной тушенкой и яичным порошком из Америки в Архангельск, а теперь ее танцевали всюду, даже в Химках, но Светлана не умела, он это сразу понял, однако в ее гибком теле, худых плечах, тонкой талии и юрких бедрах жила природная способность к любому танцу, это он тоже сразу понял, и через минуту она не хуже его плела кренделя ногами, неожиданно полными и сильными в икрах при всей ее утонченной стати.

Вот теперь в ее глазах, подобных сплошным зрачкам, бархатисто-черных, вбирающих свет, но не отражающих, не излучающих его нисколько, — теперь в этих глазах появился блеск.

— Молодец, — похвалил Алексей Светлану.

Все искусство этого танца заключалось в том, чтобы, обладая личной свободой и самостоятельностью движений, в то же время не упускать из рук партнера, не терять касания, — и у них это отлично получалось.

Сейчас он имел возможность совсем близко рассмотреть черноту ее глаз, пологих бровей, длинных негустых ресниц, черноту ее глад-

ких волос, разделенных тонким белым пробором, и по всегдашней своей привычке искать связь между лицом и именем он спросил ее, не пряча удивления:

— Светлана, а почему ты Светлана?.. Почему тебя назвали Светланой, если ты сама такая черненькая?..

Алексей вернулся к столу, задыхаясь, а рядом с ним едва переводила дух Лилька, но она тем не менее очень тихо, в задышке сказала ему, чтоб никто не слышал:

— Слушай, ты... Этот Юра — я все выяснила — он жених Светланы. Он на ней хочет жениться, уже предлагал. И родители знают. Соображаешь?

Она взяла со стола салатницу, подцепила ложкой оливье и шмякнула ему на тарелку, как коровий блин.

— На, ешь...— продолжила она, задыхаясь у его уха.— Он на ней жениться хочет. На ней все хотят жениться, не то что...

Лилька не договорила — горько и зло, — но он учуял недоговоренный двойкий смысл: «...на мне».

— Ну и что?— спросил он так же тихо, неслышно для окружающих.— Она не хочет? Я должен ее уговорить?

— Ты уговоришь...— прошипела Лилька.— Между прочим, он журналист, работает в газете, взаправдашней, на улице «Правды». А не в подтирашке, как ты, черт знает где. Так что не встревай, не лезь... Ясно?

Лилька лучисто улыбнулась своей лучшей подруге детства Светлане Дагировой и ее жениху Юре Аржанникову.

Он ответил улыбкой, но Светлана — та ничуть, наоборот, лишь нахмурилась и поджала свои и без того тонкие губы.

— Так вы журналист?— воскликнул Алексей Рыжов, очень обрадованный этим известием.— Значит, коллега?

— Да, — подтвердил он.

— Так что же мы... надо по этому случаю...

— Надо, — согласился Юра.

Алексей схватил ополовиненную бутылку «столичной» и разлил оставшееся в два фужера, ему и себе, больше не было, но Светлана, Лилька и белокурый херувим тянули какое-то кислое вино.

— Выьем за писавших, выьем за снимавших, — сказал Алексей, подняв фужер.— И на «ты», идет?

— Идет, — подтвердил Аржанников.

Светлана отвернулась от них, прислушалась к разговору на другом конце стола, тем более что речь, звучавшая там, кажется, была обращена именно к ней, хозяйке застолья.

— Нет-нет, я не могу!.. Понимаете, я вырос на Чайковском, на Глазунове — с самых ранних лет, — я воспитан на мелодии, на благозвучии, а здесь — какие-то вопли, какой-то зубовный скрежет... Вот уж права Галина Сергеевна, я имею в виду Уланову: «Нет повести печальнее на свете, чем музыка Прокофьева в балете!»

Алексей не видел, кто держит эту речь, потому что говоривший сидел на той же стороне стола, что и он, за чередой профилей, перекрывавших друг друга — лбы, носы, подбородки, — как на групповом барельефе. Но он догадался, что это — из Большого театра, тот, про которого ему еще в «Арагви» сказала Лилька.

— Я допускаю, что это может кому-то нравиться, но... я не могу, не могу...

— Ничего, переможетесь!— вспыхнув, прервал эту речь белокурый херувим, будто речь предназначалась не Светлане Дагировой, а ему, сидевшему рядом с хозяйкой дома.— Не выпендривайтесь, надоело.

Алексей подмигнул Аржанникову: во дает малый, что ломовой извозчик, а ведь с виду — херувим.

Юра тоже кивнул одобрительно. Они с Алексеем сразу нашли общий язык.

Светлана, коснувшись рукой плеча херувима, огладив ему крылышки, сказала:

— Утихни, Витя, нельзя так... Но и вы, Олег, не правы. И ваша Галина Сергеевна — впрочем, она скорей пошутила: ведь танцует, танцует...

— Я тоже танцую! — обиженно отозвался Олег.

— И правильно делаете. Прокофьев — удивительный мелодист. Просто его мелодия не мотивчик, не шарманка. Там все сложнее, непривычной для слуха... Ну хотя бы вальс из «Золушки» — разве не прелесть?

— Там их два, — заметил не без ехидства Олег, по-прежнему оставшийся для Алексея вне видимости и, увы, вне досягаемости. — Который из двух?

— Там их три, — мрачно и глухо уточнил малый с бетховенской гривой, — в «Золушке» три вальса.

— А вот этот, — сказала Светлана и, поднявшись, направилась к пианино.

Алеша вытянул шею: он следил за тем, как узкие кисти ее рук коснулись клавишей и пошли по октавам, соединяя звуки, безмерно далеко отстоящие друг от друга, в смелый, диковатый, но чудесный рисунок. Нужно было напрячься, чтобы уловить эти связи, — нет, наоборот, нужно было совсем расслабиться, целиком отдаться во власть этих звуков, этих линий, и тогда совершенно отчетливо возникла мелодия.

Но в аккомпанементе были обычные «раз, два, три», вальс — это вальс, даже у Прокофьева, и многие, наскучив говорильней, бросились танцевать — закружились, запорхали, скрыв Светлану и ее пальцы от глаз Алексея.

— Пойдем? — предложил Витя-херувим Лильке.

Она встала, рывком отодвинула стул, пошла с ним — и они закружились вместе, белокурые.

— Двигайтесь, двигайтесь... — услышал Алексей за спиной заклинанье болотного хмыря.

— Бог подаст, — не оглядываясь ответил Алексей и, чуть выждав, спросил Аржанникова: — Он что — чокнутый?

— Нет, он физик.

Юра уныло вертел в руках пустую посудину с изображением гостиницы «Москва».

Оглядели стол; вблизи ничего не оказалось, но вдали маячила недопитая бутылка водки — они перемигнулись, своровали, поставив взамен пустую, быстренько разлили по своим фужерам, чтоб уж никто не вздумал качать права, и как ни в чем не бывало светски откинулись к спинкам стульев.

Музыка смолкла.

Олег из Большого театра пал на колено перед Светланой, обозначив сквозь брюки железные ляжки и ягодицы, протянул к ней ладони, на которых лежал голубенький листок театральных билетов.

— Я покорен, сражен... прошу принять: «Ромео и Джульетта», завтра ваш рыцарь танцует рыцаря...

«Еще один рыцарь, еще один жених, — хмыкнул в душе Алексей. — На ней все хотят жениться. Кроме меня, слава богу».

Он заметил еще: Светлана намеревалась было сунуть эти билеты за корсаж своего платья из черного шифона, но сообразила, что если сунет, то этим движеньем лишь укажет, как мальчишески плоска ее грудь, что там ничего и нет, кроме двух билетов в Большой театр, и сунула их в рукав, плотно охвативший запястье.

— Друзья! — продолжил свою речь Олег, уже вернувшись к столу и возвысив бокал, стекло которого облепили изнутри пузырьки нарзана. — Я предлагаю — за талант!.. За таланты!

— Прекрасный тост, — горячо поддержал Алексей. — За здоровье отсутствующих!

Витя-херувим расхохотался первым громко и мстительно, но следом прокатился дружный смех, и даже Светлана засмеялась.

Рыцарь сел, одарив Алешу той улыбкой, которой дарят плебеев.

— Э-э... — угрожающе промычал гривастый малый из консерватории, заглядывая в пустую бутылку: вот уж кому было не до смеха.

Лилька переводила испытующий взгляд с Алексея на Юру. Они поспешили выпить.

— А теперь мы попросим Сашу прочесть стихи, — сказала Светлана Дагирова. — Саша, пожалуйста...

— Саша, прочтите, прочтите! — заверещали все девицы.

— Он из Литературного института, — объяснила Лилька Алексею. — Он очень известный, даже один раз печатался.

— Он у нас печатался, — подтвердил Аржанников.

Саша встал, не без опаски покосившись на Алексея. Он был в светло-сером, не по сезону, костюме с вязанным пестрым галстуком. Он был ужасно конопат, то есть можно было представить, что если он так конопат зимою, то что сотворится к весне.

— Я прочту вам...

Алеша понял, что сейчас он начнет выть. К ним в Библиотечный однажды приезжали молодые поэты из Литературного института, читали стихи в актовом зале, и он тогда еще обратил внимание, что все они читают одинаково — пишут разное, кто про войну, а кто про любовь, кто хорошо, а кто плохо, но читают совершенно одинаково: членя текст на слоги, а промежутки заполняя воем, от которого холодеет сердце и стынет кровь, будто бы в том и поэзия, чтобы выть, когда никто не воет.

Напиток сладкий, душистый, липкий неторопливо разольем, и звонко чокнутся улыбки, изломанные хрусталем. Столкнув глазами ненамеренно, нас вдруг привяжет через стол скорей догадка, чем уверенность, что ты нашла и я нашел... Мы промолчим, но тем не менее друзей, должно быть, удивит твое хмельное оживление, мой откровенно глупый вид. И все уйдут...

— Пошли покурим? — предложил шепотом Аржанников.

— Пойдем, — обрадовался Алексей.

Они, согнувшись, как под обстрелом, почти по-пластунски добрались до двери. Их сопровождали уничтожающие взгляды.

— Жив? — спросил в коридоре Юра, выпрямляясь.

— Живой, — отозвался Алеша.

Они закурили подле вешалки.

— Слушай, а у тебя за подкладкой не припрятано? — спросил Аржанников.

— Ничего, — огорчился Алексей. — Мне сказали: с собой ничего не надо, все будет... а ничего и нет.

— Как всегда. Если обещано, что все будет, то ничего и не жди.

— В складчину все-таки лучше, надежней.

— Это верно... Но ты, Рыжов, не вешай носа! — обнадежил Юра. — Я в этом доме не впервой, ходы-выходы изучил, где что лежит — знаю. Кроме того, учти: я разведчик, артиллерийский, у меня брат, чутье... Ты меня понял? — Он приблизил лицо к лицу Алексея так, что оба его глаза слились в один большой глаз. — Ты меня хорошо понял?

— Я вас понял.

— Тогда = за мной! Перебежками...

На кухне огонь был погашен, но свет из коридора проникал сюда и был достаточен, они не стали зажигать.

Юра тихо отвалил пузатую дверцу холодильника — оттуда повеяло морозцем — и ошупью пошел по полкам.

— Слушай, Рыжов, так ты, значит, из Города-на-Реке? — спросил он между делом. — Это где же, в Магадане?

— При чем тут Магадан? — удивился Алеша. — Как может быть, чтобы один город был в другом городе?

— Нет, я не в том смысле: это что — Сибирь? или Дальний Восток?

— Это не Сибирь и не Дальний Восток...

Алексей все больше поражался неосведомленности в географии журналиста из взаправдашней газеты.

— Это в Европе, — объяснил он. — Европейская часть страны, самый северный закут.

— Как ты сказал — закут? — отозвался гробовым смешком Юра из самой глубины холодильника. — Это хорошо — закут...

Он вылез обратно, отряхивая ладони от налипшего инея.

— Пусто, Рыжов. В этом закуте пусто, дорогой ты мой. Но это еще не последнее место, не последний закут, ха-ха-ха...

Он опустился на карачки, открыл какую-то дверцу внизу в стене, из нее засквозило так, что Алеша застучал ногой об ногу, он догадался, что это подоконный холодильный шкаф, прямой лючок на улицу, очень удобно.

— Есть? — спросил он в надежде.

— Нету, — ответил Аржанников с улицы.

Он выбрался оттуда, поднялся, не скрывая разочарования, присел на табурет, чтоб отдышаться.

— А там какие — вот такие?

Юра оттянул уголки глаз к самым вискам, отчего глаза сделались узкими, будто щелки.

— Да что ты? — рассмеялся Алексей, его очень забавляло дремучее невежество столичного газетчика. — Там вполне европейский тип. Как мы. Это народ угро-финской группы: посветлее — вроде финнов, а потемнее — вроде венгров... хотя, конечно, у тех тоже бывают разные.

— Интересно. Очень интересно ты рассказываешь... Слушай-ка, Рыжов, погляди за форткой — там не висит ли?

Алеша въез на табуретку, отворил форточку, с наслаждением задышал свежим запахом зимы.

Совсем близко виднелся освещенный циферблат часов Спасской башни, стрелки показывали три часа ночи. Но, несмотря на столь поздний час, бесчисленные окна окрестных домов были ярко освещены, и в большинстве из них можно было даже различить цветные огоньки новогодних елок, искристо преломленные морозным узором на стеклах.

А внизу, когда он высунул голову из фортки, разверзся вулканический кратер, черный котлован, над которым он стоял в раздумьях нынче, то есть вчера, в прошлом году, — в нем по-прежнему дежал густой мрак и пучились надеи.

— А что там есть? — спросил Юра Аржанников.

— Ничего нету, — сказал Алексей, закрывая форточку и слезая.

— Нет, я имею в виду твой Город-на-Реке, твой Север. Что там есть?

— А-а... Там все есть, — с неожиданной гордостью сказал Алеша. — Уголь, нефть, лес. Даже металлургия. Вообще это очень богатый край!

— Любопытно... А из наших там, по-моему, никто и не бывал. Куда только не ездят — на Чукотку, в Каракумы, на Памир, — а тут,

выходит, совсем близко, чистая Европа, но никто не имеет представления. И я, признаться, впервые слышу.

— Да, это рядом,— подтвердил Алексей.

— Рядом... Ох, погоди! В буфет-то я не загаянул, хотя тоже рядом,— озаботился радостно Аржанников.— Зажги-ка свет.

Алеша нашарил выключатель, щелкнул, сожмурился от света и обомлел от неожиданности.

У двери, прислонившись к косяку, будто слившись с ним, стояла высокая сухопарая старуха с вытянутым вперед лицом, похожим на щучью морду, только зубов не было видно, пасть захлопнута. Может быть, она стояла здесь уже давно, затаившись, как щука, выжидая мига, чтобы клацнуть и заглотать, а они ничего не видели, резвились тут, лазали по холодильникам, вели досужие разговоры.

— Ядя...— пробормотал не менее ошарашенный неожиданностью Юра. Но быстро совладал с собой, направился к ней и чмокнул ее впалую щеку, не страшась зубов.— С Новым годом, Ядя, с новым счастьем! А мы тут... Рыжов, познакомься, это Ядя — прошу любить и жаловать. А это...

Алексей поклонился:

— Мне очень приятно. С Новым годом.

Она, ничего не ответив, внимательно оглядела его с головы до ног, так, что у него вдруг появилось желание честно вывернуть карманы наружу и показать — вот, пожалуйста, пусто.

— Яденька, дорогая,— еще раз приник к ее щеке Аржанников,— належ нам, а?.. На столе уже ничего нет, а душа просит, душа требует, понимаешь?.. Налей, дружок, по чарочке.

Та повернулась по-прежнему без слов и исчезла, будто растворясь в стене, но Алеша догадался, что рядом с кухонной дверью, вероятно, есть еще другая дверь — в комнату домработницы, он уже понял, что это и есть домработница, которую поминала в «Арагви» Лилька.

— Самый главный здесь человек,— прошептал со значением Аржанников.— Ее тут все боятся как огня. Даже хозяйка побаивается, мать Светланы...

— А почему? — таким же заговорщицким шепотом переспросил Алеша.

— Видишь ли, это долгая история, в двух словах не расскажешь. Дело в том, что Ядя у них служит домработницей с самого рождения Светланы: А до этого... стоп, молчок!

Ядя бесплотной теңью проскользнула в дверь, поставила перед ними два стопаря и так же, привидением, исчезла, будто не появлялась, однако стопари стояли перед ними, в них плескалось.

— Будем, Рыжов.

— Будем.

Они истомленно приникли.

— Послушай, старик...— сказал после Аржанников.— А я тут кое-что придумал — насчет тебя. Ты когда уезжаешь обратно?

— Мне еще в Ленинград надо, к матери.

— Ну, это само собой, это дела не меняет. Понимаешь, я ведь в нашей редакции сижу на корсети — все корреспонденты на местах, извиняюсь, подо мной. И вот я подумал: а что, если нам оформить тебя внештатным корреспондентом в Городе-на-Реке — по всему твоему закуту, а? Тут и газете польза: пойдет интересный материал с новой точки, по сути с белого пятна, и тебе прямой резон: все-таки будешь иметь выход на страницы центральной газеты — миллионный, брат, тираж... А?

Алексей погрузился в раздумье. Он подпер кулаком голову и сделал вид, что думает, размышляет. Потому что на самом деле размышлять было не о чем и думать тоже. Он ошалел от радости и всего

лишь опасался, что, может быть, Аржанников загнул с пьяных глаз, чтоб набить себе цену, а завтра и не вспомнит.

В коридоре послышались торопливые шаги. В дверном проеме возникла голова болотного хмыря в очках.

— Двигайтесь, двигайтесь!..

— Пошел на фиг,— послал его Рыжов.

Тот пошел.

— Мы посадим тебя на фикс — это не зарплата, а, так сказать, гарантированный минимум,— продолжал убеждать Юра.— И сверх того ты будешь заколачивать порядочно — у нас ведь хорошо платят. На одной, брат, информации — мы ее будем принимать от тебя по телефону...

Шаги в коридоре возвращались.

Но это был уже не болотный хмырь. Это была Лилька Панкратова, губы которой мягко улыбались, а глаза — в них лучше было не смотреть.

— Здесь вы? Леша, выйди-ка на минуту.

Она увела его к вешалке.

— Давай потолкуем. Без крика, если у меня получится... Ты что же так подличаешь — в открытую, при всех? Со Светкой заигрываешь — ну пускай не ты, а она с тобой, не имеет значения...

— Я обязан быть любезным с хозяйкой дома,— сказал Алексей.

— Ладно. Теперь ты ушел куда-то, меня одну бросил, как... нарочно делаешь вид, будто меня тут и нет, в упор не замечаешь. А ведь ты со мной пришел, это я тебя привела сюда. Если б не я; ты бы сегодня пировал попроще: здравствуй, тетя, Новый год... А тут головка закружилась, кровь взыграли, ах-ах, какие же мы красавцы, душки, все у наших ног... Вахлак!

— Можно, я закурю? — спросил Алексей, слушая все это в полном спокойствии и прикидывая в уме ответ.

— Кури... Нет, ты еще раз вспомни: как ты сюда попал, кто тебя позвал?

— Ты, Лилечка,— смиренно сказал он,— ты, лапа. Ты меня позвала. Потому что, если б не я, тебе не с кем было бы сюда прийти. Потому что твой женатик дрыхнет сейчас со своей благоверной, а не с тобой... Да?

Она застыла изваянием, стояла, приоткрыв рот, но было уже понятно, что из этого рта не вырвется ни звука, что она онемела.

Он и сам ужаснулся тому, что несет, он даже не знал за собою умения быть таким жестоким, но сейчас, стыдясь этого, он одновременно и восхищался тем, что вот получилось, сумел, ведь надо уметь — беспощадно, без крика, впопад.

— Разве я тебе нужен? Нет, тебе просто парень понадобился — для вида, для чина. Чтобы возле тебя лопушком сидел и пирожное подавал. А тут как раз я подвернулся, ты и решила — сгодится... Нет, Лилечка, нет, дитя, ты со мной динамо не крути, я не люблю «Динамо», я за «Зенит» — с детских лет... Поняла?

— Ты... — выдохнула через силу Лилька.

Но дверь столовой распахнулась, из нее выскочила Светлана Дагирова, увидела их подле вешалки и, поколебавшись лишь секунду, ухватила его за рукав:

— А, попался! Ты где же пропадал? Я танцевать хочу...

За пианино, в дверь было видно, опять сидел гривастый консерваторский мальчик и, потряхивая задом, как в седле, рубил «Чатанугу-чу».

— Я линдачить хочу. Вот кавалеры пошли: научат, а сами...

Она поволокла его в комнату.

За столом уже никого не было, на столе тоже ничего не было, то ли перемена к чаю, то ли вообще конец. Все, разбившись парочками,

засели по углам и прилично любезничали. Так что, кроме них, охотников не нашлось — тем просторней.

— Алеша, у меня билеты в Большой театр на завтра... то есть уже на сегодня,— поправились Светлана,— на вечер. Хочешь пойти со мной?

— Спасибо, но...

Он при этом подумал: а как же Юра Аржанников, жених? Ему не хотелось обижать этого престарелого парня, тем более что у них завязались дружеские отношения и, больше того, уже наметились деловые... Да, это соблазнительно, черт возьми! Нет, не Большой театр, а то, что он ему предлагал на кухне. Вернуться в Город-на-Реке корреспондентом центральной газеты, хотя бы и внештатным, ого-го!.. Но так ли уж хочется ему туда возвращаться? Может быть, все-таки лучше Большой театр?

— Ты сказал «но». Что «но»? — переспросила Светлана.

Линда у них не получалась, устали, выдохлись. Они просто топтались на паркете, волокались от стены к стене, иногда замедленно вращаясь, Светлана положила ему руки на плечи и обвисла, бесстрашно привалясь к его груди своей мальчишеской грудью, и он понял, что в том и смелость — что ничего нет, не боязно, не вспыхнет.

Она заглянула ему в глаза:

— Ну говори, что «но»?

— Да ничего.

— Нет, говори. Мне всегда очень интересно, когда я слышу «но». Потому что я выросла на этих «но». Да, но... нет, но... разумеется, но... Я всю жизнь слышу «но» и, представь себе, всю жизнь им беспрекословно подчиняюсь: я примерная девочка, Алеша, образец добропорядочности, ты учти. Но мне... видишь, опять «но», уже мое... но мне надоело, что с возрастом они не переводятся, эти «но», не отпадают, а наоборот — их появляется все больше и больше. Если бы я была поотчаянней, то давно бы, конечно, наплевала на них. Но... вот опять «но»... и вот еще: но всякий раз, когда возникает очередное «но», мне не столько хочется его преодолеть, сколько понять...

В коридоре сильно хлопнула входная дверь.

— Погоди, я взгляну.— Светлана оставила его и вышла.

Он в отрешенности, почти во сне — так хотелось спать — продолжал топтаться один.

Светлана вернулась, сказала:

— Лиля ушла.

— Да? — удивился он.

— Ты догонишь ее?

— Нет,— сказал он.

Он только подумал: а как же она доберется домой, в Химки, среди ночи? До вокзала еще можно пешком, а дальше? Когда первая электричка?.. Впрочем, уже не ночь, а утро. И сегодня Новый год, расписание изменилось — он что-то видел об этом в «Вечерке», — весь транспорт придет в движение раньше обычного: и трамваи, и метро, и уж давным-давно пригородные электрички, они всегда раньше всех, позже всех... Так что не было никакой нужды догонять Лильку.

— Но я не забыла, продолжим.— Светлана опять соединила руки у него на шее.— Ты мне обязан сейчас же ответить; какие такие «но» возникли у тебя.

— У меня нет никаких «но»,— твердо сказал Алексей.

— То-то же,— улыбнулась она торжествующе.— Тогда в семь у Большого, жди.

— Хорошо.

Входная дверь в коридоре, слышно, опять отворилась и хлопнулась. Он приподнял брови: вернулась Лилька?

— Нет,— поняла она,— это мои. Без звонка. Пойдем, я тебя познакомлю.

Юра Аржанников, опередив их, уже был у вешалки:

— С Новым годом, Марья Лукинична!.. С Новым годом, Георгий Дагирович!

Он сноровисто принял каракулевое манто хозяйки, она осталась в панбархатном синем платье с крупной изумрудной брошью на груди, с такими же серьгами в ушах.

Алеша сразу увидел, что Светлана ничего не унаследовала от матери, будто и не ее дочь. Ни золотистых волос, уложенных витой пшеничной халой, ни голубых глаз, пьяноватых и веселых, ни дородной нежной шеи, ни белых пышных рук, тоже в дорогих камнях. Разве что ноги Марьи Лукиничны, когда она, присев у вешалки, начала стягивать высокие фетровые боты, оказались такими же полными и сильными, как он заметил у Светланы, — один сняла, а другой тянула-тянула, да не смогла, оставила, махнула рукой, расхохоталась:

— ...а он подходит и говорит: «Познакомь, Георгий, с женой — ну красавица, ну боярыня!» — а я думаю: что за пень плешивый?

— Хватит, Маша, — укорил ее муж, ласково тронув налитое плечо. — Тебе помочь?

— Да ну вас! — Она сдернула второй бот, как солдатский сапог, наступив на него пяткой. — Я всю дорогу смеялась-смеялась и сейчас смеюсь — неужто к слезам, плакать придется?

— Папа, ты еще незнаком, — сказала Светлана, — это Леша Рыжов.

Тот бросил на него короткий взгляд черных глаз — непроницаемых, не различить зрачков, — и Алексей сразу понял, чья дочь: тот же блеск волос, гладких, с вороненым отливом, те же пологие брови, сомкнутые у переносицы, и, главное, та же стать — поджарая, гибкая, ящериная.

Георгий Дагирович вместо рукопожатия взял под локотки Алешу и Юру Аржанникова, подтолкнул их к двери, что была напротив столовой:

— Прошу.

Они оказались в просторном кабинете, и первое, что увидел Алексей Рыжов, когда зажегся свет, были ряды энциклопедических томов за стеклами книжного шкафа, черные, в позолоте, дореволюционные, какие, он хорошо помнил, были в Кронштадте в доме его деда Андрея Петровича, а рядом с ними — красные сафьяновые корешки той энциклопедии, которую выпускал когда-то, тоже очень давно, Василь Василь Бубеев, где «выпуклость» надо смотреть на «вогнутость» или наоборот.

А второе, что он увидел, когда зажегся свет, его удивило и возмутило: на диване, припав щекою к кожаному валику, спал болотный хмырь, веки его были смежены под стеклами очков, а губы чуть вытянулись и вздрагивали, будто увещевали даже во сне: «Двигайтесь, двигайтесь!..» Вот ведь какой ушлый малый: других заставляет двигаться, а сам улегся и спит как ни в чем не бывало. И как он сюда забрался?..

Юра Аржанников бросил на Георгия Дагировича вопросительный взгляд, но тот лишь отмахнулся:

— Пускай спит.

Отворил резную дверцу шкафа, достал оттуда три рюмочки и бутылку коньяка — такого дорогого, что на нем даже не было звездочек, всем коньякам коньяк.

Они вздохнули облегченно, понимая, что уж это взбодрит.

— Я хочу пожелать вам исполнения всех ваших желаний, — сказал Георгий Дагирович. — Именно этого, потому что вы еще так молоды, что не знаете ценности здоровья, оно как бы вне желаний, оно подразумевается. Да?.. Как, Юра?

— Не жалуюсь, — похвалился тот.

— Нормально. Тридцать шесть и шесть, — доложил Алеша.

— Вот и хорошо... Давайте.

Смолистый напиток ощутимо потек по жилам.

Алексей оглянулся на диван: смурныга физик спал беспробудным сном, младенчески посапывая, и эта его безмятежность отчего-то разозлила — ишь как удобно разлегся туг, другие бодрствуют, а он спит, словно нет у него никаких дел, никаких обязанностей перед народом. Вот так они, эти физики-химики, все и проспали, продрыхли — обошли нас янки. Им бы, физикам, самим пошибче двигаться, а они только других наставляют.

Алеша поставил рюмку на край письменного стола и посмотрел на Дагирова тем проникновенным взглядом, какой обращают к людям высшей ответственности, хранителям самых сокровенных тайн, обещая им за доверительное слово взамен надежное молчание.

— Георгий Дагирович, скажите... когда у нас в конце концов будет атомная бомба?

Хозяин вскинул на него глаза недовольно, хотя и по-прежнему непроницаемо.

— А вам что — больше всех надо?

— Нет, почему же... почему больше всех? Мне — как всем.

— Ну а если как всем, то и ждите, как все. В общем, не беспокойтесь.

Алеша заметил, что он с некоторым недоумением покосился на Аржанникова, хотя и не стал гневаться по таким пустячным поводам: что один спит в его кабинете, а другой лезет с глупыми вопросами.

Юра улыбнулся:

— Вот, Георгий Дагирович, мы собираемся оформлять Рыжова нашим внештатным корреспондентом по Городу-на-Реке, по Северу.

— Город-на-Реке? — переспросил хозяин, в тоне, в глазах его по-прежнему было недовольство, и он, минуя Юру, грубовато спросил самого Алексея: — А чего вы там не видели?

— А я там еще ничего не видел, — ответил он. — Почти ничего. Я только хочу посмотреть.

— Ну-ну... — буркнул Дагиров и потер ладонью глаза, видно, тоже устал.

В кабинет впорхнула Светлана, оглядела стол, оглянулась на диван.

— Вот вы где, рыцари! Рыцари пьют, рыцари спят... А бедные дамы умирают от скуки. Пойдем, Леша, к маме, она хочет с тобой познакомиться. А они пусть вдвоем сидят, им привычно.

Держась за руки, Светлана и Алексей проследовали мимо столовой, он увидел, что столовая пуста, только открытое пианино щерило белые зубы, а играть уже было некому и танцевать тоже, все разошлись.

Марья Лукинична сидела на кухне в том же панбархатном синем платье, свойски облокотясь на клеенку стола, и, жмурясь от удовольствия, шевелила натруженными пальцами ног в шелковых тонких чулках. Лишь завидя Алексея, продолжила оттуда же:

— ...а он, пень плешивый, снова подходит и говорит: «Георгий, я умыкну твою красавицу на вальс, если ты, конечно, за кинжал не схватишься...»

— Пани, — остерегла, обернувшись от буфета, домработница Ядя.

— Что? — выкрикнула Марья Лукинична. — Какая я тебе пани? Сама ты пани... вот лучше налей нам чего покрепче, видишь, гость пожаловал. Садись, гость, рядышком.

Она своей теплой и пухлой рукою бесцеремонно, но по-доброму взяла Алешу за подбородок, повернула его лицо туда-сюда.

— Беленький ты, как я, это хорошо... у беленьких сердца больше. Алеша взглянул украдкой на большое сердце Марьи Лукиничны, так и ходившее вверх-вниз под мягким синим бархатом.

Светлана рассмеялась за его спиной, и Алексею показалось, что

она вовсе не настроена оспаривать это материнское суждение, хотя в нем и было отдано предпочтение беленьким перед черненькими, это, по-видимому, было ей вполне безразлично.

— И глаза у тебя чистые,— продолжала Марья Лукинична.— Во хмелю только, ну да это пройдет, верно?

Он кивнул согласно. Пройдет, конечно.

— Ты Алексей, ты божий человек. Я знаю, мы с тобой подружимся... а с ним...

— Пани,— прервала Ядя, выставляя две налитые стопки.

Они отправились домой, едва развиднелось.

По Волхонке уже ползли пустые — нет народа, спит народ,— освещенные изнутри троллейбусы. Но они решили идти пешком, чтобы продуть мозги и развеять сонливость, тем более что оказалось — им в одну сторону: Алеше на Разгуляй, а Юре к Яузским воротам.

Окна окрестных домов были погружены во тьму и в сон, видно, всем спалось крепко, как и гулялось.

Но кое-кто и кроме них двоих бодрствовал, несмотря на праздник и ранний час.

На заиндевелом фризе Музея изящных искусств копошились античные мужики, спарганцы или римляне, черт их разберет — ведь голые,— они на такой лютой стуже мылись в бане, намыливая друг другу головы и натирая спины, а потом выскакивали из бани, все так же нагишом и при полной оснастке предавались спорту, бегали, прыгали, боролись, расписывались у писцов в каких-то ведомостях, чистили коней и запрягали их в колесницы — тоже суета сует, повсюду и во все времена было суетно.

— Ох, отоспаться бы минут эдак триста,— зевнул Аржанников.— Да и тебе надо. Ведь ты сегодня в Большой на «Ромео и Джульетту»?

Алеша промолчал, как будто не расслышал или не понял, о чем речь.

— Сходи, сходи. Я, к сожалению, не могу пойти,— объяснил Юра,— мне сегодня дежурить по номеру, опять всю ночь не спать. А завтра к трем приходи на улицу «Правды». Пропуск я закажу, там будет все указано: этаж, комната... Кстати, я совсем забыл спросить: ты комсомолец?

— Само собой,— ответил Алексей.— А зачем?

— Но ведь надо бумагу оформить, с начальством согласовать — надо мной тоже есть.

Под ногами вьюжила поземка, метались снежные вихри, закрученные то в скромный ионический виток, как капители музейных колонн, то погуще, поразмашистей, на коринфский лад,— они как раз шли мимо Пашкова дома, невероятно высокого при своих трех этажах, заглядывающего за кремлевские стены, что там.

А далее им опять повстречались бодрствующие люди — в этом непривычном и странном безлюдье московского центра,— они стояли в рост по всему парапету вдоль крыши Ленинской библиотеки: девушка с толстущим фолиантом, который она в нетерпенье листала на весу; красноармеец в буденовке и овчинном тулупе до пят, с ружьем в руке; прокатчик в жестком комбинезоне, с настоящими железными захватными щипцами у ног; молодой и полный надежд архитектор со свитком чертежей под мышкой; колхозница — рослая, с мощными плечами и богатой грудью, прижавшая к бедру пшеничный снопок, она была очень похожа на Марию Лукиничну, если б и ее нарядить в панбархат и причесать как следует.

— Да,— сказал Алеша,— ты не договорил, когда мы сидели на кухне, Ядя помешала. Ты хотел рассказать, что было раньше, до Яди, до того, как родилась Светлана. Ты еще сказал, что это долгая история...

— А-а,— вспомнил Юра,— ничего особенного. Просто до Яди

домработницей у Георгия Дагировича служила Маша, Марья Лукинична. Не устоял мужик, нет... Да разве устоишь перед таким ранетом? Представляешь, какой она была лет в двадцать!

— Вот оно что,— неопределенно отозвался Алексей.

Он понял, что Аржанников не склонен держать в тайне эту деталь семейной жизни Дагировых, потому что Марья Лукинична не терпит его.

— Простовата, конечно, манеры... но вот что важно: Светлана — умница, она ничуть не тяготеет этим, не прячет мать, да и куда же ее спрячешь?.. Хотя любит она отца.

— А он кто?

— Он генерал.

Они пересекли площадь Дзержинского, вышли к Маросейке.

14

Кормилица, очень проворная, хоть и толстуха, принесла на вытянутых руках, чтоб не измять, бальное платье, посмотрела вокруг — где она?— а ее и нет: ни в одном углу, ни в другом нет ее, агницы, пташки, шалуны, но заглянула за спинку кресла — ах вот ты где спряталась, егоза, ну постой-ка, уж я тебе...

Та стремглав выскочила из-за кресла и побежала, увертываясь,— такая тощая, нескладная, угловатая девочка Джульетта.

Все пять золоченых ярусов Большого театра дрогнули от аплодисментов, от восхищенного шепота: «Уланова... Уланова... Уланова...»

Алексей тоже не жалел ладоней и не скрывал радости: он впервые видел великую балерину — в Ленинграде не довелось, а в Москве не мог попасть,— но еще ему, как и зсем, очень понравилось это внезапное появление из-за спинки кресла востроносенькой девочки в голубом легком платье, с забранными в школьные кольца над ушами косицами, ему понравилась ее смешливая дерзость, когда она начала поддразнивать свою кормилицу: мол, до чего грузна ты, нянька, погляди-ка на себя в зеркало, вот оно — что за шары у тебя трясутся за пазухой, что за бугры у тебя сзади ниже поясицы,— а вот у меня ничего подобного нет ни здесь, ни здесь, я ничем не обременена, я легка, как перышко, я вон как быстра, догони попробуй; но кормилица, выбросив вперед уличающий перст, предрекла: все еще будет у тебя, как у меня, и тут и тут, уж я-то знаю, все будущее твое, девочка, известно мне наперед — невинностью моей в двенадцать лет клянусь!..

Он хотел было поделиться этой своей радостью с сидящей рядом Светланой, уже повел голову влево, к ней, но вовремя остановил движение, вспомнив, что у нее тоже ничего нет ни там, ни там, что у нее как у Джульетты и она могла бы при всем своем уме воспринять это как насмешку, как намек,— и он продолжил с прилежанием смотреть на сцену.

Они сидели в шестом ряду партера, и Алексею, в общем, было все досконально видно: что Галине Улановой уже лет под сорок, что лицо ее вовсе не свежо и выглядит молодым даже не из-за искусного грима, а из-за того, что она сейчас думает, чувствует, верит, будто молодая, юна, совсем девочка, и это отразилось на лице так сильно, что нельзя не верить. Руки ее были обтянуты длинными — от плеча до запястья — рукавами прозрачного шелка, хотя балерины предпочитают выставлять руки напоказ, как и ноги, а у нее и ноги низко прикрыты платьем, и вырез на груди подчеркнута скромно, да еще этот чисто улановский жест — он знал по картинкам — прикрываться, поднося к горлу полусжатые кулачки...

Явилась мать — высокая и строгая, в черном. Она покачала головой, видя эти детские шалости своей дочери, которая совсем не хочет понимать, что она уже выросла, уже не девочка, что там, внизу, уже

дожидается, сгорая нетерпением, завидный и богатый жених Парис, пора кончать эти жмурки, эти салочки, собираться на бал, собираться замуж.

Она взяла ее за руку и подвела к большому зеркалу у стены, тому самому, у которого Джульетта высмеивала няньку, а теперь — глядишь, дочь, ведь ты уже совсем взрослая, невеста...

Алексей напрягся. Он понял, что сейчас для балерины наступает нелегкий миг: она должна посмотреть на себя в зеркало, которое, конечно же, ничего не отражает, потому что это фанера, замазанная наискосок быстрой кистью, — взглянуть и увидеть в свои почти сорок лет, что она уже не ребенок, не дитя, а девушка, сама не заметила, как стала ею.

Джульетта посмотрела в зеркало — и не поверила ему, отвернулась, оглядела себя без помощи зеркала, воочию, коснулась, провела ладонью — и, удивившись, даже испугавшись немного, вся обмякла...

Ярусы опять громыхнули рукоплесканиями.

Светлана, аплодируя, подтолкнула его плечом, он подумал, что теперь, когда стеснительные причины миновали, она тоже хочет поделиться с ним своим восторгом, но она повела глазами направо, указывая ему на золото и красный бархат ложи.

Он посмотрел и узнал сразу, хотя видел этого человека тоже впервые в жизни, как и Уланову, — в ложе сидел Прокофьев.

Он сразу узнал эти круглые очки, делящие лицо на две неравные части: внизу, под очками, тесновато и кучно располагались нос, рот, очень мелкий и незначительный подбородок, а над очками — над ними вздымалось утесом громадное голое чело, которое было выше и даже шире лица, потому что лицо было как бы зажато ушами, а чело было свободно и ничем не стеснено, прекрасное блестящее чело.

Прокофьев тоже аплодировал балерине, но когда все стихло — а теперь Алеша смотрел не на сцену, а в ложу, — он увидел, как рука композитора сделала бросок ко рту, закинула туда что-то небрежным махом, каким любители лузгать семечки закидывают их (он очень удивился, так как это не вязалось: Прокофьев и семечки), но он увидел на перилах ложи круглую жестяную коробочку, леденцы, монпансье, и вдруг понял, что это, наверное, не из любви к сладенькому, а, быть может, он бросил курить и старается заменить курицу чем-нибудь другим, обмануть просящий рот, — и Алеша, сам курящий, испытал жалостливое сочувствие к человеку, которому врачи строго-настрого запретили курить, заставили сосать леденцы, а для него — мука смертная.

Но тут в оркестре зазвучала громкая и размеренная поступь, застывающая от самодовольства и важности на каждой опорной доле, — бальное шествие открыли рыцари.

О том, что они рыцари, напоминали только стальные кирасы, панцири, защищающие их животы и спины, а так вообще они были просто надутые щеголи в коротких штанах-буфах, а ниже чулки в обтяжку и башмаки с пряжками, за спинами развевались плащи, а на берегах при каждом шаге вздрагивали и раскачивались пышные перья — ну и рыцари... Конечно же, Алексей учитывал, что эти рыцари явились именно на бал, а не на турнир, на танцы, а не на побоище и потому пришли не сплошь закованные в латы и не с опущенными забралами, а так, как подобает являться в гости — без оружия, — но вместе с тем у него не могло не вызвать насмешки и легкого презрения то обстоятельство, что эти рыцари танцевали не с мечами или копьями в руках, а с подушками — да-да, они выступали спесивой и грозной замедленной поступью, а над головами при этом держали во вздетых руках бархатные подушки, расшитые золотом и серебром, с кистями, обыкновенные диванные подушки — есть чем гордиться! — ну рыцари нынче пошли, явились на бал со своими подушками, еле сползши с диванов, ха-ха, умора...

Алеша отдавал себе отчет и в том, что это неприязненное и саркастическое отношение к веронскому рыцарству у него возникло в тот самый момент, когда он заметил среди этих рыцарей вчерашнего Олега, который на новогодней вечеринке в доме Дагировых провозглашал тост за таланты, а он, Алексей, осек и высмеял его, тот, который подарил Светлане два билета в Большой театр,— и Алеша сразу же заметил, как он, танцую со своей подушкой, выступая надменно, трясая ляжками, смотрит вовсе не на дирижера Файера, машущего руками над оркестром, а заглядывает в зал, прямо в шестой ряд, пытаясь определить, кто же это сидит рядом со Светланой, кто воспользовался дармовым билетом в дорогой партер, не узнать даже, черт знает кто, случайный провинциал — «нету лишнего билетика?», какая досада...

А как же его самого фамилия, этого Олега, этого диванного рыцаря? Алеша заглянул в программку, но там было: «Галина Уланова... Юрий Жданов... Ермолаев... Лапаури...» — а дальше шли в подбор «слуги Монтекки, слуги Капулетти, куртизанки, торговки, рыцари...» и прочая бесфамильная шушера.

Алексей наклонился к самому уху Светланы, будто целуя — чтобы тот увидел и сдох,— спросил шепотом:

— Он тоже в тебя влюблен?

Лицо Светланы слегка запунцовело в щеках — то ли от близости его губ, то ли от его вопроса, то ли от необходимого ответа,— и она сказала тоже тихо:

— Он интересуются Витькой и надеялся, что я приду с ним.

— С херувимом? — вспомнил Алеша белокурого соседа Светланы за столом.

— Да... а ты угадал: у Витьки в школе до разделения было прозвище — Керубино.

— А почему же ты его не привела?

— Витька страшно злится, хочет бить Олега, но один не смеет — танцовщики очень сильные... Ты ему не поможешь?

— Я подумаю,— кивнул Алеша,— я взвешу.

Ее глаза были сейчас совсем рядом, и он опять поразился, до чего же они черны, не различить зрачков, правда в зале свет был погашен — только из оркестровой ямы и со сцены,— и Алексей лишь сейчас понял, чем же его встревожили эти глаза и почему он второй уже день носит в себе волнение: причина, по-видимому, была в том, что он не помнил, чтобы на него когда-нибудь смотрели изблизи такие вот темные глаза; вблизи всегда оказывались светлые девичьи глаза — голубые, серые — потому ли, что он сам не нравился темноглазым девушкам и они не искали его, или же потому, что он сам не искал их, предпочитая светленьких. А тут вдруг одна черноглазая нечаянно появилась рядом — и он сразу встревожился, почувствовал, что в привычном для него укладе мира что-то изменилось и нарушилось... а между прочим, вспомнил он, у настоящей Джульетты были вовсе не светлые глаза, как у Улановой, а черные — да-да, вспомнил он, еще Меркуцио смеялся над тем, что Ромео насмерть сражен черными глазами белолицей девчонки...

Они с трудом развели глаза.

На сцене патер Лоренцо, одетый в холщовую сутану, благословлял склонивших головы Ромео и Джульетту. На столе перед ним лежали белые цветы и белый череп.

Потом опять бушевали ярусы, и Прокофьев, выйдя на сцену, целовал тонкую руку Галины Улановой, а она, встав на пуанты, целовала его высокое чело,

Они шли домой по Манежной, в кружение снега, шли мимо университетской ограды, и Алексей Рыжов опять подумал, что ход его жизни мог бы оказаться совсем иным, если бы позапрошлым ле-

том он не сдрейфил, не послушался того смурняги, что призывал всех ехать в Химки,— тогда он, может быть, все-таки поступил бы в университет, и они оказались бы на одном курсе со Светланой Дагировой и, конечно, познакомились бы как товарищи, и он постепенно привык бы к тому, что она есть, а потом — кто знает, что было бы потом, но это в любом случае было бы постепенно, а так все свалилось на него как снег на голову, неожиданно и непривычно.

Они шли молча, и это молчание было напряженно — ведь через несколько минут им предстояло проститься и разойтись,— молчание было невыносимо, и он, чтобы снять это напряжение, замурыкал под нос печальную тему из только что слышанной музыки балета.

Уж если раз ответ зловещий карты дали, напрасно их мешать! И то, что нам они в гаданье предсказали, вновь станут повторять...

Светлана услышала — остановилась, его тоже остановила, дернув за рукав, повернулась к нему лицом, широко раскрыв черные глаза в опущенных снегом ресницах.

— Ты что поешь? При чем здесь Кармен?

— Какая Кармен? — в свою очередь удивился он.

— Да как же... ведь ты поешь гаданье Кармен? Вот веселый случай: шел человек с Прокофьева, а пел Бизе, смотрел балет, а мычит из оперы... Рыжов, беденький, у тебя неважно со слухом, тебе в детстве слон на ухо наступил, да?.. Но ведь из «Кармен» ты поешь правильно, точно, не фальшивишь...

— Я не знаю,— растерялся он,— вообще у меня приличный слух. Разве это из «Кармен»?

— Послушай, Рыжов, а может быть, ты неравнодушен к цыганкам, а? Признайся, ничего не будет, я ведь понимаю, что Джульетта — слишком пресно... Может быть, тебе надо было идти не в Большой, а в «Ромэн»?

— Мне один человек советовал обязательно пойти в «Ромэн»,— вспомнил Алексей улитинский наказ,— но я уже не успею. Мне завтра уезжать.

Светлана выдернула руку из-под его руки.

Они опять шли в молчанье, и Алеша все недоумевал, как же это получилось, что он вдруг запел из «Кармен». Да, конечно, теперь он услышал опять это низкое, рвущееся из дремучих глубин души меццо, так похожее на голос Клары Истоминой: «...напрасно избегать правдивого признания, судьбы своей бежать...» Но ведь она никогда не пела ему этого! Что за странности происходят с ним.

— Все равно,— сказала Светлана,— когда ты снова будешь в Москве — позвони. Ты знаешь телефон? И приходи к нам — мама очень будет рада, ты ей понравился.

— А папе? — вежливо осведомился Алексей.

— Папа сказал, что ты еще не состоялся. Вот...— Она помедлила, видимо размышляя, договаривать ли, что там еще сказал про него папа. И, внезапно ожесточась, договорила: — Он сказал, что тебе еще рога не обломали. Вот.

Алеша снял с головы пыжиковую шапку и, сразу почуяв, как на темя легли снежинки, провел по нему ладонью туда-сюда по шерстке.

— А у меня нету. Что ломать?

— Не знаю... Может быть, подождать, пока вырастут?

— Разве что.

Они рассмеялись: все-таки это развеселило обоих — насчет рогов: что вот надобно их обломать, рога, чтобы молодой человек поскорее состоялся, возмужал, созрел, набрался мудрости, а ломать, оказывается, и нечего — рога-то еще не выросли, ну как тут быть?

— Дальше не ходи,— сказала Светлана Дагирова, преграждая ему путь пестрой варежкой.— Я не люблю, когда у подъезда топчут-

ся — вроде бы надо в дом звать, поить чаем, а я не пускаю, не зову, чаю жалко. Дальше не ходи.

Они остановились у Большого Каменного моста, у предместья, там, где кривой и узкой тропочкой сбегает вниз, к Москве-реке, Лебязий переулочек весь в снегу, как в пуху.

— Послушай, Рыжов, ты что-то знаешь? — Она опять приблизила к нему черные свои, как полыньи, глаза. — А что ты знаешь?

— Я ничего не знаю, — сказал он. — О ком или о чем?

— Нет, ты не понял... — Она в досаде притопнула ногой. — Сначала, когда мы познакомились — ну вчера же, вчера вечером, — я подумала о тебе, что ты совсем прост. Даже глуповат чуточку — нет, ты не обижайся, я ведь сказала, что это вчера... А потом присмотрелась, и мне показалось: он что-то знает. То есть это я о тебе подумала, будто бы ты что-то знаешь. Понял?

— А что? Что именно?

— Но как же я могу сказать, что и что именно, если я сама этого не знаю и никто другой не знает. Никто, кроме тебя.

— А-а... Но что я должен знать?

— Должен? Ничего. Я просто подумала, что ты знаешь — ведь, наверное, кто-то знает, хоть один. Вот я и подумала, что это ты.

Она смотрела на него с надеждой и даже как будто с мольбой.

Алексей долго обдумывал сказанные ею слова и заданный ею вопрос, он как бы исследовал всего себя, все, что носил и ощущал в себе, пытаясь найти то, чего ей хотелось, но он-то про себя знал и был совершенно уверен, что ничего такого нет. А вдруг он случайно проглядел в себе, не заметил, не оценил, а оно на самом деле есть? Но все это дотошное исследование ничего путного ему не подсказало, и он признался с некоторым унынием, зато честно:

— Нет. Я ничего такого не знаю. К сожалению.

— Нет?.. Это правда?

— Конечно. Зачем бы мне врать... Я ничего такого не знаю. Что все, то и я. А больше ничего.

— Стало быть, не знаешь. А мне показалось... ну, верно говорят: если кажется — перекрестись.

Она сдернула варежку, но не перекрестилась, а подала ему свою теплую ладонь.

— До свиданья, Алеша.

— До свиданья...

У них получилось то долгое тягучее рукопожатие, когда люди уже простились и разошлись — один в одну сторону, а другой в другую, — но руки еще не разъединились, еще держатся друг за дружку, нехотя отпуская палец за пальцем.

Машинистка принесла отпечатанную бумагу, Аржанников углубился в чтение, хотя и было там всего три строки.

Алексей разглядел издали: «Удостоверение... является внештатным...» Он несколько разочаровался, так как полагал, что все будет гораздо солидней: книжечка красной кожи с золотым тиснением, которую с такой восхитительной и привычной небрежностью вынимаешь из нагрудного кармана: «Здравствуйте, я из...» — а вместо этого тебе простая бумаженция, добро хоть гриф на ней красный.

— Ну пойдём, — сказал Аржанников, вставая, — к главному, к самому.

Редакционный коридор был длинен, как улица.

Алеша вспомнил, как шел сюда по улице «Правды», еще издали приметив громадный бетонный корпус и сразу поняв, что ему туда, что там, но как далеко, — а сейчас ему показалось, что коридор шестого этажа протянулся во всю длину той улицы, вплоть до светофора на скрещении с Ленинградским шоссе. И человек, шагавший им на-

встречу по истоптанной красной дорожке, был как бы дальнейим то-ропливым уличным прохожим с букашку.

Здесь тоже, как и в коридоре «Северной звезды», за нетолстыми перегородками, частыми дверьми, ленточными окнами поверху слышалась трескотня пишущих машинок; звонили телефоны, брали по междугородной, диктовали, смеялись забавным анекдотам, но всего тут было больше: и трескотни, и звонков, и ора, и смеха, и, наверное, анекдотов.

Они шли довольно быстро, и дальний прохожий шагал навстречу энергично, и как ни далеки они были, но сблизились, встретились.

— Салют, Юра! — сказал встречный, молодцевато вскинув на уровень уха сжатый кулак. — Рад тебя видеть. Я, понимаешь ли, только что с поезда...

Обменялись хватким рукопожатием.

— Игорь Александрович, познакомьтесь. — Аржанников подтолкнул вперед Алексея. — Это Рыжов; будет нашим внештатным корреспондентом в Городе-на-Реке.

— А, коллега! — обрадовался встречный. — Что ж, будем вместе гнать строкотекст, теснить друг друга на полосе, наступать на пятки... ну ничего, всем места хватит.

Алексей сразу обратил внимание на то, что его новый коллега был в отличных брюках темной фланели, из-под которых выглядывали нарочито грубые башмаки на каучуке, плечи облегал ладный пестрый пиджак — все это было на зависть великолепно, — однако его галстук в турецких огурцах был примерно того же достоинства, что и галстук Алексея, тоже, поди, заграничный, с барахолки.

— Ну как там? — спросил Аржанников.

Игорь Александрович потер ладонью щеку с чуть отросшей щетиной, что подтверждало, что человек прямо с поезда, на лице его появилась раздумчивость.

— Понимаешь, Юра, там сложно, очень сложно... Они удалили коммунистов из правительства, но правым пока тоже дают афронт. То есть они пытаются изобразить себя некой третьей силой, а какая, к чертям, может быть третья сила? Или — или... Вот сейчас бастуют триста тысяч шахтеров — так они на них бросили не только жандармерию, но и танки, представляешь?.. Я позже зайду к тебе, расскажу подробней, а пока нужно писать в номер... Салют!

И, уже отдалившись на пол-улицы, крикнул:

— А я, между прочим, тоже из города-на-реке... Там у нас — Сенал!

Аржанников и Алексей рассмеялись громко, чтобы он услышал.

— Это Луков, наш корреспондент в Париже, — объяснил на всякий случай Юра.

— Я понял.

Они прошагали всю улицу насквозь, вплоть до воображаемого светофора, у перекрестка Юра указал на ступени, взбегающие к распахнутым дверям:

— Тут у нас Голубой зал: совещаемся, а по четвергам принимаем гостей... Теперь налево... Ну вот и пришли.

— Юра, подожди... — Алексей остановил его, когда тот уже взялся за бронзовую ручку.

— Что?

Алеша и сам не знал что. У него надломилось дыхание — так он был взбудоражен всем: и бетонной громадой корпуса с крупными названиями газет и журналов по фасаду, и этим коридором с красной дорожкой, и веселым треском машинок за стенами, и встречей с Луковым, который только что из Парижа, и вот пробежала от лифта шустрая девчушка с еще сырыми оттисками полос.

— Что? — повторил нетерпеливо Аржанников.

— Юра... а что, если мне остаться здесь? Прямо в редакции, в

аппарате, в каком-нибудь отделе. Или разъездным корреспондентом. Я смогу, честное слово.

Аржанников убрал пальцы с бронзовой ручки, весь подобрался чуждо, в голосе его послышались нотки еле скрываемого раздражения:

— Новости дня... Да ты что, ошалел? Такого разговора у нас не было, да и не со мною заводить такой разговор, мой права телячий: вот... — Он помахал бумажкой с красным грифом. — Если не устраивает, пошли обратно, зачем начальству голову морочить? Ну, Рыжов, удивил — я было посчитал тебя серьезным человеком...

— А думаешь — не смогу? — в свою очередь напустился Алексей. — Не боги горшки обжигают. Видал я таких богов.

— Разве в этом дело! Нужно реально смотреть на вещи: корбушка эта полным-полна, что наш этаж, что другие. Местов, как говорится, нетути... Я допускаю, что ты сможешь, но все-таки взвесь собственные данные на сегодня: образование — один курс института, к тому же для нас не профильного, стаж, опыт — без году неделя. Что еще ты можешь предъявить? Ничего... Извини, но я буду откровенен сполна: если бы не Город-на-Реке, то вообще... короче говоря, ты нужен не столько с а м, сколько т а м. Понял?

«Тебе просто нужно, чтобы я как можно быстрее уехал из Москвы, — подумал Алексей, — вот и все, если уж быть сполна откровенным». А вслух сказал:

— Веди.

Главный редактор оказался человеком невысоким и некрупным, облика округленного, как матрешка, это впечатление усиливали гладко зачесанные негустые волосы, а благодать, исходившую от него, довершали очень добрые и лучистые карие глаза.

Он подписал не колеблясь, протянул:

— Желаю успеха... нет, садитесь, я все-таки позволю себе несколько слов в напутствие. И вы, Аржанников, сядьте...

Аржанникову пришлось искать место поодаль, потому что другое кресло у письменного стола было уже занято, когда они явились: в нем сидел человек тоже небольшого роста, но отнюдь не круглый и не благодатный, как главный редактор, а наоборот — весь колкий, ершистый, даже лысина его в оторочке жестких черных космочек имела вид не круглый, а колкий; он смотрел на Алексея изучающе.

— Я бы хотел предостеречь вас, товарищ Рыжов, от двух заблуждений, наиболее свойственных нашим корреспондентам на местах, — сказал главный, — и не только внештатным... Первое: возрастная ориентация. Некоторые полагают, что если газета молодежная, то и писать в ней нужно исключительно о молодых. А если о молодых, то сюсю... Нет, это неверно. Наша газета — в з р о с л а я. Нужно, чтобы молодой человек все время чувствовал, что мы относимся к нему с полной серьезностью, с полным доверием, считаем его человеком самостоятельных и здравых суждений... Сами подумайте: пришли с войны миллионы двадцатилетних — можно ли с ними сюсюкать?

— Нельзя, — коротко и скрипуче отверг подобную ересь сидящий напротив Алеши чернявый человек.

— Сюсюкать нельзя, — развел руками главный редактор, но тут же подался вперед, — а воспитывать надо! Вот в чем сложность-то. Их, бывалых солдат, победителей, их еще нужно воспитывать, да-да, потому что они очень молоды, потому что у них вся жизнь впереди... Так что не стесняйтесь изображать людей старшего поколения — кстати, они тоже читают нашу газету, — давайте их биографии во всей протяженности, всю долгую и честную жизнь. Молодежь, пришедшая с войны — мы интересовались этим, убедились, — по-прежнему свято чтит людей революции. Вот и будем воспитывать примером — примером их жизни. Ясно?

Алексей утвердительно кивнул, это было яснее ясного. Он и сам был именно так воспитан.

— Теперь второе. Эту молодежь — мы тоже убедились — нужно воспитывать п р а в д о й. Ничего иного она не приемлет, потому что знает на опыте, где страх, а где совесть. Но правда немыслима без критики, мы пока не в раю живем. А некоторые наши корреспонденты, к сожалению, предпочитают кормить читателя манной кашкой, все тем же сю-сю, а критиковать боятся, застенчивы чересчур... Вот Сурен Гургенович, который сидит напротив вас, наш заведующий отделом фельетонов, может это подтвердить. Подтверждаете?

Сурен Гургенович не подтвердил и не опроверг, а лишь колко поднял палец:

— Дайте мне фельетон, Рыжов, и я скажу, какой вы журналист. Фельетон — это высшая проба профессионализма, высшая проба гражданской смелости! Дайте мне фельетон.

Главный усмехнулся:

— Ну, тут уж ты маленько загибаешь, Сурен Гургенович, по принципу: водевиль, все прочее есть гиль... — Он пошлепал ладошкой по листу бумаги на столе. — Я вот передовицу пишу — тоже, знаешь ли, трудный жанр, тоже требует... Ну ладно, вот это я и хотел вам сказать, Алексей Николаевич. Еще раз желаю успеха.

Он приподнял подбородок, глянул в дальний угол кабинета, где на краешке стула сиротски сидел Аржанников.

— Юрий Филиппович, все это и вас касается — надеюсь, слышали?

Алексей заехал на Октябрьский вокзал, купил билет на «красную стрелу» в купейный вагон, а добравшись домой, сразу позвонил в Ленинград и сообщил матери, что едет, она сказала, что очень рада.

Уложив чемодан, сел пить теткин чай — все из тех же трех сортов и жасмина, но теперь уже не по случаю встречи, а на прощанье, совсем другой вкус.

Не утерпел, достал из бумажника удостоверение с красным грифом, показал ей.

— Поздравляю, — сказала Надежда Андреевна, — ты так быстро шагаешь вперед, просто на зависть для твоих двадцати лет... — Она поразила о чем-то, с трудом подавила вздох, однако не одолела возникших у нее мыслей. — Но ведь когда-нибудь, Алеша, тебе все равно придется столкнуться с этим обстоятельством... чем выше ты поднимешься, тем строже будет спрос, это правило...

— О чем ты? — усмехнулся он, грызя овсяное печенье. — Какой спрос? Какое правило?

— Я говорю о вере.

— О какой вере? Ты сегодня чудишь, тетушка... В бога я не верю, а во все остальное, во что надо, верю железно.

— Ах, не каламбурь, пожалуйста, это совсем не шутка. Я имею в виду Веру, Веру Андреевну, нашу старшую сестру, она ведь тоже твоя тетка. Я говорю о вере, которая живет в Париже.

Крошки печенья, которых не достал глоток чая, облепили горло, ожгли, как наждак. Алексей закашлялся хрипло и надрывно, глаза полезли из орбит.

«Она с какой стороны, чья сестра — отца или матери?.. — пронеслось в мозгу странным воспоминанием ни о чем, обрывком сновидения или больного бреда, хотя он не мог бредить, потому что никогда не заболел до такой степени, чтобы нести бред. — Надежда и Любовь? А раньше Веры не было? Может, умерла еще маленькая?.. — Нет, Веры просто не было. Не было. Только две сестры — Надежда и Любовь».

Тетка подошла сзади, постучала по загривку, как надо делать,

если человек поперхнулся или захлебнулся, если ему не в то горло попало, чтоб прошло.

— Значит, ты не знаешь... Я так и думала, что Люба ничего не сказала тебе об этом. Теперь окажется, что я преступница. Как всегда: что ни случись, а я же сама во всем виновата...

Надежда Андреевна вернулась к своему месту, села, покаянно оперла лоб о пальцы.

— Но ведь я раньше ничего и не говорила тебе, хотя сто раз мгла. Ты был студентом, со студента что за спрос? А мы уже в таком возрасте, когда все может случиться неожиданно, со дня на день — я могу умереть, Вера может умереть, о Любе я не стану при ее сыне, — и тогда все отпадет само собой: ты не знал, а теперь уже и знать нечего... Но ведь пока мы все живы и одному, богу известно, кому, когда...

Она отерла украдчивую слезу, посвященную неизвестно кому.

— Но теперь, Алеша, ты идешь в гору. Тебя, наверное, будут принимать в партию, а там нужно все начистоту... Ведь лучше все-таки заранее предупредить. Нет разве?

Алексей постепенно отдышался от кашля, к нему вернулся дар речи, и он воспользовался им с тем рассудительным спокойствием, на какое еще был способен:

— Стоп, тетка. Отвечай на мои вопросы по порядку. Итак, старшая сестра — Вера Андреевна Клеймихина...

— Но она уже давно не Клеймихина! В первом замужестве — Тетенина, она была женой Павлика Тетенина, мичмана. А во втором — мадам Дюфрен.

Он ужаснулся, поняв, что чем дальше — тем будет опасней и хуже, но все-таки была необходима последовательность.

— Ты опять забегаешь вперед! — прикрикнул он. — А ведь я сказал: спрашивать буду я, отвечай на мои вопросы — и больше ничего!

Она откинулась к спинке стула с гордым достоинством, запахла на груди концы кашемировой шали.

— Ты меня допрашиваешь, как в Чека... а я, между прочим, там бывала, но в другой роли: я стенографировала допрос зеленого атамана, он безобразно ругался, но не в этом дело, — надеюсь, ты меня понял?

— Я понял... — Алексей поник головой. — Рассказывай сама.

— Вера была годом старше меня, значит, на три года старше Любы. Окончила гимназию. В пятнадцатом году вышла замуж за Павлика Тетенина, такой симпатичный был мальчик, дворянин. Уже была война, так что свадьба была очень скромной — только венчание, а потом они сразу уехали в Севастополь, потому что Павлик получил назначение на Черноморский флот. Воевал на Босфоре, заслужил Георгия... Но с тех пор я их больше не видела — ни его, ни Веру. После революции они остались в Крыму.

— У Врангеля? — простонал он, нарушив обещание молчать.

— При чем здесь Врангель! — опять гордо выпрямилась тетка. — Врангель выскочил под самый занавес, как шут гороховый. А Павлик был у Деникина в Добровольческой армии, его зарубили котовцы...

В глазах Алексея все поплыло.

«...никинеД». Ники Нед. Вот оно, странное имя, прочтенное на обороте газетной страницы сквозь свет, на изнанке его первой статьи. Вот он — знак!

— Дальше, — обреченно сказал он.

— Ну что дальше? Вера была сестрой милосердия. Когда флот уходил, ее тоже взяли. Так она попала в Бизерту, в Тунис... Там она еще раз вышла замуж. Видишь ли, это враки, будто русские женщины там, в эмиграции, все пошли на панель. Вероятно, некоторые и пошли, но, значит, имели склонность... А Вера вышла замуж за меся Дюфрена, он был в Тунисе каким-то крупным чиновником, чуть ли

не губернатором — ведь это была колония Франции. Она родила мальчика, его назвали Поль, в честь Павлика. Но Вере не повезло — месье Дюфрен умер, она опять овдовела. Правительство назначило ей пенсию — большую, — и она переехала во Францию, в Ниццу: там была усадьба Дюфренов, она стала ее хозяйкой, но после войны продала и купила квартиру в Париже — и там до сих пор...

В голове Алеша внезапно пронеслась мысль, что все, что тетка рассказывает, — сплошная неправда. Что это давняя, выношенная, тщательно обдуманная месть, которую она сейчас — решив, что настала пора, — приводила в исполнение. Месть своей младшей сестре, отнявшей у нее жениха, и мертвому комиссару Рыжову, который пренебрег ею, растоптал ее девичьи грезы, и даже их сыну — ни в чем не повинному юноше, доверчивому и славному, ничего дурного ей не сделавшему... Для того, чтобы мстить, страшно мстить и ему и всем, завлекла его письмами в Москву, ждала, ждала подходящего момента, когда он встанет на ноги, верней, когда ему покажется, что он самостоятельно поднялся на ноги и окреп, и тут — неожиданный и коварный удар, никто не видит, у соседей тихо...

— Докажи, — сказал Алеша.

— Что? — не поняла тетка.

— Выкладывай все, что у тебя есть — документы, письма, — я хочу сам убедиться.

Тетка подняла плечи к ушам и развела руки, сделавшись сразу похожей на горбунью.

— Ну, если тебе интересно, то... я, конечно, могу показать.

Она пошла к комоду, выдвинула ящик, достала из него кожаный бювар с застежками (как же он за целый год, что жил здесь, в ее комнате, не догадался порваться в комод! — горько упрекнул себя Алексей. Надо было все перевернуть, разрыть до дна, обнаружить, изорвать в клочки и сжечь — вот тогда и попробуй что-либо доказать, ха-ха!), — она принесла этот тяжелый бювар на стол, вынула из него сначала большую фотографию, наклеенную на толстый картон, сказала не без торжества:

— Вот, попробуй сам найти Веру — фамилии тут не обозначены, — ведь ты очень похож на нее, ты даже больше похож на нее, чем на меня и Любу!

Он тупо уставился на снимок, состоявший из крохотных овальчиков, расположенных веером, ярусами, сверху донизу; в овальчиках покрупнее были какие-то спесивые седобородые и седоусые господские морды в мундирах с петлицами, а также дамские физиономии в пенсне, с похожими на перевернутые репы прическами, с отвисшими зобами; а в маленьких овальчиках, которых была сплошная россыпь, мило улыбались либо чинно взглядывали девичьи личики всех мастей с неизменными косами, в кружевных воротничках, с белыми оплечьями фартуков; а посредине было изображено каменное здание, которое показалось Алеше гораздо более знакомым, чем все эти незнакомые и чуждые лица.

— Да ведь это моя школа! — воскликнул он. И уточнил, поскольку ему довелось учиться в разных городах и разных школах: — В Кронштадте, на Коммунистической!

— Правильно, — подтвердила Надежда Андреевна, — на бывшей Княжеской. Но раньше это была женская гимназия, разве ты не знаешь? Мы все там учились — и Вера, и я, и Люба, — но потом умер папа, твой дедушка, и надо было зарабатывать для семьи, думать о профессии, так что гимназию успела окончить только Вера и сразу вышла замуж...

Алексей отшвырнул прочь этот снимок, даже не попытавшись найти среди лиц, среди девиц в косах и кружевных воротничках, узнаваемые черты — этот снимок ничего не значил, подумаешь, гимназия. Впрочем, он и впрямь давно знал, что в их школе на Коммуни-

стической прежде была женская гимназия и что в ней когда-то училась его мать и его тетка, он не знал лишь того, что у него была еще одна тетка, которая тоже училась в его школе, а теперь живет в Париже,— вот в это немаловажное обстоятельство мать почему-то не сочла нужным его посвятить, и он заранее скрежетнул зубами от ярости, вообразив предстоящий разговор в Ленинграде с матерью, и отшвырнул прочь дурацкий гимназический снимок с мордами, физиономиями и личиками, который ровню ничего не значил.

— Вот,— сказала Надежда Андреевна, раскрывая благоговейно, как священную книгу, паспарту цвета табачных листьев, где внутри была еще прозрачная бумага, тисненная паутинкой, а уж в ней большая, матовая, тоже коричневого тона, тщательная и продуманная фотография: оголенные покатые плечи, приобнятые мягким дымчатым мехом, нитка крупного жемчуга, завязанная небрежным узлом на длинной и нежной шее, лицо в полупрофиль — подбородок будто бы изваянных, завершенных очертаний, нежные губы и под бровями строгого, но изысканного росчерка светлые глаза, излучающие не сверканье, а тот же рассеянный и влекущий свет, что и жемчужины на шее.— Вот...

— Здесь она Тетенина? — спросил он.

— Нет, здесь она мадам Дюфрен,— ответила тетка и, тронув осторожно, будто настоящий, мех на фотографии, объяснила:— Это шиншилла, страшно дорого, Павлик никогда бы не смог, простой офицер... Но какая она красавица, правда?

Алексей молчал, действительно потрясенный красотой этой женщины — он никогда еще не видывал подобной красоты. Но, странно, ведь сам он не был красив (он сознавал это достаточно ясно и спокойно, как и то, что мужчине вовсе необязательно быть красивым, что это даже смешно и противно, когда мужчина — красавец), а вместе с тем он понимал, что тетка права, что он и впрямь очень похож на эту божественно прекрасную женщину тем непохожим, но безусловным сходством, которое дает не случайное совпадение, а порода, кровь.

— Наш папа, твой дедушка, говорил, что из нас, сестер, Вера самая красивая, Люба самая умная, а я...— Тетка вынула из кармашка платок и слезно высморкалась.— Папа говорил, что я самая послушная...

Ему вдруг стало жалко ее — он сейчас понял всю обездоленность ее жизни,— и он ласково, мирясь, погладил ее волосы, успокоил:

— Что ты, тетушка? Ты не распускай сопли. Дедушка знал, что говорил: ведь это самое ценное, когда человек послушный, это больше красоты, лучше ума — было бы послушание, оно вознаградится... А много ли пользы вышло твоим сестрам? Одна — вдова, другая — дважды, а ты у нас — невеста!

— Спасибо,— кивнула Надежда Андреевна, пытаясь улыбнуться через силу,— я, конечно, понимаю, что это шутка — невеста без места,— но я сама иногда думала... знаешь, бывали такие времена, когда казалось... в общем, ты прав.

— Не я, а дедушка,— ворчливо заметил Алексей.

Но теперь, когда напряжение спало, а их примирение состоялось, когда он понял, что его не обманывают, не берут на испуг, что все это, увы, неприкрашенная и голая правда, от которой нельзя просто отмахнуться,— он уже сосредоточенней и деловитей разглядывал остальные снимки.

Вера в белой косынке с тонюсеньким крестиком на лбу и в белом фартуке, очень похожем на гимназический, с большим крестом на высокой груди.

— Это Крым? — строго спросил он.

— Нет, это Африка, Тунис,— заверила Надежда Андреевна, улыбаясь и поняв его беспокойство,— погоди, я тебе сейчас докажу...

Она выдернула наугад, как из колоды, верную карту, и показала

ему: там Вера Андреевна в той же косынке и в том же фартуке с крестами стояла в толпе чернокожих людей, точнее не чернокожих, а темнокожих, загорелых, как курортники из Анапы, и улыбались они столь же счастливо, как курортники, очевидно радуясь выздоровлению, а позади них виднелись в дымке белые купола и минареты.

Алеша несколько смягчился, убедившись, что тут она выхаживала не белых, а черных.

— Верочка работала в миссионерском госпитале, — сказала тетка. — Там он ее и увидел, месье Дюфрен: приехал инспектировать — и увидел... А вот здесь она уже с маленьким Полем.

Вера Андреевна держала за руку крохотного карапузика в белой панамке, они стояли подле облупленных и щербатых колонн с завитыми капителями — как на Волхонке, — но эти настоящие античные колонны ничего не поддерживали, кроме безоблачного свода неба, они стояли на земле как бы сами по себе, уцелев, но уже не неся никакой нагрузки, никакого бремени, никаких тягот, а за ними расходились полукругом, ниспадали в глубину каменные скамьи амфитеатра, тоже выщербленные и трещиноватые, проросшие в щелях.

— А это где? — спросил Алексей.

— Я не помню. Но подожди, ведь должно быть написано. — Она перевернула фотографию тыльной стороной, и там мелким почерком было указано: «Carthage, 1925».

— Картаж? — удивился он. — Где это — Картаж?

— Картаж — это Карфаген, — объяснила тетка, — по-моему, он тоже в Тунисе, в Африке... — Она пошуршала колодой, снова вытаскивала наугад и опять не ошиблась, сказала торжествующе: — А вот это уже Париж.

Вера Андреевна в широкополой шляпе, скрывавшей в тени некоторые признаки увядания ее прекрасного лица, стояла у живой изгороди подстриженных кустов, чуть далее фонтаны подбрасывали дробящиеся струи воды, а еще дальше взмывала в небеса настолько знакомая взгляду Эйфелева башня, что ему даже показалось, что он тут когда-то был, определенно был, но не помнит — когда.

Привычное голокружение повело врагон стены комнаты, будто они с теткой сидели не за круглым обеденным столом, под абажуром, а на лошадках карусели, однако лошадки скакали не рядом, ноздря в ноздю, а встречу, упершись лбами, и тетка ехала задом наперед.

И опять одновременно его ошеломила вдруг мысль, которая уже являлась ему сравнительно недавно: что он мог быть сыном не своей матери, а своей тетки, не Любви Андреевны, а Надежды Андреевны, но в таком случае он мог быть и сыном другой своей тетки, Веры Андреевны, и тогда он родился бы не в Кронштадте, а в каком-нибудь Карфагене, не в России, а, черт возьми, в Африке — об этом даже подумать было жутко, что за кошмар! — но он тотчас одернул себя, так как вспомнил, что прошлый раз эта явившаяся мысль имела под собой хоть некоторое основание, потому что его отец, комиссар Рыжов, волочился за обеими сестрами Клеймихиными — Наденькой и Любашей, предпочтя в конце концов младшую, — но ведь старшая, Вера, к той поре уже была в нетях, по ту сторону, как бы в потустороннем мире, и поэтому если старшая тетка и захотела бы стать его матерью, то уж во всяком случае зачала бы не от комиссара Рыжова, и вполне понятно, что тогда бы он, Алексей Рыжов, просто не был бы Алексеем Рыжовым, не был бы самим собой, то есть не был бы вообще, какая жалость...

Интересно, а его отец, Николай Алексеевич, — знал ли он о существовании старшей из сестер, Веры? Это еще предстояло выяснить, и это было крайне важно. Но Алеша отдавал себе отчет в том, что выяснять этот деликатный вопрос нужно не здесь, а в Ленинграде, завтра.

Сейчас же ему следовало выяснить другой вопрос, сегодняшний и сиюминутный, который сверлил ему мозги, покуда он держал в руках согнутую желобком фотографию с Эйфелевой башней: кто этот долговязый парень в берете, который стоит подле Веры Андреевны, взяв ее под руку и притиснув к себе, а вместо другой руки у него пустой рукав, гладко прилегающий к туловищу и, вероятно, пристегнутый внизу булавкой к пиджаку.

— Кто это? — спросил Алеша.

— Как кто? — изумилась тетка тому, что он еще сам не догадался кто. — Это Поль, Поль Дюфрен, сын Веры, твой двоюродный брат...

И прежде чем он понял объяснение, слух его уловил слово, поразило слово: «...брат». В этом слове — б р а т — было нечто более важное и куда более обязывающее, чем в смешном и несерьезном слове т е т к а.

Алеша вернулся к прежней фотографии, где были колонны и руины Карфагена и где Вера Андреевна держала за руку крохотного карапузика в белой панамке, — он сравнил оба снимка, сличил их (карапузика в панамке и этого парня в берете) и нашел, что они мало чем похожи друг на друга, но, конечно, возраст очень меняет внешность, и еще он заметил, что у взрослого парня нет именно той руки, левой, за которую его когда-то, когда он был малюткой, держала мать.

— А что с ним... что случилось с рукой?

— Он потерял ее на войне, — сказала Надежда Андреевна. — Он был в Сопротивлении, воевал в армии генерала де Голля, его ранило, и пришлось ампутировать руку, бедный мальчик... — вздохнула тетка. Он опять посмотрел на карапузика в белой панамке.

— Но как же... как же он попал на войну такой маленький?

— Ах, извини, Алеша, но ты все-таки порядочная бестолочь: ведь он на целых три года старше тебя!

Однако мысли Алексея уже отвлеклись от возраста невесты откуда взявшегося двоюродного брата. Теперь они были прикованы к другим обстоятельствам, о которых он только что услышал.

— Ты говоришь — у генерала де Голля? — задумчиво переспросил он. — Но сейчас де Голль справа, определенно справа... там вообще сейчас очень сложная обстановка, — поделился он с теткой сведениями, которых еще не было в газетах и которые он как раз сегодня буквально на ходу перехватил у своего коллеги Лукова, только что прибывшего из Парижа. — Бастуют триста тысяч шахтеров, а против них — танки...

— Господи, какой ужас! — сочувственно откликнулась Надежда Андреевна.

Алеша еще раз посмотрел на снимок, где была Эйфелева башня и где не было руки.

— Ты говоришь — в Сопротивлении? Но там задавали тон коммунисты... Послушай, тетка, может быть, он коммунист, а? — Он вдруг проникся этой последней надеждой и посмотрел на нее умоляюще.

— Я не знаю, — пожала плечами она. — Вполне возможно, но я ничего определенного не знаю. Вера, к сожалению, не написала об этом — он в партии или беспартийный. Эта фотография была в последнем письме, я его получила год назад, ответила — и теперь жду опять...

Нет, вряд ли можно было ждать добра от всего этого, понял Алексей.

Он еще раз мельком взглянул на частокор щербатых коринфских колонн, подпирающих пустое небо Карфагена, отодвинул от себя всю эту кипу шуршащих фотографий, как в старину отодвигали, проигравшись в прах, вороха ассигнаций.

Вынул папиросу, закурил. Дела его приобрели совершенно неожиданный оборот и, вполне очевидно, обернулись не к лучшему. Он сам еще недостаточно внятно понимал, какой конкретный урон мог случиться для него лично, но сердце заныло, подсказывая, что чувства эти не лишены оснований.

Вот черт, осатанел вдруг Алексей, если б он догадался уехать в Ленинград дневным поездом, то это чаепитие вообще бы не состоялось и он мог бы уехать в Ленинград в беспечном и счастливом неведении... но дневной поезд уходил в четыре, а на улицу «Правды» его звали к трем, он все равно не успевал обернуться.

Он рубанул кулаком по столу и сказал:

— Карфаген должен быть разрушен.

— Что ты сказал?— испуганно отозвалась тетка, она запиховала бювар обратно в ящик комода.

— Это не я сказал. Это один товарищ сказал, что Карфаген должен быть разрушен.

— А-а, — протянула тетка и опять огорчилась: — Господи, сколько всего разрушено...

15

Он не сомневался, что она произнесет именно эти слова, и она их произнесла: «Как ты одичал!»

Он мог знать об этом заранее и знал потому, что однажды уже слышал от нее эту фразу, когда весной сорок четвертого года она приехала за ним в Городище, чтобы забрать из детдома в Ленинград, и там он предстал перед нею во всей своей эвакуационной сироти: вытянувшийся и блеклый, как росток подвального картофеля, отощавший на пустой баланде, до смерти напуганный туберкулезным отделением больницы, угрюмый, замкнутый и, как выяснилось, порядком завшивевший. Он, конечно, был рад ее приезду и тому, что его заберут домой, но настолько отвык от матери за три года, настолько боялся жестокости всех, кто был старше его — а сам научился быть жестоким с младшими, — что первые дни смотрел на нее затравленно, исподлобья, готовый к любой обиде и несправедливости, готовый к посильной защите своего существования на свете, и она не сдержала укора: «Как ты одичал!»

Но теперь он предстал перед нею совсем в другом роде: возмужавший и достаточно уверенный в себе, а главное, совершенно взрослый, с двумя корреспондентскими удостоверениями в кармане и все еще плотным бумажником, притом отлично одетый — в добротном черном пальто с каракулевым воротником, золотистой пыжиковой шапке, фетровых бурках на кожаном ходу, он был просто загляденье и радость, но она, впусив в дверь, окинула его цепким взглядом, сокрушенно покачала головой и сказала: «Как ты одичал!»

Он проявил сдержанность, усмехнулся внутренне, но тотчас же присчитал эти ее слова к тому общему счету, который намеревался предъявить ей.

Однако он не спешил с этим. Он еще в поезде обдумал всю стратегию и тактику предстоящего свидания с матерью и решил так: нужно дать ей выговориться, пусть она изольет всю полноту чувств, своего праведного гнева, высокомерных и едких поучений, а когда она выложится, иссякнет, когда ей наконец самой надоест — вот тут наступит его черед, вот тут уж заговорит он...

Впрочем, еще никому и никогда, насколько помнил Алексей из истории, не удавалось досконально соблюсти первоначальные наметки стратегии и тактики, всегда случались отклонения применительно к обстановке, и он тоже не сумел осуществить свой план в точной последовательности: они крепко повздорили в первый же вечер, когда она пришла с работы, устало доругивались на следующее утро,

но самый главный разговор предстоял сегодня, потому что был выходной — впереди был целый выходной день, и он понял, что она использует его максимально, на все сто.

Значит, и ему тоже предстояло именно сегодня ввести в бой припасенные в глухой засаде резервы: «Гвардия, час настал... Вперед!»

После завтрака мать велела ему одеваться и сообщила, что они пойдут на прогулку: с Малой Охты на Васильевский остров пешком, как любила она, через весь Ленинград; а январский день был предельно короток — слава богу, что хоть небо нынче морозно и ясно, из-за черты горизонта высунулось краем солнышко, оно скоро и зайдет, но все-таки можно было урвать толику дневного света, — и они зашагали к мосту Петра Великого, все время видя сквозь его решетчатые фермы, как перемещающийся ориентир, бирюзовый и серебристый Смольный собор.

Алеша сообразил, почему выбран именно этот маршрут.

Он вспомнил, как полтора года назад, тоже в воскресенье, она повела его этим же путем, но тогда преднамеренно медленно, ведь спешить было некуда, стояла пора белых ночей, сутки напролет город без огней, — она повела его мимо всех немислимых и торжественных питерских красот к зданиям университета, и этим было сказано все: вот, Алеша, через месяц ты окончишь школу, надеюсь, прилично, ты получишь аттестат зрелости — и вот твоя дорога и моя сокровенная мечта, и я думаю, что если бы отец был жив... — а он, лениво шаркая подошвами, хмуро озираясь, тащился за нею и мечтал лишь об одном: действительно получить бы через месяц аттестат и дать деру, отсюда в Москву, которой он еще никогда не видел, к тетке, которую знал лишь по письмам, она звала его приехать, к полной свободе, которой он еще никогда не ведал и запах которой, лишь угадываемый, был упоителен и хмелен...

— Ты все-таки должен понять меня, и понять правильно! — гнула она и сегодня вчерашнее. — Я не квочка. Дело вовсе не в том, что я хочу удержать тебя подле своей юбки, в маменькиных сынках. Нет, я, наверное, была бы не против, если б мой сын поехал строить Магнитку, Комсомольск...

— Их уже без меня построили, — заметил он.

— Я имею в виду что-то в этом роде, ведь, наверное, будет еще? Не может не быть, как иначе?.. Если бы ты взялся за лопату, за кирку — пожалуйста, благословлю, ведь я, Алеша, большевичка! — Она с трудом перевела дыхание, ей уже не хватало сил одновременно на быструю ходьбу и пылкие речи, уже сказывался возраст, а она еще не понимала этого. — Но я не могу радоваться тому, что мой сын в двадцать лет, даже не получив серьезного образования, подвизается в уездных щелкоперах и считает, что лучше быть первым в деревне, чем последним в городе... Это стыдно!

— Стыдно не знать географии, — огрызнулся он. — В последнее время я часто встречаю людей, которые имеют о ней довольно смутное представление... Так вот: не уезд, а республика — ты, как большевичка, улавливаешь разницу? — и не деревня, а город, столица, притом... — он осклабился, — притом не бывшая столица, а, так сказать, нынешняя, действующая!

Он был неотразим и великолепен.

Однако мать не оценила этого, хотя некоторые матери склонны находить великолепие даже в самых жалких своих чадах — некоторые, но не его мать.

— Тебя влечет провинция, глухомань, да-да, определенно... — продолжала она, помолчав немного. — Я давно заметила это в тебе. Еще когда ты вернулся из Городища. Провинция... ты не просто погряз в ней, свыкся по несчастью — война, — нет, тебя это манит, притягивает. Потому что в тебе самом живет какой-то дремучий провинциализм. Но откуда он в тебе?

— Так ведь мы не в Париже родились,— пустил он пробный, осторожный и коварный шар.— У нас ведь и папаня деревенский, и маманя, извиняюсь, с острова... Где уж нам!

Он вздохнул притворно, покосился на нее с хитрецей: как там, на ее лице, отозвалось насчет Парижа?

Но на нем ничего не отозвалось, она будто не поняла или даже не расслышала, поглощенная наступательным ходом своих мыслей.

— А это ерничество, пустое, мальчишеское... Ты должен понять меня правильно: я не против провинции, я против провинциализма — это разные понятия.

Они шли вдоль железной ограды Таврического сада. За нею в снегу копошилась детвора: загребала снег лопаточками, насыпала его в ведерки, уминая, чтоб побольше влезло, проявляя задатки бережливости и домовитости, себе-себе, даже дрались из-за этого снега, отбирая друг у дружки, хотя кругом его было навалом и всем достаточно. А те, что постарше, съезжали с горок на санках и лыжах, плюхаясь румяными мордашками все в тот же снег, какая прелесть.

Поблизости была 9-я Советская, где они жили до войны, а здесь, на Таврической улице, был детский сад, и он помнил, что их водили гулять именно сюда, в этот сад, и с матерью он часто бывал здесь — тогда он был таким же маленьким и потешным, как эти... Как много выпало снега с тех пор, как много утекло воды, как бесконечно давно все это было.

Он заметил, что мать тоже с грустью смотрит сквозь прутья ограды, и мог угадать, что грусть ее иного рода: вот такого же крохотного и румяного мальчика она совсем еще недавно водила по этим садовым аллеям и зимой, когда они чисты и белы, и летом, когда весь Таврический в купах зелени, и осенью, когда эти дорожки и зеркало пруда усыпаны, как небо, звездами опавших кленовых листьев,— могла ли она в ту пору хотя бы предположить в нем, своем Алеше, задатки одичалости, дремучего провинциализма, сыновней черствости и еще чего-то такого неожиданного, неприятного, чуждого, с чем является на свет каждое новое поколение... Но, конечно, во многом виновата война, оторвавшая от нее сына на целых три года.

Он был уверен, что она думает именно об этом, иначе о чем же ей было думать.

На углу Таврической и улицы Салтыкова-Щедрина был музей Суворова, столь нелепый среди окрестной петербургской строгости — весь в башенках, гребешках, двухвостых крепостных зубцах,— но он умилил его своим московским видом.

На мозаичном панно генералиссимус вел через Альпы свои полки: «Вперед, чудо-богатыри! Пуля — дура, штык — молодец... Ура!»

Не пора ли и ему вводить в бой резервы?

Но мать шла молча, и он решил погодить, дожидаться, пока она заговорит вновь.

Отчего же его так обрадовал суворовский музей, этот камешек Москвы, вставленный в чинный ряд питерской улицы? Разве он не любил Ленинград?.. О нет, он любил его беззаветно и преданно и продолжал любить. Но ему причиняли обиду и боль приметы покинутой столицы, знаки запустения. Другой, не любящий, их и вовсе не заметил бы: Медный всадник — на месте, Исаакий — ого-го!.. Одна лишь любовь замечает эти знаки. И если б знать их все наперечет, эти горькие приметы, то можно бы и привыкнуть к ним в конце концов и перестать замечать. Однако они не убавлялись с течением лет, и глаза все время сталкивались с ними, не замеченными ранее или даже новыми, и боль занималась опять.

Его выводили из себя на классических гордых дворцовых фронтонах Стасова и Росси вывески «Ленпромтехсбыт», «Ремонт обуви», «Правление общества глухих». Его охватывала ярость, когда под мраморной доской на Красной улице: «Здесь жил Александр Сергеев-

вич Пушкин...» — он видел еще и таблицу: «Прием тряпья, макулатуры, стеклотары» — и видел разверстый зловонный подвальный зев. И сейчас, когда они вышли к Мойке у Аптекарского переуллка, он еще издали заметил необычное круглое здание в один этаж, о котором он знал, что это XVIII век, и что это Кваренги, и что это архитектурное чудо, — а за стеклом высокого арочного окна с улицы была видна обшарпанная кухня, где неопрятная старуха чистила картошку, срезая спиральный виток кожуры.

Вот где пахло одичалостью и захолустьем, провинцией, вот о чем бы им поговорить — ведь она как-никак работала в Смольном.

Но мать по-прежнему молчала, уйдя в себя, и он понял, что упустил тот момент, когда следовало изменить ход сражения в свою пользу, — она, оказывается, уже выдохлась и на дальнейшее у нее не оставалось ни доводов, ни пыла.

Ему даже стало жалко ее. Но не настолько, чтобы вообще избегать выяснения отношений и конкретно того, что он должен был выснить. Просто теперь ему надо было найти иной тон, другие слова.

— Знаешь, — сказал он негромко и доверительно, — один человек... ну, допустим даже, что одна девушка, причем серьезная девушка, недавно в Москве спросила меня: не знаю ли я чего-то такого, чего не знают другие? Нет, коряво... лучше так: может быть, я знаю что-то такое, чего другие не знают? Это она так сказала.

— Что же ты ей ответил? — не скрыла насмешки мать.

— А это не важно. Что я ей ответил — не важно, я нашел, что ответить... Важно не это. Уже на следующий день выяснилось, что все обстоит совершенно наоборот. Что другие знают то, о чем я не имею ни малейшего представления, не подозреваю даже... хотя я должен бы знать, поскольку это касается меня лично.

— Что ты имеешь в виду?

— Веру Андреевну Клеймихину. Крым. Тунис. Париж.

Она опять погрузилась в молчание, но теперь, понял Алексей, затем, чтобы совладать с неожиданностью, собраться с мыслями и вообще собраться.

— Значит, Надя сочла...

— Да, она сочла! И я очень благодарен ей за это. Лучше заранее знать, с какой стороны ждать подвоха, чем моргать, когда тебе вдруг выложат на стол — вот, все козырные, чем бить будете? Нечем? Ваших нет.

— Значит, Надя сочла... нет, я не верю, что она это сделала со зла. По глупости просто, на нее похоже.

— Хорошо, пускай тетя Надя глупа. Но ведь ты — умная! Тетка сама говорила, что еще дед считал тебя самой умной... Как же ты, самая умная, могла скрывать от меня это?

— Что — это?

— А то, что твоя сестра, а моя тетка убежала за границу с врангелевцами, что ее муж — белогвардеец, служил у Деникина, что его...

Она резко остановилась, повернула его к себе за воротник, посмотрела прямо в глаза.

— Во-первых, не кричи — прохожие оглядываются, неприлично.

— А Деникин — это прилично? — сцепив зубы, прошипел он.

— А во-вторых, Алеша, оглянись...

— Ну что? — заоглядывался он, вертя рывками головой. — Ну прохожие, ну идут и пускай идут куда им надо, черт с ними, мне другое важно...

— Оглянись, Алексей, — властно повторила мать. — Где ты сейчас находишься?

Он, будто очнувшись, осмотрелся вокруг.

В горячке спора он даже не заметил, что они уже миновали Новый Эрмитаж, где гнули шеи атланты, оцарапанные осколками бомб, и вышли на Дворцовую площадь.

По правую руку от них был Зимний, подобный зеленой вспененной волне, внезапно накатившей с Невы, перехлестнувшей парапет и так застывшей — брызги позолоты сверкали на гребне. Из брусчатки вырастал Александрийский столп, на котором сердитый ангел с крестом укрощал змею. Слева упругим полукольцом прогибался Главный штаб, зияя знаменитой аркой, в которой всегда темно, потому что она ведет не прямо на свет, а изворачивается круто и неожиданно — захватывает дух — переулком к Невскому. На зимнем закатном солнце бронзовел граненый шпиль Адмиралтейства.

— Ну и что? — спросил он.

— Здесь была революция.

— А я знаю. Вон оттуда, от арки, наступали красногвардейцы, матросы, а тут, за дровами, сидели юнкера и эти... бабоньки... Бочкаревой, да? Маяковский написал, что дуры... Я сто раз про это читал и в кино видел. Так что знаю.

Она быстро кивнула:

— Вот это хорошо, что ты о кино вспомнил. Знаешь, я перед седьмым ноября выступала в фабричном клубе с докладом, потом, как водится, кино. Штурмуют Зимний, а детвора в зале: «Где немцы? Кто из них немцы?.. Бей немцев!» Ребятишек этих понять можно... А немцев-то, Алеша, тут как раз не было. По одну сторону — русские и по другую тоже — русские. Вот что такое революция. Жестокое дело... Она ведь не только на баррикадах, на фронтах, она — в семьях: раскаляет, раскалывает, больно... Брат на брата! А ты думаешь, что это сестер не касалось? Касалось.

— Мама, не нужно политграмоты, пожалуйста! Оставь это для своего фабричного клуба, — раздражился Алексей. — Итак, ты находишь все вполне естественным, закономерным, вполне объяснимым с точки зрения классово-борьбы? Да? Да... Но почему в таком случае это естественное, объяснимое так тщательно скрывалось?

— Осторожней со словами, Алексей! Что значит — скрывалось? Мы с отцом прошли все чистки — и вышли чистыми. И позже нас ничто не коснулось, к чистому не липнет... Об этом знают те, кому положено знать. Киров знал. Жданов знает. Обком знает.

— А я?.. Почему я не знаю? — закричал он, опять впадая в ярость. — Я что — петрушка?

Они шли по Дворцовому мосту, ветер переваливал через него, летел плотной волной, гася звуки, — крик не получился, получилось, что он орет, просто чтобы она услышала.

— Потому что тебе незачем это знать, — сказала мать. — Это не касается тебя.

— То есть как? Родная тетка...

— Если ты имеешь в виду анкету — близких родственников, — то тетки не считаются. Я знаю, что говорю. Таков порядок — тетки не считаются... Ведь ты не пишешь в анкете о Надежде Андреевне? Нет. Ну, значит, и о Вере Андреевне можешь ничего не писать. Тем более что ты ее никогда не видел, переписки не имел...

— Вот-вот, — вцепился Алексей в последнюю фразу. — Я как раз хотел тебя спросить: если все это настолько естественно и объяснимо, то почему тетя Надя переписывается с Верой, а ты нет?

— Просто не нахожу нужным. Мы с Верой перестали понимать друг друга еще задолго до революции... Она мечтала быть барынькой — вот и барынька. Пускай стрижет купоны. Я не завидую ей. Думаю, что и она мне.

— О, в этом я не сомневаюсь, — заверил Алексей, — тут я с тобой вполне согласен.

— Вот и хорошо. Хоть в чем-то мы пришли с тобой к согласию.

Он сильно продрог на невском сквозном ветру, да и мать шла съезжаясь. Он взял ее под руку, она отозвалась благодарным движением локтя.

Не избалованный материнской лаской, Алексей догадывался, что эта ласка живет в ней подавленно, как и ответная благодарность за ласку, тоже подавленная суровостью. Не было причин считать, что с этим она явилась на свет и выросла, нет, он видел ее детские и девичьи фотографии с наивным, нежным и мягким взором, — что же ожесточило ее сердце? Замужество? О нет, отец всегда был добр к ней, а она любила отца... Алеша предполагал — и, наверное, он не ошибался, — что это произошло с ней однажды и сразу, а потом осталось на всю жизнь. Что это произошло с нею в двадцать первом году, когда она — уже партийкой, медсестрой — ходила по льду штурмовать мятежный Кронштадт. Она была вместе с мужем, но потеряла его в наступающих цепях, слепнувших то от тьмы, то от направленного резкого света прожекторов. Эти цепи внезапно прерывались выбухами тяжелых снарядов крепостной артиллерии и обширными черными поляньями, в которых водовороты носили крошево льда и лоскуты одежды, — но цепи не залегали, а торопливо шли дальше, пока еще оставались подходы, пока еще под ногами был зыбкий мартовский лед, а до фортов было рукой подать... Потом, рассказывал отец, когда все уже было кончено, они вдруг случайно встретились, муж и жена, у Морского госпиталя, того самого, где Алеше предстояло родиться шесть лет спустя.

Они уже были близки к цели. Ростральные колонны на стрелке Васильевского острова маячили невдалеке, и, увидев их, он опять испытал умиленную радость, как часом раньше, когда они шли мимо суворовского музея. Но почему? Там на него пахло Москвой — двуххвостые зубцы, гребешки, — понятно. А при чем здесь эти мраморные колонны с торчащими носами кораблей? При чем здесь Москва?.. Нет, вовсе нет, конечно же, не Москва, вдруг обрадовался он, совсем другое. Эти ростральные колонны были похожи на сосны — тот же красноватый и теплый отлив стволов, та же ладная округлость, — а эти корабельные носы были как обломки черных сучьев, которые всегда остаются на соснах, когда крона уходит ввысь... Не Москва, а Север.

— Понимаешь, Алеша, я вовсе не собиралась скрывать это от тебя. Я просто ждала, пока ты войдешь в тот возраст, когда не делают глупостей сгоряча... их продолжают делать и после, увы, но прежде думают. Или думают, что думают. Ведь это случай не простой, хотя и не единственный в своем роде — сколько семей разметала революция, гражданская война, не счесть... Я надеялась, что ты будешь со мной и, когда понадобится, когда настанет срок, я все тебе растолкую и подкажу, как быть. Более того, я хотела быть рядом и защитить тебя, если что... Теперь могу признаться: это было одной из причин, по которой я не хотела отпускать тебя... но ты распорядился по-своему, как хотел. Что касается тети Нади, то можно лишь удивляться, как долго она терпела. Она заспешила, когда поняла, что ты и от нее убегаешь. Что ты намерен прижиться в местах не столь отдаленных.

— Что?.. — переспросил Алексей. — В каких местах?

— Не столь отдаленных, — жестко повторила мать. — Ты уж извини, но они называются именно так. У них дурная репутация, давняя притом, с царя Гороха или до него еще.

— Хорошо... — выдохнул он крутое облачко пара. — Тогда уж позволю сказать мне.

— Говори. — Она высвободила руку, почувствовав перемену в его тоне.

Теперь они шли по набережной, багровый торец Двенадцати коллегий уже высунулся из глубины строений: это и был университет, сюда она его и вела — тогда, позапрошлой весной, и сейчас в оди-

наковой мере напрасно,— здесь следовало и закончить долгую беседу, поставить точку.

— У нас в детдоме, в Городище... нет, не там, где старшие, а в дошкольном, где совсем малыши, было много таких, у которых потолковые фамилии. Знаешь, что это такое — потолковые?

— Впервые слышу.

— Ну вот видишь, и ты не все на свете знаешь... Это ребята, о которых ничего не было известно, и сами они о себе ничего не знали — ни имени, ни фамилии, и документов не было, а сами они были, их из-под камней доставали, из-под развалин, из пустых квартир вытаскивали кто живой — и через Ладогу... А потом им все-таки пришлось давать фамилии. Как иначе? Ведь надо человеку. Вот им и придумывали: одному — Иванов, другому — Петров, третьему — Сидоров. Но на четвертом, конечно, сбились, потому что Иванов уже есть и Петров есть — опять пойдет путаница... Пришлось брать фамилии с потолка, что кому в голову взбредет. Помню, девочка была — назвали Невская, красиво. Мальчишке одному нянька Власова свою фамилию дала, но зря, его потом, когда подрост, за эту фамилию пацаны лупили... Мы жалели их, конечно, потолковых — так их и звали, — потому что уже никогда родители не смогли б их найти, если бы вдруг сами нашлись... и не было у них ни дядь, ни тетя. Никого.

— К чему все это? — насторожилась мать.

— А к тому, что теперь мне их совсем не жалко! Я даже завидую им... Ничего за ними не тянется, ничего на них не висит — ни хорошего, ни плохого. Каждый начинает с самого начала, с самого себя. И уже от него одного зависит остальное: какая устроится жизнь, кем он будет, что выберет... И расплачиваться ему только за свои долги, а не за чужие!

— Что ты мелешь? — испуганно воскликнула мать.

— Да-да, я не хочу чужих долгов, чужих грехов!.. Я не хочу, не хочу! — орал он, не смущаясь улицей, впрочем, тут и прохожих почти не было. — Довольно, я не желаю знать никакой родни, никаких предков, никакой генеалогии! Я хочу начинать свою жизнь с чистой страницы, с первой строки — как статью... Будто я — это только я и есть в первом колене, да-да, первый — прямо от обезьяны!

Мать отвернулась, он сначала подумал, что от ветра, от сырых краев на реке или чтоб не слышать его исступленного крика, но заметил, что плечи у нее тряслись в рыданье.

Он выбежал на проезжую часть и стал ловить такси, размахивая рукой, хотя в поле зрения в содвинувшихся сумерках не было видно ни одной машины.

Свысока на него взирал серый сфинкс со своими когтистыми лапами, со своими египетскими глазами, со своими тысячелетиями, со своей никому не нужной загадкой.

Едва они вернулись домой и мать, все молча, отправилась на кухню спроворить что-нибудь к позднему обеду, как в дверь постучали.

Алексей вышел открыть — в дверях стоял Мишка Ковалев, товарищ по выпускному классу, кудрявый увалень в роговых очках.

— Здорово, — сказал гость, — а я звоню-звоню, целый день звоню... у вас телефон, что ли, испорчен?

— Нет вроде. Нас просто не было дома, мы ходили гулять.

— Гулять? А я звоню-звоню, потом, думаю, дай лучше схожу, ведь тут пешком два шага — ну вот и правильно надумал, застал, застукал старого друга! — Мишка отвесил ему по спине доброго леща. — Ведь больше года не видались. Закончили школу — и лапти врозь? Нехорошо, дорогой товарищ, стыдно-с...

— Да ты раздевайся, Мишка, — потянулся Алеша к его пальтишку с заметно окоротившимися рукавами: вырос парень.

— Нет, это не я раздевайся, а ты одевайся,— замотал головою Ковалев.— Да по-быстрому, ждут. У меня там собрались, понимаешь...— стал он объяснять вполголоса, еще со школьной робостью позыркивая очками в глубь квартиры, опасаясь родительского слуха.— Есть из нашего класса, но мало, все куда-то расползлись. Больше новые.— Зашептал совсем секретно:— Есть винцо, девочки есть. Одевайся, ждут.

Любовь Андреевна вышла из кухни в коридор, присмотрелась, узнала, улыбнулась приветливо:

— О, Миша, здравствуй... Как ты возмужал!

Алексей горько усмехнулся. Вот так: чужому — «как ты возмужал», а родному — «как ты одичал». Хотя если судить беспристрастно, по справедливости, то ведь было скорей наоборот, совсем наоборот. Однако где же это видано, где слыхано, чтоб к родным — по справедливости? Справедливость — угощение для чужих, для посторонних, для гостей.

— Как твои успехи? — поинтересовалась мать. — Где ты учишься?

— Я в медицинском, Любовь Андреевна, уже второй курс. Вот так... Странно, да?

— Нет, что ж тут странного... Это прекрасно, Миша!

Алексей перенял короткий и выразительный взгляд матери, говоривший: ну вот видишь, все нормальные сыновья поступили в различные ленинградские институты, будут людьми, а ты?

Значит, выяснение отношений между ними, прервавшееся плачем на улице, отнюдь не было завершено, продолжение следовало.

Он решительно потянулся за шапкой.

— Куда ты? — удивилась мать.

— Мама, у меня отпуск,— напомнил он и, чтобы у Мишки не возникли ненужные вопросы, поправился:— У меня каникулы. Ведь ты не хочешь, чтобы я все каникулы просидел дома? Я должен развлечься в кругу друзей, правда?

— Пожалуй,— неуверенно согласилась она.

Они ринулись вниз, опять-таки еще по школьной привычке скользя животами по перилам лестницы.

— А я звоню-звоню,— снова стал объяснять на улице Мишка.— Нет, я слышал, что ты поступил не в Ленинграде, а в Москве... Ты в какой поступил?

— Я перевелся,— уклончиво, но многозначительно ответил Алексей и тотчас убедился, что это произвело должное впечатление.

— А-а...— уважительно протянул Мишка Ковалев.— Вот я и подумал: ведь он должен приехать на каникулы! Звоню-звоню... а там ведь уже все в сборе. Потом, думаю, вдруг телефон испортился — и побежал сюда. Какой же я молодец: сразу и нашел, ты тут как тут!

Он, преисполняясь дружеских чувств и восхищения самим собой, опять отвалил ему сильную затрепину по спине.

Вот так, подумал Алексей, человек вдруг вспоминает о другом человеке, звонит, бежит — и находит его тут как тут. Притом у него даже не возникает ни малейшего подозрения по поводу того, что тот оказался на месте совершенно случайно, что он уже давно не живет в Ленинграде и давно не живет в Москве, а живет черт знает где, на краю света, что в жизни его произошли непредвиденные и огромные перемены, о которых так долго рассказывать, что лучше и не начинать, а тот просто радуется, что тут как тут, но если бы не случилась такая вот внезапная оказия, если б не понадобился срочно, то, может быть, он и не вспомнил бы о нем, а пришлось вспомнить — он и зазвонил и побежал... и при этом еще следует учесть, что они не видались после школы всего лишь полтора года, а ведь бывает, наверное, что люди не видятся и ничего не знают друг о друге мно-

гие годы, пять лет, или десять лет, или даже, наверное, бывает, что они не встречаются целых двадцать лет... А можно сполна всю жизнь прожить — и тебя никто не вспомнит, да и ты ни о ком не вспомнишь: зачем, к чему?..

Мишка Ковалев жил здесь же, на Малой Охте, на улице Стахановцев, застроенной накануне войны толстостенными красивыми домами, выстоявшими и бомбежки, и обстрелы, и пожары, и даже где-то здесь поблизости был еще врыт в землю бетонный дот со щелью амбразуры, а на задах этой улицы, ближе к реке, в последний год войны и в первый год после войны еще рыли огороды, сажали картошку, чтоб утолить ненасытный голод.

Мишкин дом был уже совсем близко, но Алексей потащил его в сторону, к поперечному Заневскому проспекту, сиявшему веселыми огнями.

— Ты куда? — удивился Мишка.

— В магазин.

— Да зачем?.. Все есть: и вино есть и девочки есть...

Но Алексей Рыжов после недавней встречи Нового года в доме Дагириных больше не доверял этому беспечному «все есть» — он помнил, как они с Аржанниковым лазали по холодильникам в темной кухне, да и знал он, как бывают скудны студенческие вечеринки, а он, слава богу, не был нищим студентом, а был богатым полярником и преуспевающим журналистом, корреспондентом сразу двух газет, только об этом никто не должен был догадываться, ведь студенты — они не любят богатых, выпить и пожрать за их счет всегда рады, но не любят.

В винном магазине полки ломились от бутылок с броскими этикетками, у Алеши даже глаза разбежались.

— Пино-гри, малага, токай... — с видом знатока прочитывал он названия, слегка присасывая языком, будто пробуя на вкус, как, вероятно, делал бы и его коллега Игорь Луков, забредя в винный подвалчик где-нибудь на Монпарнасе. — Шато-икем, мускатель...

— Бери любое, не мудри, — подсказал Мишка. — Это все делают в Армавире из гнилых яблок плюс этиловый спирт. Это я тебе говорю как будущий врач, учти. И не преклоняйся перед иностранщиной, сейчас за это...

Алексей насовал во все карманы бутылок, и они побежали обратно к улице Стахановцев.

— А знаешь, Леха, почему я выбрал медицинский? Точней, когда я это решил твердо — медицинский... Ни за что не угадаешь. Еще в десятом классе, когда нас возили в Кавголово кросс гонять. Когда мы с тобой Алика Бажанова откачивали, вот бедняга, эх...

Конечно же, Алексей прекрасно помнил этот случай. Зимой с сорок пятого на сорок шестой их всем классом, всей школой посадили в электричку и повезли в Кавголово. На базе всем им выдали лыжи и палки, подвели к черте, махнули флажком — они ринулись, топчась и тыча, разгоняясь, потом заскользили мимо пустых дач, мимо покосившихся заборов, мимо тонконогих берез и елей, мимо заснеженных озерных впадин. Еще на старте вперед вырвался Алик Бажанов, любимец всего класса, не только любимец всех девочек, это само собой, но даже кумир всех мальчишек, рослый широкоплечий красавец, гимнаст, танцор, отличник и комсорг, добрый, смешливый и полный радости — никто не верил, что он блокадник, что он все девятьсот дней умирал тут вместе со всеми, скелет скелетом, но потом быстро выпрямился, вырос, вошел в тело, налился силой, захошел, засмеялся, — он упал на третьем километре, а Мишка и Алексей шли сзади, они наткнулись, перевернули на спину, лицо Алика было бледно, ни кровинки, но снег, в который он ткнулся лицом, все же таяла на щеках, и они стали дергать его за нос, думая, что просто обморок, но он не отзывался, тогда они с Мишкой начали делать ему

искусственное дыхание, разводил и сводил руки, сгибать в коленях вялые ноги, качали, качали, собрался народ... подъехал на лыжах мужчина, оказалось, что врач, нагнулся, оттянул пальцами веки и сказал: «Он мертв».

Потом, уже после похорон, в школе узнали, что у Алика Бажанова при вскрытии нашли детское сердце. То есть он после блокады сумел навестать все — и рост, и силу, и красоту, — но при этом у него осталось детское сердце, и оно не справилось.

— Жалко парня... — вздохнул Мишка. Но добавил уже с нарочитым бесстрашием, как подобает будущему врачу: — У нас в анатомичке на днях был такой же случай: мужик, двадцать два года, а сердце детское...

Они пришли к месту. У подъезда Мишка придержал Алексея за плечо, сказал, помявшись:

— Слушай... ты здесь встретишь одну знакомую девушку, ну, может быть, ты и забыл, но она тебя помнит. Собственно, это она и присила, чтобы я тебя позвал. Она тоже учится в медицинском, мы с нею в одной группе. Вот какое дело...

— Ну и что? — удивился Алеша. — Что за дело? Мало ли у кого каких знакомых нет, всех и не вспомнишь.

— Нет, погоди... — Мишка сосредоточенно крутил пуговицу на его пальто, все не решаясь что-то договорить. — Но она... понимаешь, в общем, это моя девушка, хотя ты с ней и раньше знаком, но она моя. А для тебя тоже есть, — заулыбался он, — припасено. Хорошая девочка и без отказа, зовут Рита.

— Пошли, — махнул рукой Алексей.

В пятнадцать лет, когда она прислала ему записку: «...ровно в семь на Поклонной горе, это очень важно», а важность вся была в том, чтобы прикрыть обреченно глаза в длинных ресницах, встать на цыпочки, подставляя лицо для поцелуя, и сказать «я люблю тебя», — и тогда она была прелестна, тонка, как травинка, и вся светила насквозь, как лепесток. Теперь же, к девятнадцати годам, красота ее, по-видимому, вполне завершилась, потому что дальше и больше было просто незачем, это было бы сверх меры.

Еще Алексей сразу понял, что Лена Распопова не столько счастлива своей красотой, сколько озабочена ею: ведь на это нужны немалые силы, чтобы все время чувствовать на себе жадное или просто восхищенное внимание, чтобы блюсти при этом спокойствие и достоинство, не сердясь и не млея, не впадая в смешные крайности, чтобы уметь в этом непрерывном скрещении взглядов, вопросов, заигрываний, приставаний, мрачных влюбленностей оставлять для себя возможность жить собственной душой, своими делами, быть собранной, деятельной или, наоборот, расслабляться в лени, — не так уж все это легко.

Он заметил, что она нарочно остриглась попроще, что на лице ее ни пудры, ни краски, что она, идя на студенческую вечеринку, надела коричневый свитер грубой вязки с закатанным хомутиком воротом, прямую серую юбку и очень скромные туфли — будто на профсоюзное собрание, — но и в том проявилась ее наивность: она еще не понимала, что это тоже род кокетства, что такой облик выделяет ее, привлекает к ней еще больший интерес, что, наконец, все это дьявольски идет ей, а может быть, она и понимала все это отлично, кто их разгадает, женщин.

Они уже разговаривали, сев подальше от орущего патефона, как примчался, распорядившись насчет вина, Мишка Ковалев, наклонился, свойски обнял ее плечи, даже коснулся щекой щеки, сказал:

— Ну что, детки? Разве Мишка не человек, не друг? Да Мишка — это сокровище, которое не надо искать лишь потому, что оно всегда под рукой... Но как вышло-то, как вышло! Ведь мы с ней уже

полтора года гужемся вместе, в одной группе — и хоть бы слово. А тут в анатомичке режут мужика, детское сердце, — я и говорю ей, что знаю такой случай, было в нашем классе, Алик Бажанов на кроссе в Кавголове, мы, говорю, с дружкой Лехой Рыжовым качаем ему руки-ноги, а он... А она вдруг говорит: «Алеша Рыжов? Я с ним знакома... Где он?» А он вот где, тут как тут...

Алексей поморщился: ему был неприятен этот разговор об анатомичке, потому что он сразу представил на том столе, где режут, не какого-то чужого мужика и даже не бедного Алика Бажанова, а себя — будто он там лежит, а его кромсают вдоль и поперек и смотрят, что у него внутри.

Видимо, Лена тоже ощутила неловкость и обернулась к Мишке с укором во взгляде, но он уже исчез, побежал распоряжаться дальше, и они опять остались одни.

А Лена продолжила разговор именно с того ее вопроса, который только что помянул Мишка:

— Где ты?.. В Москве?

Он прикинул: если рассказывать все как есть и по порядку, то на это уйдет весь вечер — так много накопилось всего после их расставания в Городище, — даже за один вечер всего, пожалуй, не расскажешь. Вообще-то, подумал он, если уж кому и рассказывать, если кому-нибудь и излиться, то лучше Лены Распоповой для этого не сыскать, она бы его и выслушала терпеливо и поняла. Но он сам не знал, так ли уж ему охота изливаться кому бы то ни было, и будет ли у него для этого второй вечер, и даже будет ли в его распоряжении сегодняшний вечер полностью, ведь еще нужно ухаживать за какой-то девочкой Ритой, а он даже не познакомился с нею.

Поэтому он решил использовать тот же многозначительный ответ, который употребил на улице в разговоре с Мишкой Ковалевым и который, как он убедился, произвел на Мишку сильное впечатление.

— Я перевелся, — сказал он Лене.

— Вот как...

По ее глазам он понял, что на нее это не произвело такого же впечатления, как на Мишку, что она угадала всю уклончивость этого ответа, истолковала его просто как нежелание Алексея быть с нею доверительным. И вслед за этим в ее глазах появилось не то чтобы отчуждение, а какая-то тревога за него.

Он хотел было сгладить это встречным вопросом: где она сама?.. Но ведь он уже и так знал, что она учится в Медицинском институте на втором курсе, какие тут могли быть еще вопросы? Разве что он мог ее спросить: а почему она выбрала для себя именно этот институт, а не другой, почему ей вдруг вздумалось учиться на врача? Вот Мишка Ковалев — тот хоть рассказал ему по дороге, какая причина подвигла его стать на этот путь: он напомнил, как они в Кавголове откачивали мертвого Алика Бажанова... А вот что подвигло ее, Лену? Да скорей всего что и ничего, потому что для девушек, обыкновенных девушек, выбор невелик и обычен: медицинский или педагогический, училка или врач.

Вообще он не знал, хочется ли ему спрашивать обо всем этом, рад ли он тому, что Лена Распопова так внезапно появилась — через много лет — напоминанием о его несчастном, чахоточном и вшивом детстве. Не хватало еще, чтобы она, тоже на правах будущего врача, стала осведомляться о его легких, о кашле, какой рентген, какая температура, тьфу, — он и сам не хотел вспоминать об этом, хотел забыть.

Но тут опять к ним подскочил распаренный в хозяйских хлопотах Мишка и без лишних поклонов и расшаркиваний ухватил Лену за руку и поволок. А там посредине комнаты что-то сказал ей и, оставив стоять как дуру, вернулся к нему.

— Ну чего ты ждешь, Леха? — заговорил торопливо. — Гляди, вон она — прямо перед тобой, сидит, ждет... Иди и пригласи, зовут Рита. Он отбежал к Лене и повел ее в фокстроте.

Алексей увидел в соседней комнате, верней в той же самой большой комнате, где все толклись, но поделенной какой-то перегородкой с вырезом наподобие створа сцены, даже с занавесками по обе стороны, — там сидела на тахте девушка с длинными прямыми волосами, ниспадающими к острым плечам и к остро торчащим грудкам, она прилежно листала яркие глянцево-страницы какого-то журнала, похоже, что «Америки», держа его на острых сомкнутых коленках. Словно почувствовав его взгляд, она подняла глаза — зеленые, недоуменные и терпеливо ждущие.

Но он не тронулся с места, не шевельнулся, не кивнул даже, и она опять занялась картинками.

Алексей налил себе из бутылки стакан шато-икема, который и впрямь пахивал гнилыми яблоками, большими глотками осушил до дна и взялся разглядывать окружающих, танцующих и ведущих беседы.

Среди них он заметил своих одноклассников — их было трое, нет, четверо, — но, как на грех, они оказались не теми, с которыми он был близок, а теми, с которыми он был далек, хотя они и учились вместе, так что не стоило труда подыматься и идти здороваться, обниматься, спрашивать о жите-бытье, кто где, да и они, как он определил, не спешили к нему с объятиями и расспросами, хотя на-верняка увидели, что он пришел, что он тут как тут.

Пластинка кончилась. Лена вернулась, опять села рядом.

— Скажи, Алеша... — Она запыхалась и была немного взволнована. — А как ее зовут?

— О ком ты? — удивился он.

— О ней. Ведь я вижу...

— Вот странно. А на мне что — написано?

— Написано, — подтвердила она.

— А как зовут — не написано?

— Нет.

— Ну, значит, и необязательно.

— Ладно, — она куснула губу, — пусть так... но я еще спрошу, можно?

— Спрашивай, — разрешил Алексей.

— Ты — я вижу. А она... она тебя любит?

Глаза Лены Распоповой смотрели сейчас на него с той же смутной тревогой, какая появилась в них, когда он, уклоняясь от правды, соврал ей, что перевелся. В ее глазах было то сочувствие, которое позволяет понимать чужую боль как свою, — может быть, именно это и подсказало ей стать врачом?

— Да, — сказал он. — Конечно.

Она, вскочив, пробежала весело по комнате и скрылась где-то в глубине квартиры. Вероятно, отправилась искать своего Мишку — сокровище, которое всегда под рукой. Пошла помогать ему по хозяйству.

Вскоре Мишка Ковалев появился опять — принес еще пару бутылок, выдернул пробки — и снова направился к нему.

— А ты все сидишь? Все ждешь? — Огорченно покачал головой. — Ну чего ты ждешь? Милостей от природы? — Зашептал на ухо: — Взять их — твоя задача... Вали, она уж вся извелась. Зовут Рита. Сейчас я поставлю новую пластинку — приглашай...

— Хорошо, — сказал Алексей.

Откровенно говоря, он ждал, что Лена еще вернется и они еще поговорят, может быть, обсудят подробнее тот вопрос, который она ему задала — ведь у него еще ни разу не было случая поговорить о

своей любви с понимающим и чутким человеком,— но Лена, вернувшись в комнату, пошла танцевать танго с Мишкой Ковалевым.

А девочка Рита по-прежнему сидела между занавесками и листала журнал «Америка», даже не поднимая глаз — видно, набрела на что-то интересное.

Алексей подумал, что хотя эта девочка Рита, которую приготовили для него, еще очень молода, вероятно ей тоже не больше девятнадцати, но она переняла у кого-то способность покорно ждать, пока ее заметят, пока к ней подойдут, пока к ней снизойдут, он подумал, что она переняла эту способность у женщин старшего поколения, у женщин войны, может быть, у собственной матери либо у старших сестер,— вот это поразительное умение ждать терпеливо и безропотно, ждать и ждать и в конце концов ничего не дожидаться.

Он налил себе стакан хереса, глотнул — вкус был тот же.

Стал наблюдать, как Лена Распопова танцует с Мишкой Ковалевым. По тому, как Мишка уверенно и спокойно обнимал ее талию и как она положила подбородок на его плечо, он понял, что школьный товарищ не врал, предупреждая, что это его девушка, он так и сказал: моя. Было видно, что они близки и привычны друг другу, что они, как принято нынче говорить, жи в у т, впрочем, Алексей слышал, что у них, у медиков, это проще простого, как дышать, как людей резать.

Не то чтобы его возмутило это, но он вдруг испытал досаду оттого, что упустил право первенства, которое безусловно принадлежало ему. Ведь она любила его и сама призналась в этом, и он мог взять ее без особых угрызений совести. А он тогда повернулся и пошел прочь, сунув руки в карманы. Еще можно было бы понять, если б он ничего не умел, а он уже все умел... но нет-нет, вовсе нет, совсем не потому! Он великодушно пожалел ее, не хотел осквернять ее рот поцелуем, в котором могла быть зараза, не хотел касаться ее после захарканной железнодорожной больницы, после жесткого лежачка в ординаторской, прикрытого сырой клеенкой... он-то пожалел, дурак, упустил свое, а кто-то другой взял, скорей всего даже не этот очкастый увалень Мишка, а до него, так всегда бывает, когда играешь в благородство,— берет другой.

Его все-таки проняла обида, и он уже собирался встать и уйти, но тут к нему подсел какой-то малый с прыщеватым лбом, сказал:

— Извините... вы, пожалуйста, извините, но я хочу вас спросить. Вы позволите?

— Да, конечно,— опять проявил он великодушие, с которым никак не умел совладать, его губила собственная доброта.— Говорите,— сказал он и даже налил вина этому прыщавому, ему и себе.

— Вот, понимаете, когда трое разговаривают, то один из них — любой — может считаться свидетелем, да? Вы меня понимаете?

— Нет, не понимаю,— сказал Алексей, чокаясь стаканом о стакан.— Прежде всего я не понимаю, почему вы обращаетесь ко мне на «вы». Ведь мы, судя по всему, ровесники и оба студенты, не так ли? Так почему ты мне выкаешь?

— Извините, я не хотел... я просто хотел выразить свое уважение к вам.

Прыщеватый малый, держа стакан в обеих ладонях, смотрел на его фетровые бурки. Вероятно, именно они ввели в заблуждение парня, может быть, он еще не видывал, чтобы свой брат-студент расхаживал в таких роскошных бурках.

— Ну хорошо,— сказал Алексей,— излагайте дальше. Итак, что вас интересует?

— Я уже сказал. Если трое — то это понятно, любой из них... Но если всего двое, вот как мы сейчас с вами, с глазу на глаз? И никто посторонний нас как будто не слышит...

— Ну-ну,— кивнул Алексей,— то что тогда?

— Если всего двое, то разве один из них может считаться свидетелем?

Алеша отставил пустой стакан и, наклонившись к его прыщавому лбу, уставив лоб в лоб, спросил в свою очередь:

— А почему ты спрашиваешь об этом меня? А?

— Но ведь вы... я не знаю,— растерялся парень.— Мне показалось, что вы...

— Что же тебе показалось? — строго спросил Алексей и, не дождавшись ответа, встал и пошел вон.

Все-таки, подумал он, одеваясь, не следовало приходить сюда, на эту студенческую вечеринку, в таком солидном пальто с каракулевым воротником и в такой дорогой пыжиковой шапке. И не нужно было приносить столько вина, даже дрянного. Это, конечно, подвело его: они подумали, что он чужой, хотя он и был свой в доску.

16

Поезд опаздывал безбожно, на целых полтора часа, и когда прибыл в Спас-Погост, выяснилось, что рейсовый автобус до Города-на-Реке только что, не дождавшись, ушел.

А это означало, что придется ночевать на станции в ожидании следующего автобуса, который будет лишь утром: его подадут к поезду четного рейса, идущему с севера, из Печорска в Москву. Минувшей осенью Алексей Рыжов как раз и прибыл сюда тем рейсом, и тогда в Спас-Погосте их со Степаном Огузовым и Яшей Черношварцем ждала под проливным дождем новенькая редакционная «Победа», а сейчас его никто не ждал.

Но нет, это было невыносимо: всю ночь напролет томиться в натопленном до одурения и провонявшем портянками станционном зальце, где впритирку сидели на деревянных скамьях, окрашенных — что за глупость! — под дерево, под орех; где лежали, привалясь к мешкам и чемоданам, где истошно орали младенцы, где нетрезво беседовали мужики в серых бушлатах; а трое в белых полушубках, перепоясанных ремнями — лейтенант и два сержанта, — ходили промеж этих скамеек, подозрительно и въедливо присматриваясь к лицам, а те лица, которые не были видны — обронены во сне на грудь, заслонены шапками от света, уткнуты в дорожное барахло, — они приподнимали, поворачивали так и сяк, встряхивали, пристально вглядывались и потом отпускали: ночуй дальше.

На Алексея они не обратили внимания.

Станционный буфет оказался на запоре тоже до утра.

Нет, это было просто дико: так стремиться и душой и телом в Город-на-Реке, ехать двое суток с гаком, буравить в нетерпении глазами тьму в заиндевелом вагонном окне, сосчитывать километры по стыкам, все расспрашивать проводника, не нагнали ли в пути график — нет, не нагнали, отстаем, — чтобы, наконец прибыв на станцию назначения, вот так застрять на ней в какой-то сотне верст от цели — черт знает как нелепо и как тошно...

Он, отогнув рукав пальто, посмотрел на часы: восемь вечера. И круглые часы над окошком билетной кассы тоже показывали восемь, на железной дороге повсюду время московское, хоть бы там ночь, а тут день. Однако местное, поясное время все-таки было здесь часом позднее, и Алексей перевел стрелки своих часов вперед — стало не восемь, а девять, и завтрашнее утро приблизилось на целый час. Но это не принесло ему облегчения, а, наоборот, пуще разозлило: всего-навсего девять часов, только девять, детское время!.. Три часа езды по зимнику — и ты там, дома. То есть в Город-на-Реке еще можно было попасть не завтра, а сегодня, да-да, именно сегодня, лишь бы было чем добраться.

Алексей прошагал насквозь станционный барак и вышел на при вокзальный пятачок.

В стороне, у пакгаузов, урчал грузовик, доверху навьюченный поклажей, возле него хлопотали люди.

Он, преисполняясь вдруг надеждой, направился к ним.

— Здравствуйте... Кто шофер?

— Я шофер, а тебе что?

— Вы не в Город-на-Реке?

— Туда.

— Возьмите меня... — Алеша понизил голос. — Я заплачу как следует.

— Да не в этом дело, — отмахнулся шофер, — я б и так взял, от скуки, чтоб разговаривать, но у меня уже есть в кабине — экспедитор, вот этот, а троим не всунуться. Так что нет, извиняюсь.

Алексей с сожалением отошел, окинул взглядом груженный кузов: там горбатился высоченный тюк пакли, накрытый сверху брезентом, чтоб не раскуделилось, не разметалось в пути, и сейчас экспедитор вместе с грузчиками затягивал канаты, скрепляя вдоль и поперек все это хозяйство, плетя узлы, привязывая к бортам.

— А что, если я — наверху? — снова обратился Алеша к водителю, еще сам не веря, что хватит на то отваги, но уже не желая отступать и отступаться от сказанных слов, а главное — понимая, что это единственный и последний шанс попасть в Город-на-Реке не завтра, а сегодня.

— Наверху? — Шофер пригляделся к нему повнимательней, выясняя, не чокнутый ли парень, нет вроде. — А не свалишься? Не замерзнешь?

— Нет. Я не свалюсь, не замерзну, — поспешно заверил Алексей и на всякий случай повторил: — Я заплачу как следует... понимаете, мне очень надо!

Теперь уже к этому сговору любопытно прислушивались экспедитор в валенках с огромными галошами и задышленные грузчики. Наверное, им тоже показался интересным этот парень, любитель острых ощущений.

— Ну полезай, — разрешил шофер и тотчас же остановил: — Да куда же ты с баулом? Еще баул там держать, на верхотуре... давай его сюда, в кабине поместим. На, возьми, — сказал он экспедитору, — в ногах поставишь... А теперь — лезь.

Алексей, ухватившись за крюк, вскочил на колесо, подтянулся, ступил на доску борта и полез дальше вверх, держась за толстые пеньковые канаты, как альпинист, суча подошвами в поисках мало-мальской опоры, подстегиваемый азартом и тем, что за ним с насмешливым удивлением следили снизу, и вскоре был на самом верху.

— Есть, — доложил весело.

— Пальто на тебе хорошее, — попытался еще урезонить его водитель, — изваляешься там что леший, нависнет пакля-то...

— Наплевать, — сказал Алексей. — Поехали.

Тут, наверху, было удобно, мягко, пружинисто — и очень высоко, — он вдруг вспомнил, что ему уже знакомо с детской поры это ощущение: летом сорок первого, накануне войны, под Ижорой, когда он был в пионерском лагере, они, гуляя, набрели на покос, уставленный свежими копнами, и, подстегнутые таким же азартом, такой же тягой к высоте и такой же бесшабашной мальчишеской удалью, начали карабкаться, взбираться, цепляясь руками, раскидывая ногами плотно уложенное сено, и он едва ли не первым из всех малолетних поганцев оказался наверху, стал подпрыгивать на мягком и пружинистом, а потом бросился навзничь, ловя ноздрями упоительные запахи травы и цветов, глаза счастливо в синее небо, по которому легко плыли облака...

Сейчас не было этого запаха — пакля ничем не пахла, а брезент пованивал бензином. Кроме того, над ним теперь было не синее небо июня, а черное небо января, в котором висели бесчисленные звезды,

Но странно: то же самое ощущение близкого счастья владело им и сейчас — он попытался определить, откуда же оно, чем он счастлив. И понял, что счастлив тем, что движется, что перемещается в пространстве вместе с этой копной и что движение устремлено в ту же сторону, куда стремится все его существо,— туда, туда, в Город-на-Реке.

Улицы Спас-Погоста остались позади, машина неслась по гладкому, укатанному до блеска снежному тракту.

Погода была не слишком морозной и вполне безветренной, однако ветер скорости тотчас резанул по лицу, глазам.

Алеша, одной рукой вцепившись в канат, другою поднял меховой воротник, каждый завиток которого уже был колюч от холода, развязал тесемки шапки и опустил уши, но завязать их на подбородке не мог — одной рукой не завяжешь, надо было сделать это загодя.. Он понял, что, сидя на таком ветру, продержишься недолго, околеешь, и распластался ничком, уткнул лицо в брезент, заслонил локтем голову.

Грузовик мчался так ровно, без толчков, без покачиваний — словно стоял на месте, исходя гулом,— что Алексею показалось: дело тут даже не в пространстве, которое надлежит преодолеть, а просто во времени, которое нужно продержаться, вытерпеть,— те два с половиной или три часа, отделяющие его от цели.

Был превосходный способ сократить время — заснуть, а когда проснешься — ты уже и на месте. Но засыпать было нельзя ни в коем случае. И не потому, что во сне он мог сорваться с машины, скатиться с эдакой убийственной высоты — нет, его пальцы в шерстяных перчатках мертвой хваткой вцепились в канаты, и, пожалуй, их уже было не разогнуть, настолько они заоченели, он даже перестал их чувствовать,— но во сне он мог вот так же перестать чувствовать и все остальное, ведь во сне ничего не чувствуешь, где у тебя что, а это, Алексей знал, и был самый верный способ уже никогда не проснуться, замерзнуть насмерть, на веки вечные — нет, спать было нельзя.

Значит, чтобы не спать, надо было о чем-то думать. А о чем?.. Если думать о хорошем, о сладком, тем более уткнувшись носом и закрыв глаза, то это очень легко перейдет в блаженный сон, а он тоже знал понаслышке, что смертный сон замерзающего человека всегда сладок и благостен, что замерзших находят не с мукой на лице, а с улыбкой на ледяных устах. Так что думать о хорошем было тоже нельзя.

А, собственно, о чем хорошем он мог думать?.. Лишь о том, что ждет его впереди, когда он приедет в Город-на-Реке, то есть единственно хорошее и было той целью, к которой он стремился, к которой сейчас мчался, задыхаясь от жгучего ветра. От хорошего его отделяло лишь пространство в несколько десятков километров, а точнее — промежуток времени в два с половиной часа, нет-нет, уже не в два с половиной, а всего лишь в два часа, полчаса он уже едет, полчаса он уже вынес...

Но что же в нем было хорошего, в Городе-на-Реке, в городе, о котором он полгода назад и слыхом не слыхал?.. Алексей не мог ответить самому себе на этот вопрос, потому что он не знал, что оно такое вообще — хорошее, которое надобно человеку. Только ли работа, которая ни себе, ни другим не в тягость? Только ли крыша над головой?.. Или же просто спокойное сознание того, что тебя принимают таким, какой ты есть. Где от тебя не требуют быть лучше, или умнее, или знать то, чего не знают другие. Где хотят лишь, чтобы ты был, как все остальные. А в его представлении это было равнозначно свободе — и так ли уж он был далек от истины? Нет, он был совсем близок к ней: всего лишь в двух часах езды.

Но если все хорошее впереди, то что же позади?.. Вот тут он и осознал с полной ясностью, что позади у него не было ничего хорошего, а говоря по совести, там было одно лишь ненужное, никчемное и совсем плохое. Ну в самом деле! Если даже поставить вопрос в элементарной секундинутной простоте, то он звучал так: что заставило его сейчас ехать на этом окаянном грузовике, адски мучась в морозном пекле? А то, что он уехал из Города-на-Реке и теперь возвращается туда опять. Ведь если бы он не покидал Город-на-Реке, а преспокойно жил бы там в тепле и уюте, ему и не пришлось бы вот так маяться на холоду... А зачем он покинул этот теплый и уютный город? Ради чего? Нужно было сдавать экзамены в институте, сессия... да нет же, черт побери, оказалось, что ему вовсе и не нужно было сдавать экзамены, у него было все сдано наперед, ему прямо сказали в заочном деканате: а зачем вы приехали? кто вас вызывал?.. Его никто не вызывал, он совершенно напрасно ездил в Москву, то есть в Химки, он мог бы преспокойно сидеть до следующего лета, до теплой поры в Городе-на-Реке. Это раз... А вот и два: не успел он уехать отсюда, как натерпелся страху, чуть не остался гол как сокол... ну ладно, ему все вернули, пересчитали один к одному, прислали заново. Но что ему прислали заново? Аванс, то есть деньги, взятые в долг, которые еще придется отрабатывать, ишачить не день и не два, а целый месяц. А где эти деньги? Он их истратил, растряс, пустил по ветру — господи, как же резок и безжалостен этот холодный ветер, летящий навстречу и пронизывающий его насквозь! — и от них осталось одно воспоминание, вот, хватило бы расплатиться с шофером этого дурацкого грузовика...

Алеша вслушался в себя: праведная злость гнала по артериям, венам и капиллярам горячую, кипящую, бурлящую негодованием кровь, проникая в руки, проникая в ноги, будоража сердце, пошевеливая мозги. Да, значит, он был совершенно прав: на таком зверском холоду упаси боже думать о чем-нибудь хорошем, тут надо обязательно думать о плохом, доводя себя до точки кипения, до белого каления, — и тогда в среднем, в совокупности это поможет всему телу сохранить спасительную для жизни температуру: тридцать шесть и шесть.

Он оторвал лицо от брезента, зыркнул по сторонам. Кромешная тьма окружала его, если не считать звезд, вихрящихся в студеном небе, и если не считать длинного языка желтого света, бегущего впереди машины, бегущего вместе с нею, машина стремительно бежала вперед, вывалив наружу свой желтый язык...

Ни огонька вокруг: только белая полоса дороги, а в стороне от нее черная полоса перелеска, а за тою черной полосой опять белая полоса... Что за белая полоса? Ах, это река, скованная льдом и покрытая снеговым настилем, это Ычегда, подступившая совсем близко к тракту.

Но ведь ему отлично знакомо это место! Именно здесь минувшей дождливой осенью они утопили в кювете оскользнувшуюся «Победу» и так ее здесь и оставили вместе с Егором, водителем, дожидаться какого-нибудь шального трактора, а сами перебрались на борт «Трудовика», буксирного катера, снимавшего буи с фарватера, — ну да, вот она, на краю дороги, в глубоком кювете, скособоченная, увязшая, припорошенная снегом «Победа», а рядом с нею стоит неживым черным столбом человек с воздетой голосующей рукой — он так и замерз в этой позе, подняв руку...

Нет-нет, вспомнил Алеша, не может быть, какая чушь, уже на следующий день после этого происшествия новенькую «Победу», всю до крыши измазанную в глине, трактор приволок на тропе к зданию редакции, а за рулем машины сидел смущенно улыбающийся Егор. Нет-нет, это просто куча вывороченных корявых пней свалена в кювет у дороги, чтоб забрали, кому надо на топку, а никому не надо, тут

лесу и так всем хватает, и один из корней, торчащий вверх, показался Алексею поднятой рукой человека... проехали.

Теперь уже до города оставалось совсем немного. Это на катере путь был томителен и долгов, еще с поминутными остановками, а на машине вон как быстро, с ветерком... но этот лютый ветерок заставил его опять прикинуть к брезенту, распластаться, вжаться в пружинистую паклю; вот кабы можно было зарыться в нее, залезть, как в медвежью нору, пересидеть там мороз, переспать зиму, посасывая собственную лапу, ах, как славно бы было, но он не мог туда проникнуть, потому что мешал брезент, стянутый поверху толстыми канатами, за которые держались руки Алексея, настолько занемевшие, что казались ему чужими — они сами по себе, ишь, вцепились, а он сам по себе.

Он попытался раскошегарить в себе новую злость, чтобы опять согреться, почувствовать горячие токи крови, но теперь ему это не удавалось, то ли злость иссякла, перегорела, вышла дымом, то ли она тоже замерзла насквозь и ее не брала никакая искра.

Вдруг он услышал, что ветер, несшийся навстречу во всю свою распахнутую ширь, как бы сузился, сжался, войдя в огороженное тесное русло, а гул машины оброс с обеих сторон прерывистым эхом.

Он вскинулся: неужели — так мгновенно — город?

Или он все-таки неосторожно заснул?

Нет, он не спал, а лишь погрузился на некий срок в дремотное забытие, в тот спасительный анабиоз, о котором мечтал, — и сразу воспрянул, как только возник этот другой ветер и новый звук.

Но это еще не был город.

Они проезжали какую-то попутную деревеньку. Черные низкорослые избы ушли в землю, их маленькие окошки, в которых кое-где теплился желтый свет, едва приподнимались над уровнем дороги. Однако Алеша помнил, что здешние избы никогда не бываю приземисты и окошки их обычно прорезаны на изрядной высоте, нет, они не погрузились в землю, а, наоборот, земля взошла, как тесто, под самые окна, перекрывая пластами наметенного снега, сугробами, один венец за другим, — вон сколько выпало снегу, пока он был в отлучке.

Прясла огородов за домами тоже канули в снега, и там сразу угадывался обрыв, а за ним — Алексею хорошо было видно отсюда, с копны, с верхотуры, — открывался простор, где черные полосы леса перемежались белыми полосами рек. Ему показалось, что он узнает чередование этих полос: вот одна белая река, таясь за черными лесами, бежит попутно другой реке, то приближаясь, почти касаясь белым белого, снегом снега, то сторонясь, отдаляясь в испуге; но оба русла где-то подо льдами все же стягивает неумолимое предопределение, согласно которому даже замерзшие реки сливаются, впадают одна в другую, и в том лишь вопрос, какая какую вберет в себя, поглотит, подчинит и назовет собою... Он отлично помнил это место, где сливаются две реки.

Да ведь это Слобода!.. Он не узнал ее сразу лишь потому, что еще никогда не въезжал сюда с этой стороны: то он шел сюда пешком из города, то подплывал с реки, а отсюда, извне, ни разу.

Какую же Десятую они проезжают? Седьмую, Шестую, Пятую — ведь он никогда не вел им обратного счета. Сейчас слева мог показаться дом Истоминых, тоже погребенный в снегах, и он через несколько минут мог бы уже взбежать, топоча, на крыльцо, застучать погромче в дверь, перебудить всех и в доме и в округе, а пусть, — ему откроют, и он, замерзший до полусмерти, сразу окунется в духмяное тепло, скрипнет дверь той комнаты, где живет Клара, оттуда выплывет трепетный огонек свечи, заслоненный ее ладонью, покажется она сама — сонная, в белой рубахе, сползшей с плеча, в разметавшихся

густых волосах, — он бросится к ней, не боясь ничьих сторонних глаз, будь то мать или кошка, обнимет ее, и хотя он на этом ледяном пути замерз до полусмерти, втолкнет ее в ее комнатенку и захлопнет за собою дверь...

Нужно было остановить машину во что бы то ни стало! Но как? Алексей что есть силы замолотил кулаками по брезенту, на котором лежал распятый, однако он даже сам не слышал этого колоченья, звук уходил в толщу пакли, сразу же теряясь там, поглощаясь глухо и бесповоротно. Он колотил руками и ногами, рискуя слететь при первом же повороте или торможении, но это было напрасно, впустую, хоть бейся лбом — все равно не слышно.

Тогда он, цепляясь за канаты, пополз вперед, туда, где копна выпукло нависала над шоферской кабиной, — крыша кабины была далеко внизу, руками до нее не дотянуться, значит, следовало повернуться задом и, осторожно спустив ноги, застучать ими в железную крышу...

Но тут Алексей увидел, что они уже проехали Слободу — все какие в ней есть Десяты, — замелькали столбы уличных фонарей, умножились, накалились окна домов, и уже один ряд окон ложился поверх другого ряда, образуя этажи, — они въезжали в город.

И он лишь сейчас спохватился, что там, в Спас-Погосте, сговорившись с водителем и в радости полезши на верхотуру — лишь бы взяли, не передумали, — он забыл сказать шоферу, куда же именно следует его доставить в городе. Ему надо было в центр, прямо к гостинице, где его ждал удобный, теплый и чистый номер с пышной кроватью и письменным столом, на котором в углу была лампа с зеленым матовым колпаком. Ему нужно было туда... А вот куда нужно шоферу и экспедитору, который с ним?

Машина неслась по улице, не сбавляя скорости. Куда? Куда они едут?.. Сказали, что едут в город, но ведь город — понятие растяжимое: вон как далеко и во все стороны, пересекаясь, растянулись его улицы! Город — слишком обширное понятие, когда это большой город: тут есть и центр, есть и окраины, есть и предместья. Лично ему нужно в центр, а им куда?.. Вероятно, они едут в гараж, а гаражи почти всегда ютятся на задворках. Или же на склад — ведь они везут груз, вот эту копну, эту паклю, а склады, как правило, вообще расположены за городом, на околицах, у черта на куличках. Увезут, а от туда бреди с чемоданом обратно пешком через весь город...

Но все равно он никак не мог подать сигнал водителю, что ему пора слезать, что он уже на месте, что он приехал. Оставалось лишь покориться своей участи и ждать, где тот сам остановится, докуда сам докатит. Оставалось лишь радоваться, что путь окончен, что все-таки ему удалось добраться до Города-на-Реке не завтра, а сегодня.

Он уже узнавал знакомые очертания зданий: четко отесанный куб театра, угловую академическую ротонду, институт, как две капли воды похожий на его институт в Химках, строгую колоннаду казенного дома, пожарную каланчу, развернутые крылья Дома печати, кварталы жилых домов — все тут было в камне, основательно, внушительно, надежно.

Вслушавшись, он уловил взволнованные и гулкие удары сердца в груди, услышал в себе возвышенное и благоговейное, подобное молитве: «Город... город...»
